

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXX. № 9.—СЕНТЯБРЬ. 1890 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть II—неофициальная.		СТРАН.
I. Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Сочиненіе, удостоенное золотой медали. — Кандидата И. Арабамина	1—80	
II. Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто. — Профессора Н. Дашкевича	111—238	
III. Курсъ государственнаго благоустройства (полит. права) — Проф. А. Антоновича	1—VIII+289—312	
IV. Замѣтка о международныхъ трактатахъ и международномъ частномъ правѣ. — Профессора О. Эйхельмана	1—12	СТРАН.
V. Очерки изъ лекцій по Русскому государственному праву. — Проф. О. Эйхельмана	159—190	
—		
Прибавленіе.		
Таблицы метеорологическихъ наблюденій за мартъ и апрѣль 1890 года.		
—		

К І Е В Ъ.

1890.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

№ 9.—СЕНТЯБРЬ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра.
Кіевское отдѣленіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ.
1890.

PSlav 392.10

51*17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Часть II— неофіціальная.

I. Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность.
Сочиненіе, удостоенное золотой медали. — Кандидата
Н. Арабажина	1—80
II. Рыцарскій эпосъ въ Италіи послѣ Аріосто.—Профессора
Н. Дашкевича	111—238
III. Курсъ государственнаго благоустройства (полицейскаго
права).—Профессора А. Антоновича	I—VIII+289—312
IV. Замѣтка о международныхъ трактатахъ и международ-
номъ частномъ правѣ.—Профессора О. Эйхельмана	1—12
V. Очерки изъ лекцій по Русскому государственному пра-
ву.—Профессора О. Эйхельмана	159—190

Прибавленіе.

Таблицы метеорологическихъ наблюденій за мартъ и
апрѣль 1890 года.

Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность.

Изслѣдованіе кандидата Н. И. Арабамина.

Г Л А В А I.

«Un des plus sûrs moyens de ne rien faire, est de toujours craindre de mal faire».

Weiss.

Биографическій очеркъ.

I. Дѣтство. Пребываніе въ народной школѣ. Учитель. Главное училище въ Тарновѣ. Гимназія. Первые годы жизни въ Тарновѣ. Переѣздъ въ Краковъ. Кружокъ Андрея Бродзинскаго. Смерть отца. Жизнь у мачехи; первая стихотворныя попытки. Лѣто въ Войничѣ. Увлеченіе Геснеромъ; первая любовь. Вторичное вступленіе въ Тарновскую гимназію. Запрещенныя книги. Сближеніе съ учителями Шмитомъ и Парчевскимъ. Друзья. Литературныя успѣхи. Письмо къ Альбертанди. Гимнъ. Поступленіе въ университетъ и вступленіе въ ряды войскъ. II. Дружба съ Реклевскимъ и жизнь въ Краковѣ. Модлинъ. Походы, плѣнъ, отставка и переѣздъ въ Варшаву. III. Служба въ Варшавѣ. Первые литературныя успѣхи. Участіе въ масонской ложѣ. Сотрудничество въ „Pam. Warsz.“ Сближеніе съ профессорскимъ кругомъ. „Rozprawa o klaszyczości“. Педагогическая дѣятельность. 1-е два тома произведеній Бродзинскаго. Отношеніе критики. Положеніе Бродзинскаго въ средѣ романтиковъ и классиковъ. Профессорская дѣятельность. Редактированіе „Pam. Warsz.“ Путешествіе за границу. Женитьба. Участіе въ революціи 1830—1831 года. IV. Послѣдніе годы жизни Бродзинскаго. Заключеніе.

Биографія Бродзинскаго не богата внѣшними событіями. Въ силу особеннаго склада своего ума и характера Бродзинскій былъ мало расположенъ къ широкой общественной дѣятельности, полной всевозможныхъ треволненій, или къ блестящей карьерѣ политическаго дѣятеля.

Скромный кабинетный труженикъ, онъ провелъ большую часть жизни за своимъ рабочимъ столомъ, и только крайняя необходимость заставляла его покидать насиженное мѣсто. Всю молодость свою Бродзинскій провелъ въ *Галиціи*, и только событія 1809—1814 годовъ толкнули его въ омутъ военныхъ приключеній, заставили скитаться по разнымъ краямъ; съ 1814 года онъ навсегда поселился въ Варшавѣ, откуда выѣзжалъ только ради поправленія своего разстроенаго здоровья.

Мы считаемъ поэтому излишнимъ подробно останавливаться на внѣшнихъ событіяхъ жизни К. Бродзинскаго и, такъ-какъ и во внутренней жизни этого писателя мы не замѣчаемъ никакихъ рѣзкихъ, замѣтныхъ переходовъ, напротивъ — видимъ рѣдкое спокойствіе духовныхъ силъ, уже въ молодости пришедшихъ въ полное равновѣсіе, то и не считаемъ удобнымъ излагать, согласно принятому обычаю, литературную и научную дѣятельность К. Бродзинскаго непосредственно въ связи съ исторіей его жизни. Мы прямо сообщимъ біографію Бродзинскаго и затѣмъ перейдемъ къ рассмотрѣнію его литературной дѣятельности, что и доставитъ намъ весь необходимый матеріалъ для характеристики личности Бродзинскаго, какъ чловека, поэта и ученаго.

Казимиръ Бродзинскій родился 8-го марта 1791 года въ западной Галиціи въ селѣ *Королевка* Бохненскаго уѣзда, живописно раскинувшемся въ гористой мѣстности, вдоль притока *Ушвицы*, вытекающаго изъ-подъ руинъ Висницкаго замка. Къ селу примыкаютъ два приселка—Циховка и Муховка, и въ первомъ-то изъ нихъ и находилась помѣщичья усадьба Бродзинскихъ¹⁾. Отецъ Бродзинскаго былъ первоначально комиссаромъ (уполномоченнымъ) старосты Фридриха Мошинскаго въ Литинскомъ уѣздѣ, а впоследствии довольно крупнымъ помѣщикомъ, владѣвшимъ большимъ имѣніемъ, въ составъ котораго входила и *Королевка*. Такимъ образомъ онъ, повидимому, былъ дворянинъ, выслужившійся изъ чиновниковъ; впоследствии же,

¹⁾ *Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego*. Kraków. t. IV. Изъ этого же словаря мы узнаемъ, что довольно густо населенная Королевка—древнее поселеніе, и ея костѣль построенъ еще при Сигизмундѣ Августѣ въ 1569 году.

какъ извѣстно, благородство происхожденія Бродзинскаго находилось подѣ сомнѣніемъ ¹⁾. Его родная мать Франциска, урожденная Радзиковская, умерла въ 1794 году, когда Казимиру было всего три года; отецъ вскорѣ затѣмъ женился во второй разъ, и бѣдному мальчику пришлось испытать всю горечь положенія сироты, преслѣдуемаго невѣжественной, жестокой мачехой.

Тяжкія испытанія ранняго дѣтства наложили на всю жизнь Казимира Бродзинскаго особенную складку болѣзненной грусти и меланхоліи въ его характерѣ.

Это меланхолическое, грустное настроеніе характеризуетъ и его первыя поэтическія начинанія и объясняется исключительно грустными впечатлѣніями дѣтства, а не литературной манерой, считавшей меланхолію очень важнымъ условіемъ успѣха по литературнымъ понятіямъ начала этого вѣка.

Грусть была у Бродзинскаго вполнѣ искреннимъ настроеніемъ, а не раздражительностью, какъ напр. у Карамзина и у другихъ писателей сентиментальнаго и сентиментально-романтическаго направленія.

Тоска по матери, которой Казимиръ Бродзинскій и не могъ помнить, подсказала ему такія произведенія, какъ напр. „Элегія къ тѣни матери“ (1805); она же создала въ болѣзненно-развитомъ воображеніи мальчика какой-то полу-фантастическій образъ неземнаго существа, ангела-хранителя, къ которому онъ не разъ обращался со слезами на глазахъ въ своихъ горячихъ дѣтскихъ молитвахъ. Даже въ болѣе позднемъ возрастѣ воспоминанія о матери, такъ преждевременно утраченной, приводили его въ неподдѣльное волненіе и вызывали чувства глубокой горести и отчаянія.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Бродзинскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ о молодости“ ²⁾: „Матери своей я совсѣмъ не

¹⁾ Въ бумагахъ Бродзинскаго документовъ о его дворянствѣ не сохранилось; по крайней мѣрѣ въ своей университетской автобіографіи (Opis biegu życia profesora i naucz. szk. publ. w Królew. Polsk.) онъ говоритъ: „Dowodów szlachetstwa nie mam innych nad ten, że po zgonie ojca zostawałem pod opieką Forum nobilium w Tarnowie“. Вѣроятно, по недостатку документовъ Бродзинскій долгое время встречалъ затрудненія и по утверженію въ наслѣдствѣ (ibid.).

²⁾ Приводимый отрывокъ напечатанъ также у Ходзьба: „Wzmianka o życiu“, 5—14 стр., и у Крашевскаго: „Słowo o Kazim. Brodzińskim“, „Atheneum“ 1844 г., 28—35 стр. Дмоховскій приводитъ его въ сокращеніи („Bibl. Warsz.“ 1870. t. III).

помню: мнѣ было 5 лѣтъ, когда она умерла ¹⁾. Единственная сцена, которую я помню съ дѣтства, — похороны матери. Я помню, какъ будто это случилось вчера, все до мелочей: ея фигуру въ гробу, ея одѣяніе, катафалкъ, на которомъ она покоилась, пѣніе нищихъ надъ ея тѣломъ въ теченіи двухъ дней; помню также замѣчаніе ксендза-пробоца, который сказалъ намъ тогда: „Дѣти! будетъ васъ бить матека“.

„Позднѣе слуги и деревенскія бабы рассказывали мнѣ много о добротѣ моей матери; я очень любилъ ихъ рассказы и имъ исключительно обязанъ тою привязанностью къ матери, которая живетъ въ моемъ сердцѣ до сего дня.“

„Въ самыя грустныя минуты моей молодости я всегда обращался къ ней съ молитвой, какъ къ своему патрону: образъ усопшей на вѣки сохранился у меня въ памяти и всегда вызываетъ у меня чувства искренней грусти и почтенія.“

„Я видѣлъ ее одинъ разъ во снѣ, и этотъ сонъ надолго оставилъ во мнѣ живыя воспоминанія.“

„Мнѣ казалось, что я былъ въ какомъ-то большомъ костѣлѣ, и она стояла на хорахъ въ томъ самомъ уборѣ, въ какомъ была положена въ гробъ, среди толпы подобныхъ ей блѣдныхъ женъ, стояла тамъ и манила меня рукою.“

„Я вдругъ очутился на хорахъ, она сжала меня въ своихъ объятіяхъ, и душа моя исполнилась какого-то невыразимаго блаженства,—какъ вдругъ раздался изъ алтаря сильный голосъ:

„Requiescat in pace!“.

Онъ прервалъ мой сонъ, но еще долго потомъ звучалъ этотъ голосъ въ моихъ ушахъ.

„Въ очень юномъ возрастѣ я написалъ элегію „къ тѣни матери“, но теперь ея совершенно не припомню. Знаю, что писалъ ее плача, ночью, на окнѣ при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца. Братъ мой Андрей очень часто потомъ хвалилъ это первое мое произведеніе.“

„Не знаю, чувствовалъ-ли кто—нибудь даже изъ числа тѣхъ,

¹⁾ Поэтъ ошибся: ему было тогда только три года; мать умерла какъ разъ въ день своихъ именинъ 9-го марта 1794 года, а не 1796 года. Объ этомъ чит Nordyński „Lata szkolne K. Brodzińskiego“. „Kwart. Histor. 1888 r.“ стр. 1.

кто извѣдалъ самую горячую материнскую любовь, чувствовалъ-ли онъ сильнѣе, чѣмъ я, что такое мать!

„Имя матери было для меня съ дѣтскихъ лѣтъ самымъ святымъ и дорогимъ именемъ. Я не могъ подавить въ себѣ этихъ чувствъ, когда былъ свидѣтелемъ выраженія нѣжныхъ материнскихъ ласкъ и попеченій по отношенію къ моимъ товарищамъ. Не только къ матерямъ, но даже и къ товарищамъ, которыхъ я видѣлъ возлѣ ихъ матерей, я проникался какимъ-то страннымъ чувствомъ уваженія. Я почиталъ дѣтей, у которыхъ были матери, хотя бы они были бѣднѣе даже меня, какими-то высшими существами, созданными самой природой для счастья. Я ихъ любилъ главнымъ образомъ потому, что любилъ ихъ матерей.

„Сколько затаенныхъ, никому невѣдомыхъ слезъ пролилъ я изъ-за поцѣлуевъ матери своему ребенку; быть можетъ, это было дѣтское экальтивированное чувство, но его пойметъ каждый, кто не зналъ съ ранняго дѣтства материнскихъ объятій.

„Я постоянно стремился къ нимъ и былъ убѣжденъ въ душѣ, что заслуживаю чьей-то любви, но до позднихъ лѣтъ не зналъ ея. Не знать матери, которая одна только и можетъ дать воспитаніе сердца, не имѣть существа, съ которымъ можно бы было подѣлиться всѣми дѣтскими горестями и радостями, всѣми своими впечатлѣніями—это величайшее несчастье, это создаетъ какую-то особенную замкнутость въ самомъ себѣ, вызываетъ робость въ отношеніи къ людямъ, невниманіе къ собственному поведенію, къ хорошимъ и дурнымъ привычкамъ и т. д. И до сего дня я чувствую въ себѣ всѣ эти недостатки. И если бы сегодня встрѣтилось мнѣ такое существо, которое я могъ бы назвать своей матерью, я увѣренъ, что исповѣдался бы передъ ней, какъ дитя, во всемъ, во всемъ бы ей поклонился. Въ этомъ отношеніи я до сихъ поръ не считаю себя человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ.... Ко всякой женщинѣ, украшенной именемъ матери, я питаю отчасти чувства сыновней нѣжности и почтительности. Мнѣ кажется, что любить мать есть потребность человѣка, и кто не имѣетъ матери, тотъ ищетъ ее въ другихъ и хочетъ замѣнить себѣ такимъ образомъ неиспытанное чувство.

„Если мы знали мать, мы тоскуемъ, утративъ ее, также, какъ по родимому гнѣзду, гдѣ провели мы свою молодость; если же память не сохранила намъ ея образа, мы, удовлетворяя естественной

потребности, сами создаемъ чистую, свѣтлую мечту, бредимъ о матери, какъ о небесномъ раѣ или обѣтованной землѣ“.

Въ этомъ разсказѣ поэта мы находимъ въ зародышѣ всѣ тѣ черты, которыми опредѣляются и объясняются главныя особенности характера Бродзинскаго: нервная чувствительность, доведенная по замѣчанію Крашевскаго до какой-то мистичности, тоска, сердечные порывы, религіозность, доходящая до экстаза, пугливая робость всѣми забытаго и покинутаго бѣднаго сироты,—все это основныя черты его характера, опредѣляющія личность нашего поэта въ теченіи всей его жизни. Поэтъ вступалъ въ жизнь человѣкомъ уже надломленнымъ. Съ женственно-нѣжной душою ¹⁾, съ чувствомъ неестественно, болѣзненно развитымъ, съ сердцемъ, истерваннымъ преждевременными страданіями, Бродзинскій искалъ нѣжныхъ ласкъ матери, сочувствія, привѣта и всюду встрѣчалъ отталкивающую черствость людскаго эгоизма. Настроеніе людей, испытавшихъ тоже, что и Казимиръ Бродзинскій, всегда характеризуется страстными стремленіями къ тихимъ семейнымъ радостямъ, жаждою спокойствія и уютности при полномъ отвращеніи отъ всякой безпокойной общественной и политической дѣятельности. Такіе люди выходятъ обыкновенно скромными тружениками, неглубокими мыслителями, но искренне-религіозными людьми, вѣрующими въ добро и справедливость, горячо, хотя и узко, преданными интересамъ своей семьи и родины.

Мачеха не любила своего пасынка Казимира, какъ самаго хилаго и болѣзненнаго изъ всѣхъ дѣтей, оставшихся отъ перваго брака ея мужа; она часто была его, всячески обижала и гнала изъ дому. Отецъ ни во что не мѣшался: онъ былъ добрый, но крайне безхарактерный человѣкъ и въ домѣ ничего не значилъ; онъ цѣнилъ болѣе всего тишину и спокойствіе и предпочиталъ избѣгать семейныхъ передрагъ, удаляясь въ поле, гдѣ и отдыхалъ отъ семейнаго „счастья“, занимаясь пѣніемъ душеспасительныхъ латинскихъ псалмовъ.

Его второй бракъ былъ дѣломъ необходимости, заключенъ былъ поспѣшно и потому не представлялъ достаточныхъ гарантій

¹⁾ Бродзинскій сознается въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ „легче можетъ и до сихъ поръ войти въ положеніе женщины, чѣмъ мужчине“ „Przeгляд Naukowy“ 1844 г. № 20 стр. 49.

будущаго благополучія. Это была скорѣе торговая сдѣлка: немедленно по смерти первой жены Бродзинскій переѣхалъ въ сосѣднее съ Королевкой село *Липинцы*. Пять душъ дѣтей и большое хозяйство заставили его искать второй жены. Какъ разъ около этого же времени освободилось мѣсто священника въ Королевкѣ. Въ силу закона о патронатѣ утвержденіе зависитъ отъ помѣщика. Одинъ изъ болѣе энергичныхъ и смѣтливыхъ совсѣтателей предложилъ старику Бродзинскому содѣйствіе въ отысканіи жены, указавъ одну убогую и миловидную „паненку“ *Анну Тихгаузернъ*, самую бѣдную въ многочисленномъ семействѣ Тихгаузерновъ. Паненка понравилась отцу Бродзинскаго, и вотъ въ одинъ разъ было достигнуто три результата: отецъ получилъ жену, дѣти мачеху, а священникъ—выгодный приходъ, „на чемъ больше всѣхъ и выигралъ“, какъ замѣчаетъ не безъ ироніи Казимиръ Бродзинскій въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾.

Не безъ таланта изображаетъ намъ Казимиръ Бродзинскій типическую фигуру своей мачихи. Это была въ самомъ дѣлѣ замѣчательная особа. „Брюнетка, молодая еще, сначала скромная и покорная дѣвушка, она сразу измѣнилась въ замужествѣ, весь домъ превративши въ сущее пекло“. „На нѣсколько лѣтъ она успѣла стать страшилищемъ не только для дома, но для сосѣдей и цѣлаго села“. Пьянство съ самымъ необузданнымъ проявленіемъ страстей, полное отсутствіе всякой благовоспитанности при желаніи блистать своимъ дворянскимъ происхожденіемъ и обходительностью, необыкновенная болтливость, жажда наживы, стремленіе увеличить свое состояніе даже самыми нечестными способами—вотъ черты ея характера, составлявшія по мнѣнію Казимира Бродзинскаго еще не главные ея недостатки („*lekkie jej niedoskonałości*“).

Эта почтенная дама въ соединеніи съ безспорной хозяйственностью и практичностью проявляла рѣдкую энергію, доказывающую огромный избытокъ полученныхъ отъ природы силъ. Не получивъ ничего въ приданое, она тѣмъ не менѣе умудрилась изъ имѣнія мужа составить отдѣльное для себя состояніе. Жажда обогащенія и отсутствіе интересовъ обратили эту сварливую женщину на поприще всевозможныхъ процессовъ: съ приходомъ, съ громадой, съ сосѣдями, всюду, гдѣ встрѣчался малѣйшій къ тому поводъ,

¹⁾ Ibid. стр. 25.

судилась она съ неукротимой энергіей. Отъ постоянного обращенія въ средѣ адвокатовъ и судейскихъ она сама приобрѣла знатительныя юридическія познанія, настолько основательныя, что даже самихъ юристовъ забирала въ свои ручки.....

„Когда она приходила въ ярость, а это было часто,—повѣствуетъ Бродзинскій,—это была настоящая фурія. Никто тогда,—правый или виноватый, слуга или гость, дѣти или мужъ,—никто и ни въ одномъ уголку дома не могъ считать себя въ безопасности. Она работала тогда въ одинаковой мѣрѣ какъ пинками и толчками, такъ и крикомъ. Далеко по селу разносились ея хозяйственные вопли. Ругательства, битье крестьянъ и дворовыхъ, бросаніе вещами въ отца, предусмотрительно уходившаго въ такіе моменты изъ дому, были неизбѣжными проявленіями ея чрезмѣрной энергіи. Сцены неистовства смѣнялись драматическими попытками представить себя несчастной мученицей. Тогда упаковывались вещи, и все приготовлялось къ отъѣзду съ цѣлью навсегда покинуть неблагодарный домъ; въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣло кончалось перенесеніемъ ея постели изъ общей супружеской спальни въ другую комнату“... ¹⁾

Нечего и говорить, что такого закала личность ни передъ чѣмъ не останавливалась;—такъ напр., когда умирающимъ Бродзинскимъ—отцомъ было составлено завѣщаніе, эта рѣшительная женщина, недовольная содержаніемъ его, пришла въ такую ярость, что, не стѣсняясь присутствіемъ священника и другихъ постороннихъ лицъ, сдирала со стѣнъ картины и иконы и съ гнѣвомъ бросала ихъ къ постели умирающаго.... ²⁾

Такова была мачеха Бродзинскаго, и въ изображеніи этой энергичной, страстной женщины, крикливой и жестокой, но настойчивой и неутомимой хозяйки, хотя неглупой, но невѣжественной, нельзя не усмотрѣть много чертъ, родственныхъ и типамъ русской жизни ³⁾.

Со своими пасынками мачеха, конечно, нисколько не церемонилась. Дома они почти-что не жили. Лѣтомъ ихъ помѣщеніемъ была стодоля, зимою—изба одного крестьянина. Когда они были

¹⁾ Ibid. 26.

²⁾ Ibid. 79 стр.

³⁾ Сравни *М. Е. Самыкова*: „Помехонская Старина“ или Марью Алексѣевну въ извѣстномъ романѣ 60-хъ годовъ.

больны, они лежали въ кухнѣ, и никто изъ слугъ не могъ приблизиться къ нимъ, чтобы не заразить дочери мачехи. Ухаживали за ними крестьянскія бабы, проникавшіяся жалостью къ бѣднымъ сиротамъ.... Старика Бродзинскаго крестьяне любили и тайно отъ мачехи приносили дѣтамъ его плоды и овощи. Съ особенной признательностью вспоминаетъ Казимиръ Бродзинскій старуху Розу, вынянчившую и его самого, и его братьевъ¹⁾).

Но вообще надзора за нимъ не было, и до 11 лѣтъ Бродзинскій былъ совершенно свободенъ и могъ проводить время, гдѣ и какъ угодно. А гулять было гдѣ: кто бывалъ въ Карпатахъ, тотъ знаетъ, какіе чудные уголки встрѣчаются въ этихъ живописныхъ горахъ! Вотъ какъ описываетъ эту мѣстность самъ Бродзинскій: „Домикъ, въ которомъ жилъ мой отецъ, лежалъ въ долинѣ, окаймленной небольшою рѣчкой, выбѣгавшей изъ горъ и шумѣвшей послѣ каждаго дождя сильнымъ потокомъ, быстро несшимся среди горъ и скалъ по каменистому ложу своему. Вокругъ повсюду раскинулись на горахъ хаты, всѣ въ садахъ, представлявшія особенно красивый видъ весною. На востокъ отъ нашего дома, сейчасъ за подворьемъ и прудомъ, лежалъ большой лугъ съ криницей, заросшей кустарникомъ и травой—пристанище птицъ и бабочекъ. За лугомъ виднѣлася водяная мельница, наполнявшая шумомъ широкую долину; за нимъ тянулись усаженные вербами улицы, на которыхъ возились и играли крестьянскія дѣти, оживлявшія своимъ весельемъ и визгомъ пицалокъ чарующее спокойствіе мѣстности; по сторонамъ тянулись длинныя гряды горъ, поднимающихся все выше и выше, такъ— что въ ясный день вознесшися къ небу вершины Карпатъ, казалось, граничили съ концомъ свѣта. Дорога, идущая по хребту горъ, была вѣчно оживлена видомъ спускавшихся внизъ возовъ; за полями виднѣлся прекрасный еловый лѣсъ, теряющійся въ синей дали. Съ другой стороны двора два дуба необыкновенной величины господствовали надъ всѣмъ поселкомъ; за ними въ верстѣ разстоянія на возвышеніи виднѣлось мѣстечко *Литница* со своими тремя древними костелами, куда вела дорога, усаженная вербами, а также тропинка, идущая лугомъ черезъ кладбище“²⁾).

1) „Przegl. N.“ 1844, № 20, 42 стр.

2) Ibid. 43 стр.

Чудная природа не могла не оставить сильного впечатлѣнія на Бродзинскомъ, что и отразилось на нѣсколькихъ поэтическихъ картинахъ въ его произведеніяхъ ¹⁾.

Убѣгая отъ побоевъ и жестокости мачехи, Казимиръ Бродзинскій имѣлъ передъ собой необозримый просторъ лѣсовъ и полей, гдѣ онъ и пропадалъ по цѣлымъ днямъ, находя затѣмъ пріютъ и кусокъ хлѣба у крестьянъ.

Знакомство съ крестьянами, столь рѣдкое въ писателяхъ того времени, не могло не оставить извѣстнаго слѣда (слабаго, впрочемъ) въ развитіи Бродзинскаго ²⁾, но оно не дало ему яснаго представленія о реальномъ крестьянскомъ бытѣ и его пониманія. Правда, онъ съ удовольствіемъ слушалъ простыя мужицкія рѣчи, забавы ради научился ходить за сохой, умѣлъ править лошадыю, когда нужно было перевести ее на другую борозду; деревенскій гончаръ позволялъ ему иногда испытать свои знанія и ловкость въ своемъ ремеслѣ и даже размышлялъ съ мальчикомъ о томъ, что гораздо—молъ лучше работать, трудиться съ утра до вечера, чѣмъ быть сиротой у мачехи, которая „непремѣнно выгонитъ его по смерти отца“ ³⁾; но все это по нашему мнѣнію не могло особенно содѣйствовать развитію мальчика и его знакомству съ крестьянскимъ бытомъ. Мальчикъ радъ былъ вырваться на свободу изъ дому, а когда, проголодавшись и продрогнувши отъ холода, послѣ долгихъ скитаній по полямъ и лѣсамъ, онъ находилъ пріютъ въ крестьянской семьѣ, гдѣ обогрѣвался и съ аппетитомъ съѣдалъ радушно предложенный ему кусокъ черстваго хлѣба, онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ, крестьяне казались ему такими хорошими, добрыми людьми, вполне довольными, конечно, своимъ положеніемъ. Мысль о несчастной крестьянской долѣ, безспорно, и въ голову не приходила маленькому бѣглецу.

Бродзинскій очень любилъ посѣщать крестьянскіе праздники и былъ неизбѣжнымъ гостемъ на всѣхъ „весельяхъ“, которыя и описываетъ съ любовью ⁴⁾. Такая обстановка пріучила его видѣть въ крестьянинѣ прежде всего человѣка, который свободно, съ удоволь-

¹⁾ Напр. въ повѣсть „Oldyna“.

²⁾ Чит. его „Dzie dzie z Jodłowa“.

³⁾ „Wspomnienia“. Также у *L. Siemińskiego*. „Żywot K. B-ego“. t. VIII 181 стр.

⁴⁾ „*Pat. Nauk.*“ 1844. № 21: „Wspomnienia“.

ствіемъ подъ звуки пѣсенъ отдается своимъ занятіямъ и радостямъ, въ семьѣ котораго можно провести время гораздо спокойнѣе и отраднѣе, чѣмъ у мачехи; вполне естественно, что о крестьянскомъ бытѣ у Бродзинскаго слагались самыя розовыя картины ¹⁾.

Знакомство съ крестьянами, постоянное пребываніе въ ихъ средѣ сдѣлало Казимира по его собственному признанію человѣкомъ робкимъ со всѣми тѣми, кто не принадлежалъ къ крестьянству, и отъ этой робости онъ не могъ исправиться даже въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ „чувствовалъ это сильнѣе всякихъ другихъ страданій“, и это, по его мнѣнію, было главной причиной всѣхъ его недостатковъ и жизненныхъ неудачъ ²⁾.

Во всякомъ случаѣ радушіе и доброта крестьянъ внушили Бродзинскому чувства признательности и симпатіи къ простому люду, который „*всѣхъ насъ поитъ и кормитъ, а прійдетъ война—онъ же проливаетъ за насъ кровь*“ ³⁾.

Среди крестьянъ Бродзинскій познакомился съ народной поэзіей. Онъ съ жадностью внималъ рассказамъ своей няньки Розы и деревенскихъ бабъ о разныхъ „страхахъ“ и привидѣніяхъ, съ удовольствіемъ слушалъ сказки; все это при болѣзненно-развитомъ воображеніи не могло не наполнить его фантазіи образами страшныхъ чудовищъ, привидѣній, русалокъ, упырей, и такъ-какъ умъ его былъ засоренъ всякаго рода предрасудками, то неудивительно, что все это развило въ характерѣ Бродзинскаго сильную пугливость, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться въ теченіи всей своей жизни.

Здѣсь мы вступаемъ уже въ область совершенно романтическихъ условій развитія ребенка. Реакція просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, вызвавшая то сложное настроеніе общества, которое мы называемъ романтизмомъ, направила нѣкоторую часть молодого поколѣнія въ комнату нянекъ и мамокъ, замѣнившихъ собою французовъ—воспитателей, и „здѣсь-то и зародилась, по мнѣнію Брандеса, настоящая романтическая поэзія“ ⁴⁾.

¹⁾ Чит. его „*Pieśni Rolników*“; какъ образецъ, могутъ служить и его идилліи (даже „*Wiestaw*“).

²⁾ Робость и удивительная скромность были, по нашему мнѣнію, главной причиной всѣхъ житейскихъ успѣховъ Бродзинскаго.

³⁾ Чит. стих. „*Chłopek*“.

⁴⁾ Брандесъ. „Главн. теченія“ стр. 147 (мы имѣли подъ руками только русскій переводъ этого произведенія).

Изъ воспоминаній романтика Одынца мы знаемъ, что точно также, какъ Бродзинскій среди крестьянъ, Одынецъ среди нянекъ и кормилицъ провелъ ранніе годы дѣтства и тутъ-то и познакомился съ народной поэзіей ¹⁾. Но на Бродзинскомъ это вліяніе народной стихіи сказалось еще довольно слабо; правда, оно оставило свой значительный слѣдъ въ характерѣ поэта, но почти ничѣмъ не проявилось въ его поэтической дѣятельности, въ которой совсѣмъ еще нѣтъ фантастическаго элемента.

Впрочемъ, народные рассказы пробудили любознательность мальчика, пытливость его души. Подобно народному поэту Шевченку, искавшему конецъ свѣта за ближайшими горами ²⁾, и нашъ юный поэтъ устремляетъ свои пытливые взоры на синѣющія въ туманной дали вершины Карпатъ, казавшіяся ему „границей земли“. За разъясненіями по этому поводу онъ обращается къ одному „мудрому господарю“ и его почтенной супругѣ.

„Господарь“ былъ человѣкомъ бывалымъ, служилъ въ „жолнѣрахъ“, исходилъ много странъ, видѣлъ много народовъ и былъ не прочь въ свободное время прихвастнуть своими похождениями. Нечего и говорить, что для обоихъ Бродзинскихъ—Казимира и его старшаго брата Андрея, этотъ бывалый отставной солдатъ казался кладземъ мудрости....

Изда его прилегала къ панскому двору, и здѣсь оба брата проводили долгіе зимніе вечера.

Жена не отставала отъ своего мужа, и вмѣстѣ они рассказывали своимъ довѣрчивымъ слушателямъ всевозможныя чудеса о чужихъ краяхъ ³⁾.

Всѣ эти рассказы побудили братьевъ Бродзинскихъ сочинить прозекъ путешествія по чужимъ краямъ. Проектъ „въ принципѣ“ былъ одобренъ и „мудрымъ господаремъ“. Остановка была за малымъ—у молодыхъ путешественниковъ не было денегъ, а значеніе оныхъ успѣлъ уже должнымъ образомъ разъяснить имъ ихъ менторъ.

¹⁾ *Odyńciec*. „Wspomnienia z przeszłości“. Warsz. 86. стр. 19 и слѣдующ.

²⁾ *Чайкый*. „Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка“. К. 82. стр. 9.

³⁾ Весь нижеприводимый эпизодъ не безъ добродушія передаетъ Бродзинскій въ своихъ воспоминаніяхъ. Онъ же приводится и у *Семенскаго*, VIII. 182; у *Гордымскаго*. стр. 3.

Онъ же разсказалъ имъ о чудесныхъ свойствахъ венгерскихъ „trzygroszniaków“ и обязательно сообщилъ любознательнымъ путешественникамъ, что таковыя лежатъ въ достаточномъ количествѣ въ сундукѣ ихъ отца, въ задней нежилой комнатѣ. Въ скоромъ времени довольно значительная сумма этихъ „trzygroszniaków“ перешла при посредствѣ братьевъ Бродзинскихъ въ руки господара, доставивъ ему возможность ежедневныхъ путешествій въ теченіи цѣлыхъ трехъ недѣль—въ ближайшую корчму. Въ силу такихъ обстоятельствъ, само собою разумѣется, затѣянное братьями путешествіе въ болѣе отдаленныя страны состояться не могло.

Дѣтская фантазія развивалась у Казимира и Андрея Бродзинскихъ еще подѣ влияніемъ иного источника—религіознаго чувства мальчиковъ, очень сильно возбужденнаго и развитаго съ ранняго дѣтства подѣ влияніемъ шѣтета къ тѣни усопшей матери.

Они устроили свой „приходъ“ (парафію) изъ крестьянскихъ дѣтей, и любимыхъ ихъ занятіемъ было отправленіе богослуженія въ помѣщеніи одного стараго сарая ¹⁾.

Старшій братъ исполнялъ обыкновенно роль священника и служилъ въ костюмѣ, украшенномъ золотой бумагой; Казимиръ прислуживалъ ему съ колокольчикомъ. Толпа крестьянскихъ дѣтей представляла прихожанъ.

Такимъ образомъ не военныя игры, составляющія обычную забаву дѣтей, не оружіе и блестящіе мундиры привлекали Бродзинскихъ, а церковная служба, колокольчикъ, ризы и другія принадлежности религіозныхъ церемоній. Это очень характерная черта! Религіозное чувство согрѣвало сердце бѣднаго Казимира, лишеннаго материнскихъ ласкъ; церковныя обряды поражали его фантазію своею торжественностью и блескомъ;—все это создало какую-то нервную экзальтированность религіознаго чувства. Когда нѣсколько лѣтъ позднѣе мальчикъ досталъ среди старыхъ книгъ отца „*Żywoty Śs. polskich*“, его душа воспылала жаждой страданій и мукъ за вѣру Христову, стремленіемъ къ чудесамъ.

„Чуда! и я хочу творить чудеса!“ не разъ восклицалъ онъ подѣ влияніемъ религіознаго возбужденія.

¹⁾ Изъ біографіи *Карпинскаго* извѣстно, что въ молодости онъ мечталъ объ отшельнической жизни, хотѣлъ поселиться гдѣ-нибудь въ недоступномъ бору, собирать корни и жолуди для ѣды, или претерпѣть муки за вѣру и т. д.

Въ 1796 или 1797 году Казимиръ былъ отданъ въ начальную школу въ *Литвицы*, куда, какъ мы сказали уже, переѣхалъ его отецъ вскорѣ послѣ смерти своей первой жены.

Семилѣтнему, или даже шестилѣтнему ребенку пришлось здѣсь испытать всѣ прелести нѣмецкой школьной дисциплины и нѣмецкихъ порядковъ. Съ 1772 года Галиція, какъ извѣстно, по раздѣлу досталась Австріи. Случилось такъ, что австрійское правительство на первыхъ порахъ больше интересовалась русскою частью края, чѣмъ польскою. Особенно извѣстенъ въ этомъ отношеніи Іосифъ II, имя котораго и до сихъ поръ съ признательностью произносится русинами ¹⁾. Онъ старался вездѣ, гдѣ это было возможно, выдвинуть русскій элементъ въ противовѣсъ польскому, обратилъ вниманіе на нужды униатскаго духовенства, заботился объ открытіи духовныхъ семинарій, открылъ въ 1784 г. университетъ (во Львовѣ), гдѣ лекціи читались на русскомъ языкѣ; одновременно былъ предпринятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію участи крестьянства, и, между прочимъ, дѣтямъ крестьянъ былъ открытъ доступъ во всѣ австрійскія учебныя заведенія, а униатскому духовенству позволено было открывать при церквяхъ народныя школы. Все это дѣлалось, конечно, съ германизаторскими цѣлями, тѣмъ не менѣе безпорно, что польская народность въ обѣихъ частяхъ Галиціи, польскій языкъ, литература и науки на народномъ языкѣ были стѣснены въ ихъ естественномъ развитіи. Неудивительно, что въ нѣмецкой народной школѣ, въ которой учителемъ былъ чиновникъ и нѣмецъ, мальчикамъ—полякамъ не особенно-то хорошо жилось. Ни слова не понимая по-нѣмецки, Казимиръ Бродзинскій долженъ былъ выслушивать въ такой школѣ наставленія весьма страннаго учителя. Это былъ любопытнѣйшій типъ нѣмецкаго педагога. „Волосы падали у него съ головы длинными завитыми пасмами, совершенно закрывая уши, а узкій лобъ завершался широкимъ носомъ и необыкновенно нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ грозно глядѣли огромныя выпученныя глаза“. Ученики питали необыкновенное почтеніе не столько къ самому „пану профессору“, сколько къ его длинному вышитому камзолу съ большими костяными пуговицами и его линейкѣ, которую учитель, какъ знакъ своей „профессорской“ власти, никогда не выпускалъ изъ рукъ. Марцинъ Дембскій, какъ звали страшнаго це-

¹⁾ Чит. Б. Дюдицкаго. „Зоря Галицкая яко альбулз“ 1861.

дагога, обучалъ чтенію, письму, начальнымъ правиламъ ариметики и Закону Божію. Основнымъ педагогическимъ приѣмомъ для воздѣйствія на своихъ питомцевъ онъ признавалъ березовые прутья, въ чемъ и можно было убѣдиться изъ внутренняго убранства школы, представлявшей, по выраженію Бродзинскаго, „widok okropny“. По серединѣ залы висѣло большое деревянное распятіе, а за него были затѣнуты огромный пукъ розогъ и линейка; „это былъ образъ школьныхъ страданій!“ Розги приготовляла заранѣе сама „pani profesogowa“, которая могла съ успѣхомъ служить „изображеніемъ смерти“. „Худая, высокая, съ необыкновенно—длинной таліей, она сидѣла по утрамъ у порога, и дѣти видѣли, какъ она обрѣзала березовые прутья и потомъ погружала ихъ въ воду, что должно было придать розгамъ особенную гибкость. Передъ началомъ уроковъ, самъ „панъ профессоръ“ пробовалъ эти розги, и онѣ издавали „устрашающій свистъ“.

Свѣченіе было постояннымъ занятіемъ учителя и, хотя, „кричать было строго воспрещено“, но неразъ раздирающіе душу крики наказуемыхъ вызывали на сцену матерей, энергическое вмѣшательство которыхъ прекращало экзекуцію ¹⁾.

Занятія въ такой школѣ, конечно, не могли принести никакой пользы, тѣмъ болѣе, что учитель состоялъ одновременно писцомъ въ магистратѣ и очень часто отлучался во время уроковъ ²⁾. Казимиру Бродзинскому пришлось особенно плохо въ этомъ училищѣ; другія дѣти находили по крайней мѣрѣ утѣшеніе дома, куда возвращались каждый день по окончаніи уроковъ; Казимиръ не имѣлъ и этого утѣшенія. Никто дома не заботился о немъ, предоставляя ему полный просторъ и свободу дѣйствій, и потому онъ рѣдко возвращался домой, особенно въ зимнее время, когда огромные сугробы снѣга дѣлали такое возвращеніе далеко небезопаснымъ. Въ школѣ дѣти раздѣлялись на двѣ партіи: мѣщанъ и крестьянъ. Интересно то обстоятельство, что Бродзинскій присталъ къ партіи крестьянскихъ дѣтей и даже съ „нѣкоторыми изъ нихъ искренно подружился“.

Прошло три года со дня поступленія Бродзинскаго въ первоначальную школу; съ грѣхомъ пополамъ научился онъ читать и писать по-польски и по-нѣмецки. Большихъ свѣдѣній онъ не могъ

¹⁾ „Wspomnienia mej młodości“, 43 стр. Id. Siemiński 181 стр. и др.

²⁾ Ibid. 44.

приобрѣсти въ этой школѣ; поэтому въ 1800 году отецъ отправляетъ К. Бродзинскаго въ главное училище въ *Тарновъ* (*Städtische или Hauptschule* ¹⁾). Программа училища была почти та-же, что и въ первоначальной школѣ, но предметы преподавались гораздо систематичнѣе и съ большимъ толкомъ. Училище было раздѣлено на три класса, и каждымъ завѣдывалъ отдѣльный учитель. Всѣ предметы, кромѣ Закона Божія, преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, такъ-что и здѣсь Казимиръ Бродзинскій долгое время ничего не понималъ. Въ общемъ учебная часть стояла все-таки весьма неудовлетворительно. По выраженію австрійской императрицы Маріи Терезіи такія учебныя заведенія были собственно говоря „ein Politicum“ ²⁾, и потому ученіе было направлено къ двумъ цѣлямъ: воспитать молодежь въ идеяхъ государственности и католицизма; школа должна быть аванпостомъ германизациі. Разъ въ дѣло воспитанія была внесена политика, это неизбѣжно отражалось и на ученикахъ; они дѣлились на двѣ враждебныя группы—поляковъ и нѣмцевъ. „Бить нѣмцевъ“ считалось достойнымъ cadaго порядочнаго ученика—поляка.

Какъ ни тяжелы были условія ученія въ этомъ училищѣ, К. Бродзинскій выдержалъ ихъ съ честью; въ 1803 году онъ окончилъ курсъ ученія и перешелъ въ Тарновскую гимназію.

Программа гимназій была очень велика. Здѣсь проходили курсъ Закона Божія, исторіи всеобщую и естественную, ариметику, алгебру, геометрію, географію, стилистику, латинскій и греческій языки, римскія древности, читали отрывки изъ классическихъ писателей, требовали письменныхъ работъ по нимъ, учили вкратцѣ также и логику (о силлогизмахъ). Главное вниманіе было обращено на латинскій языкъ, на которомъ молодежь обязана была даже говорить; экзамены производились два раза въ годъ, и контроль былъ довольно строгій, хотя успѣхи по латинскому языку всегда оправдывали слабые результаты занятій по другимъ предметамъ. Всѣхъ классовъ было пять, изъ нихъ два высшіе: „*humaniora*“ и „*rethorica poëtica*“; каждый имѣлъ своихъ профессоровъ, которыми были либо нѣмцы, либо люди совершенно индифферентные въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ. Такъ-какъ гимназія и другія учебныя заведенія имѣли

¹⁾ *Hordynski* „Lata szkolne K. B—ego“, „Kwart. Hist.“ 1888.

²⁾ *Ibid.*

въ виду правительственныя политическія цѣли, то завѣдываніе гимназіей находилось въ рукахъ полиціи: исправникъ (староста) уѣзда былъ въ то же время и директоромъ гимназіи! ¹⁾). Въ то время, когда Казимиръ Бродзинскій былъ въ гимназіи, директоромъ былъ Изидоръ Хросцинскій, добросовѣстный и исполнительный чиновникъ, большой формалистъ, совершенно лояльный „австріякъ“. Онъ требовалъ отъ учителей добросовѣстнаго исполненія ихъ обязанностей, а отъ учениковъ строгаго повиновенія правиламъ; съ одинаковымъ рвеніемъ заботился онъ о чистотѣ стѣнъ, половъ и лавокъ, какъ и о приобрѣтеніи новыхъ книжекъ въ бібліотеку, физическихъ приборовъ и т. д.; словомъ, это былъ еще не дурной человѣкъ и сносный директоръ. Само собою разумѣется, что преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ. Къ развитію своихъ учениковъ гимназія относилась, конечно, вполне формально.

Первые два года пребыванія въ Тарновѣ были для братьевъ Бродзинскихъ временемъ тяжелыхъ испытаній и матеріальныхъ лишеній. Ихъ отецъ старался о томъ, какъ бы содержаніе дѣтей стоило возможно дешевле; къ тому же онъ считалъ себя, да и всѣ считали его, достаточно заботливымъ отцомъ уже по одному тому, что онъ повелъ и отдалъ своихъ дѣтей въ гимназію. Первоначально онъ помѣстилъ ихъ у какой-то дворянки—вдовы; но братьямъ Бродзинскимъ пришлось здѣсь ужъ слишкомъ плохо. И сама вдова, и дѣти ея были горды сознаніемъ своего шляхетства, которое они производили отъ князей „Спицимировъ“. Узнавъ, что благородство происхожденія Бродзинскихъ находится подъ сомнѣніемъ, они постоянно преслѣдовали братьевъ своими насмѣшками и колкостями. Дѣти этой вдовы составили въ гимназіи цѣлую партію и требовали, чтобы благородная приставка *de* при фамиліи Бродзинскихъ была выключена изъ класснаго журнала. Бѣдные Бродзинскіе убѣгали отъ этихъ преслѣдованій въ лѣсъ и поле, но и здѣсь находили ихъ жестокіе и докучливые преслѣдователи ²⁾.

Наконецъ отецъ сжалился надъ ними и перевелъ ихъ къ какому-то портному, который никакъ ужъ не могъ гордиться своимъ происхожденіемъ, но къ сожалѣнію обладалъ многими другими достоин-

¹⁾ Hordyński „Lata szkolne...“, 10—13 стр.

²⁾ „Wspomnienia“, стр. 18 и слѣд.

ствами. Почтенный мастеръ питалъ пристрастіе къ „зелену вину“ и пропивалъ весь свой заработокъ. Когда денегъ не хватало, онъ несъ въ кабакъ все, что попадалось подъ руку: Такимъ образомъ неразъ путешествовали къ кабатчику костюмы Бродзинскихъ, и имъ пришлось по нѣскольку дней сидѣть дома, потому-что не въ чемъ было являться въ гимназію.

Отецъ перевелъ ихъ къ канцеляристу Fogi Nobilium, родомъ изъ Венгріи. Маленькій чиновникъ обладалъ широкой натурой, любилъ развернуться и покутить, когда являлась возможность. Плата за учениковъ обыкновенно проѣдалась и пропивалась очень скоро, а затѣмъ наступали длинные и печальные дни голода и холода. Венгерецъ полюбилъ почему-то тихаго и скромнаго мальчика, какимъ былъ Казимиръ Бродзинскій, и очень часто тянулъ его съ собою къ еврею, гдѣ пилъ медъ, заставляя Казимира тоже напиваться. Но голодный мальчикъ съ жадностью хваталъ кусокъ колбасы или булки и удивлялся, какъ это другіе могутъ пить, ничего не ѣвши.

На лѣтнія вакаціи дѣтей брали домой, но тамъ они встрѣчали суровый и черствый пріемъ. Между тѣмъ старшій братъ—Андрей—окончилъ гимназію и переѣхалъ въ Краковъ для поступленія въ Университетъ; за нимъ послѣдовалъ и Казимиръ, который былъ уже во второмъ классѣ гимназіи. Съ квартирами здѣсь повторилась старая исторія: братья помѣстились у одного столяра и здѣсь не только терпѣли голодъ и холодъ, но принуждены были при каждомъ обѣдѣ быть свидѣтелями того, какъ супруги, жившіе между собой не въ особенномъ согласіи, бросали другъ въ друга ложками, тарелками и чѣмъ попало. Хозяинъ ихъ скоро прогулялъ и пропилъ всѣ деньги, полученные за Бродзинскихъ. Ободранные, голодные, безпріютные, братья возбуждали сожалѣніе въ какомъ-то добромъ человѣкѣ, и онъ, зная ихъ отца, помѣстилъ ихъ въ одномъ порядочномъ семействѣ, гдѣ они нашли и добрый примѣръ, и добросовѣстный уходъ, и многочисленныхъ вполне благовоспитанныхъ товарищей.

Около этого времени начинаетъ собираться около старшаго брата Андрея Бродзинскаго кружокъ пріятелей, интересующихся литературой и пописывающихъ стихи. Казимира, какъ мальчика, товарищи брата не пускали еще въ свою среду, да и онъ самъ мало интересовался горячими спорами, которые завязывались между студентами; тѣмъ не менѣе эти оживленные бесѣды не могли не вліять ко-

свеннымъ образомъ на пробужденіе спящихъ духовныхъ силъ Казимира. Среди товарищей Андрея находился и извѣстный впоследствии Вицентій Реклевскій, влияніе котораго на Казимира Бродзинскаго было такъ сильно въ періодѣ между 1809—1813 годомъ. Но въ рассматриваемое нами время Бродзинскій былъ друженъ только со своимъ братомъ. Дружба между братьями возникла еще въ Тарновѣ, гдѣ ихъ соединили на первыхъ порахъ общія неудачи и преслѣдованія. Въ послѣдній годъ пребыванія въ Тарновѣ Андрей занимался съ Казимиромъ, не прибѣгая при этомъ къ „пруту“ и другимъ инквизиторскимъ приемамъ репетиторовъ того времени. До переѣзда въ Краковъ К. Бродзинскій почти совсѣмъ не интересовался чтеніемъ; кромѣ „Житій святыхъ“, случайно попавшихся ему въ раннемъ дѣтствѣ, онъ не читалъ, кажется, никакой другой книжки. По прибытіи въ Краковъ, какъ сообщаетъ самъ Казимиръ Бродзинскій, онъ опустил даже въ гимназическихъ занятіяхъ и проводилъ время въ безцѣльномъ шатаньи по окрестностямъ города, историческія достопримѣчательности котораго нисколько, впрочемъ, не занимали его ¹⁾. Духовные интересы его не могли встрѣчать ни удовлетворенія, ни развитія. Гимназія считала преступленіемъ все, что выходило изъ нормы правительственныхъ предписаній. Разъ какъ-то Бродзинскому пришло въ голову религіозное сомнѣніе: подвергаются-ли некрещеныя души мученіямъ на томъ свѣтѣ, или нѣтъ. Когда сомнѣніе было высказано, ксендзь отъ изумленія не могъ даже отвѣчать; засимъ о зловредномъ образѣ мыслей послѣдовалъ докладъ совѣту, и вотъ въ одинъ прекрасный день самъ ректоръ явился въ классъ и, вызвавъ предварительно на середину преступника, т. е. Казимира Бродзинскаго, послѣ длинной рѣчи, далъ ему собственноручно нѣсколько ударовъ розгой, а по окончаніи экзекуціи, велѣлъ ему самолично вписать себя въ черную книгу, какъ богохульника, при чемъ перо, которымъ писалъ онъ, и чернила, замаранныя его прикосновеніемъ, были брошены въ воду, а самъ онъ, какъ еретикъ, долженъ былъ сидѣть на особомъ мѣстѣ въ классѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но еще долго затѣмъ не прекращались насмѣшки и преслѣдованія товарищей ²⁾. Разумѣется, та-

¹⁾ „Wspomnienia“, 81 стр.

²⁾ „Wspomnienia“, 77—78 стр. Воспитаніе въ Галиціи и въ болѣе позднее время не отличалось повидимому особенными достоинствами. Извѣстный польскій сатирикъ Янъ Лямъ въ своемъ интересномъ романѣ „Głowy do rozłoty“ (Lwów, 1876) сообщаетъ аналогичный же эпизодъ изъ школьной жизни своего героя (стр. 51—52).

кая обстановка мало содѣйствовала развитію любознательности и интереса къ занятіямъ у К. Бродзинскаго; только письменныя работы по латинскому языку исполнял онъ довольно охотно.

Андрей въ это время увлекался веселымъ студенческимъ житьемъ и совершенно предоставилъ брата самому себѣ.

Смерть отца произвела перемѣну въ ихъ жизни. Существовать на собственные средства у братьевъ не было никакой возможности, а мачеха и не думала позаботиться о нихъ. Старшій братъ могъ еще кое-какъ прожить службой въ канцеляріи у одного адвоката, но на двоихъ этого заработка не хватало. И вотъ хилый и болѣзненный Казимиръ рѣшается бросить ученіе и возвратиться къ мачехѣ съ просьбой о пріютѣ. Но на поѣздку нѣтъ средствъ, и онъ отправляется пѣшкомъ.

Измученный непривичнымъ путешествіемъ, съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ, приближается Бродзинскій къ роднымъ Липницамъ и узнаетъ, что мачеха переѣхала на жительство въ *Райбороды*. Одинъ крестьянинъ, сжалившись надъ измученнымъ путникомъ, отвезить его туда. Мачеха приняла Казимира Бродзинскаго довольно сурово, но не отказала въ пріютѣ, предоставивъ ему затѣмъ полный просторъ дѣлать, что онъ захочетъ.

„Въ убогомъ жилищѣ моей мачехи, рассказываетъ Бродзинскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ ¹⁾, я пріютился подъ крышей, куда взбирался по лѣсенкѣ, и гдѣ только сидя на постелѣ можно было писать или учить грамматику. Тамъ между прочимъ замѣтилъ я кипу бумагъ, оставшихся послѣ моего отца. Среди писемъ и разныхъ реестровъ было много печатнаго матерьяла на листахъ и на полулистахъ: рѣчи сейма четырехлѣтняго, стихи, писанные большею частью по случаю именинъ различныхъ пановъ и короля Станислава. Было въ обычаѣ печатать и распространять подобныя произведенія въ публикѣ, прежде чѣмъ они появятся въ книгахъ и газетахъ.— Съ великимъ рвеніемъ отдѣлялъ я эти сокровища моей бібліотеки отъ ни къ чему негодныхъ бумагъ, и, захвативъ свитоки въ руку, отправлялся въ поле и тамъ громко декламировалъ и читалъ эти рѣчи и стихи.

¹⁾ „Wspomnienia“; также въ „Atheneum“ 1844, „Słówko o K. Br.“ *Красивскаго*.

„Я приходилъ въ восторгъ, если находилъ въ стихахъ какое-нибудь удачное сравненіе, какой-нибудь поэтической образъ.

„Это была убогая нива: поздравительные стихи Нарушевича, Жуковского; были и Трембецкаго, но безъ подписи; они казались мнѣ бесконечно выше остальныхъ и оставались въ памяти. Эти стихи, хотя они вовсе не соответствовали моему возрасту и наклонностямъ, пробудили во мнѣ желаніе писать, и во всякомъ случаѣ на нихъ я познакомился съ внѣшней стороной стихосложенія“¹⁾.

Въ Бродзинскомъ проснулась потребность поэтического выраженія своихъ чувствъ. Первое стихотвореніе его, въ которомъ выразилось это настроеніе, была „*Элегія къ тѣни матери*“, и съ этихъ поръ начинается его поэтическая дѣятельность, о которой мы подробнѣе будемъ говорить въ 4-ой главѣ нашей работы.

Съ братомъ Казимиръ ведетъ аккуратно переписку и даже посылаетъ ему свою первую поэтическую пробу; отъ него получаетъ одобреніе и совѣты продолжать дальше. Разъ какъ-то братъ Андрей прислалъ ему цѣлую поэму „*Ludgarda*“ своего произведенія. Лѣтомъ 1806 года братья свидѣлись въ селѣ *Войничъ* у ихъ дяди, мѣстнаго священника.

Трудно было Казимиру Бродзинскому попасть туда, но горячее стремленіе повидаться съ братомъ преодолѣло всякія препятствія.

Нельзя сказать, чтобы пріемъ былъ очень трогательный, тѣмъ не менѣе добрый священникъ не отказалъ скромному юношѣ въ гостепримствѣ. Сестры и братья вознаградили его своимъ радушіемъ за непріятныя минуты первой встрѣчи, и тутъ началась для Казимира „такая жизнь, о которой ему и во снѣ не снилось“. Сестры, два брата, а подчасъ и самъ „*jegomość*“, проводили цѣлые дни въ чтеніи стиховъ, по преимуществу идиллій Геснера, переводъ которыхъ на польскій языкъ былъ сдѣланъ всего за пять лѣтъ до того времени священникомъ Ходани²⁾,

¹⁾ Какъ извѣстно, Мицкевичъ также находился въ молодости подъ влияніемъ стихотвореній Трембецкаго и вообще очень цѣнилъ ихъ и училъ наизусть. О влияніи языка Трембецкаго на Мицкевича см. очень интересную статью І. Третьяка: „*Mickiewicz i Trembecki*“—„*Przegl. Polski*“ 1886. IX.

²⁾ „*Sielanki Gesnera, z niemieckiego oryginału na język polski przełożone przez tłumacza książki „wiersz o człowieku“.* *Kraków* 1800.

Братъ руководилъ литературными упражненіями Казимира и помогаль ему переводить съ нѣмецкаго стихотворенія Геллерта ¹⁾. Подъ влияніемъ нѣмецкихъ идилликовъ и въ особенности Геснера у К. Бродзинскаго начинаютъ слагаться воззрѣнія на жизнь вообще и на бытъ крестьянъ въ частности. Селянинъ сдѣлался для него образцомъ совершенства и красоты. Это идеальное воззрѣніе на крестьянъ встрѣчало поддержку въ воспоминаніяхъ о пріятныхъ столкновеніяхъ съ крестьянами въ раннемъ дѣтствѣ. Онъ началъ искать аркадскихъ пастуховъ подь сельской стрѣхой, но встрѣтилъ конечно тамъ печальную дѣйствительность: изможденныя трудомъ и болѣзною грубыя крестьянскія лица были далеки отъ его идиллическихъ картинъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ поисковъ Аркадіи въ крестьянской средѣ онъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что искать ея нужно—не здѣсь въ грязныхъ крестьянскихъ избахъ, а въ палацахъ, замкахъ и богатыхъ помѣстьяхъ знати. Каждую даму изъ этого высшаго общества, къ которому Бродзинскій относилъ по наивности даже свою тѣтку, онъ считалъ чуть-ли не квинтэссенціей высшаго тона и аристократизма. Однако съ дамами этого высшаго общества Бродзинскій рѣшался говорить только въ своихъ мечтахъ ²⁾. Въ дѣйствительности же Бродзинскій былъ крайне скромный и застѣнчивый юноша. Онъ чувствовалъ себя всегда неловко не въ средѣ крестьянъ, и эта робость и неумѣнье держаться въ обществѣ сохранилась въ немъ въ теченіи всей его жизни ³⁾.

Ко времени пребыванія его въ Войничѣ относится и первая любовь поэта или по крайней мѣрѣ нѣчто похожее на это чувство. Поэтъ почувствовалъ нѣжную симпатію къ своей двоюродной сестрѣ Счастной (Szczęsna) и, такъ-какъ она вмѣстѣ со своей матерью вскорѣ выѣхала въ сосѣднее село Венцковицы, отстоявшее всего въ полумили отъ Войничъ, то свиданія назначались на полъ пути: въ концѣ большого сада въ селѣ Венцковицахъ. Это была скромная идиллія, питаемая чернымъ хлѣбомъ и простаквашей, которые выносила Сча-

¹⁾ Объ этомъ см. въ 4-ой главѣ нашей работы.

²⁾ „Przegl. Naukowy“ 1844 № 22.

³⁾ Одынецъ въ своихъ „Wspomnieniach z przeszłości“ приводитъ по этому поводу нѣсколько забавныхъ анекдотовъ, о томъ, напр., какъ Бродзинскій, будучи уже женатымъ человѣкомъ, чувствовалъ неловкость, идя подь руку со своей женой и просилъ Одынца замѣнить его...

стна проголодавшемуся поэту, когда онъ украдкой пробирался къ ней въ садъ... Утоливъ голодъ, счастливые влюбленные сѣли за чтеніе книгъ, доставляемыхъ Счастливой потихоньку отъ отца изъ его библіотеки. Ничего серьезнаго и въ голову не могло прійти молодому Бродзинскому, — повидимому онъ и не рѣшался мечтать о какомъ—нибудь будущемъ счастьи; тѣмъ не менѣ эта первая любовь не могла не отразиться благотворно на характеръ и развитіи бѣднаго юноши. Вообще пребываніе въ Войничѣ оказало на него весьма благотворное вліяніе. Съ этого времени начинается его сознательное отношеніе къ дѣлу своего умственнаго развитія.

Дмоховскій нашелъ между бумагами Бродзинскаго, которыя онъ имѣлъ возможность разсматривать, двѣ тетрадки, — каждая въ нѣсколько страницъ — дневниковъ Бродзинскаго. Первый дневникъ относится ко времени пребыванія поэта въ Войничѣ и Тарновѣ, второй — къ 1814 году.

„Въ этихъ замѣткахъ, говоритъ Дмоховскій, меня болѣе всего поразило меланхолическое настроеніе поэта (*smętność*), которое сказывается уже въ такомъ юномъ возрастѣ“¹⁾. Вліяніе нѣмецкой школы, отсутствіе хорошихъ образцовъ родной рѣчи замѣчается въ языкѣ начинающаго писателя съ первыхъ-же словъ.

„*Dzień 18 czerwca jest dzisiaj, w którym zacząłem pisać dziennik, a przy zaczęciu go myśleć na upłyniony wiek począłem, w którym nie używałem porządku w rzeczach, a przeto mało co dobrego zrobiłem, wiele opuściłem, i, że tak powiem, czas, który dosyć sam prędko płynie do zatory, popychałem, który był posłuszny, wiedząc, iż mi to kiedykolwiek smutkiem nagrodzi*“²⁾.

Для насъ важенъ этотъ дневникъ и въ другомъ отношеніи. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Казимиръ Бродзинскій приходилъ уже въ возрастъ и стремился поставить себя въ опредѣленное и исполнѣ сознательное отношеніе къ жизни. Любопытно сознаніе 15-ти лѣтнаго юноши, который груститъ и даже хочетъ плакать о томъ, что „потерялъ много времени понапрасну“ и „мало сдѣлалъ путнаго“; оно доказываетъ, что голова Бродзинскаго начала уже работать.

1) „Bibl. Warsz.“ t. III 1870, 367—370.

2) Оборотъ нѣмецкій.

Съ этого времени Бродзинскій сталъ вносить въ свой дневникъ отрывочныя мысли, какія ему приходили въ голову или вычитаны имъ въ какой-нибудь книжкѣ; сюда же онъ помѣщаетъ переводъ отрывка изъ статьи Шлегеля (1808 годъ): „О танцахъ у древнихъ“¹⁾.

Между книжками, которыя онъ читалъ (включительно до 1808 г.) мы находимъ: „Uwagi nad uwagami o życiu Japa Zamojskiego“, „Życie Stefana Czarnieckiego“, „Zabawe przyjemne i pożyteczne Albragdego“, „Ogrody“, поэма Делила въ переводѣ Карпинскаго, и проч. Къ этому нужно прибавить, что въ Тарновѣ же Бродзинскій прочиталъ и Одиссею въ переводѣ Дмоховскаго. Значительная часть дневника писана Бродзинскимъ въ періодъ вторичнаго пребыванія въ Тарновѣ, куда онъ переѣхалъ осенью 1806 года, для вторичнаго поступленія въ гимназію.

Послѣ раздѣла отцовскаго наслѣдства, Казимиру Бродзинскому досталась ничтожная сумма, которой съ трудомъ хватило бы на содержаніе его въ теченіи перваго года. Но это не могло остановить 15-ти-лѣтняго юношу, послѣ того, какъ пребываніе въ Войничѣ пробудило въ немъ жажду знанія, стремленіе къ самосовершенствованію. Бродзинскій принимается за тяжелый трудъ репетитора и, чтобы хоть сколько-нибудь поправить свои средства, беретъ дешевые уроки у евреевъ, нисколько не обращая вниманія на насмѣшки товарищей. Приготовленіе классныхъ уроковъ и репетиціи отнимали у Бродзинскаго очень много времени; тѣмъ не менѣе онъ находилъ возможность и читать, и даже удѣлять часть своихъ скудныхъ средствъ на покупку польскихъ книгъ. Вѣроятно, по совѣту старшаго брата, Казимиръ выписываетъ себѣ изъ Кракова три книжки: „Wybor poezyi dla szkół“, изданіе Варшавской школы Піяровъ, романъ *Bernardin'a de St. Pierre'a*: „Paul et Virginie“ въ польскомъ переводѣ и какое-то сочиненіе *Флоріана*²⁾. Но читать книги, да еще польскія, было строго воспрещено воспитанникамъ нѣмецкой гимназіи, и, конечно, въ такомъ городишкѣ, какъ Тарновѣ, присылка книгъ изъ Кракова не могла остаться въ секретѣ. Не успѣлъ еще Бродзинскій опомниться отъ радости по поводу полученія цѣнныхъ книгъ, какъ къ нему нагрянула инспекція съ обыскомъ и конфисковала „запрещенныя книги“.

1) Дмоховскій (Bibl. Warsz. 1870).

2) Ibid.; „Wspomnienia“, 143. Также у Семенскаго, VIII, 193—199.

За любовь къ чтенію и отечественной литературѣ Бродзинскому нѣсколько разъ доставалось отъ гимназическаго начальства, которое не признавало другихъ книгъ, кромѣ латинской грамматики и катехизиса. Такъ, досталось ему какъ-то за „Rymu Jana Kochanowskiego“, которые онъ хотѣлъ отнять у торговки, безцеремонно пользовавшейся произведеніями знаменитаго поэта, какъ оберточной бумагой ¹⁾.

Гимназія ничего не давала для умственнаго развитія своихъ учениковъ; поэтому и Бродзинскій вынесъ изъ нея очень мало.

Правда, онъ хорошо изучилъ латинскій языкъ, съ котораго переводилъ различные отрывки классическихъ авторовъ, но эти отрывочныя свѣдѣнія были слишкомъ скуднымъ матерьяломъ для пробудившейся душевной пытливости поэта ²⁾. Большую пользу принесло Бродзинскому знаніе нѣмецкаго языка, приобрѣтенное имъ наконецъ послѣ семилѣтнихъ усилій. Этимъ знаніемъ воспользовался онъ благодаря вниманію одного своего учителя—нѣмца, профессора риторики *Осипа Шмидта*. Это былъ добросовѣстный и образованный учитель. Онъ заинтересовался Казимиромъ Бродзинскимъ, какъ юношей выдающимся среди своихъ товарищей, и занялся его развитіемъ.

Шмидтъ давалъ своему ученику повидимому безъ особеннаго выбора произведенія Уца, Гагедорна, а также Виланда, Гете ³⁾, Шлегеля, Клейста, вель съ нимъ и устныя бесѣды. Какъ нѣмецъ, онъ былъ предубѣжденъ противъ польскаго языка, за которымъ не признавалъ никакой будущности, и совѣтовалъ Казимиру писать по-нѣмецки. Но, какъ человекъ просвѣщенный, онъ обладалъ достаточной терпимостью для того, чтобы не сердиться на своего непо-

¹⁾ Ibid. „Wspomnienia“, 149—150. Также у Семенскаго.

²⁾ О томъ, какъ относились въ гимназіи ко всякимъ проявленіямъ любознательности, можемъ уже судить изъ эпизода съ религиозными сомнѣніями Бродзинскаго. Вообще учительскій персоналъ былъ очень плохъ. Бродзинскій рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ объ одномъ учителѣ, жестокомъ пьяницѣ и циникѣ. Онъ пьянствовалъ всюду, гдѣ придется, даже на улицѣ, и въ классѣ ничего не дѣлалъ. Любимымъ его занятіемъ было участіе въ процессіяхъ, гдѣ онъ командовалъ отрядомъ гимназистовъ и, приходя въ воинственный азартъ, отдавалъ громозсныя приказанія, какъ будто дѣло шло о цѣлой дивизіи драгуновъ. Кончилось тѣмъ, что у него сдѣлалась mania bellicosa, и бѣднаго учителя отвезли прямо изъ класса въ домъ умалишенныхъ. (Wspomnienia, 147).

³⁾ О Гете Бродзинскій говоритъ, что онъ „długo był moim ulubieńcem i najwięcej odpowiadał memu uszowaniu“. Мы, однако, не могли замѣтить на Бродзинскомъ особенно сильное вліяніе Гете.

слушнаго ученика, который упорно продолжалъ свои литературныя упражненія по-польски, хотя не имѣлъ понятія ни о польской грамматикѣ, ни о правилахъ правописанія ¹⁾. Пылкій патріотизмъ повидимому былъ довольно силенъ въ обществѣ, если даже тотъ еврей, съ дѣтьми котораго занимался Бродзинскій, настоятельно требовалъ, чтобы дѣти учились по—польски.

Польская литература извѣстна была К. Бродзинскому только въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ писателей и поэтовъ XVIII в.; на нихъ *главнымъ образомъ* и развивались его литературныя и эстетическія понятія. Конечно, и новыя воззрѣнія философскія и литературныя не могли не отразиться на молодомъ поэтѣ подъ вліяніемъ чтенія нѣмецкихъ поэтовъ, а также и подъ вліяніемъ разговоровъ со *Шмидтомъ* и *Парчевскимъ*. Такъ, въ дневникѣ Бродзинскаго мы находимъ упомянутый уже нами отрывокъ изъ статьи Шлегеля. Бродзинскому были извѣстны и произведенія *Геллерта* ²⁾.

Въ періодъ своего перваго пребыванія въ Тарновѣ Бродзинскій не имѣлъ пріятелей. Преслѣдуемый насмѣшками товарищей, онъ не искалъ сближенія съ ними, а дружба между собой взаимно удовлетворяла братьевъ Бродзинскихъ въ томъ нравственномъ уединеніи, въ какомъ они находились. Но чувство дружбы присуще человѣческой натурѣ—и чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе проявляется въ немъ эта потребность.

Исканіе пріятелей, съ которыми можно бы подѣлиться своими мыслями и чувствами, занимаетъ Казимира Бродзинскаго со времени вторичнаго переѣзда въ Тарновъ. Братъ былъ его въ Краковѣ, и переписка съ нимъ не могла удовлетворить Казимира; съ сестрой онъ и не помышлялъ о перепискѣ, а между тѣмъ чувства рвались наружу, душа искала сочувствія, мысль, настроенная нѣсколько сентиментально, искала отвѣта, нѣжныхъ изліяній. До сихъ поръ Бродзинскій былъ друженъ въ школѣ только съ крестьянскими дѣтьми;

¹⁾ Кромѣ Шмидта Бродзинскій съ признательностью упоминаетъ въ своей университетской автобіографіи и о Парчевскомъ (Opis biegi zycia prof. i paucz. стр. 223).

²⁾ „Тотъ, кто воспиталъ свое поэтическое чувство на Геллертѣ, говоритъ Кирпичниковъ, если не потребуеъ отъ поэта фантазіи и чувства, потребуеъ по крайней мѣрѣ ума, образованія, серьезной мысли“. *Коршъ*, „Исторія всеобщей литературы“, XXII, 775 стр.

теперь онъ ищетъ пріятелей среди своихъ сверстниковъ, товарищей по гимназіи. Его взгляды на дружбу и отношенія къ друзьямъ были вполне сентиментальны.

„Я думалъ и вѣрилъ, говорить онъ ¹⁾, что всякая дружба должна существовать вѣчно и должна быть взаимнымъ самопожертвованіемъ“ ²⁾.

Вотъ что рассказываетъ онъ о своемъ первомъ пріятелѣ *Карпинскомъ*:

„Одинъ юноша, Карпинскій, самымъ именемъ своимъ обратилъ на себя мое вниманіе, хотя и не состоялъ ни въ какомъ родствѣ съ поэтомъ и къ самой поэзіи не чувствовалъ никакого влеченія. Умѣренный, скромный, какъ ангелъ, невинный (!), онъ привлекъ къ себѣ мое сердце, изъ чего вынесъ только одну пользу, и именно ту, что я насильно заставлялъ его сочинять стихи для того, чтобы быть достойнымъ своей фамиліи. Карпинскій по добротѣ своей старался сдѣлать, что могъ; я со своей стороны заохочивалъ, поощрялъ его, поправлялъ его стихи, но ничего изъ этого не выходило!...“

„Невинный, какъ ангелъ“, Карпинскій былъ по-просту глуповатый парень, одинаково неспособный какъ къ стихамъ, такъ и къ ученію; очень скоро онъ бросилъ гимназію и такимъ образомъ покинулъ своего друга.

Потерпѣвъ неудачу, Бродзинскій не падаетъ духомъ и съ жаромъ продолжаетъ свои поиски за друзьями.

Онъ знакомится съ *Хлендовскимъ*, сыномъ богатыхъ родителей, и въ скоромъ времени искренне привязывается къ нему.

Воспитанный въ роскошной обстановкѣ, баловень своихъ родителей, *Хлендовскій* относился довольно равнодушно къ своему новому пріятелю. Правда, онъ цѣнилъ его знанія и способности, но, какъ „барчукъ“, не прочь былъ посмѣяться надъ внѣшностью своего пріятеля, его стоптанными сапогами, заплатаннымъ камзоломъ и т. д. Съ ироніей относился онъ и къ сентиментальному настроенію Бродзинскаго, такъ-какъ не могъ раздѣлять его и понимать, потому—что

¹⁾ „*Wspomnienia*“ 150, а также у *D. Chodźka* „*Wspomnienia o życiu K. B-ego*“. Wilno. 1845. 12 стр.

²⁾ Ср. „*Duma nad rzeką Moskwą*“ 1812 г. Подобнаго друга Бродзинскій нашелъ впоследствии въ Реклевскомъ (чит. отрывокъ изъ походнаго дневника Бр-го, приведенный Дмоховскимъ: „*Bibl. Warsz.*“ 1870. т. III).

былъ совершенно равнодушенъ къ литературѣ. Случилось такъ, что дядя Хлендовскаго засталъ молодыхъ друзей вмѣстѣ и самымъ оскорбительнымъ образомъ выгналъ Бродзинскаго изъ дому, назвавъ его „прощельгой“ (szubrawsem) и сдѣлавъ нагоняй за знакомство съ нимъ своему племяннику ¹⁾.

Наконецъ Бродзинскій нашель себѣ пріятеля по душѣ Кароля Парчевскаго, сблизившагося съ нимъ послѣ одной печальной исторіи, доставившей также поводъ Бродзинскому и къ его первому литературному торжеству. Его стихотвореніе на смерть товарища обратило вниманіе начальства и внушило уваженіе къ молодому поэту и со стороны его товарищей ²⁾.

Литературные успѣхи выдвинули Казимира Бродзинскаго изъ среды его товарищей.

Еще въ 1807 году выходитъ въ Краковѣ сборникъ стихотвореній Андрея Бродзинскаго ³⁾, въ которомъ мы находимъ нѣсколько стихотвореній и Казимира Бродзинскаго. Въ любопытномъ предисловіи къ этимъ стихотвореніямъ старшій братъ называетъ младшаго „маль-

¹⁾ Ibid. Wspomnienia 152. Также у Ходзьба („Wzmianka...“ стр. 13).

²⁾ „Наконецъ, рассказываетъ по этому поводу Бродзинскій, нашель я друга, какаго только могла представить себѣ моя экзальтированная фантазія. Это былъ сынъ моего профессора, Кароль Парчевскій, двумя или тремя годами моложе меня, набожный, трудолюбивый, на мой взглядъ *прекрасный, какъ ангелъ*, всегда возвышенный и полный любви.

„Печальное событіе было поводомъ и началомъ нашей горячей, взаимной привязанности. Однажды отправились мы, въ числѣ 12 душъ, на рѣчку Бѣлую купаться; одинъ изъ нашихъ товарищей отдѣлился далеко отъ остальныхъ и, ниѣмъ не замѣченный, утонулъ. Только черезъ нѣсколько дней нашли его сильно распухшее тѣло и привезли домой. Я цѣлую ночь не могъ заснуть послѣ этого зрѣлища и, заливая бумагу слезами, написалъ элегію на смерть несчастнаго. Это было первое стихотвореніе, которое я прочиталъ своимъ товарищамъ; всѣ были заинтересованы имъ въ виду того случая, который вызвалъ его появленіе, и который одинаково на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

„Даже профессора похвалили это мое произведеніе, а молодой Парчевскій, не будучи въ состояніи вымолвить ни одного слова, со слезами бросился въ мои объятія. Онъ уже привелъ ко мнѣ несчастную мать Пржигодзинскаго, которая, узнавъ о несчастной судьбѣ сына, пріѣхала въ Тарновъ. Рыдая сжимала она меня въ своихъ объятіяхъ, по ея словамъ, какъ сына, и благодарила за мои скромные стихи, сдѣлавшіеся извѣстными и ей. Едва ли кто повѣритъ, но это были для меня первыя объятія и матери, и женщины,—я рыдалъ отъ такого необычайнаго счастья и думалъ: у меня нѣтъ матери, которая также бы горевала по поводу моей смерти.“ („Wspomnienia...“.)

³⁾ „Zabawki wierszem Andrzeja Brodzińskiego“. W Krakowie, 1807; w drukarni Jana Maja.

чикомъ“ („mały ten chłopiec“), но хвалить его талантъ и, обща-
я ему славную будущность, не безъ самодовольства просить не
забывать, что своими первыми успѣхами онъ обязанъ ему, старшему
брату ¹⁾.

Съ большимъ вниманіемъ стали смотрѣть на него его учителя,
да и товарищи относились къ нему съ уваженіемъ. Учился онъ хо-
рошо и, какъ это видно изъ „Liber calculorum“ Тарновской гимна-
зи, считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ ²⁾.

Лѣтнія вакаціи 1808 года Бродзинскій проводитъ, въ качествѣ
наставника четырехъ мальчиковъ, въ домѣ Служевскихъ, въ селеніи
„Воля Любецкая“, въ трехъ миляхъ отъ Тарнова.... Здѣсь нашъ
поэтъ подружился со старшимъ своимъ ученикомъ Осипомъ, кото-
рый тоже имѣлъ стремленіе къ литературѣ, и „они вмѣстѣ читали
польскихъ поэтовъ, а нѣкоторые отрывки, особенно изъ Карпин-
скаго, даже распѣвали съ особеннымъ воодушевленіемъ“ ³⁾. Казимиръ
не терялъ времени: онъ никогда не оставался безъ дѣла и даже въ
минуты, свободныя отъ занятій, носилъ всегда съ собою каран-
дашъ и бумагу, чтобы немедленно же записывать туда всѣ мысли,
какія прійдутъ ему въ голову.

Въ домѣ Служевскихъ жилось ему хорошо. Въ концѣ каникулъ
Бродзинскій возвратился въ Тарновъ вмѣстѣ со своими четырьмя
учениками, которые были ввѣрены его попеченію.

Матерьяльное положеніе Казимира Бродзинскаго было обезпечено
этимъ урокомъ, и онъ могъ подумать и о своемъ будущемъ.

Около этого времени образовалось Варшавское княжество, стали
доходить въ Галицію нѣкоторыя Варшавскія газеты, все чаще и чаще
заходила рѣчь о Польшѣ. Бродзинскаго интересовали, впрочемъ, по

¹⁾ Mały ten chłopiec za moim śladem mocno się pokochał w Poezyi. Pisze piosnki, Nadgrobki, bajki i z nich wiele obiecuje po sobie. Ja w tem wieku, w którym on lutnią wziął w rękę, uciekałem na głos jej ledwie nie tak, jak zając na odgłos trąby myśliwskiej.... Tak nie jeden skromny poeta mówi drugiemu.... Ty na skrzydłach Pegaza w górę wzlatujesz, a ja tylko piechotą chodzę po krajach Parnaskiej góry. Tym czasem temu upokorzonemu pierwszeństwo nad tamtego przyznano. Tak się może stanie między nami. *Brat mój jednak zawsze nato pamiętać musi, że to przecie ja zacsąłem pierwszy tę niwę, na której może dla niego Laurry zakwitnąć*.... — „Zabawki wierszem....“ стр. 149.

²⁾ *Hordyński*. „Lata szkolne K. B-ego“.

³⁾ „Wspomnienia....“

собственному его признанію, только литературныя новости ¹⁾). Онъ слышалъ о епископѣ Альбертранди, какъ о покровителѣ наукъ и отечественной литературы ²⁾ (въ дневникѣ Бродзинскаго мы находимъ указанія на одну книжку Альбертранди). Бродзинскій стремился въ Варшаву, но такъ-какъ попасть туда у него не было никакой возможности, то онъ написалъ къ еп. Альбертранди „исполненное воодушевленія письмо“ съ просьбой принять его „хоть для какихъ угодно услугъ“. Въ видѣ оправдательныхъ документовъ при письмѣ были приложены стихотворенія Бродзинскаго, тѣ, конечно, которыя онъ считалъ лучше. На несчастье Альбертранди умеръ въ 1808 г. ³⁾; къ тому же австрійское правительство имѣло любознательныхъ почт-мейстеровъ. Письмо было возвращено съ почты распечатаннымъ „вмѣстѣ съ выговоромъ за то, что авторъ его былъ исполненъ не-своевременныхъ патріотическихъ увлеченій“.

Не слѣдуетъ однако думать, что поступокъ Бродзинскаго объясняется дѣйствительно чувствомъ патріотизма: какъ это ни странно, но патріотизмъ Бродзинскаго не шелъ дальше писанія стиховъ на родномъ языкѣ. Судьбы родного края, его прошлое были совсѣмъ неизвѣстны Бродзинскому; политикой онъ не занимался и не понималъ ея. Это доказывается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ слѣдующаго 1809 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія польскихъ войскъ въ Галицію, Бродзинскій переводитъ стихотвореніе Коллина, проникнутое нѣмецко-австрійскимъ патріотизмомъ, и дѣлаетъ это по предложенію австрійскихъ властей. По совѣту своихъ товарищей Бродзинскій допускаетъ однако нѣкоторыя измѣненія въ гимнѣ Коллина, вычеркнувъ или передѣлавъ тѣ мѣста, гдѣ встрѣчалось какое-нибудь упоминаніе о нѣмцахъ или домѣ Габсбурговъ ⁴⁾. Совершенно забывая въ послѣдствіи объ этомъ совѣтѣ своихъ товарищей и въ то же время сознавая всю недовольность своего поступка, Бродзинскій увѣряетъ, что „никто изъ товарищей не объяснилъ ему неблаговидности его поведенія“, а свое увлеченіе именно гимномъ Коллина объясняетъ слѣдующимъ обра-

¹⁾ „Wspomnienia mej młodości“, стр. 155.

²⁾ Jan Albertrandi былъ первымъ презесомъ „Tow. przyjac. nauk“ въ Варшавѣ. Чит. Wójcicki. „Społeczność Warszawy“. т. II. 1877 г., стр. 15, 25—26.

³⁾ Wójcicki. Ibid. стр. 25.

⁴⁾ Wspomnienia. 159 стр.

зомъ: „стихотворенія Коллина были исполнены чистой любви къ отечеству и сельскихъ образовъ и заинтересовали меня такъ, что я вовсе и не думалъ о томъ, что это нѣмецъ пишетъ противъ французовъ“ 1)

Это объясненіе однако нельзя считать вполне удовлетворительнымъ. Чтò бы ни говорилъ Бродзинскій, но 18-лѣтній юноша долженъ бы лучше понимать современные политическія условія, если бы дѣйствительность у него не была заслонена сентиментальнымъ туманомъ, и его развитіе не стояло на такомъ низкомъ уровнѣ. Все вокругъ пылало уже патріотическимъ восторгомъ; изъ варшавскаго княжества, немедленно по его образованіи, стали доноситься отголоски всеобщаго ливованія. Какъ ни груба и неразвита была польская молодежь, она не могла не увлечься общимъ настроеніемъ. Если Бродзинскій и не могъ сочувствовать битью нѣмцевъ, къ которымъ онъ питалъ симпатію за „изображеніе прекрасной природы у нѣмецкихъ писателей“ 2), то съ конца 1806 года бессознательная антипатія національностей получаетъ болѣе опредѣленное содержаніе. Въ это время, какъ сообщаетъ самъ Бродзинскій, молодежь „умѣла уже съ помощью всевозможныхъ остроумныхъ способовъ пробраться въ ряды Наполеоновскихъ войскъ, и каждый изъ насъ клялся, что онъ только для этой цѣли существуетъ“. Появились пѣсни патріотическаго содержанія, начались оживленные толки о политикѣ, для которыхъ всегда удалялись въ лѣсъ 3).

Молодежь съ воодушевленіемъ произносила имена Костюшки, Дубровскаго и другихъ героев 4). Надежда на возстановленіе Цар-

1) Ibid. 157.

2) Wspomnienia.... 155.

3) Ibid. 156.

4) Каково было отношеніе къ Австріи, видно изъ слѣдующаго забавнаго эпизода. Изъ Вѣны былъ какъ-то присланъ патріотическій гимнъ. Было поручено старшимъ ученикамъ разучить его съ младшими и исполнить въ костелѣ. Спѣвка была въ полѣ, безъ свидѣтелей. Не долго думая, ученики подобрали къ торжественному гимну мотивъ мазурки и къ ужасу учителей такъ и пропѣли его въ костелѣ. Когда же зачинщиковъ подвергли строгому взысканію, то вся молодежь единогласно рѣшила, отбывать наказаніе сообща (Wspomn. 156 стр.). Что настроеніе общества было рѣшительно патріотическое, видно изъ другихъ данныхъ, сообщаемыхъ и самимъ Бродзинскимъ. Такъ, онъ упоминаетъ объ ученикѣ Немержицѣ, который урѣшилъ его въ намѣреніи поступить въ войско. Когда объ этомъ своемъ намѣреніи Бродзинскій сообщилъ учителю Парчевскому, то и онъ ничего не имѣлъ противъ и только, какъ австрійскій чиновникъ, показывалъ видъ, что ничего не знаетъ объ этомъ; но за то его сынъ и жена отерты сочувствовали смѣлому предпріятію (Ibid.).

ства Польскаго заставляла биться учащеннѣе не одно польское сердце, а въ это время Казимиръ Бродзинскій въ упоеніи успѣхомъ мечтаетъ о путешествіи въ Вѣну и казенной стипендіи въ высшемъ учебномъ заведеніи имени Маріи Терезіи ¹⁾.

Впрочемъ, Бродзинскаго нельзя очень винить за такое политическое недомысліе: не нужно забывать, что ему пришлось девять лѣтъ провести въ австрійской школѣ, усердно преслѣдовавшей полицейскія цѣли, а его литературное развитіе опредѣляется кружкомъ сентиментальныхъ идилликовъ въ родѣ его старшаго брата или В. Реклевскаго, для которыхъ современность совершенно не существовала, а руководителями ихъ умственнаго и литературнаго развитія являлись Геснеръ и Карпинскій ²⁾. Неудивительно поэтому, что съ Бродзинскимъ случилось то же, что и съ Карамзинымъ, который умудрился быть въ Парижѣ и не замѣтить великой французской революціи ³⁾. Вообще Бродзинскій легко мирился со всякимъ общественнымъ порядкомъ: существуетъ Австрія, и онъ пишетъ австрійскій гимнъ; является Наполеонъ—и Бродзинскій строчитъ оду ко дню его рожденія ⁴⁾; упрочивается русское вліяніе, и возникаетъ Царство Польское,—Бродзинскій становится признательнымъ сторонникомъ Александра I и защитникомъ status quo противъ романтиковъ; вспыхнула революція 1830—31 годовъ, счастье улыбнулось революціонерамъ на первыхъ порахъ, и Бродзинскій пишетъ цѣлый рядъ революціонныхъ патріотическихъ стиховъ и въ торжественной рѣчи выражаетъ порицаніе Александру I ⁵⁾. При всемъ томъ Бродзинскому нельзя бросить упрекъ въ неискренности: это было простое непониманіе. Только крайнимъ политическимъ индифферентизмомъ и неразвитостью и можно объяснить такой удивительный фактъ, какъ готов-

¹⁾ Въ своей автобіографической запискѣ („Opis biegu życia naucz. i profesorów...“) Бродзинскій говоритъ: „Za przełożenie w szkołach poezji Collina, otrzymałem od rządu austriackiego stypendyum i miejsce w Instytucie Wiedeńskim, ale niedoświadczenie i tęskność do języka i literatury polskiej nie dozwalały mi korzystać z tej łaski mojego rządu, udałem się do uniw. Krakowskiego, przy którym przez półtora roku poświęcałem się naukom filologicznym i filozoficznym“....

²⁾ Чит. „Sielanki“ Gesnera, „Zabawki wierszem“ А. Вr-ego, „Pienia wiejskie“ W. R-ego и проч.

³⁾ Чит. „Письма русск. путешевъ.“, а также А. Н. Пыпина, „Общественное движеніе при Александрѣ I“. Спб. 1885, 183—260.

⁴⁾ Объ этомъ чит. ниже.

⁵⁾ Чит. ниже, а также 2-ю главу нашего труда.

ность Бродзинскаго идти по приглашенію австрійскаго офицера въ военную службу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вступилъ въ ряды арміи Варшавскаго княжества.

Къ началу лѣта 1809 года Бродзинскій кончилъ успѣшно Тарновскую гимназію, а 9-го сентября числился уже въ рядахъ польскихъ войскъ, записанный кадетомъ (подпоручикомъ) въ артиллерійскую бригаду ¹⁾.

Какъ пишетъ самъ Бродзинскій въ своей университетской автобіографіи ²⁾, онъ поступилъ въ войско, „слѣдуя общему настроенію“, немедленно по вступленіи польскихъ войскъ въ Краковъ, куда Бродзинскій прибылъ по окончаніи гимназіи съ цѣлью поступить въ университетъ. До послѣдняго времени, однако, остается невыясненнымъ и мало извѣстнымъ почти всѣмъ біографамъ Бродзинскаго фактъ пребыванія его въ университетѣ ³⁾. Какъ могъ совмѣщать онъ военную службу съ университетскими занятіями? Судя по выраженію, употребленному имъ въ университетской автобіографической запискѣ: „...*przy którym* przez półtora roka poświęcałem się naukom...“ ⁴⁾, можно думать, что онъ былъ только вольнослушателемъ. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что Краковскій университетъ впоследствии отказалъ Бродзинскому въ просьбѣ выдать ему хоть какой-нибудь дипломъ, необходимый для полученія каѳедры въ Варшавскомъ университетѣ ⁵⁾. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что серьезныхъ занятій въ эту бурную пору быть не могло. Нужно думать, что все свое время Бродзинскій дѣлилъ между службой и литературными упражненіями. Такъ-какъ по счастливой случайности онъ попалъ подъ команду упомянутаго уже нами поэта В. Реклевскаго, близкаго друга и товарища Андрея Бродзинскаго ⁶⁾, то само собою разумѣется, что и самая военная служба была продолженіемъ литературныхъ упражненій подъ руковод-

¹⁾ *Hordyński*, „Lata szkolne...“, стр. 41.

²⁾ „*Opis biegu życia naucz...*“, стр. 223.

³⁾ На это указываетъ только Романъ Пилать, львовскій профессор. (Рукописн. лекціи), и г-жа Духинская.

⁴⁾ „*Opis biegu...*“, стр. 223.

⁵⁾ „*Opiekun Domowy*“. 1865: „*Kaz. Brodziński*“, przez G. Czernieckiego, стр. 206.

⁶⁾ Въ „*Zabawk. wierszem*“ очень многія стихотворенія съ выраженіемъ самыхъ искреннихъ чувствъ дружбы посвящены Реклевскому (W. R.).

ствомъ В. Реклевскаго, съ которымъ К. Бродзинскій скоро очень близко сошелся и подружился.

Какъ мы уже сказали, Реклевскій принадлежалъ по своему направленію къ группѣ писателей старой школы, увлекавшихся сентиментально-идиллическимъ направленіемъ Геснера, Карпинскаго и др. Реклевскій сочинялъ въ томъ же духѣ стишки, но по временамъ въ его произведеніяхъ звучить уже народная нотка. Нѣсколько грубоватые и даже отчасти циническіе штрихи въ его поэзіи были уступкой новымъ вѣяніямъ жизни и литературы ¹⁾. Вліяніе Реклевскаго на начинающаго поэта было очень велико ²⁾. Въ своемъ дневникѣ, приведенномъ у Дмоховскаго, Бродзинскій пишетъ, что обязанъ Реклевскому всѣмъ,—и своимъ умственнымъ, и литературнымъ развитіемъ ³⁾. При разборѣ поэтической дѣятельности Бродзинскаго мы убѣдимся, что это вліяніе шло гораздо дальше и отразилось въ заимствованіяхъ не только въ „Вѣславѣ“, но и что уже указалъ г. Гавалевичъ, но и во многихъ другихъ произведеніяхъ поэта, какъ напр., „Oldyna“, „Legionista“ и т. д.

Служба подъ начальствомъ друга—поэта не могла, конечно, быть тяжела для К. Бродзинскаго; къ тому же начальство, вида слабое здоровье его, освободило его отъ фронтовой службы и назначило его на скромную должность ротнаго провіантмейстера. Впослѣдствіи Бродзинскій очень забавно рассказывалъ о томъ, какъ ему приходилось подъ мѣрные звуки гексаметровъ собственнаго издѣлія разрѣзывать мясо на порціи... ⁴⁾

Время пребыванія въ Краковѣ вплоть до выступленія въ Модлинъ въ концѣ 1811 года отмѣчено нѣсколькими новыми произведеніями музыки К. Бродзинскаго. Къ сожалѣнію они не дошли до насъ, неизвѣстны и издателямъ сочиненій Бродзинскаго. Совершенно случайно мы натолкнулись на свѣдѣнія о нихъ въ рукописномъ сбор-

¹⁾ Чит. его „Wiesław“, „Halina“, „Zachęcenie do tańca“, „Krakowiaki“, „Urodziny“ („Pienia wiejskie“, Kraków, 1811).

²⁾ О вліяніи Реклевскаго на Бродзинскаго впервые говоритъ Мехержинскій („Bibl. Polska“ 1859). Въ недавнее время г. Гавалевичъ представилъ довольно обстоятельный разборъ вліянія нѣкоторыхъ (но не всѣхъ) произведеній Реклевскаго на поэму Бродзинскаго „Wiesław“. Мы будемъ говорить подробнѣе объ этомъ въ 3-й главѣ.

³⁾ „Bibliot. Warszawska“, 1870, t. III. 372.

⁴⁾ Объ этомъ сообщаетъ Одынецъ, а также и *Ходзько* („Wzmianka o życiu“).

никъ Скимборовича ¹⁾. Изъ этого сборника мы узнаемъ, что Бродзинскій еще до поступленія въ армію немедленно по прибытіи въ Краковъ посѣтилъ Краковскія окрестности возлѣ Гродиска и Песковскихъ скалъ и тогда же написалъ поэму „O Pustyni Sw. Salomei“, костель которой находился на Гродискѣ. Поэмой этой Бродзинскій очень дорожилъ и всегда носилъ ее съ собою: но въ 1812 г., когда послѣ битвы при Березинѣ Бродзинскій хоронилъ своего брата въ выкопанной имъ самимъ могилѣ, онъ потерялъ свое произведеніе, о чемъ не разъ въ послѣдствіи съ большимъ сожалѣніемъ вспоминалъ въ средѣ своихъ друзей. Въ томъ же 1809 году Бродзинскій написалъ *оду* по случаю дня рожденія Наполеона ²⁾. Въ 1810 году, очевидно передъ выступленіемъ войскъ въ Модлинъ, Бродзинскій, тогда уже сержантъ артиллеріи, написалъ „Wiersz na rozegnanie krakowianów“, напечатанный въ „Краковской газетѣ“ ³⁾.

Въ Модлинѣ, гдѣ стояла гарнизономъ бригада, въ которой служилъ Бродзинскій, онъ пробылъ около 1½ года. 1 ноября 1812 г. Бродзинскій былъ произведенъ въ поручики 2-го класса ⁴⁾, затѣмъ участвовалъ въ походѣ великой арміи на Москву, былъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ, потерялъ въ нихъ своихъ лучшихъ друзей,—брата Андрея, В. Реклевскаго, и съ остатками разбитой арміи прибылъ зимою 1813 года въ Краковъ офицеромъ артиллеріи,—чинъ, полученный имъ подъ Москвой. Здѣсь въ часы вечернихъ бесѣдъ Бродзинскій занималъ собравшееся общество своими разсказами о событіяхъ такъ неудачно кончившейся кампаніи, причемъ, какъ сообщаетъ А. Грабовскій, никогда не говорилъ лично о себѣ. Особенно жалѣлъ онъ о потерѣ цѣлой кибитки отборныхъ французскихъ книгъ, которыя собрали ему солдаты во время походовъ. Это была его единственная военная добыча ⁵⁾.

¹⁾ *Skimborowicz. „Dzieła, żywoty uczonych, pisarzy i artystów polskich oraz cudzodziemców, będących w Polsce lub jej przedmiotów dotyczących pod jakim bądź względem, porządkiem abecadłowym opisał H. S.“, t. VII. Съ этимъ интереснымъ сборникомъ мы познакомились благодаря предупредительной любезности г. С. Вольскаго, помощника библиотекаря въ библиотеку „Ordyn. gr. Krasińskich“ въ Варшавѣ.*

²⁾ „Oda na dzień wrodzin Napoleona“.

³⁾ „Gazeta Krakowska“, rok 1810.

⁴⁾ „Swiactwo komisyy wojny“. „Opis biegu...“, стр. 226. Въ „Opiekun Domowy“, 1865, Черницкій невѣрно опредѣляетъ это повышеніе другой датой—4 ноября.

⁵⁾ „Przyjaciel Ludu“, 1836, стр. 176.

1813 годъ вплоть до вступленія въ Саксонію Бродзинскій про-
велъ довольно праздно, — въ скитаніяхъ по знакомымъ и друзьямъ.
Какъ проводилъ онъ это время, мы знаемъ изъ стихотворнаго по-
сланія его къ своему другу и родственнику Шотарскому, тоже уча-
ствовавшему въ походѣ на Москву, впоследствии довольно извѣст-
ному польскому публицисту ¹⁾.

Письмо это упущено изъ виду біографами Бродзинскаго и из-
дателями его произведеній, хотя и было напечатано въ 1849 году
Войцицкимъ въ его „Жизнеописаніяхъ“ ²⁾. Письмо помѣчено 16 дека-
бря 1813 года и писано въ Свадзинѣ, гдѣ находился тогда Бродзин-
скій; изъ его содержанія мы узнаемъ, что поэтъ все это время вполне
благодумствовалъ у своихъ добрыхъ знакомыхъ (если не родствен-
никовъ) ³⁾: утромъ нѣсколько пулекъ въ марьяжъ, прогулка въ полѣ,

¹⁾ „Encyclopedja Powszechna“ Orgelbranda. W. 1867, t. 24, стр. 737.

²⁾ „Życiorysy znakomych ludzi, wsławionych w różnych zawodach“, zes. I, 1849, стр. 14.

³⁾ Считаю умѣстнымъ привести это интересное письмо цѣликомъ: „Niezmier-
nie jestem Panu obowiązany za pamięć o mnie i z uczuciem dziękuję mu za to; co
tu robię?“

„O to jest zabawa nasza:
Kiedy rano
Już filiżanki poprzątano,
Tłuczem sobie maryasza.
Skoro stary
Na nos wsadzi okulary,
Za parę godzinek potem
Stary się gospodarskim zatrudnia kło-
potem,

A ja sobie wolę
Wybiegnąć w pole,
Tam filozofa udaję
Wioski chwale, miasta ganię,
Ludzkie sądzę obyczaje;
A potem
Z powrotem
Zawijam śniadanie;
Po śniadaniu dobrze i to
Wypić wódki incognito;
Na wścigi ze staruszką
Popisujemy się duszkiem,
Aż jeden mówi pacierze,
Drugi Skarbka książkę bierze.
Siedziem każdy, jak niemy,
A jednak się bawimy.

Aże, *niestety,*
Przychodzą gazety,
Które na głos muszą czytać:
Wielu mógł Platow niewolnika
schwytać,

Co od Renu strony,

Co się dzieje od Werony?
Wiele się fortec poddało,
I co się w Paryżu działo.
I na staroświeckiej karcie,
Biorąc bulletyn na wsparcie,
Wojsk linie wyciągamy
I losy im wyznaczamy;
Idzie obiadu godzina,
I kończy się gadanina.
Aż się panienske otwały pokoje,
Wychodzi ciotka i dziewcząt dwoje.
Ta skromnością duszy mamę,
Druga zabija oczkami.
Owa bawi, że niewinna,
Wesołością nęci inna.
O posagach, spuszcznach,
O kobietach i mężczyznach,
Gdzie niepewna, gdzie gotowe,
Prowadzim ciekawę mowę.
Po obiedzie przy gitarze
Przy różnych piosneczek gwarzy
Aż lube wieczory
Nadbiegają w oka mgnienu.
Stary pacierze
Odmawia szerze,
My przy kominka płomieniu
Powszechnym zwyczajem
Fraszki sobie bajem,
Stary do Boga na niebie,
Ja wdycham J.... do ciebie“.

во время которой философическія размышленія о преимуществахъ сельскаго образа жизни; засимъ завтракъ, послѣ котораго поэтъ былъ непрочъ хватить рюмку—другую водки—„incognito“; передъ обѣдомъ чтеніе Скарбака ¹⁾, новыхъ газетъ; идетъ легкая болтовня („gadania“) о политикѣ, прерываемая обѣдомъ; послѣ обѣда и до поздняго вечера веселые галантные разговоры съ паненками о вѣрности и любви, о мужчинахъ и женщинахъ; появлялась гитара, и подъ ея акомпаниментъ вечеръ заканчивался чувствительными романами. Словомъ, время проводилось такъ, какъ всюду въ Польшѣ начала этого вѣка. Войдицкій въ своей книгѣ о Варшавѣ начала этого столѣтія ²⁾ приводитъ очень много подобныхъ романсовъ, бывшихъ тогда въ ходу (Карпинскаго и нѣкот. др.), и говорить, что гитара играла немаловажную роль въ семейныхъ развлеченияхъ въ эту глухую пору польской жизни, когда всѣ интересы сосредоточивались у семейнаго очага.

Изъ этого же посланія Бродзинскаго мы узнаемъ, что онъ ожидалъ полученія наслѣдства, а затѣмъ собирался посѣтить Познань и Краковъ. Вскорѣ однако ему пришлось вмѣстѣ съ войсками двинуться въ Саксонію; въ битвѣ при Лейпцигѣ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; выпущенный затѣмъ на честное слово, онъ отправился отдыхать къ своей теткѣ въ Суликово ³⁾, неподалеку отъ Кракова, а въ слѣдующемъ году, „потерявъ силы и охоту къ военной службѣ“, вышелъ въ отставку, полученную имъ отъ императора Александра I ⁴⁾.

Періодъ отъ 1809 по 1814 годъ мало былъ полезенъ Бродзинскому въ его умственномъ и литературномъ развитіи.

Отъ этого времени сохранилась часть походнаго дневника Бро-

¹⁾ Вѣроятно, первыя его стихотворныя работы 1808 года. Чит. „Złota Przędza“, 1885 г. т. II, стр. 96.

²⁾ „Warszawa i jej życie umysłowe i ruch literacki w ciągu lat trzydziestu“, т. III, 1880 г., стр. 12—20.

³⁾ Въ Суликовѣ Бродзинскій вполне наслаждался отдыхомъ. О томъ, какъ онъ проводилъ здѣсь время, можно судить изъ слѣдующаго отрывка его письма къ Ам. Грабовскому: „Z powin nie donoś mi nic, bo teraz chcę być ową chryzaliidą, a jak przyjdzie czas, całkiem nowo ukazać się przed światem“. Sewer. Duchnińska. „K. B-ski.“ Paryż, 1885, стр. 22.

⁴⁾ „Opis biegu życia....“. Свидѣтельство объ увольненіи подписано дивизионнымъ генераломъ Вельгорскимъ и бригаднымъ—Рентенштраухомъ.

бродзинскаго, и именно та, которая относится къ 1813 году¹⁾, но въ немъ мы находимъ нѣкоторыя данныя, относящіяся и къ предыдущему году. Какъ видно изъ этого дневника, Бродзинскій участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ—былъ подъ Можайскомъ, Смоленскомъ, участвовалъ, вѣроятно, въ сраженіи подъ Бородинымъ и тогда именно написалъ свое стихотвореніе: „Duma żołnierza nad rzeką Moskwą“. Замѣчательно то, что во всѣхъ сохранившихся отрывкахъ изъ его дневниковъ мы совершенно не замѣчаемъ никакого патріотическаго пыла и воодушевленія. Напротивъ,—всюду видимъ и читаемъ выраженія грусти, тоски, какое-то пассивное отношеніе къ совершающимся событіямъ. Ни одной бодрой, энергической мысли не высказываетъ онъ въ своихъ дневникахъ, но за то очень часто повторяются желанія, чтобы война скорѣе прекратилась; иногда встрѣчаются замѣтки о передвиженіи войскъ, о тѣхъ или другихъ военныхъ событіяхъ, но чаще Бродзинскій говоритъ о болѣе мирныхъ событіяхъ—о томъ, гдѣ и какъ принимали офицеровъ польской арміи, какія развлечения были имъ доставлены у того или другого помѣщика и т. д.

Какъ и въ прежнемъ, тарновскомъ, дневникѣ, здѣсь мы находимъ записанными отдѣльныя мысли и выдержки изъ прочитанныхъ писателей, но ихъ немного. Дмоховскій, имѣвшій въ рукахъ весь дневникъ, насчиталъ около десятка французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ именъ (англійскаго языка Бродзинскій не зналъ); изъ польскихъ авторовъ попадаются имена: *Красицкаго*, *Выбицкаго*, *Ст. Потоцкаго*, *Яронскаго*; приведено нѣсколько строчекъ изъ Лукреція, Тибулла. Подъ нѣкоторыми отрывками нѣтъ подписи, и можно думать, это эти отрывочныя мысли принадлежатъ самому Бродзинскому; таковы напр. замѣчанія о смѣлости, разсудительности, любви къ ближнему, занимающія нѣсколько страничекъ. Все это далеко не богатый запасъ литературныхъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ К. Бродзинскимъ въ бурный періодъ военной жизни.

Намъ кажется, что мы не ошибемся, если скажемъ, что Бродзинскій очень немного читалъ въ 1809—1814 годы, какъ и въ предыдущіе, да и не имѣлъ возможности много читать, какъ утвержда-

¹⁾ Часть этого дневника напечатана *Дмоховскимъ*. Почти весь онъ помѣщенъ въ статьѣ *Ходзька*: „Wzmianka o życiu...“

ютъ это нѣкоторые его біографы, не приводя, впрочемъ, достаточно вѣскихъ фактовъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ¹⁾. Прежде всего Бродзинскій, какъ молодой офицеръ, при всей своей меланхоличности, не могъ не окунуться въ вихрѣ удовольствій и развлеченій, какія представляетъ военная жизнь вообще и въ особенности въ такую пору, когда ликованіе было всеобщимъ, и обыватели (помѣщики, горожане и проч.) съ неподдѣльной радостью привѣтствовали побѣдоносное польское войско и его храбрыхъ офицеровъ. Вечера, балы, торжественныя встрѣчи, парады не могли, конечно, не отнимать много времени даже у такого скромнаго человѣка, какъ Бродзинскій. Что это было именно такъ, мы имѣемъ немало указаній въ его дневникѣ.

Сравнительно больше времени Бродзинскій имѣлъ тогда, когда бригада его стояла въ Модлинѣ, какъ это видно изъ письма Бродзинскаго къ Грабовскому ²⁾. Но и тутъ едва ли онъ могъ усердно заниматься литературой и въ особенности нѣмецкой. Это было время вполне понятнаго увлеченія всѣмъ французскимъ, начиная отъ литературы и до послѣдней пуговицы Наполеоновскаго солдата; ко всему нѣмецкому пылали ненавистью и презрѣніемъ. Мы думаемъ, что именно въ это время занимался Бродзинскій французской литературой и языкомъ, который былъ ему такъ необходимъ и на службѣ, и котораго онъ не могъ выучить за одинъ годъ (1815), какъ думаютъ нѣкоторые біографы Бродзинскаго, настолько хорошо, чтобы тотчасъ же приступить къ переводу пьесъ для сцены. Точно также и въ слѣдующіе годы, въ тяжелую пору кампаніи 1812—1813 года, не могло быть и рѣчи о какихъ-нибудь серьезныхъ литературныхъ

1) Дмоховскій, стр. 371; Ходзько, стр. 16.

2) „Przyjaciel Ludu“ w Lesznie 1836: „Kilko słów dodatkowych do artykułu o K. Br.“ Am. Gr(abowski?). Грабовскій приводит здѣсь письмо Бродзинскаго изъ Модлина съ жалобами на однообразіе и скуку гарнизонной жизни:

„Tu....
W świątyni Marsa srogiego
Kędy na okoto wały,
A w bramie żołdak zuchwały,
„Kto idzie!“ wciąż pokrzykiwa,
Z kwitami Muza pierzchliwa,

*Chociaż wołam, przyjsć się boi,
Bo szcęk słyszy Marsa zbroi.
Choćby przyszła, spiże działa
I miecze, gdyby ujrzała,
Uciekaby....“*

Изъ этого мало известнаго письма Бр-го мы видимъ, что муза не благоволила поэту; но если бы она и пришла, то испугалась бы грому и лязгу оружія.

занятіяхъ. Пребываніе въ плѣну также не могло имъ благопріятствовать, какъ и пребываніе Бродзинскаго у своей тетки въ Суликовѣ, гдѣ онъ жилъ въ теченіи 1814 года.

Такимъ образомъ *литературно-художественное и умственное развитіе К. Бродзинскаго въ эпоху 1809—1814 год. подвигалось впередъ весьма и весьма слабо*, а литературная производительность его за это время выразилась главнымъ образомъ въ сочиненіи многочисленныхъ слащаво-сентиментальныхъ стихотвореній, напечатанныхъ впоследствии подъ общимъ заглавіемъ: „*Pieśni Rolników*“.

25-го апрѣля 1814 года была объявлена русскимъ правительствомъ всеобщая амнистія лицамъ, принимавшимъ участіе въ войнѣ съ Россіей, а въ концѣ этого года Бродзинскій переѣзжаетъ на жительство въ Варшаву, съ цѣлью поступить на службу.

Нужно думать ¹⁾, что Бродзинскій поступилъ сначала въ „Komis. Oświecenia“, гдѣ получилъ довольно скромное мѣсто подканцеляриста. Но, такъ-какъ здѣсь кромѣ переписыванія начисто ничего больше не требовалось, то Бродзинскій въ началѣ 1815 года переходитъ на службу въ „Kom. Rząd. Spraw Wewnętrznych“, т. е. въ канцелярію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Первые девять мѣсяцевъ Бродзинскому пришлось прослужить бесплатно въ качествѣ адъюнкта, а затѣмъ онъ былъ въ теченіи 5 мѣсяцевъ секретаремъ бюро комиссіи со скромнымъ жалованьемъ, какъ сообщаетъ Ходзько, въ 15 прусскихъ талеровъ въ мѣсяць ²⁾. Начальство было очень довольно К. Бродзинскимъ и аттестовало его всегда самымъ лестнымъ образомъ ³⁾. Почти одновременно съ поступленіемъ на службу въ указанная выше учрежденія Бродзинскій опредѣляется на службу и въ Ликвидационную Комиссію, въ которой занимается тоже бесплатно въ теченіи первыхъ шести мѣсяцевъ, а съ 27 марта 1816 года за-

¹⁾ Въ своей автобиографич. запискѣ Бродзинскій, кажется, перепуталъ факты. Онъ говоритъ довольно неясно: „w roku 1816 po bezpłatnem zasługiwaniu się w komisji oświecenia wyznaczone miałem obowiązki zastępcy kancelisty, lecz gdy tu nie miałem innego utrudnienia, jak ciągle przepisywanie naczysto, prosiłem uwolnienie, które otrzymawszy udałem się do Kom. Rz. Spr. Wewn.“ Но изъ документовъ видно, что Бродзинскій поступилъ въ Комис. Мин. Вн. Дѣлъ уже въ 1815 году.

²⁾ D. Chodźko, „Wzmianka o życiu K. B-ego“, стр. 78.

³⁾ Такъ, напр., свидѣтельство „Kom. Rz. Sp. Wewn.“, данное Б-му при переходѣ его на службу въ „Likwidac. Komis.“, удостовѣряетъ „zdolność, pilność, pracowitość, niemniej najlepsze moralne postępowanie“. „Opis biegu życia“, стр. 227.

нимаетъ въ ней мѣсто секретаря, на которомъ и остается до прекращенія дѣятельности этой Комиссіи въ 1820 г. ¹⁾). Служба давала скудное вознагражденіе, а отнимала, конечно, много времени. Какъ разъ въ эти же годамъ относится и первый литературный гонораръ Бродзинскаго. Совершенно неожиданно элегія „на смерть Понятовскаго“ доставила ему не только громкую извѣстность, но и значительный заработокъ ²⁾). Эта элегія, произведшая въ свое время такое сильное впечатлѣніе, что ея не могли безъ слезъ слушать ³⁾, а равнымъ образомъ и нѣкоторыя другія обстоятельства выдвинули Бродзинскаго и облегчили ему доступъ въ литературные кружки. Съ 1815 года онъ входитъ въ составъ редакціи „Pam. Warszaw.“ и въ томъ же году помѣщаетъ здѣсь статью „O piśmach i życiu W. Reklewskiego“ и „Посланіе къ Ходкевичу“ ⁴⁾).

Къ 1815 или, быть можетъ, къ предыдущему году относится вступленіе Бродзинскаго и въ масонскую ложу. По крайней мѣрѣ въ 1815 году Бродзинскій выступаетъ со своими первыми масонскими стихотвореніями ⁵⁾). Участіе въ орденѣ вообще упрочило его положеніе въ Варшавѣ, доставивъ ему широкій кругъ знакомствъ и поддержку среди вліятельныхъ людей Варшавы. Бродзинскій принадлежалъ къ масонской ложѣ „Изида“, главнымъ мастеромъ которой былъ съ 1812 года знаменитый въ то время представитель и опора псевдоклассицизма, ученый, критикъ и переводчикъ — профессоръ Л. Осинскій.

Такимъ образомъ судьба благопріятствовала Бродзинскому и на первыхъ же порахъ его выступленія на литературномъ поприщѣ свела его съ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей польской литературы. Масонство облегчило Бродзинскому доступъ и въ театральныя мірокъ. Одинъ изъ современныхъ польскихъ композиторовъ, Куртинскій, былъ тоже масонъ и даже перелагалъ масонскія стихотворенія Бродзинскаго на музыку ⁶⁾).

¹⁾ Въ свидѣтельствѣ, полученномъ Бродзинскимъ отсюда, говорится, что онъ исполнялъ свои обязанности „zdatnie i gorliwie“ и „при примѣрной нравственности своего поведенія“. „Opis biegu...“, стр. 228.

²⁾ Чит. 3 гл. нашего изслѣдов.

³⁾ Чит. Wójcicki, t. III, стр. 142.

⁴⁾ „Pam. Warsz.“ 1815, t. I, 26.

⁵⁾ „Pam. Warsz.“ 1815. Ср. Załęski, „O masonii w Polsce“, Кр. 1889.

⁶⁾ „Pam. Warsz.“ 1815—1816.

Бродзинскій вскорѣ перезнакомился и съ другими лицами, имѣвшими какое-либо отношеніе къ театру и литературѣ—съ Кудlichemъ, Эльснеромъ, Липинскимъ, Жолковскимъ и друг. По порученію театральной дирекціи онъ еще съ 1815 года принимается за переводы для сцены, которые доставляютъ ему небольшой заработокъ и являются ежегодно до 1821 года, когда улучшившееся матерьяльное положеніе позволило ему бросить неблагоприятный трудъ переводчика пустыхъ оперъ, оперетокъ и проч.

Литературныя занятія не отрываютъ однако Бродзинскаго отъ обязанностей службы, и онъ по прежнему состоитъ канцелярскимъ чиновникомъ.

Въ 1816 году Бродзинскій получаетъ бесплатное мѣсто секретаря при Варшавскомъ театрѣ. Съ этимъ мѣстомъ связана была отчасти и цензура драматическихъ произведеній. Должность секретаря при драматическомъ театрѣ Бродзинскій исполнялъ въ теченіи 6 лѣтъ ¹⁾. Въ сборникахъ этого театра Бродзинскій помѣстилъ свою сцену: „Piękne sztuki“ ²⁾. Въ этомъ же (1816) году появляются его переводы изъ Шиллера ³⁾, а также первая часть его посланія къ Дафнѣ—„О поэзіи“ ⁴⁾.

Въ 1817 году онъ издаетъ вмѣстѣ съ Эльснеромъ небольшую книжечку своихъ стиховъ, написанныхъ тоническимъ размѣромъ ⁵⁾, предпосылая этимъ стихамъ предисловіе въ защиту этого стихосложенія противъ силлабическаго.

1816—1817 годы Бродзинскій проводитъ повидимому въ усиленныхъ занятіяхъ польской и нѣмецкой литературой и въ началѣ 1818 года выступаетъ со своей знаменитой статьей: „Rozprawa o klasycyzności i romantyczności“ ⁶⁾, которая замѣчательна въ исторіи польской литературы тѣмъ, что именно съ нея начинается, или по крайней мѣрѣ къ ней приурочивается, горячая полемика между классиками и романтиками.

¹⁾ Чит. „Opis biegu życia...“

²⁾ „Rocznik teatru narodowego warszawskiego“ 1816—1817, стр. 4—22.

³⁾ „Pam. Warsz.“ 1816, VI, 214: „Kassandra“.

⁴⁾ „Pam. Warsz.“ 1816, IV, 85, 456.

⁵⁾ „Bibliot. Warsz.“ 1870, III, стр. 223; id. у Ходзька.

⁶⁾ „Pam. Warsz.“ 1818, январь—май.

Написанная въ очень умѣренномъ тонѣ, статья Бродзинскаго не понравилась, конечно, классикамъ, но вовсе не вызвала преслѣдованій противъ ея автора и не доставила ему непріятностей, какъ объ этомъ повѣствуютъ вслѣдъ за Ходзькомъ ¹⁾ Крапевскій, Мехержинскій, Семенскій, Здановичъ, Одынецъ и многіе другіе польскіе критики и историки, повторяя разсказъ Ходзька о министрѣ Потоцкомъ, который будто бы крайне оскорбительно отнесся къ Бродзинскому, призвалъ его къ себѣ и, перебирая послѣдній № „*Ram. Warsz.*“, далъ ему понять, что не читалъ его статьи и даже не разрѣзалъ страницъ въ ней.

Дмоховскій совершенно основательно опровергаетъ этотъ разсказъ. Рѣчь идетъ о Станиславѣ Потоцкомъ, министрѣ народнаго просвѣщенія, а Бродзинскій служилъ мелкимъ чиновникомъ въ Ликвидационной Комиссіи и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Спрашивается, съ какой бы стати министръ народнаго просвѣщенія, польскій магнатъ, призвалъ маленькаго чиновника другаго вѣдомства для того, чтобы показать, что его статья не разрѣзана и не читана!

Наконецъ, есть достаточно данныхъ утверждать, что кружокъ классиковъ не былъ вовсе враждебно настроенъ противъ молодого автора статьи „О романтизмѣ“. Со многими изъ нихъ Бродзинскій былъ въ хорошихъ отношеніяхъ по масонской ложѣ (между прочимъ извѣстны его поздравительные стихи по случаю именинъ *Осинскаго*) и даже бывалъ на знаменитыхъ обѣдахъ генерала Красинскаго, гдѣ собирались всѣ корифеи классицизма, а также былъ постояннымъ посѣтителемъ семьи Бентковскаго ²⁾. Когда Одынецъ въ 1826 году пріѣхалъ въ Варшаву, онъ рассчитывалъ застать Бродзинскаго, съ которымъ стремился познакомиться, именно здѣсь, въ средѣ классиковъ ³⁾. Самъ *Янъ Снядецкий*, возражая на статью Бродзинскаго, отзывался объ авторѣ съ большимъ уваженіемъ и похвалою ⁴⁾.

Статья Бродзинскаго имѣла характеръ эклектической и своею умѣренностью могла скорѣе вызвать недовольство ярыхъ романти-

¹⁾ „*Wzmianka....*“, стр. 78.

²⁾ *Odyniec*, „*Wspomnienia....*“, стр. 312.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ „*Dzienn. Wil.*“ 1819, I. Чит. 2-ю главу нашей работы.

ковъ, а не классиковъ. По крайней мѣрѣ, классики выступили противъ новаго направленія ожесточенными противниками только со второй половины 20-хъ годовъ ¹⁾, когда появились на сцену украинскіе и литовскіе романтики, а вмѣстѣ съ ними и первые теоретики романтики: Островскій, Мохнадкій, Грабовскій и друг. До этого же времени классики отдѣльвались довольно добродушными насмѣшками надъ сентиментальностью и фантастической туманностью новыхъ поэтовъ. Извѣстны остроумныя выходки Людовика Осинскаго противъ романтиковъ и въ частности противъ Мицкевича; но вѣдь съ Осинскимъ Бродзинскій былъ связанъ своего рода „братскими“ узами!

Дмоховскій, ссылаясь на свои личныя воспоминанія, категорически завѣряетъ, что никакихъ преслѣдованій Бр-го положительно не было и не могло быть ²⁾. Къ тому же нужно прибавить, что Бродзинскому вовсе не принадлежитъ честь первенства въ дѣлѣ распространенія новыхъ идей. Такъ напр. переводы изъ Шиллера первымъ сдѣлалъ І. Д. Минасовичъ, принесшій еще въ 1809 году „Vogów Gtesji“ своему профессору Ф. Бентковскому ³⁾. Въ 1811 году знаменитый Венжикъ впервые объяснилъ новую теорію драматическаго искусства въ „Towarzystwie przujac. nauk“ ⁴⁾. Изъ его сужденія видно, что Венжикъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкой литературой, читалъ Шекспира, Лопе-де-Вега, Кальдерона, Альфieri; онъ цитуетъ Зюльцера „Allgemeine Theorie der schönen Künste“, и т. д. Наконецъ, почти одновременно съ Бродзинскимъ и Каласантій Шайявскій начинаетъ свои изслѣдованія по нѣмецкой философіи ⁵⁾ и печатаетъ статью о романтизмѣ ⁶⁾. Такимъ образомъ въ началѣ 20-хъ годовъ новыя идеи были уже не новость, и къ

¹⁾ *Luc. Siemiński*, „Obóz klasyków“, Полное Собр. сочин., т. 5.

²⁾ „Dalibóg—восклицаетъ онъ—gdybym nie żył w owéj epoce, a miałem *wtedy lat 18*, gdybym nie czytał i nie pamiętał, co mówiono o téj rozprawie Brodzińskiego, i jabym uwierzył téj powszechnej gadaninie i powtarzał bym za drugimi, jak gęsi za gąsiorem, że Brodziński był prześladowany przez zapamiętałych klasyków“. „Bibl. Warsz.“ 1870, III, стр. 380.

³⁾ „Cmentarz Powązkowski pod Warszawą“, т. II, 1856; Wójcicki, стр. 201.

⁴⁾ *Tomkowicz Stan.* „Przyczynek do historyi początków romantyzmu w Polsce“. „Archiw. do dziejów literatury i oświaty w Polsce“, т. I, Kraków, 1878. стр. 265, 266 и слѣд.

⁵⁾ „Złota Przędza“, IV, W. 1887. Pogląd ogólny P. Chm. XXIII.

⁶⁾ Wójcicki, т. III, стр. 139, 159.

ихъ воспріятію почва была въ достаточной степени расчищена и разрыхлена; это и сказывается въ благопріятномъ впечатлѣніи, которое произвела статья Бродзинскаго не только въ литературныхъ кружкахъ Варшавы и на провинціи, но и среди людей, стоявшихъ сравнительно далеко отъ круга литературныхъ интересовъ, какъ напр. ксендзь Каминскій.

Почти всѣми своими житейскими успѣхами Бродзинскій обязанъ въ значительной степени классикамъ, которые вообще занимали въ краѣ видное общественное положеніе, и отъ которыхъ, конечно, вполне зависѣло напр. назначеніе Бродзинскаго, не имѣвшаго университетскаго диплома, профессоромъ по кафедрѣ польской литературы въ Варшавскомъ университетѣ.

Благодаря своей статьѣ „О романтизмѣ“, Бродзинскій попалъ съ мѣста скромнаго канцелярскаго чиновника и въ учителя польской литературы и стилистики при Жолиборской школѣ Піяровъ. Дмоховскій слышалъ изъ устъ самого Бродзинскаго содержаніе письма, которое онъ получилъ отъ директора школы кс. Каминскаго. Оно написано въ крайне любезномъ и исполненномъ уваженія тонѣ: „Каминскій имѣетъ къ Бродзинскому дѣло и долженъ бы былъ *первымъ* зайти къ нему, но просить извинить его въ уваженіе къ его старости и многочисленнымъ педагогическимъ и хозяйственнымъ хлопотамъ; онъ приглашаетъ Бродзинскаго прибыть въ Жолиборъ, потому-что *хочетъ сдѣлать ему предложеніе, очень важное для интересовъ и блага учащейся молодежи*“¹⁾. Такимъ тономъ пишутъ къ людямъ уважаемымъ, а не къ выскочкамъ и новаторамъ. И дѣйствительно къ началу 20-хъ годовъ Бродзинскій былъ уже извѣстный и всѣми уважаемый писатель и педагогъ, членъ многихъ обществъ, и проч.

Въ Жолиборской школѣ Бродзинскій давалъ уроки въ теченіи четырехъ лѣтъ, одновременно съ этимъ онъ читалъ поэзію и краснорѣчіе воспитанникамъ семинаріи Піяровъ; въ теченіи двухъ лѣтъ—1819 и 1820 гг.—преподавалъ литературу въ воеводской школѣ Піяровъ, въ 6-мъ классѣ; въ томъ-же 1818 году былъ назначенъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ учителемъ литературы въ Варшавской консерваторіи, но отказался отъ этого мѣста за недостаткомъ вре-

¹⁾ Дмоховскій; „Wspomnienia“, „Bibliot. Warszawska“, 1870, t. III.

мени ¹⁾. Слѣдуетъ припомнить, что въ это самое время Бродзинскій оставался на службѣ и въ Ликвидационной Комиссiи, и въ Министерствѣ Народн. Просвѣщ., по прежнему состоялъ театральнымъ секретаремъ и цензоромъ, работалъ для Общества Церковной Музыки и перевелъ для него сочиненія Фореля о музыкѣ ²⁾ (теоретическую часть); затѣмъ, въ 1819 году онъ былъ приглашенъ Бентковскимъ въ соредакторы „*Pam. Warsz.*“, въ 1820 году избранъ въ сотрудники (*członek prywatny*) „*Towarzystwa Przyjac. Nauk*“ (нѣчто въ родѣ Шипковской „Бесѣды Любителей Русскаго Слова“), а въ 1823 г. выбранъ въ дѣйствительные члены этого общества ³⁾. Словомъ, Бродзинскаго брали, что называется, на расхватъ, и въ отношеніи къ нему мы не видимъ и тѣни какой бы то ни было враждебности. Со всѣхъ сторонъ сыпались приглашенія занять то или другое мѣсто, а вмѣстѣ съ ними улучшалось и матерьяльное положеніе Бродзинскаго—отнюдь не удѣлъ выскочекъ и новаторовъ ⁴⁾.

Весьма полезно для Бродзинскаго было участіе въ „*Pam. Warsz.*“,

¹⁾ Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ Бродзинскій былъ отличенъ начальствомъ, какъ гримѣрный чиновникъ и педагогъ. Такъ, Каэтанъ Каминскій, ректоръ конвикта Жолиборскаго, пишетъ о Бродзинскомъ, „...iż... dawał lekcye stylu i literatury z wielką pilnością i wielkim uczniów pożytkiem.... Gruntowną znajomością swego przedmiotu, pracowitością, rzadką skromnością i przykładowością obyczajów równo był pożytecznym szkolnej młodzieży we względzie naukowym i moralnym a przeto powszechny i całego zgromadzenia konwiktu zjednał sobie szacunek, powszechną miłość“ („*Opis biegu...*“, стр. 229). Точно такое же лестное свидѣтельство выдано Бродзинскому и изъ воеводской школы, въ которой Бродзинскій названъ „*wzorem nauki i spoty*“ (*ibid.*, стр. 230). Въ семинаріи Бродзинскій „*dawał piękny wzór bogobojaźności, skromności i wszystkich innych cnót chrześcijańskich*“ (*ibid.*, стр. 230). Словомъ, отзывы весьма лестные, какъ о человѣкѣ самыхъ испытанныхъ правилъ.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Изъ отчета этого общества („*Pam. Warsz.*“ 1823 годъ, V, 117) мы узнаемъ, что Бродзинскій перенесенъ изъ „*klasy przybranych członków do klasy czynnych członków*“ одновременно со Скарбкомъ и Раковецкимъ 30 апрѣля 1823 года.

⁴⁾ Въ „*Towarz. Przyjac. Nauk*“ Бродзинскому приходилось встрѣчаться со всѣми знаменитостями Варшавы. Всѣ слоны классицизма, всѣ столпы учености, собирались сюда въ сидни своей отживающей славы. Между членами существовали, по свидѣтельству Войцицкаго, самыя благожелательныя отношенія. „Это былъ одинъ семейный кружокъ, соединенный узами любви и уваженія, единой мыслью и чувствомъ“ (Wójcicki, II, 58). Бродзинскій въ этомъ кругу былъ ближе другихъ съ Голэмбевскимъ, Скродзкимъ и Скарбкомъ. Засѣданія были открыты для публики, и она аплодисментами выражала свои симпатіи. Аплодировали исключительно Нѣмцевичу, какъ предсѣдателю, Бродзинскому и Скарбку, что вызывало не разъ глухое недовольство среди стариковъ. „Это вѣдь не театръ, а ученое собраніе“, говорилъ не разъ Войцицкому извѣстный Свенцкій (*ibid.* 61).

издаваемомъ профессоромъ университета Ф. Бентковскимъ; оно доставило ему множество полезныхъ знакомствъ. При содѣйствіи Бентковскаго Бродзинскій входитъ въ болѣе близкія отношенія съ профессорами университета, съ членами Комиссіи Народнаго Образованія, между прочимъ знакомится ближе и съ знаменитымъ Шпанявскимъ ¹⁾ и такимъ образомъ подготавливаетъ себѣ дорогу въ университетъ ²⁾.

1818—1821 годы были временемъ наибольшаго разцвѣта поэтического таланта К. Бродзинскаго, періодомъ его умственного возмужанія. Съ этого времени Бродзинскій уже не двигался впередъ: взгляды опредѣлились, установились, и то, что было сказано имъ въ разсужденіи „О романтизмѣ“, составляетъ основу его міросозерцанія. Въ другихъ статьяхъ, въ своемъ курсѣ литературы, въ эстетикѣ Бродзинскій ничего новаго уже не говоритъ.

Равнымъ образомъ и въ области поэтического творчества талантъ Бродзинскаго не поднялся выше того, что было создано имъ въ эту пору („Вѣславъ“, „Ольдина“, „Легионистъ“ и проч.).

Къ этому же времени (1817—1821) относятся и его первые переводы народныхъ пѣсенъ (пѣсни Мадагаскара, Литовскія, Сербскія, Чешскія) ³⁾.

Въ 1821 году Бродзинскій печатаетъ свои произведенія въ двухъ небольшихъ томикахъ въ изданіи книгопродавца *Глюцберга*; но уже это 1-ое изданіе было принято довольно холодно польскою критикою, потому что многія произведенія Бродзинскаго (напр. „Pieśni Rolników“) устарѣли уже для 20-хъ годовъ этого столѣтія, публика переросла ихъ въ своемъ литературно-художественномъ развитіи.

Лучшіе отзывы принадлежали Дмоховскому. Одинъ отзывъ помѣщенъ въ женскомъ альманахѣ „Ванда“ за 1821 годъ (авторъ неизвѣстенъ). Но „Вандѣ“ былъ уже извѣстенъ Мицкевичъ, при-

¹⁾ О немъ чит. М. Mochacki, „Historya powstania narodu Polskiego“, а также „Złota Przędza“ 1886, t. II, P. Chm.

²⁾ Чит. Dmochowski. „Bibl. Warsz.“. 1870, t. III. „Zwykłe i ulubione jego towarzystwo, сообщаетъ Одынецъ, składali professorowie koledzy, u których skromne kolejne wieczórki obok swobodnych (?) pogadanek urozmaicały: dla młodszych gry towarzyskie, dla starszych boston lub wist szelągowy“. „Wspomnienia....“ 322.

³⁾ Читай IV-ю главу нашего изслѣдованія.

вѣтствуемый въ ней самымъ восторженнымъ образомъ ¹⁾; еще въ 1820 году мы встрѣчаемъ въ ней переводы изъ Байрона, Шиллера, Оссіана ²⁾. Въ 1821-мъ году Гоцинскій печатаетъ въ ней свою думу „Smierć Stefana Czarnieckiego“ ³⁾, въ этомъ году мы находимъ уже отрывки изъ „Child Harold'a“ ⁴⁾ и даже цѣлую статью, посвященную разбору произведеній Байрона ⁵⁾. Вполнѣ понятно, что для редакціи „Ванды“ произведенія Бродзинскаго уже не представляли литературнаго событія.

Даже Дмоховскій, человекъ умѣреннаго, эклектическаго образа мыслей, заподозриваемый въ сочувствіи классицизму, даетъ о произведеніяхъ Бродзинскаго довольно сдержанный отзывъ въ „Лит. Газетѣ“ 1822 г. ⁶⁾.

Для характеристики Дмоховскаго достаточно напомнить, что онъ въ предъидущей статьѣ хвалитъ Венжика („Rzut oka na obecny stan literatury polskiej“), а нѣсколько позже признаетъ Карпинскаго народнымъ поэтомъ ⁷⁾. И тѣмъ не менѣе и онъ находитъ, что многія произведенія Бродзинскаго имѣютъ значеніе только для полноты общаго собранія ⁸⁾. Онъ уже недоволенъ слишкомъ вольнымъ переводомъ Оссіана, но хвалитъ переводы изъ Шиллера, за исключеніемъ одного („Rycerz Togenburg“). Совершенно справедливыя и мѣткія замѣчанія, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ Дмоховскій по поводу недостатковъ языка, туманности и неправильности рѣчи, отсутствія

¹⁾ „Oryginalność, prostota, piękna, jędrna budowa wiersza, wyobraźnia żywa ognista i śmiałość myśli niezwyčajnym sposobem wyrażonych jest główną cechą tego płodu młodego bardzo wiele obiecującego poety“. „Wanda“ 1822 г., № 7, 97—114. Этотъ интересный отзывъ до сихъ поръ не отмѣченъ историками польской литературы.

²⁾ „Wanda“, tygodnik płci pięknej i literaturze poświęcony. W. 1820. t. I. „Pieśń Ateńska“, „Bogowie Grecyi“ Br. K. (43—198), „Godność kobiet“ и т. д.

³⁾ „Wanda“ 1821. t. I, стр. 26—34.

⁴⁾ Ibid. t. IV, 1—6.

⁵⁾ Ibid. t. I, 115—121.

⁶⁾ „Gazeta literacka“ 1822, № 1—21; „Piśma Brodzińskiego“, t. I. 221, t. II, 223.

⁷⁾ „Bibliot. polska“, 1825.

⁸⁾ „... Zamilczamy o reszcie: bo chociaż by można wiele jeszcze takich naliczyć, które po kilku strof prawdziwie pięknych zawierają, rzadko jednak natrafiamy na całość zupełnie wykończoną. Pewni nawet jesteśmy, że i sam autor małą do których przywiązywał wagę i dla tego je tylko w zbiorze swoim umieścił, aby nie zginęło, co zród pióra jego wyszło“. „Gaz lit.“ № 10.

связи, шероховатости стиха и слога, и пр. ¹⁾. Рецензія заканчивается искреннимъ сожалѣніемъ, что авторъ не сдѣлалъ болѣе строгаго выбора своихъ произведеній для печати. Второй отзывъ Дмоховскаго сдѣланъ имъ въ „*Bibl. Polsk.*“ за 1825 годъ ²⁾. Въ этомъ отзывѣ замѣчается уже наклонность оцѣнить историческую заслугу дѣятельности Казимира Бродзинскаго—вѣрный признакъ того, что звѣзда поэта клонилась уже къ закату. Въ такомъ же тонѣ мы встрѣчаемъ и еще два отзыва за этотъ же годъ. Знаменитый критикъ *М. Грабовскій* находитъ въ своей статьѣ ³⁾, что Бродзинскій чувствовалъ потребность новаго пути, но не былъ еще въ состояніи выполнить (*usprawiedliwić*) новыя требованія въ своихъ произведеніяхъ. Здѣсь же Грабовскій высказываетъ мысль, не разъ впоследствии повторенную польскими критиками, иногда даже безъ ссылки на автора ⁴⁾, что, „если Бродзинскій не имѣетъ еще, такъ сказать, опредѣленной фізіономіи новой школы, то слѣдуетъ отмѣтить, что это онъ сдѣлалъ огромный шагъ—отъ острословія къ мысли, отъ сентиментальности къ чувству, отъ искусственности къ натурѣ“ ⁵⁾. Въ этомъ же смыслѣ выражается и *М. Мохнацкій* ⁶⁾, который называетъ Бродзинскаго слишкомъ умѣреннымъ и осторожнымъ ⁷⁾.

Изданіемъ двухъ томиковъ своихъ произведеній Бродзинскій, думается намъ, заканчиваетъ свою поэтическую дѣятельность, и ея значеніе отходить до извѣстной степени въ область исторіи. Это сознавалось уже и современными Бродзинскому критиками и съ полной опредѣленностью выражено въ замѣчательной передовой статьѣ въ „*Now. Polsce*“ ⁸⁾, неизвѣстный авторъ которой (по всей вѣроятности Островскій или Мохнацкій) дѣлилъ литературу отъ 1815

¹⁾ Объ этомъ подробнѣе см. въ слѣдующ. главахъ.

²⁾ „*Bibl. Polsk.*“. 1825. „*Uwagi nad terażniejszym stanem, duchem i dążnością poezyi polskiej.*“

³⁾ „*Astrea*“, 1825. № 1. „*Uwagi nad balladami Stef. Witwickiego z przyłączeniem uwag ogólnych nad szkołą romantyczną w Polsce*“ (45—55).

⁴⁾ Напр. *Rogalski L.* „*Hist. lit. Polsk.*“, Warsz. 1871. т. II. стр. 391 и слѣд.; также *Wójcicki* „*Hist. literat.*“, т. IV, стр. 57; *M. Dubiecki* „*Hist. lit. polsk.*“ W. 1890. приводитъ это же мѣсто, указывая, откуда его беретъ.

⁵⁾ „*Astrea*“ 1825, № 1, стр. 54.

⁶⁾ „*Dziennik Warszawski*“, 1825. I: „O duchu i źródłach poezyi polskiej“.

⁷⁾ Отзывъ дословно повторенъ въ его „*Hist. lit. XIX w.*“, 1830 г.

⁸⁾ „*Nowa Polska*“, *dzienn. polityczny*, 5. St. 1831, № 1.

до 31 года на три періода: отъ 1815—до 1822, куда относить и Бродзинскаго; отъ 1822 до 1828 періодъ „великой, торжественной, грозной революціонной поэзіи, которая увлекла (uniósła) всѣхъ“, и наконецъ 3-й періодъ 1828—1830, когда литература явилась выразительницей общаго революціоннаго движенія ¹⁾.

Такимъ образомъ съ самаго начала 1820-хъ годовъ польская литература дѣлаетъ поворотъ налѣво: въ ней замѣчается сначала глухое броженіе, потомъ оно дѣлается все сильнѣе и сильнѣе и приводитъ къ революціи 31-го года. Бродзинскій не замѣчалъ и не понималъ этого поворота: „кто же могъ догадаться, говорилъ онъ впоследствии Островскому, что вы имѣете въ виду революцію“ ²⁾; поэтому и неудивительно, что съ самаго начала 20-хъ годовъ Бродзинскій начинаетъ сближаться съ консервативнымъ лагеремъ польской литературы и становится въ непріязненныя отношенія болѣе или менѣе ко всѣмъ романтикамъ, которыхъ онъ называетъ уже въ 1821 году „либералами“ и „демагогами“.

Въ 1821 году Бродзинскій былъ приглашенъ профессоромъ литературы въ Варшавскій лицей, а также получилъ предложеніе одновременно читать лекціи и въ университетѣ. Согласно представленіямъ Бродзинскаго, ему позволено было читать „критическую исторію литературы“ ³⁾. Но вступленіе въ университетъ не обошлось однако безъ непріятныхъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что Бродзинскій не имѣлъ никакой ученой степени, безъ которой уставъ не могъ допустить назначенія на должность профессора. Черезъ своего родственника кс. Яновскаго Бродзинскій обратился къ Краковской академіи съ просьбой, не согласна ли она будетъ удостоить его хотя бы степени магистра (кандидата), для полученія которой онъ, Бродзинскій, готовъ былъ написать диссертацию. Краковская академія отвѣтила отказомъ, поводомъ къ которому послужило, по мнѣнію Г. Черницкаго, недостаточно, впрочемъ, мотивированному, „антиромантическое настроеніе академіи“ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе назначеніе состоя-

¹⁾ Любопытно отмѣтить, что съ этимъ дѣленіемъ согласенъ до извѣстной степени и самъ Бродзинскій, имя котораго красуется среди многочисленныхъ подписей редакторовъ „*Now. Polsk.*“, включительно до 10 № этого изданія.

²⁾ „*Nowa Polska*“. 1831. 3 Мая, № 122. Исповѣдь Островскаго.

³⁾ „*Opis biegu życia*..“

⁴⁾ „*Opiekun Domowy*“, 1865, t. I. Warsz. 1866: „*Kazimierz Brodziński*“ przez Gustawa Czernickiego, стр. 206.

лось, и въ 1822 году Бродзинскій открываетъ свой курсъ лекцій въ университетѣ. Началъ онъ его 10-го октября, а кончилъ 6-го іюля 1823 года.

Въ годъ полученія Бродзинскимъ кафедры Бентковскій рѣшился прекратить „*Pam. Warsz.*“ и во всякомъ случаѣ отказаться отъ его редакціи, не будучи въ состояніи выдержать конкуренцію съ „*As-trea*“ и другими журналами болѣе живого и современнаго направленія ¹⁾. Бродзинскій, Скарбекъ и Скродзько берутся вести „*Pam. Warsz.*“ дальше, не желая повидимому, чтобы прекратилось изда-ніе, давно уже существующее. Это было единственной причиной, побудившей ихъ взяться за трудное дѣло веденія журнала, такъ какъ новые редакторы обѣщали преслѣдовать тѣ же цѣли и задачи, что и предъидущая редакція ²⁾. Улучшенія, обѣщанныя редакціей, касались только формальной стороны дѣла. Очевидно, редакторы не понимали новыхъ интересовъ, возникавшихъ въ польскомъ обществѣ, и ничего новаго не умѣли уже сказать польской публикѣ. И дѣйствительно, „*Pam. Warsz.*“ за 1822—1823 годы не только не выигралъ ничего, но даже потерялъ. По нашему мнѣнію, онъ былъ гораздо разнообразнѣе и интереснѣе до 1821 года. „Прекрасная бумага“, предложенная новой редакціей, не могла вознаградить польскую публику за пустынную бессодержательность журнала, и „*Pam. Warsz.*“ долженъ былъ прекратиться какъ отъ своего собственнаго худосочія, такъ и отъ недостатка подписчиковъ. Роль „*Pam. Warsz.*“ въ исторіи польской журналистики была сыграна, и съ этихъ поръ названіе „*Pam. Warsz.*“ никогда больше уже не воскресало ³⁾. Бродзинскій завѣдывалъ въ „*Pam. Warsz.*“ литературнымъ отдѣломъ, который былъ однако крайне бѣденъ содержаніемъ. Новыхъ литературныхъ силъ Бродзинскій не привлекъ, да и

¹⁾ Весьма любопытно то обстоятельство, что Бентковского, съ которымъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ былъ Бродзинскій, въ Вильнѣ молодые романтики, собиравшіеся на засѣданіяхъ общества Филоматовъ, уже въ 1818 году подвергали жестокимъ нападамъ и насмѣшкамъ, отъ которыхъ не спасало его даже всеобщее уваженіе къ почтенному труду его—„Польской литературѣ“. См. P. Chmielowski, „*Adam Mickiewicz*“, t. I, стр. 110.

²⁾ „*Dawność Pam. Warsz.*“, пишутъ редакторы въ объявленіи („*Prospekt do nowego wydania...*“), skłoniła niżej podpisanych do zajęcia się dalszem owego wydaniem... Nowi jego wydawcy ten sam cel, co i dawni, sobie zakładają i tych że samych podejmują się obowiązków“ („*Pam. W.*“ XXI. 482).

³⁾ Чит. Wójcicki. „*Warszawa...*“.

многія старыя отстали. Изъ поэтовъ мы встрѣчаемъ въ „Pam. Warsz.“ имена молодыхъ пріятелей Бродзинскаго: Витвицкаго и Залѣскаго, помѣщавшихъ здѣсь свои баллады и разныя стихотворенія. Изъ нихъ Витвицкій печатался въ „Pam. Warsz.“ и раньше, а первыя произведенія Залѣскаго были помѣщены въ „Dzienn. Wil.“ за 1819 годъ.

Б. Залѣсскій напечаталъ въ „Pam. Warsz.“ нѣсколько своихъ историческихъ думокъ, между прочимъ о „гетманѣ Косинскомъ“¹⁾, думку, произведшую сильное впечатлѣніе на молодыхъ романтиковъ, въ томъ числѣ и на Одынца. Кромѣ бездарнаго Витвицкаго, писавшаго въ „Pam. Warsz.“ довольно часто баллады, оды, переводы ложноклассическихъ трагедій и пр.²⁾, еще принималъ участіе Кант. Тымовскій, тоже близкій пріятель Бродзинскаго, одинъ изъ поэтовъ переходной эпохи. Онъ напечаталъ въ „Pam. Warsz.“ за эти годы нѣсколько отрывковъ изъ трагедіи „Магометъ“ Вольтера (1822 г., февр.) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній. Кромѣ того, Корженѣскій напечаталъ свое стихотворное посланіе къ Моравскому³⁾. Наряду съ этими произведеніями попадаются переводы изъ Делиля, Виргилія, Горация, нѣкоторыя стихотворенія древнихъ польскихъ писателей. Какой-то досужій пійтъ помѣстилъ здѣсь переводъ отрывка изъ „Россіады“ Хераскова (!): „Obraz Zimy“ (1823 г., апрѣль).

Стихотвореній самого Бродзинскаго немного: басни „Kłos“ и „Fłoga i Kwiat“ (не подписанныя), стихи „Pobyć w górach Kałcrskich“, читанныя на торжественномъ засѣданіи „Tow. prz. nauk“⁴⁾, и вольный переводъ двухъ актовъ „Маріи Стюартъ“ Шиллера (1822, мартъ).

1) „Pam. Warsz.“ 1823, IX. Вотъ полный списокъ произведеній І. Б. Залѣскаго, помѣщенныхъ въ „Pam. Warsz.“ за эти два года: въ 1822 г.—„Ludmiła, дума z pieśni ukraińskich“ (II. 115), „Nieszczęśliwa rodzina“, (V. 4), „Lubor, ballada z powieści ludu I. Zalewskiego“, (VI. 130), „Arab u mogiły konia“, Z., „Pieśń staroczeska“ J. Z. (IX. 9. 14). Въ 1823 году—„Wyjątek z rycerskiego rapsodu“, „Janusz Bieniawski“ (II. 161—177), „Dumka o Hetmanie Kosińskim“ (IX. 45).

2) Онъ напечаталъ въ 1822 г. „Jasio i Haneczka“, sielanka. (IV.), „Xenor i Zelina“, ballada, „Znikomość“, „Odmiana“ (X) „Obraz Zenu“, „Tryolet do Malwiny“, „Bitwa pod łogą Ossyana, przekł. wolny“; въ 1823 году.—„Odśługa“, ballada (V), „Noc“, wiersz. „Wyimek z traged. Rasyna Mitrydat“, „Kroma“, „Minwana“ (XI) изъ Оссіана.

3) „Pam. Warsz.“ 1823, VII, „Wiersz do Fr. Morawskiego.

4) 26 Ноября 1821 года; чит. „Pam. W.“ 1822, I, 3.

Изъ прозаическихъ статей мы находимъ здѣсь его юмористическіе „Listy o literaturze“ ¹⁾, статью „O idyllii pod wzgłędem moralnym“, „O satyrze“, „O elegii“, „O Фаустѣ и Твардовскомъ“ ²⁾. Бродзинскому же принадлежитъ переводъ довольно важной статьи „O poezyi ludu litewskiego“ (1822, XI, 335).

Изъ другихъ статей слѣдуетъ еще отмѣтить статью Круликовскаго: „Projekt planu nauki języka i literatury polskiej“ (1822, IV, V), „Myśli o wychowaniu kobiet“ L*** (вѣроятно, Лавоцкой), „O języku polskim“ Раковецкаго, „Wiadomość o lordzie Byronie i jego piśmach“ и „О поэзій и англійскихъ поэтахъ“ изъ „Revue Encyclopédique“ и др. Выборъ статей вообще былъ довольно случаенъ. Такою же случайностью объясняется переводъ довольно интереснаго мемуара временъ Богдана Хмельницкаго, Наливайки и Павлюка ³⁾. Въ польской литературѣ это была едва-ли не первая работа изъ исторіи Украины ⁴⁾. Бродзинскій видимо старался сдѣлать свой журналъ академическимъ органомъ и потому помѣщалъ отчеты о дѣятельности университета и „Tow. przuj. nauk“. Таково содержаніе „Pam. Warsz.“ за два года редакторства Бродзинскаго. За все это время журналъ не принималъ никакого участія въ спорахъ, оживлявшихъ другія изданія, ни разу ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу выхода въ свѣтъ произведеній Мицкевича, о которомъ печать заговорила уже въ 1821 году ⁵⁾. Ничего нѣтъ удивительнаго, что „Pam. Warsz.“ не встрѣтилъ поддержки въ публикѣ.

Романтики группировались въ другихъ изданіяхъ,—въ „Cwiczeniach“, „Pam. Nauk.“, въ „Tygodn. polsk. i zagr.“ Бруно Кицинскаго, выходившемъ съ 1818 года и имѣвшемъ значительный успѣхъ ⁶⁾, въ „Вандѣ“, служившей съ 1820 года продолженіемъ

¹⁾ Они были перепечатаны въ „Niwie“ (1876 г., т. II, 268—278). Въ „Pam. Warsz.“ они были помѣщены безъ подписи, и только въ оглавленіи содержанія 1-го тома мы находимъ буквы „К. В.“, разоблачающія автора.

²⁾ „Pam. Warsz.“ 1822. II. VI. VII, 1823. I. II. X.

³⁾ „Opis buntów ukraińskich, z hebrajskiego przekł. Sterna“. „Pam. Warsz.“ 1823. XI—XII.

⁴⁾ Въ началѣ этого столѣтія извѣстный Чацкій написалъ „O nazwisku Ukrainy o początku kozaków“. Zdanowicz—Sowiński, „Rys dziejów...“, т. II, стр. 209.

⁵⁾ „Astrea“ 1821. Д-ръ П. Хмѣлевскій не вполне точно указываетъ, какъ на первый отзывъ о Мицкевичѣ, статью Гржимала въ 1823 г. (чит. его „Ad Mickiewicza“, т. I).

⁶⁾ Въ журналѣ Кицинскаго сотрудничалъ и Горецкій, и Бродзинскій. Чит. Dmochowski, „Wspomnienia od r. 1806 do 1830“, Warszawa, 1858 г., стр. 153.

„Tygodn.“, въ „Gaz. literac.“ 1821—1822 ¹⁾. „Orzeł Biały“, въ „Astrea“, редажируемымъ Гржималой, въ „Syb. Nadwisl.“, и т. д. Въ журналѣ же Бродзинскаго остались только эклектики, да кое-кто изъ второстепенныхъ романтиковъ. Съ такими силами трудно было конкурировать, и „Ran. Warsz.“, не смотря на громкія имена редакторовъ, бѣлую бумагу и проч. формальныя достоинства, долженъ былъ прекратить свое существованіе, вслѣдствіе недостатка подписчиковъ ²⁾. Его мѣсто заступили два солидныхъ и ученыхъ журнала: „Bibl. Polska“ Дмоховскаго и „Dzien. Warszawski“, издаваемый подъ редакціей Подчашинскаго и Мохнацкаго.

1821—1823 годы жизни Бродзинскаго отмѣчены изумительно плодотворной дѣятельностью. За это время онъ составляетъ свою „критическую исторію польской литературы“, впервые перечитавъ для этого многіе уже забытые памятники литературы, также курсъ эстетики, стилистики, продолжаетъ журнальную дѣятельность, редактируя литературный отдѣлъ „Ran. Warsz.“, печатаетъ въ немъ, а также и отдѣльно, болѣе двадцати статей оригинальныхъ и переводныхъ; наконецъ, по заказу книгопродавца Глюцберга переводить Гёте „Cierpienia młodego Wertera“ ³⁾. Такая плодотворность Бродзинскаго при неизбѣжной поспѣшности въ работѣ отражалась на внутреннемъ достоинствѣ его произведеній и крайне вредно вліяла на его здоровье. Весною 1824 года Бродзинскій для поправленія своего надорваннаго работой здоровья выѣзжаетъ за границу и направляется въ Италію.

По дорогѣ онъ гоститъ въ Прагѣ, гдѣ знакомится съ чешскими писателями и чешской литературой, дружится съ *Челяковскимъ* и *Колларомъ* ⁴⁾. Но не доѣхавъ до Рима, онъ возвращается въ Чехію, въ „Королевы Вары“, гдѣ остается для пользованія мѣстными водами.

¹⁾ Появленіе ея было огромнымъ событіемъ въ журналистикѣ того времени. Чит. P. Chmielowski, „Ad. Mickiewicz“, I, 189.

²⁾ Wójcicki, „Warszawa“, 1880, стр. 79, 153.

³⁾ Wójcicki, t. III, стр. 135. За свой переводъ Бродзинскій получилъ 300 zł. а изданіе, напечатанное въ 1500 экземплярахъ, разошлось въ три мѣсяца. Переводъ былъ встрѣченъ восторженными отзывами въ „Gaz. Liter.“ за 1821 (на переводъ однако стоитъ 1822 годъ. Чит. P. Chmielowski, „A. Mickiewicz“, t. I, 189).

⁴⁾ Чит. *Felinka*, „Brodziński i Czelakowski“, „Kraj“ 1888, № 18, dodatek.

„Чешская вода, пишеть онъ по этому поводу Челяковскому, полезнѣ мнѣ, чѣмъ итальянское вино“¹⁾.

Пробывъ нѣкоторое время на водахъ, онъ переѣзжаетъ въ Швейцарію, посѣщаетъ Парижъ и въ 1826 году возвращается въ Варшаву черезъ Франкфуртъ, Дрезденъ, Бреславль, съ однимъ ясно прочувствованнымъ убѣжденіемъ, что „дома лучше“.

Какія впечатлѣнія кромѣ того вынесъ Бродзинскій изъ своего продолжительнаго путешествія,—мы не знаемъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ-какъ дорожныя замѣтки и наблюденія даютъ превосходный матерьялъ для характеристики умственной и нравственной фizioноміи путешественника. Дневникъ, веденный въ это время Бродзинскимъ, почти ничего не даетъ въ этомъ отношеніи; потому мы и въ правѣ предположить, что путешествіе не произвело сильнаго впечатлѣнія на Бродзинскаго и оставило слабый слѣдъ въ его умственномъ развитіи. Вообще онъ былъ мало наблюдательнымъ человекомъ. Если мы припомнимъ походный его дневникъ изъ временъ наполеоновскихъ войнъ, то и здѣсь поразить насъ та же скудость впечатлѣній.

Въ Варшавѣ Бродзинскаго, видимо, ожидали еще раньше, въ 1825 году, и въ росписаніи лекцій на этотъ годъ мы находимъ и его фамилію, причемъ сказано, что о времени чтенія лекцій будетъ объявлено послѣ (*diebus et horis posthac designandis*).

Въ 1825 же году Бродзинскій былъ удостоенъ степени доктора философіи и утвержденъ въ степени ординарнаго профессора²⁾. Въ 1826 году послѣ двухъ-лѣтняго перерыва Бродзинскій возобновляетъ свой курсъ литературы и между прочимъ на торжественномъ актѣ говоритъ очень интересную рѣчь „*O powołaniu i obowiązkach młodzieży akademickiej*“, а въ торжественномъ засѣданіи „*Tow. Przej. nauk*“ свое стихотвореніе „*Pobyt w Alpach*“.

Въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ по возвращеніи онъ читаетъ кромѣ литературы и курсъ эстетики, по одному часу, а третій часъ по прежнему удѣляетъ практическимъ занятіямъ³⁾.

Увидѣвъ, что курсомъ эстетики студенты мало интересуются, Бродзинскій прекращаетъ ея чтеніе и преподаетъ стилистику и курсъ

¹⁾ Ibid., стр. 5.

²⁾ P. *Chmielowski*, „*Studia...*“, стр. 149.

³⁾ „*Index praelectionum*“ за 1826—7 и 1827—8 учебные годы.

литературы, перенеся утреннія лекціи на вечеръ (отъ 5 до 6 час. въ тѣ же дни). Въ такомъ видѣ читалъ онъ свои лекціи до самаго закрытія университета, послѣдовавшаго въ 1831 году.

Еще въ 1826 году, по возвращеніи изъ-за границы, какъ сообщаетъ Дмоховскій, Бродзинскій женился на дочери варшавскаго обывателя Викторіи Голли.

Въ семейной жизни онъ былъ очень счастливъ. Одынецъ познакомился съ его женой въ годъ своего вторичнаго пріѣзда въ Варшаву и отзывается о ней съ большимъ уваженіемъ: „рѣдко, говоритъ онъ, встрѣчалось мнѣ видѣть такую удачно подобранную пару не только по характеру, но даже и по внѣшности и по выраженію лица. Очевидно, это была „жена, отъ Бога опредѣленная“, какой считалъ ее и самъ Бродзинскій, и хотя впоследствии мнѣ приходилось не разъ выслушивать мнѣнія, что она не подходила ему по своему умственному развитію и образованію, но я лично, какъ свидѣтель и очевидецъ ихъ счастливой семейной жизни, пришелъ только къ убѣжденію, что предопредѣленіе видимо не по этому камертону устанавливаетъ гармонію въ супружескихъ отношеніяхъ“¹⁾.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Бродзинскій и не требовалъ отъ жены образованія, въ женщинѣ не искалъ ничего больше, какъ такъ называемыхъ семейныхъ добродѣтелей: домовитости, кротости, умѣнья хозяйничать и любви къ дѣтямъ. „Для женщинъ, говорилъ онъ, семья—это весь міръ, для мужчины весь міръ—его семья“²⁾.

Къ характеристикѣ Бродзинскаго и его жены нужно прибавить еще одну общую имъ черту—необыкновенную робость, которая была отчасти слѣдствіемъ ихъ природной скромности и воспитанія, отчасти объяснялась темпераментомъ. Бродзинскій былъ внимательнымъ и полнымъ нѣжности мужемъ и отцомъ³⁾. Для своей единственной и нѣжно любимой дочери Каруси онъ написалъ и свои „Wspomnienia“⁴⁾.

1) „Wspomnienia“, стр. 315.

2) Чит. „Różne myśli o kobietach“, „Myśli o wychowaniu kobiet“, „Piękność i wyniosłość“ и друг.

3) Чит. „Wspomnienia...“, 316—317.

4) „Wspomnienia“, 148.

Семейное счастье съ одной стороны, съ другой солидное общественное положеніе и матерьяльная обеспеченность наполнили душу Бродзинскаго полнымъ спокойствіемъ и довольствомъ. Ничего большаго и лучшаго онъ не ожидалъ и не желалъ; оставалось только заботиться о здоровьѣ, сохранять приобрѣтенное, довольствуясь установленнымъ *statu quo*.

Такое настроеніе въ связи съ растущимъ по мѣрѣ житейскихъ успѣховъ самоуваженіемъ отражается въ его отношеніяхъ къ различнымъ партіямъ и во взглядахъ на разные политическіе вопросы. Какъ мы уже говорили, съ самаго начала 20-хъ годовъ выступаютъ на арену литературы и публицистики виленскіе и украинскіе романтики и подъ прикрытіемъ споровъ о классицизмѣ и романтизмѣ готовятъ общество къ революціи. Островскій, Грабовскій, Мохнадкій, Гоцинскій, Ляхъ Ширма, самъ Мицкевичъ становятся во главѣ этого направленія и открываютъ бой цѣлымъ рядомъ задорныхъ, страстныхъ статей, въ которыхъ стараются прикрыть свои политическія тенденціи литературной ферулой.

На то, что польскій романтизмъ безспорно имѣлъ революціонный характеръ, указываютъ Брандесъ ¹⁾, Хмѣлевскій, Белциковскій, Дмоховскій и многіе другіе (мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе поговорить объ этомъ). Революціонность новаго направленія живо чувствовалась упитанными и отяжелѣвшими классиками и вообще всѣми благонамѣренными людьми. Уже въ 1821 году, какъ мы указывали, Бродзинскій называетъ представителей новаго направленія „либералами“ и „демагогами“ ²⁾.

Со второй половины 20-хъ годовъ полемика дѣлается все болѣе и болѣе оживленной, нападки на отжившій классицизмъ все громче и сильнѣе. Въ лицѣ ея представителей романтики стремились заклеить презрѣніемъ всѣхъ сторонниковъ существующаго порядка.

При такихъ условіяхъ, конечно, тщетно пытался Бродзинскій взывать къ голосу разсудительности, тщетно совѣтовалъ умѣренность и благоразуміе въ движеніи, въ которомъ не участвовалъ и значенія коего не понималъ. Романтики долгое время относились къ Брод-

¹⁾ „O poezji polskiéj XIX stulec“, W. 1887.

²⁾ Чит. 2-ю главу.

зинскому съ почтеніемъ; признавая за нимъ довольно почетную роль въ исторіи развитія польской литературы, они долгое время старались объяснить себѣ очень многое въ произведеніяхъ Бродзинскаго излишней умѣренностью автора, его скромностью, темпераментомъ. Надъ нимъ подпучивалъ Мицкевичъ, первоначально довольно скромно полемизировалъ Мохнацкій, но по мѣрѣ сближенія Бродзинскаго съ классиками раздраженіе все росло и росло взаимно. Въ 1830 году Бродзинскій выпускаетъ 1-й томъ предполагавшагося полнаго собранія его произведеній ¹⁾, и здѣсь помѣщаетъ гнѣвную статью „O exaltacy“, всецѣло направленную противъ романтиковъ. Дальше молчать нельзя было; уваженіемъ и личными симпатіями къ Бродзинскому приходилось пожертвовать ради успѣха того дѣла, которое составляло цѣль всей романтической агитаціи. Какъ извѣстно, враждебныя рецензіи такъ ошеломили Казимира Бродзинскаго, что онъ оставилъ мысль о продолженіи изданія и даже прекратилъ печатать свои стихотворенія въ журналахъ. Первое рѣшительное нападеніе было сдѣлано Мохнацкимъ ²⁾; вслѣдъ за нимъ написалъ великолѣпную, полную изумительной энергіи и ѣдкости статью І. Островскій ³⁾; это былъ бурный порывъ вѣтра, предшествующій революціонному урагану. Бродзинскій былъ имъ уничтоженъ, стеръ съ лица земли; романтизмъ могъ торжествовать полное низверженіе авторитетовъ. Тщетно Бродзинскій старается возражать ⁴⁾, въ его же защиту выступаетъ Р—а ⁵⁾ и отчасти Е. К. ⁶⁾ и неизвѣстный авторъ рецензіи въ „Pam. dla p̄ci piękn.“ ⁷⁾—все это уже не могло вернуть Бродзинскому его значенія, молодежь неудержимо стремилась къ перевороту, къ которому вело тайное общество, устроенное П. Высоцкимъ 15-го декабря 1828 года ⁸⁾ при участіи почти всѣхъ выдающихся силъ романтиковъ ⁹⁾. До конца 1830 года идетъ

1) „Piśma rozmaite K. B-ego“, t. I, Warszawa, nakładem autora, 1830.

2) *Wójcicki*. „Warszawa....“, стр. 119.

3) „Dziennik powszechny krajowy“ 1830, № 130: „Co są prawidła“, стр. 660—662.

4) *Ibid.* № 134, стр. 684.

5) *Ibid.* № 136. Отвѣтъ Островскаго въ № 140.

6) „Gazeta Polska“ 1830, № 124.

7) „Pam. dla p̄ci pięknej“ t. II. „Piśma K. B-ego“, стр. 175, также 85 рецензія элегія, t. I.

8) *M. Mochmacki*, „Powstanie Narodu Polskiego“, t. II, 1863, Poznań.

9) *Ibid.* стр. 85—86.

еще замаскированная якобы литературная борьба, въ которой на сторонѣ романтиковъ, т. е. заговорщиковъ, стоятъ „Dz. Powsz. Krajowy“ и „Kurj. Polski“¹⁾, на сторонѣ противниковъ — „Gazeta Polska“, къ которой примыкаетъ и Бродзинскій.

Въ ноябрѣ вспыхнула революція, и бурный потокъ ея унесъ съ собою и Бродзинскаго²⁾. 7-го декабря онъ уже молится „Do Boga“:

Z gruzów więzienia wołamy do ciebie:
Wróć nam ojczyznę, o Boże na niebie,
Bez której równie, jak bez ciebie, Boże,
Lech żyć nie może!³⁾

10-го декабря онъ печатаетъ другой гимнъ, распѣваемый на мотивъ Домбровскаго:

Padły turmy, spadły pęta,
Wolnym słońce świeci.
Ledwo do cię, Matko Święta,
Serce nie wyleci⁴⁾.

Бродзинскій призываетъ всѣхъ:

Hej! słuchajcie w cztery strony,
Wy, bracia dalecy!
Rzućcie jarzma, rzućcie brony,
A kosy na plece.

Такое же воинственное стихотвореніе печатаетъ Бродзинскій и на слѣдующій день⁵⁾:

Dalej do broni, do broni, sarmaci!
Ostatnia godzina biła.
Powstańcie z martwych, martwych wzbudźcie braci:
Będzie Lechja, czem była.

¹⁾ М. Mochacki, „Hystorya powstania“, т. II, а также Smit, „Geschichte des polnischen Aufstandes“, I. Сравн. Spacer, „Geschichte des Aufstandes“, I.

²⁾ „Zwiędły już i schorzały, говорить о немъ Загѣвскій, одзyskal żartkość Napoleońskiego wojaka, jak mógł i umiał najlepiej krzątał się około sprawy: na posterunkach w stolicy z karabinem na plecach, przedumał wiele nocy i owoce tych dumań przesyła członkom rady“. (Duchińska..., 46).

³⁾ „Patryota“, № 7. Перепечатано въ „Bard Oswobodzonej Polski“, а также въ сборникъ „Zbiór piśm rozmaitych, w czasie powstania wychodzących“.

⁴⁾ „Patryota“, № 10, „Mazur“. Оно же въ „Podchorążym“, № 5, 14 Grudnia. Всѣ стихотворенія этого періода не вошли въ собраніе соч. Б.—го.

⁵⁾ Ibid. № 11.

6-го января онъ печатаетъ въ „Kurj. Polsk.“ стихотвореніе „Do Polek“, въ которомъ объясняетъ, что „tylko w wolnej piersi meza prawa miłość dla was pała, Polka tylko ta zwycięża, co wolnem serce dała¹⁾. 28-го января помѣщаетъ огромное стихотвореніе въ „Now. Polsk.“, представляющее очеркъ прошлаго со времени Вѣнскаго конгресса и до новыхъ дней²⁾. Стихи Бродзинскаго видимо нравились, какъ это видно изъ того, что они перепечатывались одновременно нѣсколькими изданіями. Съ 5-го января 1831 года начинается выходить новый органъ „Nowa Polska“, и въ немъ въ числѣ многочисленныхъ редакторовъ, подписывающихъ его (Лелевеля, Высоцкаго, В. Мохнацкаго, М. Мохнацкаго, Островскаго, В. Zwierzchowski, Ад. Гуровскаго, І. Богд. Залѣскаго, Nabelaka), мы находимъ на третьемъ мѣстѣ и подпись Бродзинскаго. Очевидно, состоялось примиреніе съ романтиками, когда выяснилась истинная причина ихъ нападокъ, и романтики были не прочь воспользоваться и именованъ низвергнутаго авторитета. Но полнаго сближенія быть не могло: между Бродзинскимъ и романтиками было органическое несходство въ настроеніи и міровоззрѣніи, и вотъ поэтому возникаютъ, вѣроятно, вновь несогласія въ самомъ составѣ редакціи, и съ № 10-го имя Бродзинскаго уже не стоитъ въ спискѣ редакторовъ, а вмѣсто него появляется имя Гощинскаго. Въ № 20-мъ, по поводу новыхъ недоразумѣній, Бродзинскій опять полемизуетъ съ Островскимъ³⁾. Впрочемъ, прежней вражды уже не было, и въ началѣ мая Островскій пишетъ свою исповѣдь, въ которой воздастъ должное заслугамъ Бродзинскаго, высказываетъ ему глубочайшее почтеніе и признательность за вліяніе, какое имѣли на него въ молодости произведенія Бродзинскаго, и откровенно объясняетъ свои прежнія нападки на него политическими причинами⁴⁾.

Болѣе близкаго участія въ событіяхъ 1831 года, какъ кажется, Бродзинскій не принималъ. Все ограничилось нѣсколькими стихотвореніями. 1 апрѣля онъ еще напечаталъ въ „Kurj. Polsk.“ три стихотворенія: „Dumka“, „Nadgrobek Julianowi Małachowskiemu“, „Nad-

1) „Kurjer Polski“ 6 Stycznia, № 382, стр. 1978.

2) „Nowa Polska“, 1831, № 31, 28 St. „Rok 1830“.

3) „Odpowiedź I. B. Os-kiemu“, 24 Stycznia.

4) „Nowa Polska“ 1831, № 122.

grobek Kasim. Plichtie“¹⁾, а на пасху въ томъ же изданіи²⁾ „Na dzień zmartwychwstania Pańskiego“, гдѣ проглядываетъ мысль провести аналогію между страданіями и воскресеніемъ Христа и польскимъ народомъ. Около этого же времени Бродзинскому было сдѣлано предложеніе взять на себя редакцію новаго органа: „Zjednoczenie“, но онъ отказался³⁾, хотя и напечаталъ здѣсь свое послѣднее произведеніе, относящееся къ этому времени⁴⁾; 8-го мая Бродзинскій на засѣданіи „Tow. przuj nauk“ держалъ рѣчь „O narodowości“⁵⁾, въ которой силенъ религіозно-мистическій элементъ, и которая заключаетъ въ себѣ нападки на Вѣнскій конгрессъ и Александра I.

Такъ-какъ активнаго участія въ борьбѣ Бродзинскій не принималъ, то по окончаніи войны онъ могъ остаться въ Варшавѣ и даже получилъ пенсіонъ, какъ бывший профессоръ только-что закрытаго университета. Чтобы поправить свое стѣсненное положеніе, Бродзинскій вновь берется за трудъ журналиста, принимаетъ на себя редакцію журнала „Magazyn-powszechny“ и издаетъ альманахъ „Jutrzenka“ и проч.⁶⁾

Въ послѣдній періодъ его жизни усиливается религіозно-мистическое направленіе, и въ его взглядахъ проскальзываютъ нѣкоторыя черты позднѣйшаго мессіанизма⁷⁾.

Здоровье Бродзинскаго все болѣе и болѣе слабѣло. Въ послѣдніе годы у него образовался на правомъ плечѣ какой-то наростъ, который не давалъ ему покоя.

Для поправленія здоровья онъ выѣзжаетъ въ началѣ 1835 года за границу (по паспорту)⁸⁾. Въ началѣ іюня этого же года съ

1) „Kurjer Polski“, 1831, № 535.

2) Ibid. № 487, стр. 507.

3) „Nowa Polska“, № 167.

4) „Zjednoczenie, dziennik narodowości poświęcony“. Rok 1831 dnia 1 Lipca. „Do Gospodarza. Pieśń za czasów Rosyjskich napisana“. K. Br.

5) „Mowa o Narodowości“, „Bibl. Mrówki“, t. 52, Lw. 1878.

6) *Maryan Dubecki*, „Historia literatury Polskiej, na tle dziejów narodu kre-lona“, Warsz. 1890. Дубецкій говоритъ: „Od roku 1823 (? 1833) kierował „Magaz. Powszechnym“, które w swoim czasie budziło umysł z uspienia w epoce niepomysłnej dla piśmiennictwa“, стр. 180.

7) Чит. „Posłanie do braci wygnañców“, „Bibl. Mrówki“, t. 52. Lw. 1878.

8) Крашевскій сообщаетъ („Atheneum“ 1844, VI, стр. 37), что Бродзинскій выѣхалъ первоначально только для отдыха въ Краковъ въ 1834 году, потомъ возвратился въ Варшаву и оттуда уже, не чувствуя улучшения здоровья, выѣхалъ за границу. Послѣдній вечеръ провелъ Бродзинскій въ домѣ своихъ друзей Лестоцкихъ (S. Duchńska, „K. B-ski“, стр. 54—55).

нимъ неожиданно встрѣтился на улицахъ Дрездена Одынецъ и былъ пораженъ вѣшнымъ видомъ Бродзинскаго.

„Физическія и нравственныя страданія слились въ одномъ выраженіи его блѣднаго, какъ будто еще болѣе уменьшившагося лица“. Бродзинскій какъ разъ искалъ Одынца, о пріѣздѣ котораго въ Дрезденъ онъ узналъ изъ только-что полученнаго письма Легоцкой.

Здѣсь въ Дрезденѣ Одынецъ нашелъ для больного Бродзинскаго подходящее помѣщеніе—квартиру, на которой поочередно жили уже Гарчинскій, Витвицкій и Горецкій. Больного не покидали его друзья и знакомые. Очень часто навѣщали его, кромѣ Одынца, Ад. Циховскій и семейство Водзицкихъ, съ которымъ Бродзинскій былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ.

За время трехнедѣльнаго пребыванія Бродзинскаго въ Дрезденѣ въ здоровьи его послѣдовало замѣтное улучшение; поэтъ оживился и съ удовольствіемъ рассказывалъ Одынцу различные эпизоды своей жизни: вспоминалъ о братѣ, о Реклевскомъ и съ благодарностью говорилъ о томъ вліяніи, какое оказалъ онъ на его развитіе. Говорилъ также о томъ, что писалъ, — о своихъ рукописяхъ, и сообщилъ между прочимъ и о томъ, что оставилъ въ Царствѣ Польскомъ начисто переписанныя „воспоминанія молодости“¹⁾, а также очень важную по его мнѣнію историческую статью: „*O trzech epokach kształtowania się i objawiania charakteru szlachty naszej pod wpływem szczi Bogarodzicy*“. Въ концѣ іюня Бродзинскій выѣхалъ на воды въ Карльсбадъ²⁾, а въ августѣ возвратился въ Дрезденъ совершенно умирающимъ человѣкомъ³⁾.

1) По поводу этихъ воспоминаній, а также многихъ другихъ рукописей Бродзинскаго г-жа Духинская (стр. 55) утверждаетъ, что вскорѣ послѣ смерти поэта у его жены былъ произведенъ обыскъ и по странной случайности обыскъ производилъ извѣстный малорусскій писатель Стороженко, который и захватилъ съ собой всѣ рукописи Бродзинскаго, пересылая потомъ отрывки изъ нихъ въ ту или другую польскую газету. Насколько это вѣрно, судить не беремся.

2) Передъ отъѣздомъ въ Карльсбадъ, Бродзинскій написалъ Одынцу на клочкѣ бумаги два двуступія, въ которыхъ, вѣроятно, хотѣлъ выразить свой взглядъ на жизнь и общественную дѣятельность:

„Nie zważaj, że cię zarzut samolubstwa czeka;
Mów o sobie, gdy w sobie zbadalesz człowieka“.

и

„Drobiazg nie jest błagoscią. Drobną w kroplach rosa
Rzeźwi ziemię i odbija niebiosa“.

Это были послѣднія написанныя имъ въ жизни строчки („Wspom. z przeszł.“, Одынца).

3) Послѣднія минуты его жизни описаны Одынцемъ въ его „Wspomn. z przeszłości“.

Физическія страданія, а также безпокойство и заботы о семьѣ, онъ переносилъ съ терпѣливымъ смиреніемъ искренне вѣрующаго, религіознаго человѣка. „Это была тихая покорность волѣ Бога, власть котораго и Его предопредѣленія Бродзинскій признавалъ въ теченіи всей своей жизни“¹⁾.

Незадолго до смерти Бродзинскій видѣлъ сонъ: ему казалось, что Искушитель пришелъ за нимъ, и онъ былъ убѣжденъ, что это видѣніе было на яву и знаменуетъ скорую его кончину. Онъ продиктовалъ Одынцу письмо къ своей женѣ, исповѣдался у нѣмецкаго священника Мильде и тихо скончался 16-го октября 1835 года, мирно освѣщаемый догорающими лучами заходящаго солнца.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти Одынецъ написалъ прочувствованное стихотвореніе, въ которомъ описываетъ послѣднія минуты усопшаго, и которое много разъ потомъ было напечатано въ различныхъ изданіяхъ²⁾. Смерть Бродзинскаго, кромѣ Одынца оплакали, сколько намъ извѣстно, еще два поэта. Изъ нихъ первому Ясковскому, принадлежитъ элегія, сообщаемая Скимборовичемъ³⁾. Она оканчивается такъ:

„Wśród wesela, czy wśród trudu
Czyjeż miłsze pieśni, czyje?
Płacz, prostoto! o płacz, ludu:
Twój poeta już nie żyje!“

Другая элегія — „Do K. B., duma żalu“ была написана А. Войсковскимъ⁴⁾.

Пробѣгая мысленно сдѣланный нами краткій біографическій очеркъ, нельзя не обратить вниманія на тѣ условія, въ которыхъ завершается вся литературная и ученая дѣятельность Казимира Бродзинскаго. Вся огромная масса его оригинальныхъ произведеній, его многочисленные переводы, его научныя статьи, курсы университетскихъ лекцій, все это появляется приблизительно въ 12-лѣтній промежутокъ времени между 1818—1830 годами. За 12 какихъ-нибудь лѣтъ Бродзинскимъ напечатано по нашему рассчету не ме-

1) Odyniec, *ibid.*

2) Чит. „Złota Przędza“, I, 1884, стр. 48.

3) „Przegląd Naukowy“, 1842, t. III.

4) „Tygodnik literacki“, 1841, t. IV.

нѣе 8000 страницъ печати in—4⁰. Такая изумительная плодовитость должна была неизбѣжно отразиться на содержаніи его произведеній. Бродзинскому положительно некогда было, при многочисленности своихъ не только литературныхъ, но и служебныхъ занятій, вдумываться въ свои произведенія, расширить свой кругозоръ основательнымъ и разностороннимъ образованіемъ. Мы уже говорили, что до 1815 года Бродзинскій имѣлъ еще меньшую возможность заняться своимъ развитіемъ. Мы думаемъ, что только періодъ между 1815—1818 годами былъ самымъ свободнымъ временемъ для Бродзинскаго, и тогда-то, мы полагаемъ, онъ и приобрѣлъ главнымъ образомъ знакомство съ французской и нѣмецкой литературами. Съ 1818 года, мы убѣждены въ этомъ, Бродзинскому приходилось больше давать, чѣмъ брать; поэтому-то мы и не замѣчаемъ при всемъ обиліи его работъ за это время почти никакого качественного движенія впередъ, никакихъ данныхъ въ пользу того, что мысль писателя и его духовная пытливость продолжали работать.

Какъ поэтъ, онъ былъ человѣкомъ очень мало наблюдательнымъ и вынесъ изъ жизни весьма небольшой запасъ художественныхъ образовъ и впечатлѣній; какъ ученый и какъ критикъ, онъ обнаруживаетъ весьма ничтожную оригинальность. Въ своихъ научныхъ и критическихъ работахъ Бродзинскій обыкновенно слѣдовалъ тому или другому европейскому образцу, но такъ-какъ времени и развитія у него не хватало для того, чтобы углубиться, уразумѣть изучаемаго писателя, то и сказывается во всѣхъ его произведеніяхъ одна и та же любопытная черта: вопросъ трактуется всегда поверхностно, авторъ избѣгаетъ философскихъ абстракцій, которыя ему кажутся туманной метафизикой; онъ стремится стать на практическую почву, благодаря чему его статьи выигрываютъ въ популярности, но много теряютъ въ содержательности и вѣрности сужденій, подчасъ совершенно искажающихъ подлинникъ. Такъ напр., переработано Бродзинскимъ разсужденіе Шиллера: „*Ueber naive und sentimentalische Poësie*“, совершенно утратившее въ передѣлкѣ Бродзинскаго свой философскій, глубокомысленный характеръ¹⁾; другое разсужденіе Шиллера „*Die Schaubühne, als eine moralische Anstalt betrachtet*“, было совершенно не понято и даже извращено Бродзинскимъ въ курьез-

1) Чит. его статьи: „объ идилліи“, „элегія“, „сатиры“ и т. д.

ной статьѣ „O dążeniu polskiej literatury“. Статья Гердера, переведенная Бродзинскимъ для „*Pat. Warsz.*“ (1820)¹⁾, подверглась такимъ же измѣненіямъ, равно какъ и знаменитая статья Шеллинга „*Ueber das akademische Studium*“, имѣвшая вполне философскій характеръ и получившая практическую обработку въ рѣчи Бродзинскаго „*O powołaniu i obowiązkach młodzieży akademickiej*“ (1826). Въ своемъ курсѣ стилистики, какъ сознается и самъ Бродзинскій²⁾, онъ пользовался преимущественно трудомъ Аделунга „*Ueber den deutschen Styl*“; въ курсѣ эстетики цѣлая глава „*O возвышенномъ и прекрасномъ*“ есть почти дословный переводъ изъ Канта „*Ueber das Schöne und Erhabene*“, на что обратила уже въ свое время вниманіе г-жа Земенская, скромно замѣтившая, что Бродзинскій слишкомъ ужъ много выписокъ дѣлаетъ изъ Канта³⁾. Многія размышленія Бродзинскаго о нѣмцахъ и романтизмѣ навѣяны книгой *m-me de Staël* „*De l'Allemagne*“; его сужденія о Шекспирѣ и даже цѣлыя отрывки заимствованы у Шлегеля⁴⁾. Увлеченіе Оссіаномъ, интересъ къ народной поэзіи—дѣло вліянія Гердера. Нечего, конечно, и говорить, что имѣла огромное вліяніе и „*Hamburgische Dramaturgie*“ Лессинга, послужившая основой для статьи „*O dramaturge polskiej*“. Даже въ работахъ по исторіи польской литературы проявляется та же несамостоятельность ума Бродзинскаго. Какъ извѣстно, все дѣленіе исторіи польской литературы на періоды заимствовано имъ изъ почтеннаго труда Бентковскаго⁵⁾.

Такая же несамостоятельность, какъ мы докажемъ ниже, характеризуетъ и поэтическую дѣятельность Бродзинскаго.

Отсутствіе самостоятельности Бродзинскій старался замѣнить усердіемъ и трудолюбіемъ. Его способность къ работѣ по истинѣ поразительна. При той ограниченности времени, какое онъ могъ удѣлять чтенію европейской литературы, становится просто непо-

1) „*O wpływie rządu na nauki i nauk na rząd*“.

2) „*Pisma*“, Poznań, t. V, 140.

3) „*Pierwiosnek, złożony z pism samych dam...*“ 1841: „*Poezya i K. z Krolówki*“, E. Z.

4) Bełcikowski, „*Ze studyów...*“, стр. 447. Да и статья о романтизмѣ напоминаетъ во многомъ лекціи Шлегеля о новой и древней литературѣ.

5) F. Bentkowski, „*Historia literatury polskiej, wystawiona w spisie dzieł drukiem ogłoszonych*“, Warszawa, 1814, t. I, II, трудъ, имѣющій, по мнѣнію Эстрейхера, и до сихъ поръ громадную научную цѣнность.

натымъ, когда и гдѣ Бродзинскій могъ приобрести столь значительныя познанія въ этой области. Онъ былъ знакомъ со всѣми произведеніями французскихъ и нѣмецкихъ ложноклассиковъ и переводилъ отрывки изъ нихъ; кромѣ Корнеля, Расина, Вольтера, онъ читалъ Мольера ¹⁾. Изъ нѣмцевъ, кромѣ Геснера, ему извѣстны, и онъ часто упоминаетъ Галлера, Гагедорна, Утца, Виланда, съ которыми познакомился еще въ Тарновѣ. Въ своемъ курсѣ литературы Бродзинскій посвящаетъ отдѣльную главу очерку литературной дѣятельности Петрарки, Боккачіо, Данте; изъ англійскихъ писателей ему извѣстны: Стернъ, Гольдсмитъ, Грей, Оссіанъ, Вальтеръ-Скоттъ; послѣднихъ двухъ онъ даже переводитъ (вѣроятно, съ нѣмецкаго), не стѣсняясь, впрочемъ, передѣлывать; много разъ говоритъ онъ о Байронѣ, котораго называетъ „падшимъ ангеломъ“ и котораго совершенно не понимаетъ ²⁾. Но произведенія Шекспира однако извѣстны Бродзинскому не всѣ, и то главнымъ образомъ тѣ, которыя являлись на польской сценѣ въ благовоспитанныхъ французскихъ передѣлкахъ Дюси. Согласно установившейся модѣ Бродзинскій очень часто говоритъ о Шекспирѣ, восхваляя его, но не понимая и не сочувствуя его „грубости“ ³⁾.

Въ его сочиненіяхъ мы находимъ отдѣльныя статейки и замѣчанія о Тассо, Мильтонѣ, Лафатерѣ, Драйденѣ, Вальтеръ-Скоттѣ, Петраркѣ и нѣкоторыхъ другихъ писателяхъ новыхъ и среднихъ вѣковъ ⁴⁾.

Всего болѣе былъ знакомъ Бродзинскій съ нѣмецкой литературой: писатели „Sturm—und—Drang Periode“; произведенія Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте были хорошо ему извѣстны, но Гёте не оставилъ серьезнаго слѣда въ литературной дѣятельности Бродзинскаго и его развитіи ⁵⁾, а въ отношеніи къ Шиллеру по временамъ сказываются еще предразсудки XVIII вѣка.

Произведенія современныхъ славянскихъ ученыхъ и писателей мало извѣстны Бродзинскому, хотя онъ и занимался переводами славянскихъ пѣсенъ. Въ „Pam. Warsz.“ его редакціи мы находимъ

¹⁾ „Piśma...“, Poznań, t. VII. 294, VI. 52, 93, 94.

²⁾ Ibid. t. III. 110, t. V. 552—3, t. VI. 40, 170, 172, 178—180 и т. д.

³⁾ Ibid. t. III. 219, VI. 52, VIII. 296—299. Также см. въ статьѣ о романтизмѣ.

⁴⁾ Ibid. t. VIII. 225—299.

⁵⁾ Всего два-три мелкихъ перевода („Pasterz“ и др.), и ничего больше.

отрывокъ изъ „Россіады“ Хераскова въ то время, когда вся Россія зачитывалась уже Жуковскимъ и Пушкинымъ. Кромѣ того, ему извѣстны „Слово о полку Игоревѣ“ и „Краледворская рукопись“. Изъ ученыхъ онъ упоминаетъ одинъ разъ Карамзина и Шафарика¹⁾; нѣтъ ни одной строчки даже о Караджичѣ. Изъ иностранныхъ ученыхъ Бродзинскій часто ссылается въ своихъ работахъ на имена братьевъ Шлегелей, Лессинга, Шеллинга, Канта, Ж. П. Рихтера, Вернера, Мюллера, Грильпарцера, Катрмеръ-Кэнси, Баумгартена, Вильмена, Зульцера, Винкельмана, Гердера, Дроза, Сисмонди, Фререта, Шлецера, Суровецкаго и многихъ другихъ²⁾. Особенно часто попадаетъ въ произведеніяхъ Бродзинскаго имя Ж. П. Рихтера³⁾.

Древне-классическую литературу, въ особенности римскую, Бродзинскій зналъ основательно. Знаніе латинскаго языка было единственнымъ осязательнымъ результатомъ пребыванія въ Тарновской гимназіи. По-латыни онъ читалъ свободно, и цитаты и ссылки на древнихъ писателей очень часто попадаются въ его статьяхъ. Съ греческой литературой Бродзинскій былъ знакомъ, повидимому, только въ переводахъ, такъ-какъ греческаго языка, какъ намъ удалось выяснить, онъ не зналъ⁴⁾.

Изъ новыхъ языковъ Бродзинскій зналъ основательно нѣмецкій и французскій, а переводы произведеній англійскихъ, по всей вѣроятности, онъ дѣлалъ не съ подлинника. Славянскіе языки, почти всѣ, были настолько ему извѣстны, что онъ могъ дѣлать переводы пѣсенъ; лучше другихъ онъ зналъ чешскій языкъ; зналъ ли онъ русскій языкъ, и насколько велики были познанія въ немъ, мы сказать не можемъ.

Таковы были научные и литературные ресурсы К. Бродзинскаго.

Но характеристика его умственной и нравственной фізіономіи была бы далеко не полна, если бы мы не сказали еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Бродзинскаго къ разнымъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелямъ того времени и о его личныхъ знакомыхъ.

1) Лекц. о славянск. литературѣ.

2) Ibid. I. 49, t. III. 114—115, 141—151, t. VI. 168, 181, 5, 53, 174, t. V. 534, 535, 538, 119 и пр.

3) Шлоссеръ говоритъ въ своей „Исторіи 18 вѣка“ (t. IV, стр. 151—2), что всѣ поклонники Гердера боготворили вполнѣдствіи Ж. П. Рихтера.

4) Чит. t. III, 154 и слѣд.

Кромѣ упомянутыхъ уже нами лицъ, а также тѣхъ, о знакомствѣ съ которыми мы вскользь уже говорили (какъ напр. Шотарскій, Грабовскій, Голембѣвскій, Скарбекъ, Скродвкій) у Скимборовича мы находимъ указанія на знакомство Бродзинскаго съ Я. Пржибыльскимъ, мало-извѣстнымъ и неудачливымъ польскимъ стилистомъ, занимавшимся усердно возстановленіемъ забытыхъ словъ и ковкой новыхъ ¹⁾. Бродзинскій ему подражалъ въ этомъ, но гораздо удачнѣе ²⁾.

Служба въ войскѣ доставила Бродзинскому много знакомствъ, бесполезныхъ и въ мирное время; при томъ среди военныхъ было не мало людей, интересующихся литературой и пишущихъ. Засимъ участіе въ масонской ложѣ, въ редакціи „*Ram. Warsz.*“, чтеніе лекцій въ школѣ Піаровъ и потомъ въ университетѣ расширили кругъ его знакомыхъ до крайнихъ предѣловъ, но въ тѣсную дружбу Бродзинскій почти ни съ кѣмъ не вступалъ. Въ масонской ложѣ Бродзинскій познакомился съ Петромъ Рейхомъ, Людовикомъ Осинскимъ, Курпинскимъ, Осипомъ Мрожинскимъ, Юріемъ Вильчевскимъ и министромъ Потоцкимъ, который тоже принадлежалъ къ ордену масоновъ и съ которымъ онъ могъ часто встрѣчаться и по сотрудничеству въ „*Ram. Warsz.*“

Отношенія Бродзинскаго къ „братьямъ“ не отличались особенной близостью. Нѣсколько ближе былъ Бродзинскій къ театральному мірку. Мы указывали уже на его знакомства въ этомъ кругу. Какъ секретарь театра, Бродзинскій зналъ всѣхъ, кто имѣлъ какое-либо отношеніе къ театру, и со многими дѣятелями польской сцены былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ очень хорошихъ отношеніяхъ былъ Бродзинскій къ семьѣ Бентковскихъ, гдѣ его считали своимъ членомъ ³⁾. Въ домѣ Бентковскихъ равнымъ образомъ, какъ и въ редакціи „*Ram. Warsz.*“, Бродзинскому приходилось сталкиваться съ огромнымъ множествомъ писателей и ученыхъ. У Бентковскихъ бывали всѣ профессора университета, а также и многіе другіе писатели. Бродзинскій охотно проводилъ все свободное время на литературно-карточныхъ вечерахъ у Бентковскаго, Голембѣвскаго, Ле-

¹⁾ О немъ чт. Dubiecki M., „*Historya lit. Polskiéj*“, W. 1890, стр. 179.

²⁾ Ibid. № 47.

³⁾ „*Bibl. Warsz.*“, 1870, III, 226.

воцкаго, Крушинскаго, Швейковскаго, Шанявскаго ¹⁾). Здѣсь Бродзинскій встрѣчался и съ Дмоховскимъ, тогда еще юношей, печатавшимъ въ „Tyg. Polsk.“ Кицинскаго и Брыкчинскаго свои первыя стихотворныя пробы. Съ Брыкчинскимъ, по свидѣтельству Дмоховскаго, Бродзинскій былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ, точно также какъ и съ Дмоховскимъ, въ домѣ котораго Бродзинскій часто бывалъ послѣ того, какъ Дмоховскій женился ²⁾). Бродзинскій сотрудничалъ и въ его „Bibl. Polsk.“ ³⁾, а къ его изданію произведеній Князьнина далъ въ видѣ предисловія отрывокъ изъ курса своихъ лекцій по литературѣ о Князьнинѣ. Во взглядахъ на задачи и характеръ польской литературы Дмоховскій по собственному признанію сходился съ Бродзинскимъ.

Съ первыхъ же годовъ участія въ „Pam. Warsz.“ Бродзинскій долженъ былъ познакомиться съ А. Горецкимъ, съ Тымовскимъ, съ которымъ онъ даже подружился, съ Минасовичемъ, печатавшимъ въ „Pam. Warsz.“ свои первыя переводныя баллады, съ графомъ Бруно-Кицинскимъ, переведившемъ здѣсь „Метаморфозы“ Овидія, съ Мрозинскимъ, Скарбкомъ, Потоцкимъ (Стан.) ⁴⁾ со своимъ будущимъ антагонистомъ В. Островскимъ, съ Игн. Ковнацкимъ и многими др. не менѣе извѣстными въ польской литературѣ лицами ⁵⁾. Перечислять всѣхъ ихъ нѣтъ никакой надобности; достаточно сказать, что личныхъ друзей у Бродзинскаго среди всѣхъ этихъ лицъ не было.

У Бентговскихъ, а также на торжественныхъ обѣдахъ у генерала Красинскаго, Бродзинскому приходилось встрѣчаться съ очень многими классиками, да и самъ онъ бывалъ отъ времени до времени на ихъ вечерахъ, умѣлъ быть любезнымъ хозяиномъ, когда случай приводилъ того или другого классика къ нему въ гости ⁶⁾. Онъ не одобрялъ рѣзкихъ нападокъ молодежи на классиковъ и не разъ давалъ по этому поводу совѣты практической мудрости своему юному пріятелю Одынцу ⁷⁾. Впрочемъ, торжественныя обѣды Краси-

1) Odyniec, „Wspomnienia z przeszłości“.

2) Объ отношеніяхъ чит. „Wspomnienia“ Дмоховскаго, 1859 г.

3) Здѣсь онъ помѣстилъ „Wiersz. pisany w Alpach“ и письма изъ путешествія въ Швейцарію.

4) Чит. „Pam. Warsz.“ 1815—1821, тт. 1—21.

5) Объ этомъ чит. Wójcicki, „Warszawa...“, 1880, стр. 51, 56, 57, 59—68 и т. д.

6) „Wspomnienia z przeszł.“ Odyńca, стр. 318.

7) Ibid.

скаго, гдѣ собирався весь классическій Олимпъ съ цѣлью улучшить пищевареніе забавнымъ острословіемъ, Бродзинскій посѣщаль рѣдко и неохотно. Онъ тяготился обществомъ слишкомъ важныхъ и разжирѣвшихъ свѣтилъ классицизма; его давилъ ихъ аристократизмъ. Но еще болѣе не по себѣ чувствовалъ себя Бродзинскій въ обществѣ экзальтированной романтической молодежи. Въ описываемую нами пору въ Варшавѣ писатели любили собираваться въ кофейняхъ, гдѣ за чашкой кофе велись самыя оживленныя бесѣды. Молодежь, т. е. Мохнацкій, Гоцинскій, Набѣлякъ, Подчапинскій, основатель „Dz. Warsz.“, Магнушевскій, Шопень, Б. Залѣссскій—собиравались въ кофейнѣ Бржезинской. Другая кофейня „Pod znakiem Korciuszka“ была мѣстомъ, гдѣ сходились Бродзинскій, Л. Осинскій, Бруно Кицинскій, Брыкчинскій, Дмушевскій, Кудличъ, Здановичъ, Эльснеръ, Курцинскій, Липинскій, знаменитый комикъ и душа общества Алоиз. Жолковский, Лисѣцкій, F. S. Dmochowski и многіе другіе, главнымъ образомъ лица, интересовавшіяся театромъ¹⁾. Это была эклектическая компанія, что удивительнымъ образомъ отражалось даже на внѣшности ея членовъ²⁾.

Въ высшемъ обществѣ Бродзинскій не бывалъ и весьма рѣдко посѣщаль литературныя обѣды Замойскихъ. Его личныя знакомства вращались въ среднемъ кругѣ. Въ послѣдніе годы онъ бывалъ въ домахъ Водзицкихъ, Циховскихъ, Клем. Танской, Кат. Легоцкой, Терезы Кицкой. Особенно замѣчательны его отношенія къ К. Танской, которая обязана своимъ обращеніемъ къ народности знаменитой въ свое время элегіи Бродзинскаго: „Żal za polskim językiem“. Подъ руководствомъ Бродзинскаго Кат. Легоцкая начала свою литературно-педагогическую дѣятельность и вмѣстѣ съ нимъ издавала первый дѣтскій журналъ: „Rozrywki dla dzieci“³⁾. Весьма дружественныя отношенія существовали у Бродзинскаго съ Кат. Легоцкой, въ домѣ которой онъ, вѣроятно, встрѣчался и съ ея дя-

1) „Kawa literacka“, Wójcicki, стр. 6.

2) Романтики, какъ молодежь, всѣ были люди худощавые, за исключеніемъ одного Залѣскаго, толстая фигура котораго была, по мнѣнію Войцיצаго, похожа на фигуру классика. Что же касается общества, собиравшагося въ кофейнѣ „Pod znakiem Korciuszka“, то здѣсь были и толстые, и худые. Ibid. 2.

3) О ней чит. „Autorki polskie wieku XIX“, P. Chmielowskiego: Klementyna Hofmanówna, стр. 67 и т. д.

дей Липинскимъ ¹⁾, и съ *Терезой Килжой*, у которой онъ имѣлъ возможность познакомиться съ *Шопеномъ*, тогда еще гимназистомъ, но уже знаменитымъ своей замѣчательной игрой и импровизаціями ²⁾.

Безспорно Бродзинскій былъ знакомъ со всѣми Варшавскими коренными поэтами, но въ болѣе дружественныхъ отношеніяхъ онъ находился, какъ намъ извѣстно, съ *Тымовскимъ*, поэтической талантъ котораго онъ очень цѣнилъ ³⁾. Извѣстно одно стихотворное посланіе Бродзинскаго къ Тымовскому:

„Złotej lutni dziedziczu! tobie Gracj dlonie
Liściami Febowi drogim uwieńczyły skronie!“

Въ этомъ стихотвореніи Бродзинскій ставитъ себя съ своей „piszczalką“ гораздо ниже Тымовскаго и называетъ его въ концѣ стихотворенія своимъ другомъ. Каковы были отношенія Бродзинскаго къ Каэтану *Козьману* и *Фр. Венжиску*, мы не знаемъ, но въ ихъ перепискѣ мы находимъ нѣсколько строчекъ и о Бродзинскомъ ⁴⁾. Очень мало намъ извѣстно объ отношеніяхъ Бродзинскаго къ Моравскому ⁵⁾. Моравскій, какъ извѣстно, былъ скорѣе эклектикомъ, чѣмъ классикомъ, и уже въ 1818 году онъ высказываетъ свои сомнѣнія, кому отдать предпочтеніе—Оссіану, или Гомеру ⁶⁾, а въ 1821 году даже печатаетъ балладу „Edgar i Celina“, бездарное подражаніе Шиллеру ⁷⁾. Кромѣ того, изъ его писемъ извѣстно, что онъ хвалилъ поэму „Вѣславъ“. Вообще взаимныя отношенія Бродзинскаго и Моравскаго не выяснены. Семенскій рассказываетъ ⁸⁾ о

¹⁾ *Wójcicki*, t. II, 1877, стр. 61. Въ спискѣ своихъ произведеній Бродзинскій упоминаетъ подъ 1820 годомъ статью „Pochwała Lipińskiemu“, *Bibl. Warsz.* 1870, стр. 295.

²⁾ *Odyniec*, „*Wspomnienia*“, 326. Кстати отмѣтимъ, что первое признаніе таланта Шопена мы встрѣчаемъ въ „*Pam. Warsz.*“

³⁾ Изъ писателей переходной эпохи Тымовскій болѣе другихъ держался старыхъ симпатій къ ложноклассическимъ произведеніямъ.

⁴⁾ „*Przegląd Miesięczny*“, zes. VII, mies. Kwiecień, kr. 75: „*Korrespondencya K. Koźmiana z Fr. Wężykiem*“. Венжизъ пишетъ: „jeden Brodziński pocziwem sercem i nieuprzedzonym umysłem oddał nam sprawiedliwość“ (стр. 122). Козьманъ отвѣчаетъ: „Zawstydziliś mię tem, co mówisz o zasnym, cichym i pocziwym Brodz., że on nam jeden oddał sprawiedliwość“.

⁵⁾ *L. Siemiński*, „*Obóz klasyków*“, V.

⁶⁾ Объ этомъ чит. *Wójcickiego* „*Warszawa i jej społeczeństwo w początku naszego stulecia*“, Warszawa, 1875, стр. 79, и у насъ во 2-й главѣ.

⁷⁾ „*Pam. Warsz.*“ 1821, XIX, стр. 118.

⁸⁾ „*Tryumf Poety*“, VIII. Объ этомъ нѣсколько иначе рассказываетъ Духинскій („*К. В-ски...*“, стр. 42).

томъ торжественномъ приемѣ, который устроилъ поэтъ-генералъ скромному автору „Вѣслава“; съ другой стороны Дмоховскій сообщаетъ, что Бродзинскій, вообще, какъ извѣстно, избѣгавшій личныхъ споровъ и литературной полемики, единственный разъ за всю свою жизнь позволилъ себѣ выступить съ рѣзкой эпитаграммой, именно *противъ Моравскаго*, возмущенный его крайне несправедливымъ отзывомъ о поэтической дѣятельности Горецкаго. Какая это эпитаграмма, мы не знаемъ ¹⁾.

Объ отношеніяхъ Бродзинскаго къ романтикамъ можно сказать приблизительно то же, что и объ отношеніяхъ его къ другимъ писателямъ: не было ни особенной дружбы, ни вражды. Навѣрно можно сказать одно, что романтическая молодежь была Бродзинскому не особенно симпатична. Романтики, понаѣзжавшіе въ Варшаву изъ провинціи въ началѣ 20-хъ годовъ, сначала находились еще подъ обаяніемъ „Вѣслава“ ²⁾ и отчасти статьи „О романтизмѣ“; они льнули къ Бродзинскому, какъ къ своему апостолу, но очень скоро ушли впередъ, и Бродзинскій смотрѣлъ на нихъ, какъ на „неблагодарныхъ учениковъ“ ³⁾.

Раньше другихъ явился органъ учениковъ Кременецкаго лица „Swiczenia Naukowe“ 1818, въ которомъ мы не находимъ ни строчки Бродзинскаго; но въ 1819 году, когда этотъ журналъ сталъ выходить подъ другимъ заглавіемъ, „Pam. Naukowy“, участіе Бродзинскаго довольно замѣтно. Онъ печатаетъ здѣсь свою „Ольдину“, переводы изъ Парни, отрывокъ изъ поэмы „Роезуа“, изъ трагедіи „Abufag“ и пр. ⁴⁾. Насколько хорошо знакомъ былъ Бродзинскій съ Ляхомъ Ширмой, принимавшимъ видное участіе въ „Pam. Nauk.“, мы не знаемъ, но мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на зна-

¹⁾ „Biblioteka Warszawska“ 1870, III, стр. 382. Что касается А. Горецкаго, то это былъ поэтъ переходной эпохи. Онъ сочувствовалъ новому направлению, но не могъ писать въ новомъ духѣ, хотя ему и принадлежить одинъ изъ первыхъ польскихъ сонетовъ („Dzen. Wil.“). О немъ чит. „Złota Przędza“, 1884, t. I, стр. 883.

²⁾ О томъ впечатлѣніи, какое произвелъ „Вѣславъ“, пишетъ Поль: „nigdy polska książka większego wrażenia nie zrobiła. Cała młodzież prawie umiała na pamięć i zaraz w pierwszej chwili był on poznany i ujęty z całym szczeniem, bo wszyscy widzieli w nim zapowiedzianą wielką zorzę przyszłości, która miała zejść nad pociąg narodu“. Ср. Fr. Heur. Lewenstam, „Kurs publiczny literatury polskiej XIX st.“. Warsz. 1867, zes. 2, стр. 58.

³⁾ М. Mochnacki, „Historya powstania“, t. II, стр. 86.

⁴⁾ „Pam. Naukowy“ 1819, t. I, стр. 22, 86—90, 27, 243—247 и т. д.

комство Бродзинскаго съ другимъ сотрудникомъ „*Рам. Nauk.*“, О. Корженёвскимъ, только-что окончившимъ Кременецкій лицей и перѣхавшимъ въ Варшаву въ качествѣ воспитателя юнаго С. Красинскаго ¹⁾).

Первыя произведенія Корженёвскаго, какъ въ „*Рам. Nauk.*“ 1819 такъ и въ „*Рам. Warsz.*“ за 1820 годъ писаны еще въ ложно-классическомъ духѣ ²⁾. О близости Корженёвскаго и Бродзинскаго мы имѣемъ еще случайное указаніе у Б. Залѣскаго, изъ приписки котораго мы узнаемъ, что Мицкевичъ очень не любилъ допускать какія бы то ни было стилистическія поправки въ своихъ стихотвореніяхъ и между прочимъ негодовалъ на Корженёвскаго, который позволялъ себѣ подобныя поправки въ стихахъ Бродзинскаго ³⁾. Какъ мы уже сказали выше, Корженёвскій, одинъ изъ немногихъ, имѣлъ отношеніе и къ „*Рам. Warsz.*“ редакціи Бродзинскаго ⁴⁾.

Неизвѣстно, былъ ли Бродзинскій знакомъ съ Мальчевскимъ и Гоцинскимъ. Въ теченіи всей своей литературной дѣятельности онъ ни разу не упоминаетъ о нихъ въ своихъ произведеніяхъ ⁵⁾, хотя изъ многихъ намековъ, изъ его нареканій на новые литературныя приемы и „писателей изъ провинціи“ видно, что съ произведеніями Мальчевскаго, Гоцинскаго и др. Бродзинскій былъ знакомъ, но порицалъ ихъ ⁶⁾. Само собою разумѣется, что между авторомъ идиллическаго „*Вѣслава*“ и творцами байроническихъ поэмъ, какъ „*Марія*“ и „*Каневскій замокъ*“, не могло быть ничего общаго.

¹⁾ Вѣроятно, подъ влияніемъ Корженёвскаго молодой Красинскій напечаталъ „*Lettre sur l'état actuel de la littérature polonaise, adressée a M. de Bonstetten*“ въ „*Bibliothèque Universelle*“ 1830 года, въ которой помѣщенъ лестный отзывъ о литературной и научной дѣятельности К. Бродзинскаго.

²⁾ Чит. „*List do księcia Osieńskiego*“, „*Рам. Wars.*“ 1820, t. XVII, 110. О немъ чит. „*Złota Przędza*“, II, 394—98, также библиограф. указанія о немъ въ „*Биографическомъ словарѣ професс. и преподавателей Имп. Унив. св. Владимира*“, стр. 279 и слѣд.; также *Bełcikowski*, „*Ze studyów...*“, 566—586.

³⁾ „*Dzieła Ad. Mickiewicza*“, zapeł. wyd., Paryż, t. VIII, V. 1880. Bibliografja, XXII, приписка Б. Залѣскаго.

⁴⁾ Его посланіе „*Къ Моравскому*“ исполнено лестныхъ похвалъ этому поэту и приглашеній печатать свои произведенія.

⁵⁾ Любопытную характеристику личности Гоцинскаго даетъ П. Хмѣлевскій въ статьѣ „*Sobótka*“ (*zestawienie dwu wieków i pokoleń*), „*Studia*“, I.

⁶⁾ Въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ учениковъ Бродзинскаго есть однако указанія на то, что онъ въ своихъ лекціяхъ разбиралъ „*Zamek Kaniowski*“.

Еще дальше были отношенія его къ Виленскимъ романтикамъ съ Мицкевичемъ во главѣ. Не подлежитъ сомнѣнью, что Бродзинскій не сочувствовалъ Мицкевичу и не понималъ его произведеній. О его сонетахъ Бродзинскій даетъ весьма пренебрежительный и то сдѣланный какъ бы вскользь отзывъ¹⁾. Онъ не любилъ этой формы стиха: стихъ, какъ видно изъ черновыхъ Бродзинскаго, давался ему съ большимъ трудомъ²⁾—(новый пунктъ, въ которомъ Бродзинскій расходился съ романтиками, обладавшими удивительно-свободной версификаціей),—поэтому онъ не употреблялъ этой слишкомъ стѣсненной его формы, и мы не знаемъ ни одного сонета Бродзинскаго; даже тогда, когда писанье сонетовъ сдѣлалось моднымъ увлеченіемъ, и не было писателя, не заплатившаго даню этому увлеченію, Бродзинскій всегда отвѣчалъ на всѣ предложенія и указанія на примѣръ Мицкевича скромной, но нечуждой язвительности половицей: „*co wolno ogłowi, to zasie wróblowi*“³⁾. Въ своемъ курсѣ литературы Бродзинскій приводитъ одинъ сонетъ Мицкевича, какъ образецъ.

Лично поэтамъ не удалось познакомиться. Но изъ переписки Мицкевича съ Одынцемъ видно, что онъ очень интересовался личностью Бродзинскаго и подробно разспрашивалъ о немъ⁴⁾. Мицкевичъ сообщаетъ, что читалъ съ удовольствіемъ переводы элегій Я. Кухановскаго, народныхъ славянскихъ пѣсенъ; онъ заявляетъ, что дорожить мнѣніемъ Бродзинскаго въ Варшавѣ, а Боровскаго въ Вильнѣ, больше, чѣмъ всѣми криками его сторонниковъ и сарказмами противниковъ; онъ проситъ Одынца достать ему фотографическую карточку Бродзинскаго; талантъ его онъ очень цѣнитъ, но многихъ мнѣній не раздѣляетъ⁵⁾. Предисловіе Бродзинскаго къ переводу народныхъ пѣсенъ изумило Мицкевича. Онъ смѣется надъ его мнѣніями о Байронѣ, нѣмецкой и англійской литературѣ, не хочетъ вѣрить, чтобы это было литературнымъ credo Бродзинскаго; его мнѣнія о романтизмѣ, считаетъ просто загадкой, разъясненія которой ищетъ у Одынца, который, находясь въ Варшавѣ, могъ лучше

¹⁾ Въ нихъ онъ находить „больше фантазій, чѣмъ римъ“—*Pisma*, t. VII, стр. 235.

²⁾ *Dmoch. „Bibl. Warsz.“*, 1870 t. III, 395.

³⁾ „*Kawa literacka*“, *Wójc.*, стр. 21.

⁴⁾ „*Correspondencya Mickiewicza*“. *Dzieła* P. 1880.

⁵⁾ *Ibid.* 95, 96. Какъ извѣстно, Мицкевичъ далъ о Бродзинскомъ очень лестный отзывъ Жуковскому, передъ отъѣздомъ его въ Варшаву (чит. *Duch. „К. В.“*, 44).

знать обстоятельства, „вызвавшія такое предисловіе“ Бродзинскаго ¹⁾. Онъ просить Одынца во всякомъ случаѣ сохранить это письмо въ секретѣ отъ Бродзинскаго и въ заключеніи утѣшаетъ себя мыслью, что и „хорошій поэтъ можетъ быть плохимъ критикомъ“ ²⁾.

Послѣ 1831 года, когда очень многіе польскіе писатели принуждены были эмигрировать, мы замѣчаемъ общую тенденцію къ примиренію и сближенію. Бродзинскій въ Краковѣ прочиталъ „Rana Tadeusza“ и призналъ эту поэму лучшимъ произведеніемъ въ польской литературѣ ³⁾. Онъ же передавалъ Мицкевичу черезъ Одынца ⁴⁾ свой поклонъ и благодарность за память о немъ Мицкевича, который сообщалъ Бродзинскому, тоже черезъ Одынца, что помѣстилъ въ концѣ „Tadeusza“ эпилогъ, посвященный Бродзинскому, но не успѣлъ его поправить и напечатать, потому-что долженъ былъ ускорить печатаніе поэмы. Нужно, впрочемъ, прибавить, что эпилогъ этотъ такъ и не узрѣлъ свѣта. Еще одинъ разъ упоминаетъ Мицкевичъ о Бродзинскомъ въ своемъ курсѣ славянскихъ литературъ, приводя отрывокъ изъ его рѣчи „O pogodowości“ о Коперникѣ ⁵⁾. Вотъ и все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ двухъ поэтовъ.

Къ критикамъ романтическаго лагеря — Островскому, Грабовскому, Мохнацкому и др. Бродзинскій относился прямо враждебно и не скрывалъ этого. Но никакихъ личныхъ отношеній къ нимъ онъ не имѣлъ ⁶⁾.

Гораздо ближе и дружественнѣе были отношенія у Бродзинскаго къ нѣсколькимъ второстепеннымъ писателямъ романтико-эклектическаго направленія: къ Витвицкому, Залѣсскому, Одынцу, Войцицкому и др.

Воспитанникъ Кременецкаго лица, неудачный послѣдователь Мицкевича, Ст. Витвицкій былъ мало-талантливымъ поэтомъ и экзальтированнымъ поклонникомъ туманно-фантастическаго роман-

¹⁾ Впослѣдствіи мнѣнія Бродзинскаго о идилличности характера Славянъ Мицкевичъ осмѣялъ въ 4-хъ строчк. „Dziadów“ (ч. III).

²⁾ Ibid. t. IV, стр. 88.

³⁾ Odyniec „Wspomnienia z przeszłości...“, стр. 335. Одынецъ, какъ пріятель обоихъ поэтовъ, желалъ ихъ сближенія и быть можетъ, нѣсколько преувеличивалъ значеніе фактовъ, характеризующихъ дружественныя отношенія поэтовъ за границей.

⁴⁾ Correspondencja... t. IX, стр. 196.

⁵⁾ Мицк. „Rzecz. o literat. stow.“, лекцыя pierwsza.

⁶⁾ Одынецъ сообщаетъ однако, что имѣлъ случай видѣть Бродзинскаго у Мохнацкаго на свадьбѣ его сестры, на которой присутствовала вся романтическая Варшава, („Wspom. z przeszł.“, 327).

тизма, котораго онъ совсѣмъ не понималъ. Надъ его фантастическими балладами ¹⁾, чуждыми всякой оригинальности и поэзи, смѣялась вся литературная Варшава. Онъ имѣлъ несчастье обратить на себя литературные перуны ложно-классиковъ и насмѣшки романтической критики ²⁾. Самый суровый отзывъ сдѣлалъ о немъ Грабовскій, который поторопился разгромить Витвицкаго, лишь бы только не дать возможности классикамъ торжествовать побѣду надъ романтизмомъ ³⁾. Какъ извѣстно, первое собраніе своихъ балладъ (Warszawa, 1824). Ст. Витвицкій усердно старался выкупить и вообще такъ былъ сконфуженъ и подавленъ суровымъ приговоромъ критики, что долгое время скрывался отъ знакомыхъ и друзей, такъ что Одынецъ, пріѣхавшій въ 1826 году въ Варшаву, съ трудомъ отыскалъ его при содѣйствіи Б. Залѣскаго, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ Витвицкому ⁴⁾. Въ характерѣ Витвицкаго была однако какая-то черта сентиментальной идиличности, сближавшая его съ Бродзинскимъ. Когда у Витвицкаго прошла романтическая горячка, онъ обратился къ болѣе доступной ему поэзи, и его „Piosnki Sielskie“ отражаютъ въ себѣ настроеніе, унаслѣдованное отъ Карпинскаго и Бродзинскаго ⁵⁾. Вѣроятно, этой близостью характеровъ и объясняется то обстоятельство, что первые литературные шаги Витвицкаго, не смотря на его романтическое сумасбродство, сдѣланы подъ руководствомъ Бродзинскаго, охотно печатавшаго произведенія Витвицкаго въ своемъ журналѣ. Вообще отношенія Бродзинскаго къ Витвицкому имѣли вполне дружескій характеръ, хотя Бродзинскій и былъ на 9 лѣтъ старше Витвицкаго и могъ занимать относительно него до нѣкоторой степени покровительственное положеніе.

Такія же дружескія отношенія были у Бродзинскаго и къ Одынцу, виленскому романтику, тоже сентиментальнаго оттѣнка, писателю мало-оригинальному и болѣе извѣстному въ польской литературѣ своими образцовыми переводами европейскихъ классиковъ, а также журнальной дѣятельностью. Въ своемъ журналѣ „Melitele“ (1829—1830) онъ печаталъ произведенія Мицкевича и Залѣскаго, а равнымъ образомъ и Бродзинскаго, Воронича, Нѣмцевича, Мина-

1) Чит. „Pam. Warsz.“ за 1821—1823 годы.

2) Siemieński, „Oboz klasyków“.

3) „Astrea“, 1825: „Uwagi nad balladami St. Witwickiego...“, стр. 54.

4) *Odyniec*, „Witwicki i Garczyński“.

5) „Złota Przędza“, 1885, t. II: „Życiorys St. W.“, стр. 352.

совича ¹⁾. Въ дѣтствѣ Одынецъ получилъ много впечатлѣній, сходныхъ съ тѣми, какія имѣлъ въ свое время и Бродзинскій; основныя черты характера—религіозность и преобладаніе чувства надъ разумомъ—сближали поэтовъ.

Но самый талантливый изъ друзей Бродзинскаго, безъ сомнѣнія, былъ Богданъ Залѣскій, и на его литературное развитіе Бродзинскій оказалъ безспорное вліяніе. Взроспій подѣ благодатнымъ небомъ Украины, Б. Залѣскій имѣлъ возможность познакомиться еще на школьной скамьѣ съ Гоцинскимъ, М. Грабовскимъ, Падуррой, А. Грозой, Галэнзовскимъ, Ос. Мянзовскимъ во время своего пребыванія въ Уманской школѣ Базиліановъ, но уже первое его произведеніе носитъ на себѣ слѣды вліянія поэзіи Бродзинскаго ²⁾. Это вліяніе продолжалось и въ первые годы пребыванія Залѣскаго въ Варшавѣ ³⁾. О первой встрѣчѣ своей съ Бродзинскимъ Залѣскій рассказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ, свидѣтельствующій о глубокомъ почтеніи и даже восхищеніи, какія питалъ Залѣскій къ автору „Ольдины“ и „Вѣслава“ ⁴⁾. Едва оставившись онъ въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ на Краковскомъ предмѣстьи, какъ тотчасъ же, горя нетерпѣніемъ повидаться съ Бродзинскимъ, бросаетъ всѣ свои вещи на руки Гоцинскому и выбѣгаетъ изъ номера прямо на улицу. Перваго встрѣчнаго студента спрашиваетъ онъ, гдѣ живетъ профессоръ, и получаетъ отвѣтъ въ стихахъ:

„Brodziński poeta—
Przy ulicy Freta;
Wnijdź w podwórza wnętrze,
Tam na pierwszym piętrze“.

Съ волненіемъ стучитъ онъ въ двери къ Бродзинскому и застаётъ его за корректурой. Торжественная рѣчь, приготовленная во время длиннаго пути, замираетъ на устахъ оробѣвшаго юноши, и крѣпкое пожатіе руки замѣняетъ длинную рѣчь. Оживленная бесѣда незамѣтно продлилась болѣе двухъ часовъ, и съ этой же минуты начинаются самыя близкія отношенія между поэтами. Впрочемъ, эти

¹⁾ Ibid. стр. 171.

²⁾ „Dzienn. Wileński“ 1819: „Duma o Waclawie“.

³⁾ На это вліяніе впервые, кажется, было указано въ журналѣ: „Powszechny Pamiętnik nauk i umiejętności“, Kraków, 1835. Въ статьѣ: „Nowa epoka poezyi polskiej“, стр. 214—216, а также P. Chm. (Studia....).

⁴⁾ P. Chmielowski, „Studia...“, t. II, 350—351 („J. B. Zaleski“).

отношенія никогда не переходили въ тѣсную товарищескую связь, чему препятствовала слишкомъ 10-лѣтняя разница въ лѣтахъ¹⁾. Въ 1821—23 году. Залѣсскій печатаетъ почти всѣ свои произведенія въ журналѣ Бродзинскаго и часто съ нимъ видится. Съ 1825 года на развитіе Залѣскаго начинается оказывать болѣе плодотворное вліяніе критика Мохнацкаго²⁾ и другихъ романтиковъ, но это не охладило дружескихъ отношеній между нимъ и Бродзинскимъ³⁾. Вообще Залѣсскій, Витвицкій, Одынецъ, дружные и между собой, никогда не забывали Бродзинскаго и всегда относились къ нему съ чувствами искренняго почтенія и расположенія.

Въ хорошихъ отношеніяхъ былъ Бродзинскій и съ Войцицкимъ, о чемъ мы знаемъ изъ личныхъ воспоминаній этого послѣдняго. Войцицкій зналъ Бродзинскаго еще какъ ученикъ школы Піаровъ, но ближе сошелся съ нимъ только въ 1828 году, когда по порученію „*Tow. przuj. nauk.*“ Бродзинскій явился судьей представленнаго на конкурсъ сочиненія Войцицкаго о народныхъ пѣсняхъ. Бродзинскій былъ въ восторгѣ отъ этой работы, съ чувствомъ благодарилъ Войцицкаго за трудъ и подарилъ ему собственный сборникъ народныхъ пѣсень и пословиць⁴⁾. Когда Войцицкій принесть ему свой сборникъ историческихъ пѣсень, Бродзинскій „пришелъ въ такой энтузіазмъ, какъ будто это было его собственное сокровище“; въ благодарность онъ вручилъ Войцицкому книжку своихъ переводовъ изъ Кохановскаго и собственноручно написалъ стихи, начало коихъ таково:

„A ni do naszych dumań, a ni też do stroju
Nie przystały już te pieśni pokoju.
Wszystko rado się zmienia z mieniącemi czasy:
Język, forma i sztuki powierzchne przykrasą“.

Вмѣстѣ съ Войцицкимъ Бродзинскій предпринялъ однажды прогулку въ знаменитый Чернаковъ и тутъ, прійдя въ сентиментальный восторгъ, произносилъ пламенные рѣчи о прелестяхъ земледѣлія и нетронутой чистоты сельской жизни, заявлялъ о готовности отка-

1) Хмѣлевскій говоритъ, что Залѣскаго сближала съ Бродзинскимъ „*główna cecha jego charakteru łagodność*“. (Studya. II).

2) P. Chm. „*Studya...*“, II, 354. Произведенія Залѣскаго, напечатанныя въ журналѣ Бродзинскаго, не имѣютъ еще никакихъ чертъ, опредѣляющихъ украинск. романтическую школу.

3) О нихъ чит. S. Duchńska, „*K. B-ski*“, Paryż, 1885, стр. 37—40.

4) „*Życiorysy...*“, глава II, стр. 118.

заться отъ всѣхъ благъ цивилизаціи, удовольствоваться деревяннымъ столомъ, глиняной миской....¹⁾

Послѣдній разъ Бродзинскій видѣлся съ Войцицкимъ передъ отъѣздомъ за границу. Онъ прочелъ Войцицкому съ большимъ воодушевленіемъ и чувствомъ какое-то разсужденіе „O Matce Boskiej“, — „чудную поэму въ прозѣ“. Бродзинскій „чувствовалъ всю цѣнность своего произведенія, такъ-какъ писалъ изъ глубины сердца: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его нѣжный и тихій голосъ дрожалъ и прерывался; Бродзинскій смолкалъ на мгновение и только послѣ тяжелаго вздоха продолжалъ дальше“²⁾. Что это была за поэма, намъ остается только догадываться, такъ-какъ до насъ она не дошла.

Особенно близкихъ друзей у Бродзинскаго не было. Его личные друзья: братъ Андрей, В. Реклевскій, безвременно погибли, и поэтъ всю жизнь свою испытывалъ одиночество. Онъ самъ жалуется на это въ посланіи къ своему единственному личному другу Леонарду Васютинскому:

„I ja tę rozkosz czerpałem w młodości,
Lecz moi znikli, z niemi wiek mój złoty;
Dziś są stosunki, nowe znajomości,
Imię przyjaźni, lecz nie masz istoty“³⁾.

Не имѣлъ Бродзинскій друзей, но за то не имѣлъ и личныхъ враговъ. Кроткая, миролюбивая душа его, стремившаяся къ любви и согласію, не способна была къ враждѣ и ненависти. О его благожелательномъ, добромъ характерѣ даетъ прекрасное представленіе слѣдующая эпиграмма на пріятеля, измѣнившаго ему:

Kochaliś my się niegdyś, ty zostałeś panem,
Jam jeden, tyś się zmienił i sercem, i stanem.
Zdrów więc bywaj! aż w stałym świecie się ujrzemy:
Tam znowu równi wiecznie kochać się będziemy⁴⁾.

Съ такимъ прекраснымъ сердцемъ, съ душою незлобной и чувствительной Бродзинскій не могъ вызывать къ себѣ личной вражды, и дѣйствительно личныхъ враговъ у него не было.

Физиономія Бродзинскаго и его внѣшній видъ вполне отвѣчаютъ

¹⁾ „Spoleczność Warszawy“, t. II, 1877, стр. 191—193.

²⁾ „Życiorysu...“, 120.

³⁾ „Piśma...“ t. I, 118. Стихотвореніе это писано 26 марта 1835 года передъ отъѣздомъ за границу.

⁴⁾ Ibid. „Fraszki“, t. I. 249.

тому представлению о его личности, какое мы выносимъ изъ его биографіи и сочиненій. Былъ онъ по словамъ многихъ лицъ, знавшихъ его ¹⁾, средняго роста, съ небольшою головою и мелкими чертами лица, худощавый и непредставительный блондинъ. съ ясноголубыми глазами и блѣднымъ, слегка меланхолическимъ лицомъ, на которомъ оставили свой слѣдъ физическія и нравственныя невзгоды.

Во время пребыванія Бродзинскаго въ Карпатскихъ горахъ извѣстный художникъ и пріятель Бродзинскаго, Войтѣхъ Статтлеръ, нарисовалъ его портретъ. Онъ былъ приложенъ къ статьѣ Грабовскаго въ „Przyjac. ludu“ 1836 года. Тамъ же былъ помѣщенъ и памятникъ, поставленный Бродзинскому въ Дрезденѣ (стр. 380, „Prz. Ludu“ 1836). Эти портреты были многократно потомъ перепечатываемы ²⁾. Впослѣдствіи Евстафій Марыльскій вылѣпилъ статую Бродзинскаго, поставленную въ костелѣ „Wizytek“ ³⁾.

Всматриваясь въ изображеніе Бродзинскаго на портретѣ, глядя на это кроткое, слегка грустное лицо, на эти большіе ласковые глаза, обрамленные красиво изогнутыми бровями, на это безъусое лицо съ небольшими баками, на этотъ сюртукъ съ длиннымъ и высокимъ воротникомъ, обвитымъ у шеи шарфомъ, невольно припоминаешь знакомые портреты временъ Карамзина и Жуковскаго.

Если обратить вниманіе на выраженіе лица, то изъ трехъ схемъ, извѣстныхъ въ живописи, лицо Бродзинскаго болѣе всего приближается къ той, которой характеризуются греческія лица на статуяхъ и барельефахъ до персидскихъ войнъ: лицо нѣсколько грустно, но не трагично; на немъ всего сильнѣе отражается не грусть, а чувство умиленно—кроткаго примиренія съ Богомъ и людьми. Это совсѣмъ еще не то страдальческое выраженіе, которое мы замѣчаемъ на болѣе позднемъ портретѣ Мицкевича, и которое приближается къ послѣдней трагической схемѣ въ греческомъ искусствѣ, опредѣляемой лицемъ Ниобеи.

К. Арабажинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Чит. Chodźko, „Wzmianka...“, Wojcicki, „Kawa literacka“, стр. 8, „Życiorysu...“, т. 2-я, Odyniec, „Wspomnienia“.

²⁾ Въ „Życiorysach“ (портретъ и автографъ), въ „Pomniki i Mogiły Polaków na cmentarzach zagranicznych“, W. 1860, въ „Opiek. Domowy“, 1865 (портретъ рисованъ Герсономъ), въ „Kleinodach poezji polskiej“ W., 1858, стр. 161, въ VIII т. познанск. собр. соч. Б-го и др.

³⁾ Приведенъ въ „Opiek. Domowy“ 1865, 181.

РЫЦАРСКИЙ ЭПОСЪ ВЪ ИТАЛІИ

ПОСЛЪ АРІОСТО.

Профессора Университета Св. Владиміра

Н. ДАШКЕВИЧА.

(Окончаніе).

Разсмотрѣнныя въ предыдущемъ изложеніи произведенія Тассо, юсящіяся къ эпосу и пастушеской драмѣ, характеризуютъ какъ зья лучше то положеніе, которое начала занимать романтика въ алии къ концу Возрожденія. Въ то время какъ у Аріосто она сво-дно развертываетъ одну картину за другою, не будучи стѣсняема пред-заніями правилъ ¹⁾, въ эпическихъ произведеніяхъ Тассо она въ ичительной мѣрѣ поступаетъ привольемъ и уже не блещетъ тѣмъ гатствомъ вымысла и яркостію красокъ, какими чаруетъ въ „Неи-овомъ Роландѣ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ по-ѣднемъ, сказывается въ поэммахъ Тассо античное вліаніе. Даже аматическая идиллія, легко и свободно вылившаяся изъ глубины сердца иссо, переживавшаго тогда одинъ изъ самыхъ радостныхъ періодовъ юей жизни ²⁾, даже и эта идиллія примыкаетъ тѣми или иными юими частностями къ древней поэзіи. Ясно, что вліаніе классической оэзіи, столь долго не заявлявшее себя въ области, въ которой царила редневѣковая романтика, вторглось, наконецъ, и въ сферу гопапзо (какъ называли тогда поэму Аріосто и под.). Напрасно нѣкоторые въ теоретиковъ поэтического творчества указывали на то, что il го-панзо—родъ поэзіи, неизвѣстный древнему міру и потому не подлежа-цій подчиненію тѣмъ правиламъ, какія признавались обязательными для эпоса на основаніи поэтики Аристотеля и примѣнительно къ образцамъ эпоса, какіе завѣщаны древнею литературою въ произве-деніяхъ Гомера и Вергилія. Другіе, напротивъ, отождествляли роман-тическую поэму съ эпосомъ, и отсюда вытекала для поэта, придержи-вавшася такого взгляда, необходимость считаться съ теоріею, опиравшеюся на классическую литературу.

Тассо принадлежалъ къ числу поэтовъ и теоретиковъ, не рѣ-

1) Отмѣчаютъ у Аріосто прямыя указанія на то, что онъ не заботился о единствѣ фабулы:

Ma perchè varie fila a varie tele
Vopo mi son, che tutte ordire intendo...
Ma seguendo il' lauor che vario ordisco,
Ch'a molti, lor mercè, grato esser suole...

и т. п. Интересно въ этомъ отношеніи мнѣніе Шиллера о «Неист. Ром.», выраженное въ письмѣ къ Кёпнеру 21 января 1802 г.

2) Лишь вдали на горизонтѣ показывались маленькія облачка въ видѣ вражды и ин-тригъ придворныхъ, завидовавшихъ Тассо, но поэтъ, уже постигшій интриги придворной жизни (см. VII-ю пѣснь «Освоб. Іерус.»), еще не испыталъ всей горечи придворнаго коварства и гля-дѣлъ на него какъ спокойной созерцающій философъ (по словамъ Serassi, Тассо обвиняютъ per-chè abbia poste in bocca di un pastore sentenze non pur da uomo di città, ma da filosofo).

павшихся порвать связь съ этой теоріей, основанною на полномъ недоразумѣніи и страдающей односторонностію; онъ придавалъ большое значеніе единству героической поэмы, тщательно вникалъ въ соблюденіе его и въ концѣ концовъ понесъ жесточайшую кару за то, что подчинилъ поэзію педантическимъ критеріямъ. Позволяя нерѣдко своей фантазіи и чувству свободно уноситься въ міръ романтики, Тассо не сумѣлъ отстоять этихъ свободныхъ порывовъ творчества и готовъ былъ смиряться предъ нелѣпыми приговорами ничтожныхъ педантовъ, тщеславившихся своею скудоумною эрудиціею, и лицемѣрныхъ прислужниковъ инквизиціи, обзывавшихъ противными нравственности романтическіе эпизоды „Освобожденнаго Іерусалима“,—тѣ самые высоко поэтическіе эпизоды, которые могутъ возносить чувство читателя лишь въ область идеала.

Какъ извѣстно, прежде чѣмъ выпустить въ свѣтъ „Освобожденный Іерусалимъ“, Тассо вздумалъ повергнуть свою поэму на обсужденіе людей, которыхъ считалъ компетентными цѣнителями поэтическихъ произведеній. Они обманули ожиданія поэта: критика ихъ оказалась вполне субъективною, придирчивою, иногда нелѣпою. Такъ, они подняли сомнѣнія относительно моральности произведенія Тассо. Терпѣніе поэта, который готовъ былъ подчиниться разумнымъ указаніямъ, истощилось, и онъ, измученный, рѣшилъ оставить текстъ поэмы въ томъ видѣ, въ какомъ написалъ. Но тѣ слухи, которые были распускаемы относительно „Осв. Іер.“ недоброжелателями Тассо, были лишь началомъ испытаній, которыя довелось вынести несчастному поэту. Съ появленіемъ „Освобожденнаго Іерусалима“ въ печати, началось обсужденіе поэмы въ литературѣ, и мало по малу разгорѣлся споръ, превратившійся въ яростную войну враговъ Тассо съ одной стороны и защитниковъ его съ другой.

Эта литературная борьба открылась изъ-за похвалъ, которыми была осыпана поэма Тассо въ діалогѣ: „Il Carafa, ovvero dell' Epica Poesia“, написанномъ Pellegrino и изданномъ во Флоренціи въ 1584 г. ¹⁾ Въ томъ же году явилась „Degli Accademici della Crusca Difesa dell' Orlando Furioso contra il Dialogo dell' Epica Poesia“ etc., за

¹⁾ Ранѣе еще вышло разсужденіе Lombardelli: «Sopra il Goffredo di Torquato Tasso. Giudizio. Fir. 1582». Перечень критическихъ отзывовъ о поэмѣ Тассо и произведеній, вызванныхъ полемикою по поводу «Освобожденнаго Іерусалима», впрочемъ не совсемъ полный, см. въ Biblioteca dell'eloquenza italiana di Monsignore Giusto Fontanini Arcivescovo d'Ancira con le annotazioni del signor Apostolo Zeno, t. I, Venez. MDCCLIII, p. 313—334.

которою послѣдовала *Apologia*, написанная Тассо въ защиту „Осв. Іер.“, а въ слѣдующемъ году вышла „*Dello Infarinato* (псевдонимъ *Salviati*), *Accademico della Crusca, Risposta all'Apologia di Torquato Tasso, intorno all'Orlando Furioso e la Gerusalemme Liberata*“¹⁾.

Въ спорѣ этомъ несомнѣнно были замѣшаны личные счеты съ Тассо и побужденія, не имѣвшія отношенія къ литературнымъ мнѣніямъ, которыми прикрывалось, напр., мелочное самолюбіе; для Флорентійцевъ мнѣнія академикомъ della Crusca стали какъ бы нераздѣльны съ національнымъ интересомъ и достоинствомъ²⁾; было выето также не мало грязи съ тѣмъ, чтобы опозорить нѣкоторыхъ изъ защитниковъ Тассо. Но, тѣмъ не менѣе, въ литературной войнѣ, поднявшейся по поводу поэмы Тассо, нельзя не усматривать за личными препирательствами болѣе серьезной борьбы началъ, которымъ суждено было сталкиваться въ европейскихъ литературахъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, пока, наконецъ, въ настоящемъ столѣтіи не былъ положенъ предѣлъ этой борьбѣ выработкою новаго литературнаго направленія, смѣнившаго ново-европейскій классицизмъ и романтику, и представившаго теперь высокіе образцы творчества въ произведеніяхъ такихъ поэтовъ, какъ Тургеневъ, Толстой и др. Въ итальянской литературѣ, которая въ періодъ Возрожденія стояла впереди всѣхъ другихъ литературъ Европы, ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, должно было произойти столкновеніе античнаго вліянія, столь могучаго въ періодъ Возрожденія, съ началами самобытности. Эти начала не могли быть подавлены надолго и вполнѣ даже въ годы энтузіастическаго поклоненія древней образованности и должны были выникнуть съ новою силою, когда начала зрѣть мысль, воспитанная въ школѣ классической древности, укрѣпившей сужденіе и расширившей кругозоръ. Споръ, который имѣлъ предметомъ оцѣнку поэмы Тассо, долженъ быть введенъ въ рамку этой общей борьбы защитниковъ слѣдованія древнимъ правиламъ и образцамъ

1) Авторъ этой *Risposta*, *Salviati*, былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, мнѣніе которыхъ объ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тассо хотѣлъ знать до напечатанія своей поэмы.

2) Самолюбіе Флорентійцевъ, оскорбленное Тассо, играло видную роль въ этомъ спорѣ; см. *Fontanini ib.*, прим. 1 на стр. 316 и прим. а на стр. 332. Это видно также и изъ перваго діалога *Сальвиати*. Что касается въ частности *Сальвиати*, который до своей смерти (въ 1589 г.) былъ душою полемики противъ Тассо, то побужденія его врядъ ли были честны (см. подозрѣніе *Cecchi*), и характерно во всякомъ случаѣ, что онъ выступалъ подъ вымышленными именами. Выдержки изъ полемическихъ произведеній *Сальвиати* можно прочесть въ *Tallarigo e Imbriani Nuova cretomazia italiana*, vol. III (Nap. 1884), p. 211—214.

съ одной стороны и поборниковъ правъ новаго творчества на само-бытное развитіе съ другой ¹⁾. Что таковъ именно былъ основной источникъ этого спора, показываетъ, между проч., исторія другаго спора, который возникъ вскорѣ послѣ перваго и имѣлъ своимъ предметомъ право на существованіе пасторальной трагикомедіи, творцомъ которой былъ продолжатель Тассо въ области пастушеской драмы,—Гварини ²⁾. Пасторальная трагикомедія была такимъ же полу-оригинальнымъ родомъ творчества, какимъ была романтическая поэма въ формѣ, выработанной Тассо; первая также являлась сліяніемъ началъ классицизма и романтики и вызывала сомнѣнія, во многомъ сходныя съ тѣми, какія возникали относительно романтической поэмы; но только вопросъ о послѣдней представлялъ гораздо большую важность благодаря тому, что эпосъ привлекалъ особое вниманіе въ ново-европейскихъ литературахъ, желавшихъ соревновать древнимъ, и съ самаго начала Возрожденія заявлялъ притязаніе на одно изъ первыхъ мѣстъ въ итальянской поэзіи.

Если борьба, которая въ теченіе двухъ съ лишнимъ вѣковъ велась по поводу поэмы Тассо, имѣла такой важный мотивъ, какъ столкновеніе романтики съ классицизмомъ, то исторія ея должна занять надлежащее мѣсто въ очеркѣ эволюціи и судебъ романтики. Потому мы остановимся нѣсколько на спорѣ о поэмѣ Тассо съ цѣлью извлечь изъ оставшихся отъ этого спора памятниковъ тѣ данныя, которыя могутъ ознакомить насъ съ положеніемъ романтики въ итальянской литературѣ со второй половины XVI вѣка.

Мы можемъ при этомъ оставить въ сторонѣ тѣхъ литераторовъ, которые выступали противъ Тассо, ратуя *pro domo sua*. Занимаясь одновременно поэзіею и теоретическою разработкою вопросовъ поэтики, они нападали на Тассо, чтобы, унизивъ его, какъ бы очистить тѣмъ дорогу собственнымъ произведеніямъ, написаннымъ по правиламъ критики, враждебной Тассо; но такое предпріятіе

¹⁾ Очеркъ этого спора въ Италіи, какъ перваго акта борьбы, разгорѣвшейся потомъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV, см. въ монографіи *Rigault, Histoire de la querelle des anciens et modernes*, Par. 1856. Монографія эта вошла затѣмъ въ полное собраніе сочиненій Rigault.

²⁾ «*Scrittori intorno al Poema del Guarini*» перечислены у Fontanini, I, 431—446. Что до «*Aminta*», то эта пьеса встрѣтила на первыхъ порахъ восторженное почитаніе и подверглась нападкамъ лишь къ концу XVII в., да и то не на долго, потому что они тотчасъ встрѣтили вѣскій отпоръ. Перечень произведеній, относящихся къ этой полемикѣ, см. Klein, *Geschichte des Drama's*, V, 150—151.

оканчивалось обыкновенно неудачею людей, посягавшихъ на славу Тассо ради собственнаго превознесенія ¹⁾.

Мы пройдемъ молчаніемъ также доводы тѣхъ критиковъ, которые руководились соображеніями педантизма и, ссылаясь на поэтику Аристотеля, на произведенія Гомера и Вергилія, предъявляли поэмѣ Тассо по примѣру самого автора ея правило касательно единства (драматическаго) дѣйствія, найденное у Аристотеля, обсуждали вопросъ о единствѣ „Orlando Furioso“, Илиады и т. п.

Для насъ болѣе интересно то прямое сопоставленіе Тассо съ Аріосто, которое было постоянно въ ходу въ Италіи ²⁾ и которое, повидимому, можетъ перенести насъ въ глубь спора, составляя наиболѣе существенный вопросъ его, непрерывно ставившійся два вѣка съ лишнимъ. Сравнительная оцѣнка поэмы Аріосто и Тассо занимала весьма многихъ, въ томъ числѣ такого серьезнаго и глубокаго мыслителя, какъ знаменитый Галилеи, который былъ далекъ отъ педантической рутинѣ и хорошо опредѣлилъ роль педантизма въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній. Его сужденіе, относящееся къ 1590 г., для насъ тѣмъ интереснѣе, что не обусловливалось личными расчетами и не было напечатано при его жизни ³⁾.

Галилеи увлекался въ молодости литературою и подобно многимъ другимъ занимался сопоставленіемъ поэмы Аріосто, которую превосходно изучилъ, съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“. Между прочимъ онъ вставилъ бѣлые листки между листками поэмы Тассо и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отмѣчалъ „tutti i riscontri dei concetti comuni dagli Autori trattati, soggiungendo i motivi i quali facevano anteporre l'uno all'altro, i quali per la parte dell'Ariosto erano molti più in numero, e più gagliardi“ ⁴⁾. Результатъ такого довольно тщательнаго сопоставленія

¹⁾ Таковы Zinani, Ceza, Cagnoli, Grandi. См. у Salfi, Histoire littéraire d'Italie, t. XIII. Par. 1835, chap. XII, а также у Fontanini, I, 331—332.

²⁾ Впервые началъ сравнивать *Gerus.* съ *Orl. Fur.* Pellegrino, поставившій поэму Тассо выше Аріостовой во всѣхъ отношеніяхъ,

³⁾ Первое изданіе вышло въ 1793 г. Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ въ *Opere di Galileo Galilei*, vol. decimoterzo, Milano 1811. Новѣйшее изданіе принадлежитъ *Mestica: Scritti di critica letteraria di Galileo Galilei, raccolti ed annotati per uso delle scuole*, Torino 1889. Въ подлинности этого произведенія Галилеи долго сомнѣвались, а нѣкоторые сомнѣваются и теперь, но эти сомнѣнія устрояются на нашъ взглядъ свидѣтельствами, находящимися въ письмахъ какъ самого Галилеи, такъ и адресованныхъ къ нему. Указаніе литературы, относящейся къ *Considerazioni* Галилеи, см. въ *Giorn. stor. d. lett. it.*, XIII, 419—420.

⁴⁾ *Op. di Gal. Gal.*, XIII, 338.

оказался не вполне благоприятнымъ для Тассо; Галилеи прикнулъ къ той сторонѣ, которая неодобрительно отзывалась о Тассо, сравнивая его съ Аріосто. Галилеи превзошелъ въ нападкахъ и Сальвиати и de Rossi, но при этомъ руководился лишь сравнительною оцѣнкою обоихъ поэтовъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они соприкасались ¹⁾, и, слѣдовательно, обращался къ приемамъ критики, не лишеннымъ научности. Занявшись сличеніемъ соответственныхъ мѣстъ той и другой поэмы, Галилеи отдалъ въ большинствѣ случаевъ предпочтеніе Аріосто и принялъ мнѣніе тѣхъ, которые въ силу простоты и несложности твореній Тассо считали послѣдняго поэтомъ скуднаго гениа, ставили „Аминта“ ниже „Pastor Fido“ и „Освобожденный Иерусалимъ“ признавали бѣдной монашеской поэмою по сравненію съ „Неистовымъ Роландомъ“, блестящимъ множествомъ красотъ и великолѣпиемъ отдѣлки. Поэма Тассо казалась Галилеи небольшою студіей любознательнаго человѣчка, который находитъ удовольствіе въ украшеніи ея разными рѣдкостями, являющимися въ существѣ лишь неважными мелочами. Когда, напротивъ, Галилеи приступалъ къ чтенію поэмы Аріосто, критику казалось, что предъ нимъ открывалось королевское хранилище, галерея, украшенная статуями и картинами лучшихъ художниковъ, множествомъ цѣнныхъ вазъ и замѣчательныхъ рѣдкостей.... ²⁾. Ясно отсюда, какимъ критеріемъ руководился Галилеи. Онъ принималъ во вниманіе эстетическое воз-

¹⁾ Нѣкоторые пришли теперь къ не совсѣмъ вѣрному выводу, что поэмы Аріосто и Тассо не подлежатъ сравненію, и однако тѣ же самые критики продолжаютъ это сравненіе (см., напр. Dini 300—301).

²⁾ Op. di Gal. Gal., XIII, 177—178: «Mi è sempre parso e pare che questo Poeta (Tasso) sia nelle sue invenzioni oltre tutti i termini gretto, povero e miserabile, e all'opposto l'Ariosto magnifico, ricco e mirabile. E quando mi volgo a considerare i Cavalieri con le loro azioni e avvenimenti, come anche tutte le altre favolette di questo Poema, parmi giusto penetrare in uno studietto di qualche ometto curioso, che si sia dilettrato di adornarlo di cose che abbiano per antichità, o per altro del pellegrino, ma che però sieno in effetto coselline, avendovi come saria a dire un granchio petrificato, un camaleonte secco, una mosca, un ragno in gelatina in un pezzo d'ambra, alcuni di quei fantocchini di terra, che dicono trovarsi nei sepoleri antichi di Egitto e così in materia di Pittura qualche schizzetto di Baccio Bandinelli, o del Parmigiano, o simili altri cosette. Ma all'incontro quando entro nel Furioso, veggio aprirsi una guardaroba, una Tribuna, una Galleria regia, ornata di cento statue antiche de'più celebri Scultori con infinite storie intiere, e le migliori di Pittori illustri, con un numero grande di vasi, di cristalli, d'agate, di lapislazzari, e d'altre gioje, e finalmente ripiena di cose rare, preziose, maravigliose, e di tutta eccellenza, e acciochè questo che dico così generalmente si conosca esser vero andremo esaminando di mano in mano ai lor luoghi tutte le azioni de'Cavalieri, e tutte le favole. E facendo principio da questa, che abbiamo per le mani, che è l'amor di Tancredi verso Clorinda qual più meschina o insipida cosa si può pensare....» Уподобленіе поэмъ Аріосто и Тассо двумъ Palazzi было пущено въ ходъ впервые Salviati въ возраженіи Pellegrino; къ этому сравненію прибѣгали потомъ многие.

дѣйствіе сравниваемыхъ поэмъ и находилъ, что по большей части ¹⁾ картины ²⁾, нарисованныя Тассо, блѣдны, скудны изобрѣтеніемъ и не могутъ идти въ сравненіе съ произведеніями кисти великаго соперника Тассо. Если, оставивъ въ сторонѣ критику отдѣльныхъ мѣстъ и выражений, посмотримъ, какіе крупные эпизоды въ особенности подверглись оцѣнкѣ у Галилеи, то замѣтимъ, что послѣдняго заинтересовали по преимуществу романтическіе эпизоды, и они-то обусловили рѣшеніе, произнесенное Галилеи ³⁾. Итакъ, Галилеи не понравилась поэма Тассо потому, что она не есть произведеніе художника, свободно отдававшагося вдохновенію и достигшаго при этомъ замѣчательнаго мастерства въ построеніи и обрисовкѣ, а также гармоніи въ раскрытіи характеровъ и побужденій изображенныхъ имъ лицъ. Поэма Тассо отталкивала Галилеи скудостью оригинальнаго творчества и казалась ему неудачнымъ сплѣненіемъ фабулъ и рядомъ картинъ, нарисованныхъ не вполне искусною рукою поэта, не смѣвашаго отступать отъ правилъ. Можетъ быть, не безъ вліянія враждебной Тассо критики, Галилеи готовъ былъ думать, что Тассо не проявилъ въ своей поэмѣ тѣхъ достоинствъ, какія долженствовалъ бы обнаружить, прилагая старанія о строгой выработкѣ плана. Словомъ, непривлекательнымъ показалось оригинальному сужденію глубокаго критика подражаніе древнимъ образцамъ, и онъ сталъ на сторону романческаго изобилія, высказавшись противъ холодности, безжизненности, скудости, и сухости творчества, отпавлявшагося отъ подражанія классическому эпосу.

Сознательнаго противопоставленія обоимъ этимъ пріемамъ творчества съ обозначеніемъ одного изъ нихъ названіемъ романческаго, а другаго названіемъ классическаго, мы не находимъ конечно, у Галилеи, но, тѣмъ не менѣе, сужденіемъ его въ данномъ вопросѣ заправляло не вполне отчетливое въ конечной формулировкѣ противоположеніе романческаго эпоса съ одной стороны и полуклассическаго съ другой.

Споръ о достоинствѣ „Освобожденнаго Іерусалима“ велъ, такимъ образомъ, нѣкоторыхъ къ сопоставленію романтики, въ ея сво-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галилеи отдаетъ однако предпочтеніе Тассо; см., напр., р. 185.

²⁾ См. стр. 187, гдѣ критикъ прямо заявляетъ, что будетъ имѣть въ виду *Picture*.

³⁾ См. письмо Галилеи къ Rinuccini: Op., vol. XIII., р. 338—339.

бодномъ проявленіи, съ переработкою ея подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ и къ вопросу о свободѣ творчества, о томъ отношеніи къ древней поэзіи, въ какое должна стать поэзія ново-европейская, о значеніи для послѣдней Гомера, поэтики Аристотеля и т. п.

Замѣчательно при этомъ, что и не всѣ изъ ревностныхъ защитниковъ Тассо, въ которыхъ никогда не было недостатка, высказывались противъ Аріосто. Романтическая поэзія очаровывала нѣкоторыхъ вопреки тѣмъ возраженіемъ, какія они могли выдвинуть противъ нея, руководясь апріорною теоріею, основанною на Аристотелѣ и древнихъ образцахъ.

Изъ этихъ критиковъ выдается Beni, который вообще заслуживаетъ упоминанія въ ряду тогдашнихъ теоретиковъ поэтического искусства. Онъ удѣлялъ полное вниманіе „a'sottili e difficili precetti di Aristotile“ ¹⁾, постоянно считался съ ними, думалъ, что знаніе и соблюденіе правилъ весьма важно для поэтовъ ²⁾, пренебрежительно относился къ рыцарскимъ романамъ ³⁾, былъ весьма высокаго мнѣнія о поэмѣ Тассо ⁴⁾, хорошо зналъ и свелъ во-едино всѣ обвине-

¹⁾ Beni принадлежать, между проч., *Commentaria in Aristotelis libros rethoricorum etc.*, Ven. 1624.

²⁾ *Comparatione di Homero, Virgilio e Torquato*, предисловіе (A'Benigni Lettori L'Autore): „...«a confessarne il vero, è da temer che molti Poeti, etianodio de'Latini, tuttoche nel resto famosi e chiari, sol per mancamento di precetti (che gli Aristotelici si giacevano nelle tenebre sepolti) si sian' assai dilungati dal sommo e perfetto».

³⁾ *Comparat.*, 229: „...«quando l'attion sia in tutto inaudita, non solo difficilmente si acquista credenza, o sembra verisimile, ma genera sospetto di falsità: sapendosi che gli heroici fatti sogliono per historie o per fama esser palesi. Laonde non si può esprimere lo suantaggio il qual' hanno in questa parte, com'anco in molt'altre, i Giron Cortesi, i Fidi Amanti, & altri poemi tali in tutto finti». По мнѣнію Beni, такіа поэмы, какъ *Italia liberata* или *Alemanna*, болѣе воспаменяютъ благородныя сердца, «che non fanno i Morganti, gl'Amadigi, o altri tali i cui fatti si hanno per sonni & ombre» (p. 230). Ср. на стр. 283: «...del tutto finti sembrano gli Amadigi, i Palmerini, Primaleoni e simil'altre amorose e caualleresche inuentioni per non dir ciancie»...

⁴⁾ „...«hauendo Torquato nella sua Gierusalemme mostrata la strada onde possiamo non solamente riuolgere a lodat'use, ma ancora alta e nobilmente inalzare, lo stil' e'l canto; e con dilettar'anco, andarci scostando a gran passi dal impudiche inuentioni di molti Heroici Poeti, non ci pareua di auenturar' & impiegar bassa & inutilmente l'opera nostra» (предисловіе). Цѣлый рядъ разсужденій посвященъ затѣмъ доказательству того, что въ своемъ Goffredo Тассо воплотилъ болѣе благородную и совершенную идею доблестнаго вождя, чѣмъ какую имѣли Гомеръ и Виргилій; единство, цѣлостность и величіе фабулы лучше выдержаны у Тассо, чѣмъ у древнихъ эпиковъ; равнымъ образомъ Тассо сумѣлъ лучше Гомера украсить свою поэму эпизодами; лишь трудно рѣшить, онъ ли, или Виргилій искусилъ въ пользованіи эпизодами. Что до сюжета, избраннаго Тассо, то этотъ сюжетъ какъ нельзя болѣе былъ способенъ къ естественному распорядку, и Тассо и въ этомъ отношеніи выше Виргилія и также Гомера, если имѣть въ виду Одиссею. *Compar.*, 1—245.

нія, какія были выдвинуты противъ Аріосто ¹⁾, соглашался съ тѣмъ, что Аріосто нарушилъ нѣкоторыя правила, напр. касательно единства ²⁾; и тѣмъ не менѣе, Вепі не могъ не признать, что „Аріосто не только значительно превзошелъ всѣхъ предшествовавшихъ ему итальянскихъ поэтовъ, но приблизился къ Виргилію и сталъ выше Гомера“ ³⁾. Фабула Аріостовой поэмы не можетъ быть приравниваема къ фабуламъ французскихъ и испанскихъ рыцарскихъ романовъ объ Амадисахъ, Прималеонахъ и т. п.; она принадлежитъ къ числу тѣхъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ исторіи ⁴⁾. Сравнивая фабулу *Fugioso* съ Гомеровскою, Вепі отдаетъ предпочтеніе первой. Завязки эпизодовъ у Аріосто отличаются искусствомъ и удивительною красотою: читатель проникается нетерпѣніемъ, пламенно желаетъ знать, чѣмъ окончится то или иное событіе, о которомъ онъ началъ читать, и испытываетъ неудовольствіе, какъ скоро поэтъ, не окончивъ разсказа объ одномъ происшествіи, принимается повѣствовать о другомъ; впрочемъ, читатель начинаетъ тотчасъ же интересоваться этимъ новымъ эпизодомъ, который увлекаетъ его въ такой же мѣрѣ, какъ и предыдущій, если не болѣе; и такъ бываетъ постоянно. Читатель проникается не только удивленіемъ, но по временамъ также состраданіемъ, гнѣвомъ, любовью и другими подобными чувствами. Поэма Аріосто исполнена, такимъ образомъ, героическаго величія и увлекаетъ. „Аріосто, опытный въ построеніи драмъ, сумѣлъ искусно ввести и въ свою поэму множество самыхъ удачныхъ завязокъ ⁵⁾, и благодаря имъ эта поэма не только полна разнообразія, но и увлекательна, неподражаема въ этомъ отношеніи и выше всякаго человѣческаго искусства, не говоря уже о Гомеровскомъ, такъ какъ, правду сказать, Гомеръ весьма бѣденъ хорошими завязками и какъ бы совсѣмъ лишенъ ихъ“ ⁶⁾. Далѣе, Аріо-

1) *Ib.*, 246—250.

2) P. 245: «il suo Poema non contenga vnita di fauola». Cf. p. 281.

3) P. 235: «l'Orlando dell' Ariosto ... (se alcun mi adduca a dir quel ch'io ne sento) non solamente hà superato di gran lunga qualunque altro Epico Italian Poeta ilquale auanti di lui habbia poetato, ma ancora s'è andato auicinando a Virgilio, e (se mi è lecito di scoprir liberamente il mio parere) s'è auanzato fin sopra Homero».

4) P. 283, 285—286.

5) Эпизодъ объ *Ariodante* и *Gineura* вызвалъ такой восторженный отзывъ: «di che non sò io se nell'antiche ouer moderne carte si troui fatto alcuno piu marauiglioso & affettuoso, o meglio annodato e sciolto» (p. 289).

6) P. 294.

сто весьма удачно, живо и мастерски изображаетъ какъ внушающія ужасъ сцены войны, такъ и сцены любовныя и вызывающія участие; не менѣ прекрасны у него описанія, сравненія и выраженія сѣтованія, внушенныя состраданіемъ и любовью. Равнымъ образомъ въ заимствованіяхъ изъ древнихъ поэтовъ Аріосто весьма остроумень, искусенъ и превосходенъ. Наконецъ, онъ удивительно воспользовался для украшенія своей поэмы данными астрологіи, космографіи, исторіи и цвѣтами краснорѣчія.—Такимъ образомъ, и просвѣщенный и безпристрастный читатель Тассо, какимъ былъ Вепі, не могъ не признать великихъ достоинствъ поэмы Аріосто и готовъ былъ забыть нарушеніе правила касательно единства фабулы. Романтическая поэма превозмогала своихъ классическихъ соперницъ, и въ эпосѣ знаменитая теорія единства¹⁾ не могла такъ утвердиться, какъ утвердилась въ драмѣ, тѣмъ болѣе, что единства фабулы не находили даже у Гомера.

При такой постановкѣ критики, противоположеніе Тассо и Аріосто, изначала въ значительной степени искусственное, не могло бы держаться. Но сужденіе публики, которая въ этомъ отношеніи какъ бы соглашалась съ Вепі, цѣня достоинства обоихъ поэтовъ и не задаваясь тщательною сравнительною оцѣнкою ихъ, не имѣло значенія для критиковъ, не могшихъ отрѣшиться отъ педантства и пристрастія къ *sottigliezze*. Вепі писалъ въ ту пору, когда ярость спора, раздутаго личными мотивами и нежеланіемъ уступить въ *Dispute dialettiche*, какъ назвалъ Сальвиати свою полемику, ослабѣла, когда заканчивался первый періодъ литературной войны, поднявшейся по поводу „Освобожденнаго Іерусалима“, и стало возможно болѣе спокойное обсужденіе вопроса. Ослабѣлъ въ то время и самый интересъ къ этому вопросу о поэмѣ Тассо, что доказывается значительнымъ уменьшеніемъ съ 90-хъ годовъ XVI в. количества произведеній, занимавшихся критическимъ разсмотрѣніемъ „Освоб. Іерус.“. Тѣмъ не менѣ, безпристрастная оцѣнка поэмы Тассо не была еще возможна для многихъ и прежде всего—для тѣхъ поэтовъ первой половины XVII в., которые пытались превзойти Тассо. Другіе продолжали нападать на Тассо или противопоставать его Аріосто въ силу рутины и педантства.

¹⁾ Объ этой теоріи см. эту же *Breitinger*-а Les unités D'Aristote avant le Cid de Corneille, Genève 1879, p. 4-14.

Въ 80-хъ годахъ XVII в., съ выходомъ *Bilancia critica di Magio Zito* (1685), совсѣмъ наступаетъ затишье въ спорѣ объ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, но по старой памяти противопоставленіе Тассо и Аріосто продолжалось, и писатель первой половины XVIII в., *Becelli*, избралъ даже этотъ споръ предметомъ одной изъ своихъ комедій, озаглавленной *L'Ariostista e il Tassista* (1748).

Въ этой комедіи, заключающей въ себѣ, по замѣчанію одного критика ¹⁾, нѣчто Аристофановское, вопросъ объ обоихъ эпикахъ представленъ разбирающимся въ аду, при чемъ Плутонъ стоитъ за Тассо, а Прозерпина за Аріосто; окончательный приговоръ не склоняется ни на ту, ни на другую сторону. Отмѣчаются недостатки какъ въ поэзіи Аріосто ²⁾, такъ и въ поэмѣ Тассо. Слѣдовательно, авторъ комедіи не одобрялъ спора, который казался ему неразумнымъ, какъ смѣшными казались и многія другія занятія *лже-ученыхъ* ³⁾. Въ исторіи пренія о Тассо и Аріосто *Becelli* занимаетъ въ XVIII в. отчасти такое же нейтральное положеніе, какое въ XVII в. присвоивалъ себѣ *Nic. Villani*.

Вообще въ XVIII в. начали правильнѣе относиться къ поэмамъ Тассо и Аріосто. *Baretti* равно отстаивалъ обоихъ великихъ эпиковъ противъ несправедливости, какую, по его мнѣнію, выказывала въ отношеніи къ нимъ иностранная критика. У него замѣчаются вмѣстѣ съ тѣмъ зачатки вполне научнаго отношенія къ итальянской рыцарской эпикѣ. Рыцарскимъ эпосомъ, въ которомъ выступаетъ „gente tanto poetica e tanto diletta“, интересуется, по мнѣнію *Baretti*, „ogni persona fantasiosa e di buon gusto“, и *Baretti* указывалъ на необходимость того изслѣдованія о генезисѣ произведеній итальянской рыцарской эпикки, которое было осуществлено лишь учеными нашего вѣка, *Rapizzi*, *G. Paris* и преимущественно *Rajн-ой* ⁴⁾.

Въ особенности интересно для насъ мнѣніе аббата *Serassi*, посвятившаго всю свою жизнь изученію біографіи и произведеній Тассо.

¹⁾ *Nicc. Tommaséo*, *Dizionario estetico*, Mil. MDCCCLII, p. 35.

²⁾ «Così l'ha fatta specchio della vita Che il vizio spesso e meglio rappresenta».

³⁾ Такое заглавіе (*Falsi letterati*) носитъ комедія, напечатанная въ 1740 г. Въ ней есть, между проч., рассказъ объ одномъ ученомъ, который сосчиталъ всѣ запятые у Аріосто.

⁴⁾ См. *L. Morandi*, *Voltaire contro Shakespeare*, *Baretti contro Voltaire*. *Con un'appendice alla Frusta letteraria e XLIV lettere del Baretti*. Nuova ediz., Città di Castello 1884, p. 69, 71, 72, 130—131.

Serassi старался соблюсти справедливость въ отношеніи къ обоимъ великимъ эпикамъ Италіи. Въ 1794 г. онъ издалъ разсужденіе о спорѣ изъ-за Тассо и Аріосто ¹⁾, который уже два вѣка съ личнымъ вели академіи и ученѣйшіе и почтеннѣйшіе люди какъ Италіи, такъ и странъ, къ сѣверу отъ нея лежащихъ, но который все еще оставался нерѣшеннымъ ²⁾. Вступая съ своей стороны въ разбирательство вопроса о томъ, кому слѣдуетъ присудить первенство въ итальянской эпикѣ, Тассо или Аріосто, Serassi отправляется въ существѣ отъ тѣхъ же принциповъ критики, какими руководились ученые XVI и XVII вв. Онъ приводитъ Аристотелево опредѣленіе эпопеи и разсматриваетъ затѣмъ обѣ поэмы со стороны *favola*, *costume*, *sentenza*, e *locuzione*. Геровческой фабулѣ Serassi предъявляетъ три требованія: въ ней должно быть соблюдено единство дѣйствія, факты должны отличаться вѣроятностію, и могутъ имѣть мѣсто лишь необходимые и подобающіе эпизоды. Что до построения фабулы, то нечего искать единства ея у Аріосто, который слѣдовалъ манерѣ *romanzì*; напротивъ, въ поэмѣ Тассо единство дѣйствія возбуждаетъ удивленіе. Главныя дѣйствующія лица эпоса, по Аристотелю, должны отличаться высшимъ достоинствомъ. У Аріосто они не таковы ³⁾, и Феррарскій пѣвецъ подвергается за то общему порицанію, чего нельзя сказать о Тассо, изобразившемъ въ Гоффридо совершеннаго вождя. Тассо погрѣшалъ противъ требованія касательно выдержанности въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, касательно соответствія ихъ поступковъ и рѣчей ихъ характеру и историческимъ даннымъ, но не въ такой степени, какъ Аріосто, представившій Роланда влюбленнымъ и безумнымъ. За то ни одинъ поэтъ не можетъ поравняться съ Аріосто въ талантѣ и искусствѣ анализа и исполнѣ правдивой и полной естественности мотивировки различныхъ человѣческихъ чувствъ и вызываемыхъ ими душевныхъ движеній, и въ обрисовкѣ характеровъ, положеній и дѣяній ⁴⁾; такого рода эпизоды „Неисто-

¹⁾ *Ragionamento* dell'abate Pierantonio Serassi sopra la controversia del Tasso, e dell' Ariosto. Parma MDCCXCIV.

²⁾ Интересно указаніе причины, по которой не могли прийти къ рѣшенію вопроса о Тассо и Аріосто. По мнѣнію Серасси (р. IV), это произошло o per la troppa parzialità e soverchio impegno de' giudici, o piuttosto per lo singolare e grandissimo merito de' poeti.

³⁾ P. XI: «perchè abbia fatti viziosi persino i suoi principali eroi, come Agramante spergiuro, Orlando effeminato e Ruggero lascivo e disleale»...

⁴⁾ P. XVII: «vegniamo oramai a parlare della sentenza, pregio tanto singolare dell' Ariosto

ваго Роланда“ глубоко трогаютъ читателя ¹⁾. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые ставятъ Тассо гораздо ниже Аріосто, находя въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“ натянутость и искусственность. Serassi же думаетъ, что, признавая легко и свободно развертывающуюся наглядность повѣствованія у Аріосто, можно удивляться вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлкѣ у Тассо, благодаря которой читателя также трогаетъ рассказъ поэта. Въ укоръ Тассо ставятъ по мѣстамъ чрезмѣрную искусственность и возвышенность, а по мѣстамъ нѣкоторую жесткость и темноту; но вѣдь и у Аріосто указываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ либо крайнюю небрежность и пошлость, либо чрезмѣрную легкость и несостоятельность. Что касается, наконецъ, языка, то оба поэта равно заслуживаютъ величайшей похвалы ²⁾. Заканчиваетъ Serassi сжатою характеристиккою того и другаго поэта, изъ которой явствуетъ, что у Аріосто болѣе естественности, у Тассо же болѣе изящества, но оба они—весьма крупные поэты: Аріосто—второй Гомеръ, а Тассо—итальянскій Вергилій ³⁾.

Итакъ, къ концу XVIII в. авторитетнѣйшій изслѣдователь жизни и произведеній Тассо и глубокій читатель этого поэта поставилъ поэму Аріосто столь же высоко, какъ и Тассову. Своими сужденіями о той и другой Serassi напоминаетъ Veni; разница въ возрѣніяхъ обоихъ критиковъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что Serassi, имѣя предъ собою большее количество критическихъ замѣчаній ⁴⁾, вникъ обстоятельнѣе въ недостатки произведенія Тассо и отчетливѣе указалъ нѣкоторые изъ великихъ достоинствъ „Неистоваго Роланда“.

che per questo solo è giunto a superar tutti gli altri poeti, ed ha reso il suo poema incomparabile e meraviglioso».

1) P. XVII: «Il lamento d'Orlando è tale, ch'è impossibile a imitarlo: è tale, che chi non sentira intenerirsi, non averà cuore; chi non piangerà, sarà senza occhi»...

2) P. XXIII: «Ecco i concetti dell'Ariosto facili e spiegati per lo più con voci chiarissime e dolci, e quelli del Tasso espressi per lo più con traslati, e pieni di sensi esquisite».

3) Ib.: «L'Ariosto pertanto sembra più dolce poeta; il Tasso poeta più elegante; nell'uno si vede la natura campeggiar sovra l'arte, nell'altro l'arte soverchiar la natura; il Furioso per la varietà, per la naturalezza e per l'espression degli affetti è singolare e inarrivabile; la Gerusalemme, per la struttura, per la maestà, e per l'artificio è meravigliosa; in una parola Ariosto è l'Omero, il Tasso è il Virgilio dell'italiana favella».

4) Между прочимъ, онъ первый открылъ въ одномъ изъ Римскихъ книгохранилищъ критическія замѣчанія Галилеи объ «Освобожденномъ Іерусалимѣ», но не хотѣлъ ихъ обнародовать, пока не противопоставилъ бы «le debbite risposte alle sofistiche e mal fondate accuse di un Cen-

Совпаденіе во взглядахъ Veni и Serassi получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что итальянскій народъ точно также почти одинаково цѣнилъ „Неистоваго Роланда“ и „Освобожденный Іерусалимъ“. Мнѣніе лучшихъ и болѣе безпристрастныхъ критиковъ оказалось въ согласіи съ приговоромъ массы читателей и, какъ увидимъ, всего народа. Придирчивая и педантическая критика ученыхъ и литераторовъ, желавшихъ во что бы то ни стало поставить одного поэта гораздо выше другаго или умалить заслуги того и другаго, осталась безъ вліянія на общенародное сужденіе, и очеркъ спора, имѣвшаго цѣлью преимущественное возвеличеніе котораго-нибудь одного изъ великихъ итальянскихъ эпиковъ, наглядно показываетъ, какъ теченіе исторіи сглаживаетъ всѣ неровности и отклоненія отъ высшей правды и разумности, и сколь бесплодными оказываются въ концѣ концовъ усилія извратить истину, либо водворить односторонность. Оба эпика—Аріосто и Тассо—весьма талантливо и увлекательно воспроизвели одну и ту же средневѣковую романтику, изобразили одинъ и тотъ же героизмъ и складъ душевной жизни, исполненной рыцарскаго энтузіазма, но при этомъ они сообщили различное освѣщеніе рыцарскому міру и сталкивавшемуся съ послѣднимъ мусульманскому: Аріосто не разъ проявляетъ глубокую сердечность въ повѣствованіи о личностяхъ и отношеніяхъ рыцарскаго міра, но всецѣло не принадлежитъ ему, усматривая въ немъ немало смѣшнаго или, по меньшей мѣрѣ, внушающаго сожалѣніе, и не безъ тонкой ироніи относится къ рыцарскимъ грезамъ. Тассо не замѣчаетъ ничего смѣшнаго въ рыцарскомъ энтузіазмѣ и изображаетъ преимущественно возвышенную сторону рыцарскаго героизма и любви. Энтузіазмъ и иронія, при надлежащемъ уравниваніи, оба являются великими двигателями человѣческаго самоусовершенствованія, и потому оба изображенія рыцарскаго міра имѣютъ одинаково высокую цѣну, взаимно дополняя другъ друга въ выраженіи тѣхъ сторонъ рыцарства, которыя продолжаютъ сохранять непреходящее значеніе.

sore in altre materie di tanta celebrità». Serassi не сообщилъ даже никому о своемъ открытіи, какъ полагаютъ—изъ боязни, чтобы напечатаніе замѣчаній Галилеи, которыя на дѣлѣ онъ могъ считать вовсе не софистическими, не подорвало славы Тассо. Подозрѣваютъ даже, что Serassi вырвалъ первые листки ms. barberiniano, содержавшіе *Considerazioni* Галилеи, можетъ быть для того, чтобы уничтожить свидѣтельство о принадлежности *Considerazioni* знаменитому ученому. Какъ бы то ни было, знакомство съ мнѣніемъ Галилеи не прошло безслѣдно для сужденія Serassi о Тассо и Аріосто.

Въ силу того, мнѣніе Serassi несмотря на неудачность окончательной его формулировки ¹⁾, кажется намъ въ общемъ наиболее подходящимъ въ истинѣ въ ряду мнѣній, высказанныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ съ лишнимъ, протекшихъ отъ появленія въ свѣтъ „Освобожденнаго Іерусалима“.

Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ поэмъ Аріосто и Тассо не былъ порѣшенъ двухвѣковыми усиліями критики, и нашъ вѣкъ отчасти продолжилъ работу прежней критики, а отчасти занялся разсмотрѣніемъ „Неистоваго Роланда“ и „Освобожденнаго Іерусалима“ съ новой точки зрѣнія, признавъ прежнюю весьма поверхностною.

Въ настоящемъ столѣтіи одни продолжали защищать Тассо противъ нападковъ старой критики ²⁾, другіе возвеличивали Аріосто предпочтительно предъ Тассо, называя перваго величайшимъ итальянскимъ поэтомъ XVI в., третьи какъ бы слѣдовали тому взгляду, который высказалъ въ концѣ прошлаго вѣка Serassi ³⁾, наконецъ, четвертые признаютъ бесполезнымъ сравненіе произведеній неоднородныхъ и, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ сопоставлять поэмы Аріосто и Тассо ⁴⁾. Так. обр., отголоски стараго спора слышатся и въ настоящемъ столѣтіи.

Для насъ это трехвѣковое препирательство представляетъ интересъ потому, что продолжительность его служить однимъ изъ наглядныхъ подтвержденій того значенія, какое постоянно сохраняла въ Италіи романтика въ передачѣ обоихъ великихъ итальянскихъ эпиковъ XVI в. Отчасти благодаря такому значенію романтики и личность Тассо постоянно внушала глубокий интересъ изслѣдователямъ и поэтамъ; не разъ являлись даже поддѣлки произведеній Тассо ⁵⁾.

¹⁾ Читатель могъ видѣть изъ приведенной выше выдержки, что эта формулировка изложена въ фразахъ, мало говорящихъ современному читателю.

²⁾ Такова, напр., защита Тассо противъ замѣчаній Галилеи, явившаяся въ 1819 г. безъ имени автора (Giovanni Genicali). Нѣкоторые продолжали настаивать на томъ что Тассо—*principe dell'epica*.

³⁾ У насъ восхищался одновременно обоими итальянскими эпиками поэтъ Ватюшковъ. См. его статью: «Аріостъ и Тассъ» (Сочиненія К. Н. Ватюшкова. Изданы П. Ватюшковымъ, т. II. Спб. 1885, стр. 149—156).

⁴⁾ На такомъ сопоставленіи основано замѣчаніе Dini (р. 296), что послѣ Аріосто возможно было воспроизводить стремленія рыцарства лишь «in una maniera sofistica», изображая рыцарство съ одной какой-нибудь стороны. Перечень новѣйшихъ взглядовъ по вопросу о сравненіи поэмъ Тассо и Аріосто см. у Dini р. 300—301.

⁵⁾ Укажемъ на *Le Veglie*, которая поддѣлала Comragioni. На русскомъ яз. явилось

Аріосто и Тассо царили въ итальянской эпикѣ XVII и XVIII вв., такъ какъ она, выдвинувъ цѣлый рядъ новыхъ поэмъ, все-таки не представила произведеній, которыя могли бы поравняться съ великими поэмами XVI в. и отѣснить ихъ на задній планъ. Послѣ Тассо, соединившаго въ себѣ, по удачному выраженію Carducci, крайнія противоположности рыцарскаго и религіознаго идеализма, возвышенное рыцарское настроеніе уже не возрождалось съ такою силою въ Италиі, а постепенно слабѣло и медленно угасало, и въ то же время взамѣнъ его не выдвигался могучій новый идеализмъ въ родѣ французскаго идеализма XVII в.

Въ началѣ XVII в. въ Италиі возникло-было новое литературное теченіе, надѣлавшее много шума и долженствовавшее, казалось, подорвать славу прежнихъ великихъ созданій итальянской поэзіи, но успѣхъ этой новинки былъ временный, и въ Италиі, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалось существованіе той эпикѣ, которая развилась въ XVI в. и которая распадалась на нѣсколько группъ произведеній примѣнительно къ положительному или отрицательному отношенію къ Тассо и вообще къ рыцарскому идеализму.

Разсмотримъ кратко эти главныя теченія итальянской эпикѣ XVII в., чтобы ознакомиться съ тѣми видоизмѣненіями, какимъ подверглась романтика въ томъ столѣтіи.

Мы видѣли, что уже во второй половинѣ XVI в. въ сферѣ романтической поэзіи обнаружилось стремленіе къ новизнѣ, постепенно усилившееся къ концу того вѣка и къ началу XVII-го столѣтія. „Аминта“ и нѣкоторыя другія произведенія Тассо¹⁾ и „Pastor fido“ Гварини были выдающимися проявленіями зарождавшагося новаго направленія поэзіи. Полное выраженіе этого направленія въ годы, когда оно окончательно сложилось, находятъ въ произведеніяхъ cavalier-a Giambattista Marino²⁾. Это былъ поэтъ не-

два изданія перевода этой поддѣлки. Второе изданіе («Тассовы мечтанія. Переводъ съ Итальянскаго Николай Остолоповъ, Спб. 1818») заключаетъ также итальянскій текстъ. См., даже, о поддѣлкѣ лирическихъ произведеній Тассо въ статьѣ *Solerti*: «Dei manoscritti di Torquato Tasso, falsificati dal conte Mariano Alberti»—*Giorn. stor. d. lett. it.*, XIV, fasc. 40—41.

1) Характерно, что Лопе де Вега въ хвалебномъ обращеніи къ Марино назвалъ послѣдняго солнцемъ, а Тассо—звѣздой, предвозвѣстившей восходъ этого солнца.

2) Новѣйшій этюдъ о Марино—*M. Landau*: «Zur Geschichte des Barockstils in der Literatur» въ *Beilage zur Allgem. Zeitung* 1890, №№ 63, 65, 66. Landau воспользовался новѣйшею монографіею на ит. яз. о Марино: *M. Menghini*, *La vita e le opere di Giambattista Marino*, Roma 1888. См. еще статью *Lenient-a*: «L'hôtel de Rambouillet» въ *Rev. pol. et litter.* 1873, № 25.

сомнѣнно талантливый, хорошо владѣвшій языкомъ и стихомъ, но сразу пошедшій по ложной дорогѣ: онъ изначала проявилъ склонность къ антирезамъ, которыми не совсѣмъ удачно пользовался. Онъ былъ знакомъ съ Тассо и задумалъ-было эпосъ *Разрушенный Иерусалимъ*, который хотѣлъ противопоставить Освобожденному Иер., но, написавъ отрывокъ этой поэмы, увидѣлъ, что не можетъ соревновать Тассо, и прекратилъ начатую работу. Онъ порѣшилъ, что бывшія дотолѣ въ ходу въ итальянской литературѣ фабулы (въ томъ числѣ и рыцарскія) надоѣли публикѣ, избралъ потому новый сюжетъ и принялся за поэму объ Адонисѣ ¹⁾. Эта весьма обширная и растанутая поэма вся почти посвящена воспѣванію страстной любви юнаго Адониса и Марсовой жены Венеры и затѣмъ изображенію гибели и погребенія Адониса. Характерно уже воззваніе въ самомъ началѣ поэмы, обращенное къ Венерѣ, „*santa madre d'Amor*“, съ просьбою научить

A dir le pene dolcemente acerbe,
E le dolci querele, e'l dolce pianto.

Въ первыхъ строфахъ VIII-й пѣсни поэтъ прямо заявляетъ, что пишетъ для влюбленныхъ:

Giovani amanti, e Donne innamorate,
In cui ferue d'Amor dolce desio,
Per voi scriuo, a voi parlo, hor voi prestate
Fauoreuoli orecchie al cantar mio.

Строгіе читатели пусть будутъ подальше отъ его поэмы:

Lunge deh lunge alme seure e schiue
Dala mia molle e lusinghiera Musa.
Da poesie sì tenere e lasciuie
Incorrotta honestà vadane esclusa.

¹⁾ L'Adone, poema del cavalier Marino. In Venetia MDCXXIII. Это изданіе, которымъ мы пользовались, вышло въ томъ же году, въ которомъ явилось первое изданіе—Парижское.—Къ области рыцарской эпикіи относится принадлежащее Marino—Lettera di Rodomonte a Doralice con la risposta del S. Dionisio Viola, Ven. 1619. Въ изданіи *Lettere der Marino*, Ven. 1627, есть еще Risposta di Mandricardo alla lettera scritta da Rodomonte a Doralice, авторъ которой—G. Guerriero.

Ah non venga a biasmar quant'ella scrive
 D'implacabil Censor rigida l'accusa, on
 La cni calunnia om maligne emende
 Le cose irreprensibili riprende
 Di Poema morai graui concetti
 Non spèri vdir Hipocrisia ritrosa,
 Che notando nel ben solo i difetti,
 Suol cor la spina, e rifiutar la rosa.
 Sò che fra le defittie, e fra i diletti
 Degli scherzi innocenti alma amorosa
 Cautamente trattar saprà per gioco
 Senza incendio, ò ferita il ferro, e'l foco ¹⁾.

Самъ Марино признаетъ, что поэма его можетъ производить двойное дѣйствіе на читателей ²⁾, и однако непомѣрно выдвигаетъ на первый планъ моральное значеніе ея. Въ этомъ навязываніи моральнаго истолкованія чувственныхъ картинъ ³⁾ Марино является продолжателемъ литературнаго приѣма, который неоднократно былъ примѣняемъ и въ монашеской правоучительно-повѣствовательной литературѣ и въ итальянской поэзіи начиная съ Боккаччо ⁴⁾. Приѣмъ этотъ не имѣлъ отношенія къ рыцарской романтикѣ древ-

¹⁾ L'Adone, VIII, 3—4.

²⁾ Ib., 5:

Hor s'auerrà, ch'alcun da versi miei
 Concepisca veleno, e tragga fiele,
 Altri forse sarà men fiero & empio,
 Che raccolga da lor frutto d'esempio.

³⁾ Въ образчикъ такого истолкованія приведемъ «аллегорію» къ VIII-й пѣснѣ, изображающей «I trastulli», т. е. утѣхи Адониса, съ Венерою: «Il Piacere, che nel giardino del Tatto stà in compagnia della Lasciua, allude alla scelerata opinione di coloro, che posero il sommo bene ne'diletti sensuali. Adone, che si spoglia & lava, significa l'omo, che dandosi in preda alle carnalità, & attuffandosi dentro l'acque del senso, rimane ignudo & priuo degli habiti buoni & virtuosi. I vezzi di Venere, che con esso lui si trastulla, vogliono inferire le lusinghe della Carne licentiosa & sfacciata, laquale ama & accarezza volentieri il diletto» (p. 164).—Въ посвященіи Марино Медичи Марино говоритъ: «per hauere ip ridotto il soggetto, che tratta (come per l'allegorie si dimostra) ad un segno di moralità, la maggiore, che perauentura si ritrovi fra tutte l'antiche fauole, contro l'opinione di coloro, che il contrario si persuadevano, giudico, che ben si confaccia alla modesta gravità d'una Principessa tanto discreta».

⁴⁾ Имѣются данныя, свидѣтельствующія, что и новеллы Декамерона подвергались моральному истолкованію.

нѣйшей поры и привзошелъ въ нее позднѣе, въ періодъ появленія Романа о Розѣ. Къ той же позднѣйшей порѣ рыцарской поэзіи относится распространеніе въ послѣдней и аллегоріи. Въ ит. литер. аллегорія является уже въ *buon secolo*, и Марино могъ почерпнуть наклонность къ аллегоріи, занимающей весьма видное мѣсто въ его *Adone*, изъ родной литературы ¹⁾, а не только изъ романа о Розѣ, съ которымъ могъ быть знакомъ. Изъ родной же литературы взяты мотивъ путешествія и многія стилистическія особенности. Съ чисто рыцарскими романами поэма Марино сближается нѣкоторыми подробностями и эпизодами ²⁾, въ особенности же основною темою — любовными отношеніями между юношей и замужней дамой ³⁾. Въ этой немногосложной темѣ, развитой въ 40 тысячахъ стиховъ, въ цѣломъ рядѣ подробныхъ описаній и во множествѣ варіацій однѣхъ и тѣхъ же мыслей, заключалась главная пикантность замысла Марино. Предметъ поэмы давалъ возможность рисовать по мѣстамъ вольныя картины, которыхъ не мало въ „Адонисѣ“. Авторъ видимо пользовался представлявшимися ему случаями давать читателямъ описанія, которыя могли быть особливо интересны для нихъ, изображая въ существѣ не міръ классической древности и не средніе вѣка, а нравы и страсти дворовъ, при которыхъ довелось побывать Марино. Не можетъ быть и рѣчи о возвышенности той любви, которую Марино воспѣлъ въ *Адонисѣ* и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, ниспущаясь по всѣмъ ступенямъ эротики отъ сентиментальнаго мистицизма Петрарки до грубѣйшаго сенсуализма. Сліаніе чувственности по мѣстамъ съ подъемомъ чувства не закрываетъ первой. Достопримѣчательно, что Preti, какъ бы протестуя противъ отношенія Марино къ любви, въ отвѣтъ на сонетъ послѣдняго, обращенный къ нему, писалъ въ концѣ своего сонета:

¹⁾ Вспомнимъ, что къ олицетвореніямъ прибѣгалъ иногда даже Аріосто, пользовавшійся ими умѣренно и весьма удачно (см., напр., изображеніе *Auaritia* въ *Orl. Fur.* XXVI, 31—33). Тассо также усвоилъ аллегорическое значеніе нѣкоторымъ изъ созданныхъ имъ образовъ.

²⁾ См., напр., *giardino del Tatto*, *l'amoroso ruscel* (VIII, 25), отголоски средневѣковаго представленія о феяхъ (*Falsirena*) и т. п. Нѣкоторыя картины и выраженія заимствованы у Петрарки (описаніе долины въ *Trionfo d'Amore*), Аріосто (см. VIII, 18; cf. IX, 181) и у Тассо (IX, 194: «*Ahi crudo Amor...*»; ср. такое же выраженіе у Тассо, приведенное выше). Марино воспользовался, между прочимъ, знаменитымъ мѣстомъ Дантова *Ада* о Франческѣ (см. въ ст. Landau).

³⁾ Эта тема сближаетъ поэму объ *Адонисѣ* и съ новѣйшимъ романомъ. По Landau, «*das Verhältniss von Venus, Mars und Adonis erscheint dann wieder wie die Situation von Frau, Gatte und Liebhaber in irgendeinem modernen Ehebruchsroman*».

Così provo, Marin, ch'animo intento
 Ad un'amor pudico arde felice,
 E che piacer lascivo è un ombra, un vento.

Пряный, причудливый стиль, рассчитанный на эффект¹⁾, довершал привлекательность поэмы Марино для читателей XVII в. Дѣланность этого напыщенно-лиричнаго и цвѣтистаго стиля, чрезмѣрно изобилующаго образами, сравненіями, метафорами, антитезами, при крайней гладкости выраженія, подходит какъ нельзя болѣе къ характеру любви, въ которой нѣтъ простоты и искренности чувства, и которая производитъ по временамъ комическое впечатлѣніе²⁾, а также къ хвалебному тону, въ которомъ Марино выказываетъ себя истымъ придворнымъ поэтомъ³⁾.

Создавъ поэму объ Адонисѣ, заключающую въ себѣ разувраженіе чувственной любви⁴⁾, Марино возмнилъ себя равнымъ Тассо и, не стѣсняясь, причислилъ себя къ рангу такихъ поэтовъ, какъ великіе эпики XVI в. Себя самого онъ вывелъ въ IX-й пѣснѣ подь именемъ Fileno и противопоставилъ Адониса героическимъ поэмамъ⁵⁾. Въ

1) По мнѣнію Марино, послѣдняя цѣль превосходнаго поэта—возбуждать изумленіе (meraviglia); поэтъ долженъ уметь far stupir vada alla striglia.

2) Есть мѣста въ повѣ, производящія комическое впечатлѣніе, напр.—даже въ описаніи смерти Адониса.

3) Марино расточалъ хвалы всѣмъ королямъ и князьямъ. Въ посвященіи своей поэмы онъ не скупится на грубую лесть, дѣлаетъ прозрачныя намеки на щедрое покровительство, которое находили нѣкогда знаменитые древніе и новыя поэты. Свою поэму Марино называетъ «quasi un registro delle sue (Людовика XIII) opere magnanime, delle quali una parte (ancorchè minima) mi sono insegnato d'esprimere in esso». Ясно, что Марино принадлежалъ къ тому же типу итальянскихъ литераторовъ, представителемъ котораго въ XVI в. былъ Аретино.

4) Klein, V, 603, со свойственною ему рѣзкостью и жѣткостью выраженія, говоритъ: „Der Adone ist gleichsam ein einziges, mit den künstlich verstiegensten Trillern und Rouladen verzieretes Phalluslied in 20 Gesängen“.

5) IX, 5—6: Se fossi un degli augei saggi, e canori...

Io spererei non pur de'vostri honori
 Note formar men basse, ò più gradite,
 Ma con stil forse, a cui par non rimbomba,
 Cangiar Venere in Marte, il plettro in trôba.

E'l Duce canterei famoso e chiaro...

Ma poich'a rozo stil non lice tanto,
 Seguo d'Adone, e di Ciprigna il canto.

Въ послѣдней строфѣ поэмы Марино также называетъ себя pescator Fileno, который

..... tutto il filo a pieno
 Di quei magici amori in carte scrisse.

той же пѣснѣ о „La fontana d'Apollo“ Марино изобразилъ составленіе славныхъ итальянскихъ поэтовъ, представленныхъ въ видѣ лебедей (Cigni) ¹⁾; въ числѣ ихъ упоминаются Аріосто, Тассо ²⁾ и Гварини; послѣдній ставится наравнѣ съ Аріосто и Тассо, и слава его, по заявленію Марино, не увяла ³⁾. Тамъ же Марино направилъ нѣсколько станцовъ противъ своего литературнаго врага, „angel maluagio e brutto“, „difforme e gabuffatto Gufo“ (ушастая сова), подѣ которыми надо разумѣть престарѣлаго Stigliani, принадлежавшаго въ поэзіи къ школѣ XVI вѣка, попытавшагося-было осмѣять Марино въ героической поэмѣ „Il Mondo nuovo“ и въ критическомъ произведеніи L'Occhiale“ и вызвавшаго противъ себя цѣлый рядъ полемическихъ выходокъ со стороны приверженцевъ Марино.

Такихъ враговъ у Марино было мало. Въ противоположность Тассо Марино былъ доволенъ своими современниками, и точно также послѣдніе вполнѣ удовлетворялись его произведеніями. Нѣкоторые критики, не склонявшіеся въ спорѣ касательно „Освобожденнаго Іерусалима“ ни на сторону Тассо, ни на сторону Аріосто,

¹⁾ Въ посвященіи также говорится: ...«è nato ne' Signori il nobilissimo costume del nutrire i Cigni famosi...»

²⁾ Аріосто, по словамъ Марино, IX, 181, воспѣлъ:

Donne insieme, & Heroi, guerre, & amori...
 Immortalando di Ruggier gli honori
 Con pura vena, e semplice armonia;
 E di dolcezza inebriava i cori.
 I circostanti tronchi inteneria.
 Arder facea d'amor le pietre e l'onde,
 Sospirar l'aure, e lagrimar le fronde.

³⁾ Тассо говорится въ слѣдующей строфѣ:

Testor di rime eccelse e numerose
 Di Parthenope un figlio a lui successe,
 E prese a celebrar *L'armi pietose*,
 Liberatrici dele mura oppresse;
 E i suoi pensier sì viuamente espose,
 I versi suoi sì nobilmente espresse,
 Che fè del nome di *Goffredo*, e *Guelfo*
 Sonar Cipro non sol, ma Delo, e Delfo.

³⁾ L'Adone, IX, 183:

Nè tu con uoce men gradita, e cara
 Fauoleggiando il canto tuo sciogliesti,
 Dico a te, che di gloria hoggi si chiara
 Il tuo *Fido pastore* adorni e vesti.

отдавали предпочтеніе Марино ¹⁾, не принадлежа къ его восторженнымъ почитателямъ; послѣдніе же ставили еще выше его поэму и превозносили ее въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ, какъ, напр., Ахиллини, назвавшій Марино „величайшимъ изъ поэтовъ, какіе когда-либо были у Тосканцевъ, Латинянъ, Грековъ, Египтянъ, Халдеевъ и Евревъ“. Такихъ торжественныхъ встрѣчъ подъ триумфальными арками и почестей, какихъ удостоился Марино, не видѣли ни Данте, ни Аріосто, ни Тассо. Марино уже приготовлялся къ восхожденію на Капитолій, подобно Петраркѣ, но не дожиль до этого торжества, какъ и Тассо.

У Марино явился цѣлый рядъ послѣдователей въ родной и въ другихъ литературахъ, такъ что можно говорить о цѣлой его школѣ. Особливо благоприятную почву для своего развитія Маринизмъ встрѣтилъ въ Испаніи ²⁾, но нашлись у него послѣдователи также во Франціи ³⁾ и въ Германіи. Какъ рѣзкое выраженіе условнаго вкуса того времени, „Адонисъ“ оказалъ весьма значительное вліяніе на итальянскую литературу XVII в. При этомъ послѣдователи Марино въ Италіи лишь усугубили тѣ крупные недостатки, которыми страдала его поэзія, и въ то же время были лишены достоинствъ, несомнѣнно присущихъ ему.

Въ Маринизмѣ предъ нами новая интересная эпическая эволюція романтическаго чувства, окончательно обозначившаяся въ первой четверти XVII в., но началомъ своимъ восходящая къ вѣку Аретино, Тассо,

¹⁾ Таковъ былъ, напр., Nic. Villani, осуждавшій однихъ поэтовъ (между прочимъ, Берни и Гварини) съ точки зрѣнія морали и благочестія, а другихъ—руководясь принципами искусства, и ставившій Марино выше предшествовавшихъ поэтовъ, превозносившій «Адониса» на счетъ «Освобожденнаго Іерусалима» и Марино на счетъ Аріосто и Тассо. Виллани не былъ партизаномъ Марино и самъ писалъ поэму, которая, какъ онъ думалъ, будетъ выше Аріостовой. Какъ критикъ, отличавшійся независимостью сужденія и стоявшій выше обычныхъ тогда взглядовъ, долженъ быть помянутъ Fioretti; онъ не преклонялся нелѣпо предъ Платономъ и Аристотелемъ и нападалъ также на Аріосто.

²⁾ Ранѣе въ Испаніи самостоятельно возникъ стиль, соотвѣтствовавшій стилю Марино, — *alto estilo*, повліявшій на возникновеніе Эвфуизма въ Англіи. Это туземное направленіе слилось съ воздѣйствіемъ Марино въ произведеніяхъ Alonso de Ledesma (1562—1632), главы такъ наз. *Conceptismo*. Главой настоящихъ Маринистовъ (*Cultoristas*) въ Испаніи былъ Góngora, но и у него были своеобразныя черты, и онъ не былъ лишь рабскимъ подражателемъ. Теперь указываютъ вліяніе Физиолога на развитіе «Cultismo» и эвфуизма (см. ст. *Lauchert*-а: «Der Einfluss des Physiologus auf den Euphuismus» в *Englische Studien* XIV (1890), 2. Heft.

³⁾ Во Францію вычурность стиля была внесена въ началѣ XVII в. вліяніями испанскимъ и англійскимъ. Марино, прибывъ въ Парижъ, былъ почетнымъ гостемъ въ отелѣ де Рамбулье. Послѣдователями его были Вуатюръ, Венсерадъ и вся школа *grécisense*. Въ XVIII в. такая поэзія держалась до времени революціи.

Гварини, а отдѣльными элементами возобладала въ немъ еще болѣе определеннымъ вѣкамъ. Утонченнымъ анализомъ преступной любви „Адонисъ“ нѣсколько сближается съ романомъ „Тристанъ“. Другими чертами поэма Марино напоминаетъ отсутствіе въ развитіи рыцарскаго эпоса, которую характеризуетъ вторая часть романа „Роза“ въ обоихъ произведеніяхъ одинаково усматриваются: пониженіе рыцарскаго настроенія, примѣсь аллегоріи, приращеніе на морализацию вавіе при вольности картинъ. Есть, далѣе, въ поэміи Марино примѣсь испанскаго вліянія, уже въ XV в. проникавшаго въ Италію¹⁾; есть составныя части, всецѣло возникшія на почвѣ Италіи: таковы особенности стила и содержанія, замѣчаемыя уже въ произведеніяхъ Петрарки, Боккаччо и ихъ послѣдователей (напр. автора *Paradiso degli Alberti*, *Vembo* и др.). Вліяніе Возрожденія сказалося въ выборѣ классическаго мѣта, какъ сюжета поэмы; обработка же этого сюжета въ цѣломъ вполнѣ своеобразна, и древній мѣта не узнаваемъ въ пламенно-мягкихъ ритмахъ Марино: онъ пестровизу-крашенъ романтическими подробностями и, что очень важно, особымъ лиризмомъ. Та сентиментальность, которая отличаетъ уже нѣкоторыя произведенія итальянской поэзіи *Quattrocento* и *Cinquecento*, еще болѣе разжигается у Марино и становится водонистой. Лиричная романтика доходитъ до необузданности²⁾, и вполнѣ обрисовываются характерныя черты итальянской поэзіи XVII в. — избытокъ утонченно-лирическаго анализа чувства и вычурное выраженіе этого чувства при помощи измышленій лирическаго остроумія и эффектовъ. Въ гонимѣ за послѣдними придавалась особая цѣна стилистической отдѣлкѣ, обращалось особое вниманіе на то, чтобы ослѣпить читателя и очаровать его слухъ, и для того обильно пускаемы въ ходъ блестящія и неожиданности, разслабляющія мелодіи, гиперболы въ тропахъ и метафорахъ. Словомъ, водворился перевѣсъ орнаментики и декоративности надъ наглядностію, вытекающею изъ глубины основной идеи. Съ той поры подобная фигурная рѣчь стала

1) См. въ ст. *d'Ancona*: «Il secentimo nel quattrocento» въ его *Studi sulla Letter. Ital.* 1884, о Cariteo и Serafino, и ст. *d'Ovidio*: «Secentismo Spagnolismo?» въ *Nuova Antologia* 15 ott. 1882. Впрочемъ, старый вопросъ объ испанскомъ элементѣ въ Маринизмѣ все еще остается спорнымъ.

2) Klein, V, 605: «Das Grundgebrehen liegt in der ungezügelten, alle objective Erfindung und Gestaltung absorbirenden Malerei der sinnlichen Liebeslust; liegt in dem orgiastischen Lyriismus der Unzucht: dem Schwelgen in üppigem Sinnestaumel».

характерною принадлежностію романтическаго стиля въ литературахъ Запада въ противоположность классическому стилю ¹⁾.

На ряду съ этимъ новымъ направлениемъ итальянской эпикн, вполне удалявшимся отъ героической поэмы, въ XVII в. продолжалось также теченіе, начало которому было положено въ XVI в.: выходило не мало героическихъ поэмъ. Нерѣдко, впрочемъ, и послѣднія носили отпечатокъ вѣка, въ который являлись, и были лиричны.

Многіе поэты, поощренные нападками критики на Тассо, исходившими отъ сторонниковъ академіи della Crusca, предпринимали попытку помѣряться силами съ Тассо и превзойти его, избѣжавъ тѣхъ недостатковъ, которые были указываемы въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, и слѣдуя новыми путями. Эпикн этого направленія не достигали удачи, но, тѣмъ не менѣе, ставили себя либо наравнѣ съ Тассо, либо выше его.

Другіе поэты (таковыхъ было меньше) не были столь притязательны, не задавались мыслью превзойти Тассо и относились къ нему съ уваженіемъ. Въ ихъ поэмахъ, примыкающихъ къ „Освоб. Іер.“, иногда слишкомъ уже замѣтно подражаніе Тассо ²⁾ или же Гомеру, а иногда построеніе бываетъ довольно оригинально въ общемъ, и обнаруживаются значительныя достоинства ³⁾. Встрѣчаются въ этихъ поэмахъ и крупныя недостатки, напр., отводится видная роль неудачнымъ аллегорическимъ олицетвореніямъ, которымъ приписывается дѣятельное участіе въ событіяхъ, какъ живымъ личностямъ. По сравненію съ „Освобожденнымъ Іерусалимомъ“ въ поэмахъ послѣдователей Тассо усиленъ элементъ фантастики, и отводится видная роль волшебникамъ, чѣмъ эти поэмы сближались съ рыцарскими романами той категоріи, которою увлекался Донъ-Кихоть. Въ частностяхъ, по прежнему, не видно оригинальности творчества, и замѣтно постоянное подражаніе. Нельзя не узнать, напр., заимствованія изъ рыцарскихъ романовъ въ томъ эпизодѣ поэмы *Graziati*, гдѣ говорится, что одинъ витязь, ставъ у моста, рѣшился

1) Ів., 606.

2) Въ одной поэмѣ выступаютъ даже тѣ самыя личности, какія выведены Тассо.

3) Разумѣемъ поэмы: *Graziati-Conquisto di Granata* и *Caraccio—Impero vendicato* (Roma, M. DCXC), въ которой говорится

... dell'Impero Romano
Ritolto ai Greci dal Latino sdegno;
Per la cui gloriosa ultima impresa
Si unì la Greca e la Romana Chiesa.

возбранять проходъ всѣмъ рыцарямъ, которые не сообщили бы ему чего-нибудь объ Андроникѣ. Переодѣваніе юноши въ женское платье напоминаетъ подобный же поступокъ Селадона въ „Астреѣ“ d'Urfé¹⁾. Вообще эпосъ получаетъ вполне романическій характеръ, благодаря чрезмѣрной сложности и переплетенію наполняющихъ его событій или интриги. Иногда нагроможденіе эпизодовъ бываетъ столь значительно, что читателю трудно найтись въ лабиринтѣ авантюровъ, и въ этомъ отношеніи поэмы XVII в. ближе къ эпосу Аріосто, чѣмъ къ поэмѣ Тассо. Подражаніе послѣднему во включеніи христіанскаго чудеснаго въ эпосъ страждетъ нерѣдко безвкусіемъ; такъ, не можетъ не показаться страннымъ читателю рассказъ о мечѣ, изготовленномъ апостоломъ Іаковомъ для короля Фердинанда, или о томъ, что св. Елена спустилась съ неба и вручила Гераклию щитъ, сдѣланный, по ея просьбамъ, евангелистомъ Лукою. Знакомство съ древнѣйшими рыцарскими романами ослабѣваетъ настолько, что въ поэмѣ Лалли *Tito Vespasiano* нѣтъ уже яснаго намека на легенду о св. Граалѣ²⁾. Наиболѣе отдалялъ поэмы XVII в. отъ стараго рыцарскаго эпоса изысканный лиризмъ, отъ котораго онѣ большею частію лишь теряли.

Итакъ, въ XVII в. эпосъ въ Италіи продолжалъ слѣдовать по пути, который былъ намѣченъ задолго до того времени, и поэма все болѣе и болѣе приближалась къ рыцарскому роману.

Сліяніе эпоса съ этимъ романомъ породило особый видъ романа, характеризующій XVII-е стол.,—такъ назыв. романъ героическій.

Какъ увидимъ со временемъ, героическій романъ развился преимущественно во французской литературѣ XVII в., но, говоря объ этой заслугѣ ея, не слѣдуетъ забывать также и того вліянія, которое могла оказывать Италія на возникновеніе героическаго романа XVII в. Объ этомъ вліяніи не говорятъ³⁾, а между тѣмъ о немъ

1) Впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ могло сказаться и вліяніе Монтемайора.

2) Въ этой поэмѣ говорится, что, при разрушеніи Іерусалима, изъ одной башни вышелъ Іосифъ Аримаѣйскій, котораго заключили туда Іудеи, обреки на голодную смерть. Во все время заключенія Іосифа питалъ не Грааль, а нектаръ, приносимый ангеломъ съ неба.

3) Говоря объ иновѣрныхъ вліяніяхъ, обусловившихъ развитіе французскаго романа XVII в., *H. Körting*, *Geschichte des Französischen Romans im XVII. Jahrhundert*, Leipz. u. Oppeln 1885, S. 8, не упоминаетъ о водѣвствіи итальянскаго романа и ниже вскользь лишь упоминаетъ о заимствованіи, сдѣланномъ Кальпренедомъ.

свидѣтельствуяють хотя бы переводы итальянскихъ романовъ (напр., романовъ Assefino) на французскій языкъ, нерѣдко являвшіеся въ XVII в. ¹⁾ на ряду съ итальянскими переводами французскихъ романовъ ²⁾.

Въ XVI стол. въ итальянской литературѣ новелла имѣла перевѣсъ надъ прозаическимъ романомъ, и количество, а равно и достоинство произведеній послѣдняго разряда было незначительно. Итальянская поэзія не довела до высшей обработки даже такой высоко поэтической сюжетъ, какъ сказаніе о Ромео и Джульеттѣ: оно не разъ привлекало вниманіе итальянскихъ поэтовъ XVI в. ³⁾ и издавалось отдѣльно ⁴⁾, но было пересказываемо лишь новеллистами, а въ драматической обработкѣ, принадлежащей Grotto, также не получило той необычайной прелести, какую приобрѣло вдали отъ Италіи, подъ перомъ Шекспира ⁵⁾. Въ беллетристикѣ преобладала новеллистическая обработка, либо подражаніе романамъ Боккаччо, либо переводы съ французскаго и въ особенности съ испанскаго.

Въ XVII-мъ стол. въ Италіи появилось болѣе романовъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ, но все-таки этотъ родъ творчества не привлекалъ крупныхъ талантовъ и не представилъ выдающихся произведеній. Переводили испанскіе романы или подражали имъ, изрѣдка переводили также французскіе романы. Сюжеты заимствовались изъ исторіи, мифологіи, библіи, но большая часть оригинальныхъ итальянскихъ романовъ XVII в. относилась къ разряду рыцарскихъ романовъ.

Знаменитѣйшій изъ этихъ оригинальныхъ итальянскихъ романовъ XVII в.—*Вѣрный Календръ*, написанный генуэземъ Giovanni Am-

¹⁾ См. (*Lenglet du Fresnoy*) *Bibliothèque des Romans*, II, 31—34; Blanc, *Bibliogr. italico-française*, II, col. 1265 suivv.

²⁾ Разумѣемъ переводы графа Visaccioni.

³⁾ Между проч., имъ воспользовался Тассо въ сѣтованіи Армиды: *Ginguené*, VIII, 460.

⁴⁾ *Historia nouellamente ritrovata di due nobili amanti*, 1530. 1535. *Istoria di due nobili amanti*, 1553; *Historia di due nobili Amanti di Verona* Romeo Montachi e Guilietta Cappelletti, in Venetia.

⁵⁾ *Fränkel*, *Untersuchungen zur Stoff- und Quellenkunde von Shakespeares «Romeo und Juliet»*. I. Teil. Berl. 1889. Древнѣйшіе изводы повѣсти о Ромео и Джульеттѣ указаны въ новеллахъ Masuccio и da Porto (послѣдній въ значительной степени воспользовался первымъ), но въ послѣднее время склоняются къ мысли, что могъ существовать еще одинъ изводъ, утраченный или пока не отысканный, и къ нему-то могутъ восходить откъны, приписываемыя теперь Porte: *Fränkel*, 25—27. Статья *Fränkel*-я въ полномъ видѣ помѣщена въ *Zeitschrift für Vergleichende Litteratur-Geschichte und Renaissance-Litteratur*.

brosio Marini, состоявшимъ въ духовномъ санѣ († ок. 1650). Первоначально этотъ романъ былъ изданъ подъ заглавіемъ *Eudimiro creduto Ugnio* ¹⁾, а въ слѣдующемъ году подъ новымъ заглавіемъ, при чемъ подлинная фамилія автора была скрыта подъ псевдонимомъ ²⁾, и романъ былъ выданъ за переведенный съ нѣмецкаго. Марини назвалъ вначалѣ своего героя *Caloandro Scoposciuto* и представилъ его нарушившимъ правила той полной вѣрности, какая требовалась отъ тогдашнихъ романическихъ героевъ. Въ оправданіе поведенія Калоандра Марини указывалъ на то, что это нарушеніе было неизбѣжно въ положеніи, въ какое былъ поставленъ герой его романа; но во избѣжаніе пересудовъ Марини долженъ былъ потомъ нѣсколько измѣнить эту часть романа и представить измѣну Калоандра лишь кажущеюся. Вслѣдствіе того должно было измѣниться и заглавіе романа, который съ той поры сталъ носить названіе *Il Caloandro fedele* ³⁾. Изъ этой исторіи романа Марини ⁴⁾ можно видѣть, какого рода требованія предъявлялись герою идеальнаго романа въ XVII в., когда, несмотря на то, что въ романахъ встрѣчались вольности, влюбленные герои не освобождались отъ точнаго соблюденія вѣрности, нарушеніе которой уже не смущало читателей XVIII в. Предметомъ идеальнаго романа XVII в. долженствовали быть приключенія принцевъ, принцессъ и доблестныхъ рыцарей. Марини соблюлъ этотъ обычай своего времени. вмѣстѣ съ тѣмъ его романъ примыкаетъ къ рыцарскимъ романамъ, такъ какъ его принцы и даже принцессы уподобляются *chevaliers eglants* и странствуютъ по свѣту въ поискахъ за приключеніями; нравы и обычаи, здѣсь описанные, — рыцарскіе. Но при этомъ допущены и отступленія отъ схемы старыхъ рыцарскихъ романовъ. Связующею нитью романа Марини служитъ особая ситуація, рассчитанная на то, чтобы удивить читателя необычайностію и неожиданностію развязки, и превращающая *Caloandro* какъ бы въ романъ интриги: принцесса

1) Bracciano, 1640.

2) *Il Coloandre di Gio. Maria Indris traslato di Tedesco in Italiano da Giramo Bisii* Ven. 1641. Въ этомъ изданіи фамилія автора (*Giovan. Maria Indris Bohemo*)—анаграмма имени и фамиліи Марини.

3) *Il Caloandro fedele da Gio. Ambrosio Marini nobile Genovese*, in Ven. 1652, 1664 и др.

4) См. предисловіе къ *Le Caloandre fidele, traduit de l'italien d'Ambrosio Marini*, t. I, A Amsterdam, M. DCC. XL, которымъ мы воспользовались для исторіи романа Марини. Предисловіе это принадлежитъ переводчику, извѣстному *Saylus*, не выставившему своего имени въ этомъ изданіи.

Требизондская ненавидитъ Калоандра, сына Константинопольскаго императора, и въ то же время нѣжно любить его, но только подъ другимъ именемъ. Соблюденія вѣроятности, конечно, нѣтъ. Нравы у Марини нѣсколько чище, чѣмъ въ романахъ объ Амадисѣ, по крайней мѣрѣ поведеніе героини; остальные женщины романа не лучше Инфантъ романовъ объ Амадисѣ. Чародѣйства, о какихъ говорилось въ романахъ объ Амадисѣ, устранены Марини, старавшимся замѣнить того занятъ читателей напряженіемъ интереса, обусловленнаго сложностію дѣйствія, разнообразіемъ происшествій и характеровъ.

Романъ о Калоандрѣ очень нравился читателямъ XVII в. и послужилъ образцомъ для многихъ другихъ романовъ. Вліяніе его оставило довольно замѣтные слѣды и во французской литературѣ ¹⁾, въ которой онъ легко могъ найти себѣ мѣсто, такъ какъ относился къ разряду такъ назыв. *Histoires Asiatiques*, столь бывшихъ въ модѣ во французскомъ романѣ и въ драмѣ XVII в. *Caloandro* читался во Франціи еще въ XVIII в., а въ Италиі, какъ увидимъ, онъ и теперь принадлежитъ къ числу излюбленныхъ народныхъ книгъ.

Тѣмъ же Marini былъ написанъ потомъ другой романъ—*Le nuove Gare de' Desperati*, Mil. 1644, который, по отзыву Lengllet du Fresnoy ²⁾, столько же *Roman de Chevalerie*, сколько и *Roman d'Amour*. Въ 1732 г. этотъ романъ былъ переведенъ на французскій языкъ de la Serre-мъ и достигъ значительнаго успѣха ³⁾, выдержавъ немало изданій.

Романы Марини—лучшіе и извѣстнѣйшіе образцы итальянскаго романа XVII в.—показываютъ, что въ Италиі въ томъ столѣтіи романъ идеальнаго пошиба повернулъ на ту же дорогу, по которой

¹⁾ Основною схемою романа Марини и частію ситуаций воспользовался La Calprenède въ одномъ изъ эпизодовъ своего романа о Клеопатрѣ, въ исторіи Сицийскаго принца Алькамена (Köf-ting, *Gesch. d. franz. Romans*, 314, допустилъ въ этомъ указаніи, которое раньше его сдѣлалъ Caulyus, p. V, неточность). Затѣмъ въ 1668 г. былъ напечатанъ переводъ 1-й части романа Марини, принадлежащій Georges-у de Scudéry и весьма неудачный, но, тѣмъ не менѣе, еще въ XVIII в. производившій значительное впечатлѣніе во Франціи на людей «du plus grand monde & d'un goût assez difficile» (предисл. Caulyus, viij) и вызвавшій рѣзкій отзывъ Вооло. Руководясь достоинствами итальянскаго оригинала, Caulyus въ XVIII в. вновь перевелъ романъ Марини, и этотъ переводъ былъ три раза изданъ (кромя цитов. нами Амстердамскаго изданія извѣстны еще изданія Парижское (1760) и Лионское (1780)). Романъ Марини доставилъ сюжетъ трагедіи Thomas Corneille-я *Timocrate*.

²⁾ *Biblioth. des Romans*, II, 34.

³⁾ *Ibid.*

слѣдовалъ во Франціи, т. е. сталъ такъ наз. героическимъ романомъ¹⁾, другими словами—представлялъ новую разновидность стараго рыцарскаго романа несмотря на то, что сюжеты были заимствуемы часто вовсе не изъ западноевропейской исторіи. То было переживаніе, лишенное полнаго соотвѣтствія времени, въ которое продолжало существовать. Грандіозная концепція блестящей поры рыцарства, общавшая полную жизненность рыцарской эпикѣ, была далеко позади и уже измелъчала въ знати XVII в., но все еще не испарилась вполнѣ.

Рыцарскій эпосъ возвышеннаго направленія, развившійся въ Италіи въ XV и XVI вв., значительно понизился въ XVII в., потому что это столѣтіе совсѣмъ уже не благопріятствовало процвѣтанію эпоса въ Италіи. Въ прошломъ рыцарства не былъ найденъ подходящий новый эпическій сюжетъ, не была открыта какая-нибудь новая сторона, да и прежнее пониманіе рыцарства и поэтическое возвеличеніе его были немислимы для поэтовъ XVII в.; въ ряду ихъ были люди даровитые, но они не знали того одушевленія и той глубины, которыя сообщили вѣчное значеніе созданіямъ Аріосто и Тассо.

Соотвѣтственное пониженіе уровня наблюдается и въ томъ разрядѣ эпикки, который въ эпоху Возрожденія достигъ блестящаго расцвѣта въ Италіи параллельно серьезному эпосу, именно въ такъ назыв. героикокомической поэмѣ.

Намъ кажется справедливымъ отграниченіе такъ наз. героикокомическихъ поэмъ XVII в. отъ Morgante Пульчи и Orlando innamorato Берни: духовная атмосфера, въ которой явились тѣ и другія, была не одинакова, и въ результатѣ получились произведенія, далеко не сходныя. Шутливыя повѣствованія въ стихахъ XVII и XVIII вв., которыя врядъ ли могутъ называться поэмами, совсѣмъ лишены серьезной подкладки; это бездѣлушки, предназначенныя для развлеченія людей, смотрѣвшихъ на поэзію, какъ на средство времяпрепровожденія²⁾;

¹⁾ Delandine, издавая романы Марини (Lyon, 1788, 4 vols.), назвалъ ихъ *Romans héroïques*.

²⁾ Характерны въ этомъ отношеніи вступительныя строфы Ricciardetto:

Emmi venuta certa fantasia,
Che non posso cacciarmi da la testa,
Di scriver un'istoria in poesia
Affatto ignota, o poco manifesta.

это—своеобразный родъ творчества, средній между поэмою и новеллою, родъ повѣствованія, первымъ опытомъ котораго признають *Battaglia delle Vecchie e delle Giovani* Саккетти. Задачи его столь же не высоки, какъ сравнительно невысоки были притязанія итальянскаго искусства XVII в., не могшаго возвышаться надъ рабствомъ и порчей мысли и характера и ограничивавшагося служебною ролью. Субъективный и музыкальный лиризмъ XVII в. возобладалъ и въ героикомической поэмѣ надъ пластичностію, веселый и беззаботный скептицизмъ надъ бѣльшею вдумчивостію времени Пульчи и Берни.

Мы не станемъ останавливаться подробнѣе на этихъ шуточныхъ поемахъ, неинтересныхъ для насъ своими частностями, и перейдемъ къ заключенію о послѣднемъ періодѣ развитія средневѣковой романтики въ итальянской литературѣ.

Изъ собранныхъ на предыдущихъ страницахъ фактовъ видно, что Тассо какъ бы завершилъ великій рыцарскій эпическій циклъ Италіи. Поэмы античнаго построенія и сюжета, являвшіяся въ XVII в., не могли долго держаться. Новое направленіе, выдвинувшееся въ этомъ столѣтіи, заявило притязаніе на полную оригинальность, на

Муза Forteguerrі, по его словамъ, «è rozza villanella»

E se avverrà che alcuna volta sbaglie,
Piccolo fallo è in lei ogni error grande:
Perchè non studiò mai; e il suo soggiorno
Or fu presso un abete, or presso un orno.

Муза эта будетъ воспѣвать «armi e amori» потому, что заразилась примѣромъ находящихся въ нашей Аркадіи «sublimi e nobili pastori»,

Che son di tutte le scienze intesi.

Муза Forteguerrі будетъ часто хромать въ географіи и исторіи, но нечего за то порицать эту простушку. Она

.....canta per istare allegramente,
E acciò che si rallegri ancor chi l'ode;
Nè sa, nè bada a regole niente,
Spezzatrice di biasimo e di lode,
Che tiraneggia cotanto la gente...

Поэтъ заранѣе предвѣряетъ читателей, чтобы они не усвоили ему того, что онъ будетъ говорить о любви, чтобы они не думали, что самъ авторъ испыталъ силу любви:

Non so se grato sia, o dispiacente:
Liberо sempre ebb'io l'animo e 'l cuore
Da' lacci suoi; e nel parlar di lui,
Non dico i casi miei, dico gli altrui.

отрѣшеніе отъ ига Аристотеля, предъ авторитетомъ котораго преклонялись многіе поѣты XVI в., и представило новое сочетаніе различныхъ элементовъ романтики. Марино затмилъ на время своихъ предшественниковъ этой новизною, увлекъ за собою цѣлый рядъ послѣдователей, и даже поѣты враждебнаго лагеря не могли вполнѣ отрѣшиться отъ тлетворнаго вліянія заразы, наполнившей атмосферу. Но вся эта шумиха была эфемерна, и въ существѣ эпическое творчество Италіи все еще находилось подъ вліяніемъ могучаго толчка, сообщеннаго ему Аріосто и Тассо. Движенія романтики впередъ почти не было, но она продолжала держаться. Она какъ бы оцѣпѣла въ формахъ, сложившихся въ вѣка Возрожденія. Возгордившись славнымъ прошлымъ, итальянцы ограничивались формальнымъ соревнованіемъ своимъ знаменитымъ тосканскимъ классикамъ XIV—XVI вв. и пренебрежительно относились къ литературамъ другихъ странъ, которыя между тѣмъ двигались впередъ, въ особенности въ XVIII в.

Для завершения очерка судебъ средневѣковой романтики въ Италіи намъ остается сказать нѣсколько словъ объ остаткахъ этой романтики, доселѣ уцѣлѣвшихъ въ народной поэзіи итальянцевъ ¹⁾.

И теперь въ Италіи народъ любитъ читать „исторіи паладиновъ“, составленныя по Турпину, по Reali de Francia, на основаніи поэмъ Пульчи, Боярдо, Аріосто и др. И теперь излюбленными героями повѣствованій, занимающихъ народъ, остаются Ринальдо, извѣстный и народнымъ пѣснямъ ²⁾, и Орlando. Ринальдо любимъ болѣе всѣхъ другихъ паладиновъ, и имъ страстно интересуются слушатели. По всей Италіи, во всѣхъ городахъ, даже въ незначительныхъ, пользуются широкою извѣстностью рыцарскія повѣствованія,

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы воспользовались данными, собранными Pitre въ статьѣ, которая была сначала напечатана въ *Romania XIII*, а затѣмъ съ дополненіями, поправками, а также съ нѣсколькими новыми текстами и снимками вошла въ сборникъ Pitre: *Usi e Costumi, Credenze e Pregiudizi*, vol. I (Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliane, vol. XIV), Palermo 1887, pp. 123—341: «Le tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia». Не цитую Pitre послѣ этого общаго указанія для подтвержденія каждаго отдѣльнаго факта, мы будемъ указывать въ этомъ отдѣлѣ лишь тѣ пособія, которыми пользовались кромя Pitre.

²⁾ Въ верхней Италіи есть цѣлая группа народныхъ пѣсней о Ринальдо, и такія же пѣсни встрѣчаются и въ другихъ романскихъ земляхъ. См. указанія у Pitre.

каковы *Reali di Francia*, *Guerino il Meschino* и *Caloandro fedele*. *Guerino il Meschino* служить для народа какъ бы своего рода историко-географической энциклопедией. Въ Фриулѣ еще хорошо помнятъ Роланда и Буово.

Повидимому, до послѣдняго времени существовали въ Италіи преемники средневѣковыхъ жонглеровъ—*giullari*. Еще недавно въ разныхъ мѣстахъ Италіи *santastorie* распѣвали въ октавахъ отдѣльные эпизоды рыцарской саги. Въ настоящее время въ предѣлахъ континентальной Италіи, повидимому, только въ Неаполѣ встрѣчаются *santastorie* и *Rinaldi* ¹⁾. Недавно одинъ изъ Неаполитанскихъ *santastorie* читалъ о Ринальдо Монтальбанскомъ по старому манускрипту и затѣмъ объяснялъ прочитанное, перелагая его на Неаполитанское нарѣчіе. У другаго видѣли большое собраніе рыцарскихъ поэмъ, изданныхъ и неизданныхъ. Вообще же теперь по мѣстамъ на итальянскомъ материкѣ рецитуются или сказываются отдѣльные эпизоды рыцарскаго эпоса, а какъ скоро принимаются за драматическое представленіе его событій, то прибѣгаютъ къ помощи либо актеровъ, либо маріонетокъ большаго размѣра ²⁾. Есть свѣдѣніе о драматическихъ представленіяхъ, происходившихъ въ Римѣ въ 1870 г., въ которыхъ выступали личности, извѣстныя изъ *Reali di Francia* и поэмы Аріосто, между прочимъ, Родомонтъ. Паладины сражались за слабыхъ и угнетенныхъ. Эти представленія происходили на народномъ нарѣчьи. Должно, впрочемъ, сказать, что въ Римѣ былъ всего одинъ такой народный театръ.

Что до пересказыванія старыхъ рыцарскихъ повѣствованій начиная съ *Reali* и окончивая Орландомъ Берни и Аріосто, то оно и доселѣ имѣетъ мѣсто на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ. Равнымъ образомъ, въ цѣлой Италіи встрѣчаются горы и долины, пещеры, зданія и развалины, которыя приурочиваются своими названіями къ Каролингской сагѣ.

Особый интересъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представляетъ Сицилія,—страна, въ которой нѣкогда норманны успѣли водворить немало сказаній, принесенныхъ ими изъ родины, и гдѣ даже воз-

¹⁾ Вообще итальянскіе *santastorie* нерѣдко называются *Rinaldi* по имени излюбленнаго героя ихъ рассказовъ—*Rinaldo*.

²⁾ См. главу «I *santastorie* in Italia» въ *Usi etc.* I, 250 и слѣд.

никли нѣкоторыя изъ произведеній французской эпикѣ ¹⁾. Нынѣшняя Сицилія отстала отъ остальной Италіи какъ бы на нѣсколько вѣковъ: рыцарская сага сохранила на этомъ островѣ почти всю свою исконную жизненность, и любовь Сицилійцевъ къ старымъ рыцарскимъ сказаніямъ является въ высшей степени интереснымъ фактомъ, не могущимъ не останавливать на себѣ вниманія и не вызывать удивленія ²⁾.

Сохранилось отъ 1568 г. указаніе на то, что *contastorie* въ Сициліи увлекали народъ на площадяхъ пересказываніемъ легендъ Каролингскаго цикла. Съ той поры, можно думать, въ Сициліи не умирала любовь народа къ сказаніямъ этого цикла. Теперь тамъ всему народу присуще пристрастіе къ повѣствованіямъ о героическихъ и романическихъ дѣяніяхъ и обо всемъ чудесномъ. И народъ и сказки читаютъ *Reali di Francia*, *Guerin detto il Meschino*, *Il Calioandro*. *Reali* и *Meschino* не разъ перепечатывались въ Палермо и Мессинѣ въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ. Въ 1858 г. *Don Giusto Lodico* началъ издавать сводный текстъ сказаній Каролингскаго цикла, составленный по Турпину, Берни, Боярдо, Аріосто подъ заглавіемъ: „*Storia dei paladini di Francia*“, и это произведеніе достигло чрезвычайнаго успѣха: народъ осаждалъ квартиру издателя, съ нетерпѣніемъ приобретаая его книгу. Разносчики (*caminanti*) распродаютъ *Reali* въ провинціи. По *Storia de' paladini* съ наибольшимъ успѣхомъ обучаютъ чтенію.

Героическая поэзія Сициліи, поддерживаемая и вдохновляемая этими книгами, не имѣетъ ничего общаго съ поэзіею остальной Италіи и не столь древня. Такой исторической лирики, какая имѣется въ верхней Италіи, въ Сициліи нѣтъ; въ народныхъ Сицилійскихъ пѣсняхъ встрѣчаются лишь незначительныя реминисценціи Каролингскаго эпоса. Равнымъ образомъ и Сицилійскій *contastorie* отличенъ отъ *cantastorie* итальянскаго материка ³⁾. Но въ то время какъ въ континен-

¹⁾ См. замѣтку *G. Paris*: «*La Sicile dans la littérature française du moyen-âge*» въ *Romania* V, 108—113.

²⁾ На остатки рыцарской эпикѣ въ Сициліи уже давно обратилъ вниманіе *Gregorovius* въ *Siciliana*, 1861.

³⁾ См. *Pitrè Usi e Costumi*, I, 177, прим. 1; ср. *Romania*, p. 384. По объясненію словарей, *Cantastorie* ит. материка «*per sua arte va attorno cantando al popolo storie o leggende scritte in poesia*». Въ Сициліи *cantastorie* не то, что *contastorie*.

тальной Италии интересъ къ рыцарской сагѣ ослабѣваетъ, въ Сициліи онъ сохраняется во всей силѣ и проявляется въ своеобразной формѣ. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, чтобы за предѣлами Сициліи въ остальной Италии существовали такія кукольныя представленія, какія происходятъ въ Сициліи, гдѣ изо-дня въ день въ театрахъ маріонетокъ изображаются героическія дѣянія славныхъ рыцарей¹⁾. Рыцарскія повѣствованія Каролингскаго цикла уцѣлѣли въ Сициліи съ значительною свѣжестью въ народномъ театрѣ, въ устахъ народныхъ рассказчиковъ, или *contastorie*, въ народной поэзіи и, наконецъ, въ преданіяхъ, которыя сохраняются въ мѣстныхъ названіяхъ и въ діалектѣ Сицилійскомъ. Повидимому, эта рыцарская эпика Сицилійцевъ восходитъ не ко времени Норманновъ²⁾, а къ позднѣйшему (второму) періоду развитія Каролингской саги въ Италии (XIV—XVI вв.)³⁾.

Сицилійскія представленія маріонетокъ можно сопоставить съ тѣми, которыя изображены въ XXVI главѣ 2-й части „Донъ-Кихота“. Исторія паладиновъ составлена по Турпину, Реали, Пульчи, Боардо, Ариосто, Дольче и др. Особливымъ сочувствіемъ публики пользуется Ринальдо; популяренъ также и Орландо, но не Карль. Пьеса „La Rotta di Roncisvalle“ величественна въ исполненіи и внушаетъ почти столь же скорбное чувство, какъ и мистерія Страстей, представляемая въ великій пятокъ. Есть пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ Ариосто, съ эпизодами чисто рыцарскаго характера въ родѣ обѣщанія защищать даму и въ родѣ стоянки рыцаря у моста. Ставится въ Сицилійскомъ театрѣ маріонетокъ также *Guergino* и нѣкоторыя др. подобныя пьесы.

Фигурки паладиновъ пріобрѣтаются народомъ, какъ у насъ лубочныя картинки.

Въ Палермо, Мессинѣ, Катаніи и др. мѣстахъ есть *contastorie*⁴⁾, которые служатъ своимъ словомъ культу средневѣховаго рыцарства и которые, какъ сказано уже, должны быть отличаемы отъ *cantastorie* итальянскаго материка и, между прочимъ, отъ Неаполи-

1) Въ Палермо было да и теперь есть около девяти такихъ театровъ.

2) Къ Норманнскому періоду могутъ быть отнесены лишь нѣкоторыя мѣстныя названія, потому что, по свидѣтельству Годофреда Витербскаго, уже въ концѣ XII в. въ Сициліи одна гора называлась Роландовой, а другая горой Оливье: *Haec monumenta truces constituere duces.*

3) Впрочемъ, въ *Usi*, I, 190—191, вопросъ объ источникахъ Сицилійскихъ рыцарскихъ преданій оставленъ не рѣшеннымъ.

4) Разсказъ ихъ носитъ названіе *suntu*.

танскихъ, которые *читаютъ*. Сицилійскіе *contastorie*—разсказчики по профессіи и по призванію; не всякій можетъ поступить въ ихъ число. Разсказчики эти должны быть исполнены горячей любви къ рыцарству. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ даже прозвища по именамъ героевъ ихъ повѣствованій, *Re Pippinu*, *Rinaldo*. Въ Палермо одинъ разсказчикъ просилъ подаванія во имя Ринальдо. Фактъ выпрашиванія милостыни объясняется тѣмъ, что въ числѣ Сицилійскихъ *contastorie* бывають и слѣпцы. Они рецитируютъ, между проч., *Meschin*, *Storia di Orlando*, разсказываютъ о *Reali di Francia*.

Слушатели относятся со страстнымъ участіемъ къ содержанію этихъ повѣствованій *contastorie*, въ особенности къ исторіи Ринальдо. Разсказчики умѣють затрогивать сердце толпы. Разсказъ *contastorie* о гибели паладиновъ (*Rotta*) можетъ вызвать невольную слезу даже у интеллигентнаго слушателя.

Нѣкоторыя романическо-рыцарскія исторіи передаются въ формѣ отдѣльныхъ народныхъ новеллъ, но никто не считаетъ ихъ новеллами, и при разсказѣ упоминается, что данный эпизодъ принадлежитъ къ тому или иному романическому повѣствованію Каролингскаго цикла.

Народъ усвоилъ не только болѣе простыя рыцарскія сказанія, но и такія, какъ Аріостовы, которыя передаются также въ формѣ разсказовъ. Стихи рыцарской эпикн распѣваются въ Сициліи, иногда декламируются. Въ *Storia dei Paladini* есть строфы изъ Аріосто, есть нѣкоторые стихи Пульчи. Изъ Аріосто стихи взяты большею частію цѣликомъ. Есть въ Сициліи люди изъ простонародья, которые знаютъ наизусть *Morte de' Paladini* въ стихахъ. Повидимому, сказанія *Reali* были переложены въ прошлые вѣка цѣликомъ или частью въ стихи и стали достояніемъ народа. Въ настоящемъ столѣтіи одинъ Сицилійскій крестьянинъ изложилъ *Reali* въ октавахъ на Сицилійскомъ нарѣччіи, и это переложеніе напечатано.

Герои рыцарской франко-итальянской саги живутъ также въ названіяхъ мѣстностей, предметовъ, въ именахъ людей, въ Сицилійскихъ пословицахъ.

Наконецъ, паладины выступаютъ въ дѣтскихъ играхъ Сициліи, изображающихъ, между проч., битвы христіанъ съ сарацинами ¹⁾.

¹⁾ Интересно, что нѣкоторыя подробности этихъ игръ напоминають германскія героическія сказанія. Такъ, въ этихъ играхъ одинъ король требуетъ у другаго дочери въ замужество.

Ясно отсюда, что та концепція рыцарства, которая составила основу поэмы Аріосто, доселѣ живеть въ народной поэзіи и представленіи Сицилійцевъ. Имъ хорошо извѣстны оба мотива, наполнявшіе жизнь рыцарей по представленію старо-итальянской рыцарской эпикі: борьба съ Сарацинами и странствованіе по свѣту; имъ близко знакомы Карль В., Роландъ, Ринальдо, Гверино.

Итакъ, Каролингскій эпосъ въ болѣе древней его формѣ и въ позднѣйшей, въ которой слился съ Артуровскою эпикію, приобрѣлъ широкую извѣстность въ итальянскомъ народѣ путемъ распространенія въ печати, благодаря рецитациі, пѣсенному изложенію, театральнымъ представленіямъ, пересказыванію, передачѣ въ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Равнымъ образомъ, до послѣдняго времени были какъ бы общенароднымъ достояніемъ и знаменитыя художественныя обработки рыцарскаго эпоса, составившія славу итальянской литературы XVI в., поэмы Аріосто и Тассо.

При этомъ Тассо можетъ состязаться въ популярности съ Аріосто. Имѣются переложенія поэмы Тассо на всѣ главные діалекты Италіи. Между 1818 и 1821 гг. одинъ англичанинъ видѣлъ въ Неаполѣ *cantastorie*, котобый съ большимъ воодушевленіемъ читалъ *Orlando Furioso*, переводилъ его и изъяснялъ. Въ 1835 г. *Iazzaroni* въ Неаполѣ сходились, чтобы слушать чтеніе и объясненіе поэмъ Аріосто и Тассо, какъ въ Венеціи рыбаки на *Ripa grande*¹⁾. Въ прошломъ столѣтіи „Освобожденный Іерусалимъ“ былъ распѣваемъ во многихъ мѣстахъ Италіи²⁾. Въ позднѣйшее время такимъ пристрастіемъ къ Тассо славилась въ особенности Венеціа. Венеціанскій *cantastorie* *Tonon* въ настоящемъ столѣтіи не рецитировалъ и не читалъ, но пѣлъ октавы Тассо, а равно пѣлъ ихъ и одинъ *cantastorie* въ *Chioggia*³⁾. Венеціанскіе гондольеры въ первой половинѣ

Ср. замѣчаніе G. Paris, *Romania* V, 109: «Plus d'un passage des chroniques, à bon droit suspect à l'historien, a une allure vraiment épique. Quelques traits pourraient même avoir une origine scandinave, et jetteraient ainsi du jour sur la formation de l'épopée normanno-sicilienne, où s'étaient fondus, comme il arrive d'ordinaire, des éléments antérieurs». — Отмѣтимъ еще *giostre* (турниры) въ народныхъ майскихъ увеселеніяхъ Тосканы.

¹⁾ См. въ ст. Pitre.

²⁾ Voltaire въ «Essai sur la poésie épique» говоритъ: «La Jérusalem délivrée est aujourd'hui chantée en plusieurs endroits de l'Italie comme les poèmes d'Homère l'étaient en Grèce».

³⁾ См. у Pitre.

настоящаго вѣка также пѣли по ночамъ романическіе эпизоды „Освобожденнаго Іерусалима“¹⁾. Въ 1859 году гондольеры уже не речитировали Тассо, но *Gerusalemme* оставалась поэмой, популярной въ Неаполѣ и *Chioggia* наравнѣ съ другими рыцарскими поэмами²⁾. Въ настоящее время совсѣмъ прекратилось распѣваніе „Освобожденнаго Іерусалима“³⁾, но популярность его все еще велика, и изображенія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ поэмы Тассо, находятъ мѣсто на *Canți*⁴⁾.

Что до рыцарскихъ повѣствованій бретонскаго цикла въ ихъ чистомъ видѣ, то они теперь неизвѣстны въ Италіи, хотя встарь, быть можетъ, были почти столь же распространены въ итальянскомъ народѣ, какъ и Каролингскій эпосъ. Были въ XIII в. и въ Италіи, какъ въ другихъ странахъ Запада, люди, ожидавшіе пришествія Артура⁵⁾. Бретонская сага подвергалась въ XII—XIV вв. мѣстнымъ приуроченіямъ и на Апеннинскомъ полуостровѣ⁶⁾ и въ Сициліи. Теперь Артура не знаютъ даже въ Сициліи, гдѣ Норманны указывали его чудесное мѣстопребываніе у Этны; между тѣмъ Каролингская легенда оставила слѣды въ большомъ количествѣ мѣстныхъ названій и легендъ. Лишь имя сестры Артура, Морганы⁷⁾, закрѣпленное въ народной памяти поэмами Боярдо и Аріосто⁸⁾, доселѣ живетъ въ народной рѣчи и перешло въ общее

1) Приведемъ хотя бы свидѣтельство одного итальянскаго писателя изъ нѣмецкаго перевода его статьи, который былъ помѣщенъ въ *Jahrbücher der Literatur*, XXX-ter Bd., April, May, Juny 1825, *Anzeige-Blatt* (см. стр. 36): «wer weist nicht, mit welcher Lust die venezianischen Gondolieri die Stenzen Tasso's durch die Nacht der Lagunen hinsangen, und die Flucht Erminiens, und den bezauberten Wald, und die Wundergärten Armida's?».

2) См. у Pitrè.

3) Въ статьѣ «*Poesia vernacola Veneziana*», помѣщенной въ *Nuova Antologia* 15 aprile 1883, E. Castelnovo говоритъ, между прочимъ, объ октавахъ Goffredo, которыя распѣвали некогда гондольеры, измѣняя стихи; «*adesso, прибавляетъ авторъ, un barcajuolo che canti il Tasso è raro come le mosche bianche*».

4) См. Pitrè, *Usi*, I, 424.

5) Pitrè, *Usi*, I, 267—268; Graf въ *Giorn. stor.* V, 109—110.

6) Созданіе Веронской арены приписывали въ позднѣйшее время Мерлину. Сраженіе Ланселота «*in antro arenae*» въ Веронѣ не представляетъ ли какой-нибудь аналогіи тому, о которомъ говорится въ текстѣ, заданномъ Райной, и под.? Въ Италіи нашли будто бы Тристановъ мечъ и т. п. См. ст. Graf-а въ *Giorn. etc.* V, 125—127, 122—124.

7) О томъ, какъ составилось представленіе о Морганѣ, см. въ той же статьѣ Graf-а, 91, 97 и слѣд. Позднѣйшіе книжные источники могли поддержать представленіе о ней. *Fata Morgana* и теперь упоминается въ Сицилійскомъ народномъ театрѣ, а также выступаетъ въ народныхъ повѣрьяхъ: Pitrè, *Usi etc.* III, 41—42; IV, 186.

8) См. Dunlop-Liebrecht, 76.

употребленіе въ качествѣ обозначенія извѣстнаго оптическаго явленія, миража, который наблюдаютъ по преимуществу въ Мессинѣ и который въ старину приписывали феѣ, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ. Закрѣпленіе имени Морганы за этимъ миражемъ является какъ бы характернымъ выраженіемъ судьбы всего того цикла, въ которомъ она занимала нѣкогда видное мѣсто. Какъ исчезаетъ миражъ и вновь возникаетъ, такъ прошла слава фантастическаго рыцарства Артура, но обаяніе высокихъ порывовъ человѣческаго духа, проявившихся въ Артуровской эпикѣ, не можетъ совсѣмъ исчезнуть и будетъ возрождаться подобно фата-Морганѣ, пока будетъ жить въ человечествѣ способность къ поэтичности, сообщающая столько прелести жизни, которая казалась бы безъ того вполне сѣрой и неприглядной.

Заключительный обзоръ исторіи средневѣковой романтики въ Италіи.

Мы довели до послѣдняго времени болѣе или менѣе подробный сводъ данныхъ для исторіи романтики Круглаго Стола и сродной ей въ Италіи. Мы можемъ теперь на основаніи изложеннаго и фактовъ, которыми дополнимъ сказанное, представить цѣльное общее заключеніе о судьбахъ, характерѣ и значеніи этой романтики въ исторіи итальянской поэзіи и жизни вплоть до новѣйшаго времени, а также выдѣлить болѣе отчетливо тотъ вкладъ, который внесла итальянская литература въ романтическую эпiku вообще.

Въ силу особыхъ условий умственной, художественной и общественной жизни Италіи¹⁾, дѣйствовавшихъ съ самаго начала сред-

¹⁾ Эти особыя условія, отличающія средневѣковую Италію отъ остальной Европы того времени, давно уже пытались указать: *Giesebrecht* въ этюдѣ: «De litterarum studiis apud Italos primis mediæ aevi seculis», Berl. 1845, *Ozanam* въ статьѣ: «Des écoles et de l'instruction publique en Italie aux temps barbares» и др., оканчивая *Bartoli*, который въ *Stor. d. l. it.*, I, гл. IV, отмѣтилъ раннее возникновеніе невѣрія въ Италіи, слабое развитіе легендарнаго творчества въ ея литературѣ и т. п. Приведемъ мнѣнія двухъ авторитетныхъ ученыхъ послѣдняго времени. *Gaspari*, *Die sicilianische Dichterschule des dreizehnten Jahrh.*, Berl. 1878, S. 18, говоритъ: «Das Ritterthum, die sociale Gestaltung, welche seit den Kreuzzügen im Leben der anderen Nationen eine so wichtige Rolle spielte, hatte in Italien nie eine nationale Grundlage gehabt; bisweilen kam es wohl zum Vorschein an den Höfen; man gab Feste und veranstaltete Turniere, man stellte sich verliebt nach der Weise der Troubadours und sang von Liebe nach ihrer Manier; aber Alles das war nur künstlich, und, da es keine tieferen Wurzeln hatte, so musste es bald (sic) wieder

нихъ вѣковъ, романтика, весьма рано (уже съ начала XII в.) проникая на Апеннинскій полуостровъ изъ ближайшихъ романскихъ земель, изначала заняла здѣсь особое положеніе. Эпика Круглаго Стола и приключеній нашла въ Италіи среду, довольно воспріимчивую къ вліянію романтики¹⁾. Въ XIII в. извѣстность и слава бретонскаго цикла увеличились. Даже Данте, не могшій относиться сочувственно къ мо-

verschwinden; es war eine Nachahmung fremder Sitten, hinter der in Wirklichkeit aber etwas ganz andere steckte». Др. нѣм. ученые говорили, что въ Италіи не было истиннаго рыцарства и рыц. любви, Minne. И т. д. *Comparetti* въ *Virgilio nel medio evo* говорить: «Uno dei caratteri pei quali il popolo italiano, anche nel medio evo, dà segno della sua superiorità storica e civile dinanzi agli altri popoli d'Europa, è l'essere esso quello che fra tutti gli altri più scarseggia di produzione fantastica. Il romanticismo, in quanto è invenzione narrativa, poco si ebbe da noi, e in questo, come anche nella cavalleria che è un suo movente principale, l'Italia mostrasi in una condizione, che può dirsi passiva. Subisce per fatto d'infiltrazione inevitabile, ma dal poco che produce in quell'ordine vedesi chiaro esser quello cosa poco sua, e poco omogenea alle sue tendenze attive». — Мы привели эти сужденія, чтобы читатель могъ видѣть, какъ односторонне или неопредѣленно говорить о значеніи романтики въ жизни и поэзи Италіи даже авторитетные ученые. Вообще удовлетворительнаго общаго выясненія этого значенія пока нѣтъ.

¹⁾ См. указанныя на стр. 61 статьи Райны, въ которыхъ этотъ ученый собралъ факты, свидѣтельствующіе о проинновеніи Артуровой саги въ Италію въ весьма ранній періодъ, предшествующій сохранившимся свидѣтельствамъ о распространеніи ея во Франціи. Интереснѣе всего то, что саги бретонскаго цикла, повидимому, начали пользоваться извѣстностію въ Италіи въ то время, когда, еще не были обработаны въ романахъ Круглаго Стола. Райна обратилъ вниманіе на то, что съ послѣдней четверти XII в. въ документахъ сѣверной Италіи, въ особенности же Павіи, часто встрѣчается имя *Artusius*, *Artucius*, *Artuisius*, *Artuous*, *Artusinus* и т. п. Что это было не прозвище, а имя, видно изъ документа 1151 г., въ которомъ при *Artusius* нѣтъ никакого другаго имени. Въ завѣщаніи 4 февраля 1188 г. упоминается *Artusius de Montesella*, *Artusius de Rovario* и *Artusius de Motta*. *Art. de Rovago* значитъ еще въ актѣ 1122 г., когда онъ имѣлъ уже сына, подписавшагося въ качествѣ свидѣтеля; слѣдовательно, онъ могъ родиться не позже 1090 г. Въ документѣ 1114 г. упоминается, *Artusius*, братъ Падуанскаго графа. Это имя *Artusius*, не встрѣчающееся въ Падуанскихъ актахъ до XII в., могло явиться въ Италіи только подъ вліяніемъ знакомства съ Артуровскою эпикой. Приурочивать это знакомство къ литературной передачѣ кельтской саги на латинскомъ языкѣ нельзя: всѣ согласны въ томъ, что воздѣйствіе этой латинской традиціи не могло имѣть мѣста ранѣе выхода въ свѣтъ *Historia Britonum* Готфрида Монмутскаго или составленныхъ имъ пророчествъ Мерлина. Итальянскія формы имени Артура восходятъ, очевидно, къ французской формѣ *Artus*, а не къ кельтской *Arthur*, и, слѣдовательно, образовались изъ французской передачи этого имени. Характерно въ этомъ отношеніи, что одинъ изъ древнѣйшихъ итальянскихъ Артузіевъ и многіе послѣдующіе жили въ Павіи, стоявшей на пути, по которому двигались и жонглеры и пилигримы; другіе же Артузіи жили въ отдаленныхъ пунктахъ Марки, куда могли заходить лишь одни пѣвцы. Кромѣ имени Артура въ XII в. вошли въ употребленіе имена и другихъ личностей бретонскаго цикла, именно *Galvano* (имя Артурова племянника) (1136) и *Isolda* (*Seldina*—*Iseldina* въ поэтической эпистолѣ *Ramb de Vaqueiras*). Конечный выводъ Райны слѣдующій: «Come oramai in ogni cosa, ci si viene ad accorgere anche qui che i cominciamenti sono più remoti che non si tendesse a supporre i più remoti qui da noi, più remoti per necessaria conseguenza nei territorii francesi».

рали этихъ романовъ, былъ довольно хорошо знакомъ съ ними ¹⁾ и назвалъ ихъ *Arturi Regis ambages pulcherrimae* ²⁾. Тѣмъ болѣе интересовалось ими знатное общество ³⁾. Романы Круглаго Стола въ XIII и XIV вв. выслушивались въ рецитациіи жонглеровъ и читались въ прозаическихъ французскихъ текстахъ, которые не переставали обращаться въ Италиі до конца XV в. ⁴⁾. Если вѣрить анекдоту, переданному Саккетти ⁵⁾, то уже во время Данте знакомство итальянцевъ съ бретонскими романами было столь велико, что даже кузнецы пѣли о Тристанѣ и Ланселотѣ. Тѣмъ не менѣе, романтика Круглаго Стола, неизбѣжно долженствовавшая войти въ жизнь и литературу Италиі, не занимала тамъ выдающагося и первостепеннаго положенія въ мѣстной поэзиі; она уравнивалась другими началами, которымъ принадлежало видное значеніе въ Италиі. Достоинства иде-

1) Это доказывается лучше всего приведенными выше стихами *Parad. XVI, 13—15*, въ которыхъ заключается ясное воспоминаніе объ одномъ весьма характерномъ эпизодѣ прозаическаго романа о Ланселотѣ; въ эпизодѣ этомъ говорится о началѣ преступной связи королевы Женьевры съ Ланселотомъ и довольно искусно, психологически изображается постепенное развитіе этихъ отношеній. См. эту выдержку изъ романа о Ланселотѣ по Парижскимъ и Лондонскимъ рукописямъ въ *Fifth annual report of the Dante Society. May 18 1886, Cambridge, 1886, Appendix II: Dante, and the Lancelot Romance. By Paget Toynbee, 45—58.*

2) *De vulgari eloquio, I, cap. X: «Allegat ergo pro se lingua Oil, quod propter sui facilitatem, ac delectabiliorem vulgaritatem quicquid redactum, sive inventum est ad vulgare prosaicum suum est: videlicet biblia cum Trojanorum, Romanorumque gestibus copilata, & Arturi Regis ambages pulcherrimae, & quam plures aliae historiae, ac doctrinae».*—Объ отношеніи Данте къ морали романовъ Круглаго Стола см. въ началѣ этого отдѣла настоящей монографіи.

3) Ср. у *Gasparu II, 280—281.*

4) О томъ, что французскіе романы, бывшіе въ ходу въ Италиі, были изложены въ прозѣ, явствуетъ изъ приведеннаго только что свидѣтельства Данте. Мнѣніе о томъ, что Данте читалъ не дошедшій до насъ романъ о Ланселотѣ, написанный будто бы *провансальскимъ* трубадуромъ Арно Даниземъ, теперь вполне отвергнуто послѣ разбора этой гипотезы, напечатаннаго *G. Paris* въ *Romania X, 484* и слѣд. Это мнѣніе составилось вслѣдствіе неправильнаго истолкованія словъ, сказанныхъ Данте въ похвалу Арно: «*Versi d'amore e prose di romanzi Sovverchiò tutti*»; распространенію его содѣйствовалъ Тассо. Уже въ прошломъ столѣтіи *Zeno* истолковалъ слова Данте объ Арно такъ, какъ ихъ теперь изъяснилъ *G. Paris*: «*Adoperò la sua lingua materna in poesia, in guisa che superò quanti mai la scrissero in verso e in prosa*».—Слова Данте въ *Commedia* «*prose di Romanzi*» въ связи съ приведеннымъ выше замѣчаніемъ въ трактатѣ «*De vulg. el.*» (по словамъ *G. Paris*, «*Dante dit que la langue d'oïl allègue pour elle que tout ce qui existe en prose vulgaire, soit traduit, soit original lui appartient: ce vulgare prosaicum c'est la prosa di romanzi*») подтверждаютъ, что въ Италиі были извѣстны романы въ прозѣ.

5) *Le novelle di Franco Sacchetti, Mil. 1874, Nov. CXIV.* Здѣсь говорится, что Данте случайно довелось слышать, проходя чрезъ ворота св. Петра, какъ «*battendo ferro un fabbro su la 'ncudine, cantava il Dante, come si canta uno cantare, e tramestava i versi suoi smozzicando e arpiccando, che pareva a Dante ricever di quello grandissima ingiuria*». Поэтъ былъ очень

альнаго рыцаря, какъ они были выставлены въ романахъ бретонскаго цикла, не внушали полнаго энтузіазма и не вызывали такихъ страстныхъ, доходившихъ до безразсудства, подражателей, бессмертный типъ которыхъ воспроизведенъ въ „Донъ-Кихотъ“. Италія не видѣла такихъ рыцарей, какъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ. Въ ней феодализмъ не былъ такъ силенъ, какъ въ другихъ странахъ Запада, и рыцарство не было туземнымъ учрежденіемъ. Оно было привито извнѣ и не встрѣтило вполнѣ благопріятной почвы для своего развитія. Потому возвышенныя чувствованія, ухаживаніе за дамами, разсужденія о любви, воспѣваніе ея, блестяція празднества вошли въ моду и въ Италіи, но романтика Круглаго Стола укоренилась тамъ не во всемъ своемъ объемѣ и оказалась не столь производительною, какъ въ другихъ литературахъ. Въ Италіи не было такого своеобразнаго развитія рыцарской эпикки, какимъ отличается нѣмецкая литература XII и XIII вв. Несмотря на то, что въ Италіи Артуровскій эпосъ достигъ весьма рано извѣстности, самъ по себѣ онъ долго не вызывалъ оригинальныхъ крупныхъ и блистательныхъ переработокъ и не привлекалъ лучшихъ талантовъ.

Итальянская поэзія до XIV в. склонялась не къ чисто эпическому выраженію идеализма, приближавшагося къ рыцарскому, а къ лирико-метафизическому и аллегорическому. Въ теченіе долгаго времени въ поэтическомъ раскрытіи рыцарскаго настроенія преобладалъ лиризмъ, при чемъ была довольно оригинально преобразована рыцарская идея любви, воспринятая итальянцами изъ поэзіи Прованса ¹⁾). Грандіознѣйшее эпическое выраженіе этой идеи, развившейся въ итальянской лирикѣ, представила поэма Данте, слившаго во-едино средневѣковую легенду, поэзію видѣній и загробныхъ хожденій, мистику, аллегорію, теологію, науку, политическое ученіе и энтузіазмъ идеальнѣйшей любви, возведенный на высшую ступень, на какую только могъ онъ подняться.

раздраженъ, вошелъ въ кузницу и началъ швырять изъ нея на улицу все, что попадалось подъ руку. На вопросъ озадаченнаго кузнеца о причинѣ такого поступка, Данте разъяснилъ, что онъ такъ расправляется съ вещами кузнеца, какъ тотъ расправляется съ собственностію поэта. «Il fabbro gonfiato, non sapendo ripondere, raccoglie le cose e torna al suo lavoro; e se volle cantare, cantò di *Tristano e di Lancelotto* e lasciò stare il Dante».—Къ сожалѣнію, мы не могли ознакомиться съ книгой Paranti: «Dante, secondo la tradizione e i novellatori», въ которой, вѣроятно, подвергнута критикѣ эта новелла Саккетти.

Со второй половины XIII в. въ Италиі начала выдвигаться новелла, которая находилась на первых порахъ въ большей или меньшей связи съ романомъ, поученіемъ и т. п., а затѣмъ стала постепенно болѣе реальной и съ половины XIV в. достигла весьма виднаго значенія благодаря таланту Боккаччо.

Вотъ въ этихъ видахъ поэзіи и отражался на первыхъ порахъ бретонскій циклъ въ Италиі. Изъ поэтическихъ произведеній на итальянскомъ языкѣ довольно долго лишь любовная лирика, подобно провансальской, въ мимолетныхъ упоминаніяхъ свидѣтельствовала о знакомствѣ поэтовъ съ романами Круглаго Стола: у лириковъ XIII—XIV вв. называются иногда вскользь знаменитые герои и героини этихъ романовъ²⁾. Равнымъ образомъ мелькомъ выступаютъ тѣ и другія въ аллегорическихъ поэмахъ и рѣзче—въ древнихъ новеллахъ³⁾; отголоски романовъ Круглаго Стола встрѣчаются даже у такихъ позднихъ новеллистовъ, какъ Straparola⁴⁾.

1) Сравненіе итальянскихъ лириковъ XIII в. съ трубадурами въ отношеніи къ аллегоріи любви, объясненію происхожденія и воздѣйствія любви и *ars amandi* см., между проч., въ брошюрѣ L. Goldschmidt-a: «Die Doktrin der Liebe bei den italiänischen Lyrikern des 13. Jahrhunderts, Bresl. 1889.

2) Цѣлый рядъ этихъ упоминаній можно найти въ цитов. статьѣ Graf-a, Giorn. V, 103—109.

3) Въ ряду указанныхъ ранѣе (стр. 72) новеллъ *Conti di antichi Cavalieri* (новое изданіе *Papa* въ Giorn. stor. d. l. it., III, fasc. 8; о вновь найденномъ кодексѣ этихъ *Conti* см. его же замѣтку въ Giorn. etc. VIII, 487—489; см. еще Gaspari I, 171) и *Novellino* [=Cento novelle antiche; см. также ст. *D'Ancona*: Le fonti del Novellino въ Romania II, 419 и III, 177—178, 182 (статья эта перепечатана въ Studj di critica e storia letteraria. Bol. 1880, 219—359); Gaspari I, 165] отмѣтимъ новеллы (XIII в.) о Мерлинѣ, напечатанныя Paranti и затѣмъ Biagi въ Le novelle antiche, Fir. 1880. Что до новеллы, содержащей пророчество о разрушеніи дворца, построеннаго св. Фоомю, то отношеніе ея къ сводному тексту пророчествъ Мерлина, оставшееся неизвѣстнымъ Graf-у (l. c., 121), давно уже указано акад. Веселовскимъ въ статьѣ его: «Наблюденія» и пр., Ж. М. Н. Пр. 1873, № 2, стр. 170—171, 173; о *Sentenza di Merlino contro a un iproscito* см. ib. 184; источникъ этой *Sentenza* въ *Les prophesies de Merlin* указанъ Graf-омъ. Отмѣтимъ, далѣе, новеллу «Il re cieco, i Savi e Merlino» въ *Il Libro dei Sette Savj di Roma* (Pisa 1864). Объ источникахъ этой новеллы см. у *Comparetti* *Intorno al Libro dei Sette Savj di Roma. Osservazioni*, Pisa 1865, p. 29—36. Противоположный взглядъ—акад. *Веселовскаго*—развить въ извѣстной его монографіи: «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ», Спб. 1872, 326—331. Разборъ этого взгляда будетъ предложенъ нами въ 3-мъ выпускѣ монографіи: «Сказанія, положенныя въ основу бретонскихъ романовъ» и пр. О Мерлинѣ въ «Семи мудрецахъ» см., между проч., въ *Deux rédactions du Roman des Sept Sages de Rome* publ. par. G. Paris, Par. MDCCCLXXVI, p. XII, XXXVI, XXXVIII; тутъ же на стр. XXIV замѣчаніе о *Marques de Rome*.

4) *Le tredici piacevolissime notti di M. Gio. Francesco Straparola etc.*, In Venetia, M. DC. VIII, notte quarta, fav. I (*Riccardo re di Thebe ha quattro figliuole, delle quali vna vа errando per lo mondo, & di Costanza, Costanzo fassi chiamare & capita nella corte del Re di Bithinia*,

Въ XIV стол. одновременно съ развитіемъ новеллы въ Италиі начинаютъ появляться болѣе или менѣе оригинальные романы. Прѣжняя скудость итальянской повѣствовательной литературы смѣняется значительнымъ богатствомъ: романы XIV в. представляютъ разнообразіе и распадаются на нѣсколько видовъ.

Въ *Fortunatus Siculus ossia Avventuroso Ciciliano*, приписываемомъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, — неосновательно) Bosone da Gubbio ¹⁾ (ум. въ половинѣ XIV в.), данъ полуисторическій романъ приключеній, цѣль котораго—моральная: авторъ хотѣлъ представить „belli essemprî per ammaestramento di tutti quelli che saranno percossi dalla fortuna del mondo, a donare loro conforto che non si disperino“. Въ построении этого романа нѣтъ органичности, есть противорѣчія и недомолвки. Въ немъ вовсе не говорится о любви. Успѣхомъ этотъ *Avventuroso Ciciliano* не могъ пользоваться.

Не то можно сказать о романахъ и поэмкахъ Боккаччо, которые гораздо художественнѣе. Они не одного типа и могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько разрядовъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній Боккаччо соприкасаются съ французскими романами, которые онъ читалъ вначалѣ съ увлеченіемъ, какъ увлекались ими въ его время и другіе ²⁾. Но рядомъ съ вліяніемъ этихъ романовъ у знаменитаго итальянскаго романиста начальной поры Возрожденія замѣчаются и существенныя отклоне-

ilquale per moglie la prende). Ср. повѣсть о Гривандолѣ (Веселовскій, Слав. сказ. о Сол. и Кятвр. и пр., 321—326), соответственный разсказъ въ романѣ о Мерлинѣ и Семи Мудрецахъ, и сказаніе объ Асмодеѣ (Веселовскій, *ib.*, 105 и слѣд.).

¹⁾ *Mazzatinti*, «Bosone da Gubbio e le sue opere»—въ *Studj di filologia romanza*, fasc. 2, 1884, 277 и слѣд. *Mazzatinti*, разобравъ романъ, пришелъ къ выводу, что *l'Avventuroso Ciciliano*, tale quale è ora, falsamente viene attribuito a Bosone da Gubbio. Al quale noi lo negheremo ricisamente, se non fosse probabile la congettura che a lui possa spettare la sola parte inventiva, come supponeva anche il Manuzzi, e se più d'una volta non ci fossimo incontrati in luoghi che mostrano l'opera d'un rimaneggiatore (p. 325). Дату 1811 г. *Mazzatinti* считаетъ ложною: романъ могъ возникнуть не ранѣе 1816—1833 гг. (p. 324).

²⁾ *Laberinto d'Amore*, in Ven. M. DCXI, p. 120—121: «le sue (вдовы, о которой идетъ рѣчь въ *Il Corbaccio*) orationi, & i suoi pater nostri sono i romanzi franceschi, & le cãzoni latine, nei quali ella legge di Lancilotto, & di Gineura, & di Tristano, & di Isotta le loro prodezze, & i loro amori, & le giostre & torneamenti, & la semblee, & tutta si strittola quando legge di Lancilotto, o di Tristano, o alcuno altro con le lor donne nelle camere secretamente, & soli ragunarsi, si come colei, alla qual parte vedere ciò che fanno.—Legge da canzone dello indouinello, & quella di Florio & di Bianchefiore, & simile altre cose assai». Ср. p. 100: «Et colui tiene ella, che sia Lancilotto o vuoi Tristano, Orlando, o Oliuiero di prodezza....»

нія, обусловленныя міросозерпачіемъ Боккаччо, его литературнымъ образованіемъ и вкусомъ, а также отраженіемъ личной жизни поэта въ его произведеніяхъ. Авторы нѣкоторыхъ средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ писали для любимой дамы, какъ и Боккаччо, но въ ихъ произведеніяхъ не выступали съ такою силою, какъ въ романахъ послѣдняго, личныя чувства поэта, не отражалось такъ то, что доводилось имъ переживать.

Filosofo, первый по времени изъ романовъ Боккаччо, написанный по желанію Фіамметты, отерываетъ собою тянущійся до XVII в. рядъ беллетристическихъ произведеній, въ которыхъ, по свойству, нерѣдко присущему творчеству Возрожденія, древнее смѣшивается съ новымъ въ сочетаніи, рѣзко бросающемся въ глаза современному читателю. Сюжетъ этого романа средневѣковой—юношеская любовь Флора и Бланшфлоръ, но Боккаччо слилъ рыцарскій колоритъ повѣствованія съ классическимъ, прибавилъ новые эпизоды и описанія, сообщилъ иной характеръ рѣчамъ Flogio и Biancofiore (усматривается вліаніе Овидія ¹⁾), и средневѣковой романъ значительно видоизмѣнился.

Поэмы Боккаччо въ октавахъ начинаютъ собою рядъ попытокъ создать эпосъ въ итальянской литературѣ. Teseide, по выраженію поэта—„antica storia“, которую онъ задумалъ изложить „con pietosa rima“, предпринявъ эпопею на „volgar lazio“, какой еще не видѣли въ Италіи. Сюжетъ Filostrato заимствованъ изъ романа о Троѣ Benoit de Sainte-Morc. Въ обѣихъ поэмахъ обработаны какъ будто древнія фабулы, но повѣствованіе получило романтическій характеръ. Троиль значительно уподобился героямъ рыцарскихъ романовъ ²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ въ его чувства поэта внесъ много такого, что пережилъ самъ вслѣдствіе непостоянства Фіамметты: на это онъ прямо намекаетъ въ предисловіи. Гризеида Боккаччо также значительно отличается отъ соотвѣтственной личности у Бенуа де Сентъ-Моръ: она гораздо изящнѣе, примѣнительно къ итальянскимъ нравамъ XIV в.: въ ней могла узнать себя Фіамметта ³⁾).

¹⁾ Ср. въ концѣ романа: E chi con molta efficacia ama, il Sulmontino Ovidio seguiti, dalle cui opere tu se' confortatore.

²⁾ Joly, p. 509, замѣчаетъ: «Le Troilus que nous peint Boccace appartient plutôt au Roman de la Table Ronde qu'à celui de notre vieux trouvère; c'est un frère de Tristan».

³⁾ Боккаччо такъ предваряетъ Фіамметту: «quanto volte le bellezze, i costumi, e qualunque altra cosa laudevole in donna, di Griseida scritto troverete, di voi essere parlato portrete intendere».

Нельзя считать лишь неудачными эти произведенія Боккаччо¹⁾: болѣе справедливо мнѣніе тѣхъ историковъ литературы, которые, сравнивая *Filostrato* и *Filocolo* съ *Reali* и съ жалкими переводами французскихъ романовъ, бывшими тогда въ ходу въ Италіи, говорятъ, что названные романъ и поэма Боккаччо должны были казаться тогда чудомъ.

Особо стоитъ „*Fiammetta*“. Въ этомъ романѣ Боккаччо изобразилъ подъ именемъ Огонька ту свою возлюбленную, которой долго не могъ забыть и послѣ прекращенія интимныхъ отношеній съ ея стороны, постоянно вспоминая прелесть перваго свиданія. Въ анализѣ чувствованій *Fiammetty*, которая представлена вопреки тому, что было въ дѣйствительности, страдающею отъ измѣны *Панфило*, поэтъ выразилъ много своей собственной скорби и въ то же время воспользовался „Героидами“ *Овидія*. Художественно изобразивъ душевную борьбу, которую испытываетъ женщина, измѣнившая любящему ее мужу и не могущая преодолѣть своей страсти, Боккаччо, какъ повторяютъ теперь одинъ за другимъ новѣйшіе изслѣдователи, представилъ первый образецъ психологическаго романа въ ново-европейской литературѣ, къ сожалѣнію, долго потомъ не видѣвшей подобныхъ произведеній.

Таковы романы и поэмы Боккаччо, явившіеся во второй четверти XIV в. На судьбы повѣствовательной литературы въ Италіи они не повліяли въ такой степени, какъ повліялъ *Декамеронъ* (написанный между 1348 и 1353 гг.), сообщившій новеллѣ перво-степенное значеніе въ итальянской беллетристикѣ на нѣсколько вѣковъ.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ чувствуется голосъ страсти и много задуманности, а также жизненной правды. Боккаччо далъ читателямъ множество образовъ, полныхъ жизни и обрисованныхъ мастерски благодаря богатству и пылу воображенія, которымъ обладалъ, и знанію человѣческой природы. Напыщенной идеализаціи почти нѣтъ у Боккаччо. Лишь кое-гдѣ идеализованъ любимый поэтическій образъ его *Fiammetty*. Боккаччо подпалъ при этомъ въ „*Amorosa Visione*“, какъ и въ нѣко-

1) По словамъ порицателей этихъ поэмъ, Боккаччо возмнилъ, что «рядъ стиховъ, сложенный въ подражаніе извѣстнымъ классическимъ образцамъ, заслуживаетъ названія эпопеи, и составилъ два опыта ея...»

торыхъ другихъ произведеніяхъ, вліянію Данте и своего друга Петрарки и, такимъ образомъ, въ поэтическомъ выраженіи своей любви не избѣжалъ, средневѣковаго мистицизма. Къ любовному культу, бывшему въ ходу у рыцарства, Боккаччо примыкаетъ, далѣе, тѣмъ виднымъ значеніемъ, какое вообще удѣлилъ любви въ своихъ произведеніяхъ, и страстною напряженностью ея въ нѣкоторыхъ изъ нихъ ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ итальянскаго Возрожденія не знаетъ рыцарской исключительности и, какъ бы въ соотвѣтствіе своему ученію о томъ, что благородство (*gentilezza*) можетъ быть достояніемъ каждой личности, внушаетъ читателю Декамерона симпатію не только къ знатной *Ghismonda*, но и къ „*popolana Lisabetta*“, и возводитъ на пьедесталь крестьянку Гривельду, представляющую какъ бы осуществленіе тѣхъ ригористическихъ взглядовъ на отношеніе жены къ мужу, которыхъ придерживался Боккаччо уже въ моментъ написанія Декамерона и еще въ большей степени въ позднѣйшее время своей литературной дѣятельности. Гривельда—идеаль безгранично любящей, покорной и терпѣливой жены, какой можетъ быть одобренъ самую консервативную моралью. Нѣсколько подобную личность можно встрѣтить лишь въ сказкахъ, но не въ рыцарскомъ романѣ ²⁾. Этотъ об-

1) Florio, страстно любящій Biancofiore, готовъ послѣдовать за нею въ могилу. У Боккаччо нерѣдко несчастно влюбленные выражаютъ такую готовность.

2) Возражая критикамъ, обвиняющимъ Боккаччо въ порчѣ нравовъ, Carducci указываетъ, между прочимъ, на «*Griselda, la pastorella provata fino al martirio dal marito marchese, la Griselda a cui la poesia cavalleresca nulla ha da contraporre nè pur da lontano*». — Интересно сопоставить Гривельду съ типомъ въ родѣ несправедливо преслѣдуемой дѣвочки и оклеветанной жены; наиболее Гривельда къ той женѣ сказокъ, которая возвышаетъ свое достоинство среди загона и утѣсненія и, наконецъ, находитъ счастье. Уже давно указывали на балладу *Marie de France: Lai de le fraïgne* (*Hist. littér. de la France, XIX, 798*). Landau обратилъ вниманіе на соотвѣтственный поѣсти индійскую и еврейскую. *I. Polivka* въ монографіи *Dvě povídky v české literaturě XV. stol., V Praze 1889*, стр. 9—10, считаетъ вопросъ нерѣшеннымъ; наиболее правдоподобнымъ кажется ему предположеніе, что «*Boccaccio čerpal z ústní tradice vlášské, i můžeme se tu dovolávatí svědectví Petrarkova; on totiž píše ve svém listě; že i cizinec nezalý italského jazyka by se potěšil libeznou touto povídkou*»: «*cum et mihi semper ante multos annos audita placuisset*»; къ этому устному преданію слѣдуетъ возводить, по мнѣнію г. Поливки, и варианты, отличающіе латинскій пересказ Петрарки отъ новеллы Боккаччо. Замѣтимъ здѣсь кстати, что недавно *Pitrè, Nouvelle popolari toscane, Fir. 1885 p., XXXII*, заявилъ вслѣдъ за *Körting*-омъ, принимающимъ Неаполитанскія сказки за преимущественный источникъ Декамерона: «*In Italia, in Toscana specialmente, la novellistica orale vuol essere studiata meglio che altrove, perchè in poche province della penisola, in poche contrade d'Europa, la novella d'arte ha rivelato tanti rapporti con la novella tradizionale, quanti ne risultano mediante gli studi comparativi per l'Italia in generale, per la Toscana in particolare*». Во всякомъ случаѣ, невѣрно мнѣніе *Biedermann*-а (*Zeitschr. f. Vergleich. Litteraturgesch. und Renaissance-Litteratur, II Bd., 1.2 Heft, 111*),

разъ, столь рѣзко выдѣляющійся изъ обычныхъ и понравившійся въ то время такимъ людямъ, какъ Петрарка ¹⁾, весьма характеренъ для уразумѣнія возрѣвнѣй Боккаччо и другихъ людей эпохи, обращавшейся къ такимъ крайностямъ въ поэзи.

Вообще у Боккаччо встрѣчаются типы женщинъ, представляющіе противоположность одинъ другому. Въ романахъ и поэмахъ его одна изъ героинь—невинная, глубоко любящая и кроткая Biancofiore, другая—легкомысленная Griseida, третья—столь пассивно принимающая того или иного мужа Эмилія, четвертая—Фіамметта, не могущая забыть измѣнчившаго любовника. Въ Декамеронѣ рядомъ съ женщинами суетными, легкомысленными, склонными къ обману, есть „valorose e sante“, благородныя, постоянныя, твердыя въ своей вѣрности, готовые перенести всѣ муки ради сохраненія чести. Къ третьей категоріи относятся такія, какъ Софронія. Въ книгѣ De Claris Mulieribus Боккаччо также выставилъ разнообразныя типы. Жена Orgia-

который какъ бы считаетъ повѣсть о Гризельдѣ не народною и говоритъ, что ее надо разсматривать какъ pfäffische Erfindung, als die mit katholisch-kirchlicher Naturwidrigkeit aufs äusserste getriebene Befolgung biblischer Gebote über Demuth und eheweiblichen Gehorsam». (Ср. выраженіе Canello, p. 25: «tal moglie fedele che a noi pare alquanto scimunita»). Противъ замѣчанія Biedermann'a можно указать на то, что монахи не могли измыслить Гризельды—они были совсѣмъ не такого мнѣнія о женщинѣ. Ten Brink, Gesch. d. engl. Litteratur, II, Berl. 1889, 172, называетъ Чосеровъ пересказъ этой новеллы «das hohe Lied von edler, zarter Weiblichkeit». Какъ бы подтвержденіемъ вѣрности подобнаго сужденія является та чрезвычайная популярность, какой достигла новелла о Гризельдѣ предпочтительно предъ остальными новеллами Декамерона. См. Dunlop-Wilson, II, 146; Grässe, Die gross. Sagenkr., 282—284; Polivka, 10—17. Кромѣ работы Поляки новѣйшія монографіи объ этой сажѣ: Westenholz, Die Griseldis-Sage in der Litteraturgeschichte, Heidelb. 1888; Groenevell, Die älteste Bearbeitung der Griseldis-sage in Frankreich, 1889.

¹⁾ Гризельда Боккаччо очень понравилась Петраркѣ, переработавшему эту повѣсть на латинскомъ языкѣ, а равно и нѣкоторымъ общимъ пріятелямъ обоихъ поэтовъ. Одною изъ этихъ пріятелей Гризельда тронула до слезъ, а другому показалась личностью невозможною въ дѣйствительности. На послѣднее замѣчаніе Петрарка отвѣтилъ нѣсколько уклончиво, заявляя, что иное, кажущееся невозможнымъ, покажется для нѣкоторыхъ легко исполнимымъ, но самъ же закончилъ свой пересказъ словами: «hanc historiam stylo nunc alio retexere visum fuit, non tam ideo ut matronas nostri temporis ad imitandam huius uxoris patientiam, quae mihi vix imitabilis videtur quam, ut legentes ad imitandam saltam foeminae constantiam excitarem, ut quod haec viro suo praestitit, hoc praestare deo nostro audeant...» Ср. у Чосера заключительныя слова студента, что въ то время трудно было найти въ цѣломъ городѣ двѣ или три такихъ Гризельды. И тѣмъ не менѣе, всѣмъ нравился тогда этотъ идеальный образъ жены феодальнаго времени,—жены маркиза, желаніе котораго испытать ее, по выраженію Петрарки, «mirabilis quaedam, quam laudabilis doctiores iudicent». Видно, типъ жены, складывавшійся въ эпоху Возрожденія, вызывалъ въ поэзи невольную реакцію въ идеализаціи такого образа, какъ крестьянка Гризельда. О двоякомъ изображеніи крестьянъ въ итальянской литературѣ времени Возрожденія см. Burckhardt-a II, 69—72 и примѣч. на стр. 95 - 97.

gontis gallograeci предпочитаетъ смерть потерѣ чести ¹⁾, и въ той же книгѣ излагается исторія такихъ женщинъ, какъ Леаена meretrix и глупая Raolina, повѣрившая тому, что ее полюбилъ богъ Анубисъ, и легко поддавшаяся юношѣ, обманувшему ее такимъ способомъ. Подобное разнообразіе характеровъ представляетъ и поэма Аріосто.

Писателемъ переходнаго времени, совмѣщающимъ разнородныя воззрѣнія, нерѣдко противорѣчающимъ себѣ, оказывается Боккаччо и во взглядахъ вообще на женщину и любовь и въ разсужденіяхъ о послѣдней.

Боккаччо полагалъ, что женщины ниже мужчинъ „per forza, ingegno, per virtù“, онѣ „più mobili“; потому онѣ были невысокаго мнѣнія о нравственной устойчивости женщинъ, но, конечно, признавалъ въ общемъ немало исключеній, какъ показываетъ хотя бы его книга „De Claris Mulieribus“. Иногда онѣ раздражался средневѣковыми выходками противъ женщины ²⁾, готовъ былъ привести наставленія премудраго Соломона относительно ея ³⁾, не былъ сторонникомъ женской эмансипаціи ⁴⁾, стоялъ за простоту и строгость воспитанія дѣвушекъ, возставалъ противъ крупнаго приданаго, которымъ ихъ надѣляютъ, порицалъ пристрастіе женщинъ къ пышнымъ нарядамъ, желалъ бы въ концѣ концовъ повергнуть къ старымъ нравамъ (объ исчезновеніи ихъ скорбѣлъ и Данте) и въ то же время дорожилъ вниманіемъ женщинъ, требовалъ образованія женщины ⁵⁾, предворяя въ нѣкоторыхъ отно-

1) О такихъ женахъ Боккаччо упоминаетъ и въ книгѣ *De Casibus Virorum Illustrium* въ главѣ о Сардаваллѣ, но въ главѣ *de conjugibus Cimbrorum* замѣчаетъ, что вообще ему весьма рѣдко приходилось читать и слышать о томъ, чтобы женщины соблюдали такъ цѣломудріе.

2) Такъ, въ книгѣ *De Casibus Virorum Illustrium* исторія Самсона подала поводъ Боккаччо къ порицанію женщинъ.

3) Эмилиа говоритъ въ Decameron, giorn. IX, nov. 9: «nel mio giudicio cape tutte quelle esser degne di rigido ed aspro gastigamento, che dall'esser piacevoli, benivole e pieghevoli, come la natura, l'usanza e le leggi vogliono, si partono. Per che m'aggrada di raccontarvi un consiglio renduto da Salomone, sì come utile medicina a guarire quelle, che così son fatte, da cotal male. Il quale niuna, che di tal medicina degna non sia, reputi ciò esser detto per lei, come gli uomini un cotal proverbio usino: buon cavallo e mal cavallo vuole sprone, e buona femmina e mala femmina vuol bastone» etc. Должно имѣть въ виду при чтеніи этихъ словъ средневѣковое воспитаніе. По словамъ Frate Cherubino, тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались даже le fanciulle e le spose. См. рец. E. Gorra на «El costume delle donne» etc., изд. Morpurgo (Fir. 1889) въ *Giorn. stor. d. lett. it.*, XIV (1889), fasc. 1—2.

4) Онѣ требуютъ повинновенія женщины. Ср. приведенныя нами слова Тассо о томъ.

5) Ср. въ толькo что цит. рецензій Gorra p. 271 объ отношеніи средневѣковыхъ моралистовъ и романистовъ къ вопросу объ образованіи женщины.

шеніяхъ свое время. Бракъ былъ для Боккаччо достопочтенное и „святое“ таинство; авторъ Декамерона прославлялъ благія послѣдствія крѣпкой супружеской любви, при которой жена дѣлится горе мужа, проявляетъ свое достоинство въ перенесеніи невзгодъ и пріобрѣтаетъ славу. Счастливъ, по словамъ Боккаччо, мужъ, имѣющій такую жену, какъ Порція.

Примѣры идеальной супружеской любви, помѣщаемыя Боккаччо преимущественно въ прошломъ, не закрывали большинства противоположныхъ явленій и господства чувственности. Боккаччо съ охотой останавливался на изображеніи послѣдней, и справедливо замѣчаютъ, что у него рѣзко выступаетъ крайній натурализмъ въ любви, которой—говоритъ онъ иногда—безполезно сопротивляться, какъ силѣ природы. Въ такого рода картинахъ любовь, дѣйствительно, возвращается въ поэзіи къ античной наготѣ, по выраженію Нортис-а („Amore ritorna ignudo come in Grecia e in Roma“); но на основаніи ихъ нельзя говорить, что Боккаччо опошлилъ образъ женщины и унижилъ любовь вообще. Снисходительно относясь въ Декамеронѣ къ прегрѣшеніямъ женщины въ силу любви, „conoscendo le sue forze grandissime“, Боккаччо провозглашалъ въ томъ же произведеніи (giorn. VIII, nov. 1): „La donna debb'essere onestissima, e la sua castità come la vita guardare, nè per alcuna cagione a contaminarla conducersi“.

Разсужденія о любви занимали Боккаччо въ такой же мѣрѣ, какъ и поэтовъ рыцарства и большинство итальянскихъ поэтовъ вплоть до XVII в.: вообще итальянское Возрожденіе много занималось теоріею любви и въ этомъ отношеніи примыкало къ поэзіи рыцарства.

Уже въ первомъ произведеніи Боккаччо, Filocolo, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и вмѣстѣ пространныхъ эпизодовъ посвященъ разсужденіямъ о любви; разумѣемъ описаніе дня, проведеннаго Флоріо въ Неаполѣ, куда юноша прибылъ, отправившись отыскивать свою Biancoliore ¹⁾. Флоріо и его спутники были приглашены принять участіе въ увеселеніи, происходившемъ въ саду. Здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Фіамметты, которую избрали королевою собра-

¹⁾ Op. volg. di Bocc., VIII (Filocolo, t. II), 28 и слѣд.

нія ¹⁾, юноши и дожны, расположившись въ тѣни у фонтана, выслушиваютъ рѣшеніе вопросовъ о любви (*questioni d'amore*), предлагаемыхъ прекрасной царицѣ собранія. Рѣшенія получаютъ характеръ тенсонъ, такъ какъ лицо, ставящее вопросъ, возражаетъ Фіамметтѣ, а послѣдняя защищаетъ свое мнѣніе. Подобное времяпровожденіе напоминаетъ обычаи знатнаго провансальскаго общества, и самые вопросы у Боккаччо представляютъ сходство съ тѣми, рѣшеніемъ которыхъ развлекалась провансальская знать ²⁾.—И помимо того въ *Filosofo* внесено много лирично-риторическихъ отступленій съ разсужденіями о любви, о женщинахъ и т. п. ³⁾.

Оставляя въ сторонѣ другія поэтическія произведенія Боккаччо, упомянемъ о томъ, что въ Декамеронѣ есть немало разговоровъ о нравственныхъ достоинствахъ женщины и объ отношеніяхъ ея и мужчины, и заключимъ перечень интересующихъ насъ здѣсь произведеній Боккаччо указаніемъ на его трактатъ *Laberinto d'Amore*, или *Il Corbaccio* (1353 или 1354 г.). Этотъ трактатъ или, лучше сказать, памфлетъ характеризуетъ переломъ въ воззрѣніяхъ на женщину и любовь, происшедшій въ поэтѣ, когда молодость его прошла, любовь къ Фіамметтѣ превратилась въ поэтическое воспоминаніе, и пламенный юношескій культъ любви уступилъ мѣсто скептическому отношенію къ достоинству этого чувства, между проч.,—подъ влияніемъ личнаго разочарованія. Внѣшнее построеніе *Il Laberinto d'Amore* напоминаетъ нѣсколько схему Божественной Комедіи. Авторъ, подпавшій будто бы любви къ одной вдовушкѣ, которую плѣнился, потому что вообразилъ ее со словъ пріятели женщиною высокихъ достоинствъ, терпитъ неудачу, впадаетъ въ отчаяніе и готовъ лишиться себя жизни, но затѣмъ принимается за анализъ своего рѣшенія, приходитъ къ мысли, что оно не разумно, засыпаетъ, и во снѣ

¹⁾ Ascalione, предлагая избрать Фіамметту въ царицы собранія, говоритъ: «giuro per quelli iddii che io adoro, che non mi torna nella memoria d'aver veduta o udita nomar donna di tanto valore, quanto questa Fiammetta, nella cui presenza Amore tutti di se infiammati ci tiene—e perocchè ella, siccome senza fallo conosco, è d'ogni grazia piena e di bellezza, e di costumi ornatissima e di leggiadra eloquenza dotata, io in nostra reina l'eleggo» (р. 33).

²⁾ См., между проч., въ *Literaturblatt für germ. und rom. Phil.* 1889, № 3 рецензію Gaspari на брошюру Para: «Un Capitolo delle Definizioni di Jacomo Serminocci, poeta senese del secolo XV, Fir. 1887». Il Libro di Definitioini этого поэта не что иное, какъ распространеніе въ стихахъ 13 любовныхъ вопросовъ *Filosofo*. Подобные вопросы есть и у Франческо де Барберино.

³⁾ См., напр., *Op. volg. di Bocc.*, VII, 280—281, 294 и слѣд., и т. п. Имѣя въ виду эти отступленія, *P. Paris*, *Les manuscrits français*, III, Par. 1840, p. 328, замѣтилъ что романъ Боккаччо скученъ и во всѣхъ отношеніяхъ ниже французскаго романа *Flore et Blanchefleur*.

ему представляется видѣніе въ родѣ Дантовскаго: Боккаччо, направившись по пріятному пути, попадаетъ въ ущелье, изъ котораго не можетъ выбраться. Здѣсь ему предстаетъ духъ, какъ оказалось потомъ—бывшій мужъ вдовушки, плѣвившей сердце поэта. Онъ страдаетъ теперь въ чистилищѣ и посланъ Пресв. Дѣвою просвѣтити Боккаччо насчетъ любви и женщины; вывести его изъ той пропасти, въ которую завлекла поэта любовная страсть и изъ которой, разъ рухнувъ въ нее, не выйти¹⁾. Длинными рѣчи духа, не стѣсняющагося въ своихъ выраженіяхъ, заключаютъ самый рѣзкій, доходящій до крайней грубости и цинизма, пасквиль на женщину, ихъ пустоту, легкомысліе, безнравственность и т. п. Ту самую *carnale amore*²⁾, которую Боккаччо изображалъ въ Декамеронѣ безъ особаго негодованія, теперь онъ предастъ полному осужденію. По словашу духа, дворъ любви—долина, въ которой влюбленные теряютъ человѣческій образъ и становятся звѣрями³⁾. Любовь ослѣпляетъ душу⁴⁾. Въ ряду женщинъ новаго времени есть немного такихъ, которыя заслуживаютъ похвалы⁵⁾. Общій характеръ женщины предстаетъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Противъ нея собрано здѣсь все, что могъ сказать Боккаччо, а онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ любви. Въ

1) Духъ говоритъ Боккаччо: «Questo luogo è da varij variamente chiamato, & ciascuno il chiama bene, alcuni il chiamano Laberinto d'Amore, et altri la Valle Incatenata (ср. въ романѣ о Лякселотѣ—о рыцаряхъ, пребывающихъ въ плѣну въ *val sans retour*), & assai il Percile di Venere, & molti la Valle de'Sospiri, & della Miseria, & oltre a questi chi in vno modo, & chi in vno altro, come meglio a ciascuno piace.... Et dei sapere, che chi per lo suo poco senno ci cade, mai, se lume celeste non nel trabe, vscir non ci può, & allhora come io già ti dissi, con senno & con fortrezza». *Laber. d'Amore*, 24 (cf. p. 23 и 32). Ср. второе заглавіе пьесы гр. Л. Н. Толстого «Взаетъ тмы»: «увязъ коготокъ—всей птичекъ пропасть».

2) *Lab. d'Amore*, 7:.... «mi venne ch'io fortissimamente sopra gli accidenti del carnale amore cominciâ a pensare»....

3) *Laber. d'Amore*, p. 31: «Questa misera valle è quella corte che tu chiamai d'amore, e quelle bestie, che tu di ch'udite hai & odi magghiare, sono i miseri, de'quali tu sei vno, dal fallace amore irretiti....»

4) *Ib.*, 49—50: «Uedere adunque doueni amore essere vna passione accecatrice dell'animo, disuatriatrice dell'ingegno, ingrossatrice, anzi priuatriatrice della memoria, dispacatrice delle terrene facultadi, guastatrice delle forze del corpo, mimica della giovinezza, & della vecchiezza morte, genitrice de'vitij, habitratrice di vacui petti, cosa senza ragione, e senza ordine, & senza stabilità alcuna, vitio delle menti non sane, & sommergitrice dell'humana libertà ò quante e quali cose sono queste dà douere, non ché i saui ma gli stolti ispauentare». Затѣмъ духъ ссылается, по среднѣвѣковому обычаю, на историческіе примѣры.

5) *Ib.*, 34—35: «hauendo molte cose dette antiche, quale in magnanimità, e quale in castità, quale in corpo tal fortrezza lodando; condiscendemmo alle moderne, fra le quali il numero trouandone picciolissimo da commendare...»

мужчинѣ, по его мнѣнію, гораздо болѣе достоинства и благородства, и природа обидно поступила, подчиняя мужчину полу, столь несовершенному, какъ женскій, рожденному для повиновенія. Просвѣтленный духомъ и слѣдуя за нимъ, Боккаччо, выходитъ изъ мѣста, въ которое попалъ-было, на высокую гору, въ чистую атмосферу, и съ ужасомъ оглядывается на страшную долину мрака: „& rapuemi, говоритъ онъ, non valle, ma vna cosa profonda insino in inferno, oscura, & piena di notte & di dolorosi gannarichi“. Радуюсь выходу изъ этой юдоли грѣха, поэтъ просыпается, размышляетъ о видѣнномъ, рѣшается закончить съ позорною любовью и восстанавливаетъ свою свободу. Онъ полагаетъ, что его повѣствованіе принесетъ пользу тѣмъ, въ особенности юношамъ, которые слишкомъ надѣются на себя, и исторгнетъ ихъ изъ рукъ злыхъ женщинъ.—Вотъ къ какимъ взглядамъ на любовь, отличнымъ отъ Дантовыхъ, пришелъ подъ конецъ обожатель Фіамметты, начавшій свою дѣятельность на поприщѣ романа романтическимъ повѣствованіемъ о неизмѣнной вѣрности въ любви Flogio и Bianсоfогe и изобразившій затѣмъ пламенную рыцарскую любовь Палемона и Арциты.

Понятно послѣ всего сказаннаго, что поэтъ, рано познавшій непостоянство женщины и уже въ *Filostrato* выразившій страданія любящаго сердца, причиняемая женскимъ легкомысліемъ, нарисовавшій затѣмъ въ *Декамеронѣ* цѣлый рядъ картинъ, подтверждающихъ это легкомысліе, хотя и не исключаяющихъ противоположныхъ примѣровъ, не могъ быть постояннымъ пѣвцомъ чисто-рыцарской любви и, по выходѣ изъ юношескаго возраста, остаться читателемъ бретонскихъ романовъ, которыми увлекалась вдовушка *Corbaccio*.

Отчасти потому-то герои и героини романовъ *Круглаго Стола*, не разъ поминающіеся въ произведеніяхъ Боккаччо, не получили у него виднаго мѣста, и доблесть ихъ внушала ему нѣкоторое сомнѣніе. Лишь главнаго героя этихъ романовъ, Артура, Боккаччо считалъ, повидимому, знаменитымъ королемъ, дѣйствительно существовавшимъ, и потому въ книгѣ своей „*De Casibus Virorum Illustrium*“ посвятилъ цѣлую главу изложенію его исторіи¹⁾, отнесшись съ полнымъ довѣріемъ къ рассказамъ о *Кругломъ Столѣ* и объ об-

¹⁾ Она перепечатана, въ виду рѣдкости этой книги, въ Grässe, Die grossen Sagenkreise, 164—166.

ширныхъ завоеваніяхъ Артура. Исторію Артура Боккаччо заканчиваетъ меланхолическимъ замѣчаніемъ, что иной можетъ сказать: Nil in orbe praeter humilia posse consistere. При этомъ Боккаччо проявляетъ уже начало нѣкотораго критицизма и въ отношеніи къ романтической исторіи Артура, какъ и въ отношеніи къ древнимъ романтическимъ героямъ ¹⁾. Включивъ Артура въ книгу о славныхъ мужахъ, Боккаччо не далъ мѣста ни одной романтической героинѣ въ книгѣ „De Claris Mulieribus“ ²⁾, въ которой проглядываютъ уже зачатки научнаго изложенія исторіи женщины.

Итакъ, въ исторіи рыцарской эпикѣ Боккаччо занимаетъ мѣсто на рубежѣ между средними вѣками и временемъ Возрожденія, совмѣщая въ себѣ старое съ новымъ. Онъ еще не отрѣшился отъ стараго взгляда на поэзію, подѣ влияніемъ котораго готовъ былъ сблизить съ теологіей такое поэтическое произведеніе, какъ „Божественная комедія“, и усвоить поэтическимъ и мифологическимъ вымысламъ аллегорическое и моральное значеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ произведеніяхъ Боккаччо рѣзко выступаетъ самостоятельное значеніе поэзіи, создающей реальные образы, мастерски очерченные. Возвышенная рыцарская романтика нашла въ Боккаччо отзывчиваго поэта, который воспроизвелъ энтузіазмъ рыцарской любви и сталъ начинателемъ художественной рыц. эпикѣ въ Италиі. Боккаччо не разъ заявлялъ въ своихъ произведеніяхъ, что дорожилъ расположеніемъ женщинъ („sage donne“), писалъ для нихъ и желалъ угодить имъ. Въ этомъ онъ опять былъ продолжателемъ поэтовъ рыцарскаго времени. Онъ говорилъ правду въ началѣ *Ninfale Fiesolano*, выразившись о себѣ:

¹⁾ Боккаччо заявляетъ, что мы не знаемъ исторіи Артура изъ свидѣтельствъ, «достойныхъ вѣры»; сказанія о Кругломъ Столѣ послѣ смерти Артура стали «vulgi fabula». Ср. *Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio con particolare riguardo alla storia della erudizione nel medio evo e alle letterature straniere aggiuntavi la bibliografia delle edizioni*, Trieste, 1879, p. 521—522. По видимому, къ «fabula» Боккаччо отнесъ вѣру въ предстоящее возвращеніе Артура. Замѣтимъ, что въ Англіи уже въ XII в. были историкѣ, съ сомнѣніемъ относившіеся къ исторіи Артура, но въ Италиі вѣкъ спустя еще Брунетто Латини вѣрилъ всѣмъ романтическимъ розсказаніямъ, напр. о томъ, что Мерлинъ пострадалъ отъ вѣроломства женщины подобно Аристотелю.

²⁾ Немногія женщины среднихъ вѣковъ нашли мѣсто въ книгѣ Боккаччо. Впрочемъ, Боккаччо вообще обнаруживалъ склонность переноситься мыслию въ древнее время и не выказывалъ охоты останавливаться на среднихъ вѣкахъ; его привлекалъ по преимуществу античный міръ.

Amor mi fa parlar, che m'è nel core
 Gran tempo stato e fatto n'ha suo albergo....
 E che la forza mi dona e l'ingegno:
 Amor è quel ch'è mia forza e mia luce,
 E che di lui trattar m'ha fatto degno.

Но самымъ удачнымъ и наиболѣе вліятельнымъ произведеніемъ Боккаччо оказался Декамеронъ, въ которомъ на ряду съ примѣрами возвышенныхъ чувствованій и дѣяній приведено много обыкновенныхъ житейскихъ исторій, похожденій и любовныхъ продѣлокъ лицъ, ничѣмъ не выдающихся и пошлыхъ. Легкій взглядъ на бракъ, какъ бы находившій поддержку въ романахъ о Ланселотѣ и Женеврѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ, къ которымъ читатель того времени могъ отнестись снисходительно въ силу рыцарской доблести погрѣшавшихъ героевъ ¹⁾, получаетъ совсѣмъ иной смыслъ и освѣщеніе, въ дѣйствующихъ лицахъ Декамерона. Женщина и любовь низводятся въ этихъ новеллахъ съ пьедестала, на который возвела ихъ рыцарская поэзія, и въ литературу вторгается художественный реализмъ, который, при безнравственности, все болѣе водворявшейся въ Италиі, могъ открыть современемъ дорогу проявленію деморализаціи. Поэтъ Декамерона не отстываетъ предъ описаніями любовныхъ наслажденій, доходящими до цинизма. Равнымъ образомъ, и въ *Laberinto d'Amore* Боккаччо не постѣснялся въ выраженіяхъ, ссылаясь на то, что, для излеченія отъ порока, моралистъ, подобно меду, не долженъ церемониться. Примѣръ Боккаччо при той вліятельности, которою пользовались его произведенія, долженъ былъ заразительно подѣйствовать на итальянскихъ литераторовъ послѣдующаго времени, привыкшихъ созерцать постоянныя проявленія безнравственности въ жизни. Потому Боккаччо невольно ²⁾ явился однимъ изъ начина-

¹⁾ См. *P. Paris*, *Les romans de la Table Ronde*, t. IV, Par. MDCCLXXVI, p. 72, 328.

²⁾ Въ Декамеронѣ Боккаччо, къ которому, вѣроятно, можно приурочить его собственное выраженіе о «*giudice non troppo severo*», относится снисходительно къ нравственнымъ недостаткамъ изображаемыхъ имъ лицъ и не предъявляетъ женщинамъ тѣхъ строгихъ требованій, какія выставлялъ потомъ, опѣнивъ въ женщинѣ по преимуществу домовитость и семейныя добродѣтели. Большая часть новеллъ Декамерона служитъ не столько серьезнымъ цѣлямъ, сколько цѣлямъ развлеченія. Но несправедливо было бы отрицать въ авторѣ Декамерона борьбу съ предрасудками, способность и наклонность увлекать читателя изображеніемъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы и возбуждать серьезную вдумчивость. Сверхъ того, и въ Декамеронѣ проглядываютъ моральная тенденція и сатиризмъ, и уже показываются въ зародкѣ суровыя сужденія, которыя высказывались потомъ рѣзче.

лей теченія, загрязнившаго итальянскую литературу времени Возрожденія новеллами, діалогами ¹⁾ и т. п., которые подобно Декамерону и *Laberinto d'Amore* прикрывались моральною тенденціею, но въ существѣ ея не имѣли. Въ нравственномъ отношеніи эти произведенія послѣдующаго времени стояли гораздо ниже произведеній Боккаччо, который уже въ Декамеронѣ выглядитъ нерѣдко искреннимъ моралистомъ, а въ послѣдующее время своей дѣятельности ²⁾ еще въ большей степени сталъ проповѣдникомъ морали. Колебанія Боккаччо между легкимъ отношеніемъ къ традиціонной морали и проповѣдваніемъ ея были вполнѣ искренни: въ немъ боролись идеальные порывы среднихъ вѣковъ съ наклонностію къ отрѣшенію отъ старой морали подѣ влияніемъ расширенія кругозора; въ немъ не были вполнѣ примирены примыкавшій къ рыцарскому мистицизму послѣдователь Данте и Петрарки, съ одной стороны, и проникшіяся паганизмомъ поэтъ Возрожденія съ другой. Нельзя заподозривать Боккаччо въ лицемеріи: онъ бессознательно впадалъ въ противорѣчія, увлекаясь то рыцарскою романтикою чувства, то разгуломъ жизнерадостнаго настроенія, которое было пробуждаемо Возрожденіемъ, то съ полнымъ увлеченіемъ и сердечностію переносясь воображеніемъ въ идиллическій міръ пастуховъ, нимфъ и болѣе или менѣе простыхъ и сердечныхъ семейныхъ отношеній и чувствъ на ряду съ неудержимыми проявленіями бушующей страсти ³⁾, которая увлекаетъ въ концѣ и „*fanciulla pura ed innocente*“ ⁴⁾, нимфу *Mensola*. ⁵⁾ Поэма въ октавахъ, „*Ninfale Fiesolano*“, изображающая этотъ идиллическій міръ, на ряду съ „*Ameto*“, была исходнымъ пунктомъ новаго крупнаго теченія итальянской поэзіи времени Возрожденія. Намъ уже приходилось упоминать о томъ, что эта поэзія накопила множество „*fa-*

1) Для установленія связи многочисленныхъ повдѣйшихъ діалоговъ о любви съ *Laberinto d'Amore* важно, что въ этомъ произведеніи съ формою видѣнія соединена форма діалога. О діалогѣ въ итальянской литературѣ см. у Gaspari II, 191.—Замѣчательно также, что въ одномъ кодексѣ XIV в. съ П Corbaccio былъ помѣщенъ рядомъ трактатъ Теофраста о женахъ, занимающийся, вѣроятно, изъ Іеронима и дополненный рассказомъ о женахъ, принесшихъ поворъ мужьямъ и семействамъ. Боккаччо считали, очевидно, врагомъ женщинъ, какимъ и назвалъ его Кастильоне.

2) Книга «*De Claris Mulieribus*», въ которой ясно выступаетъ позднѣйшее моральное направленіе Тассо, написана не ранее 1357 г.

3) *Ninfale Fiesolano*, parte seconda, XV, XVII—XVIII; parte quarta, XXXIV—XXXVII. Gaspari, II, 16, замѣчаетъ: «Wohl mochte man die Schilderung der Liebescene weniger cynisch».

4) *Ib.*, p. quinta, VI, XVI; parte sesta, I, III и слѣд.

5) *Ib.*, p. quinta, XXXIX и слѣд.

vole pastorali“ и „egloghe“, въ которыхъ, къ сожалѣнiю, много показнаго и мало дѣйствительно цѣннаго. Мало правды найдетъ современный читатель въ картинахъ холмовъ, луговъ, зелени всѣхъ оттѣнковъ, въ описанiи шелеста листьевъ, таинственной тишины уединенiя, доловъ Аркади, красоты простыхъ обитательницъ этихъ заманчивыхъ мѣстъ; мало признаетъ онъ безыскусственности и неподдѣльности въ рѣчахъ и поступкахъ лицъ, выводимыхъ въ этой идиллической обстановкѣ ¹⁾. Боккаччо въ „Ninfale Fiesolano“ погрѣшилъ сравнительно менѣе въ этомъ отношенiи; онъ довольно правдиво изобразилъ крестьянскую среду, почти воздержался отъ декламации, которою страждетъ „Filocolo“, говорилъ языкомъ дѣйствительнаго чувства и не разъ трогаетъ читателя, пробуждая въ немъ глубокое участiе къ печальной судьбѣ невинной и чистой дѣвушки, невольно ставшей жертвою грубой страсти. Поэтъ сердечно и безъ лишнихъ прикрасъ изложилъ старую и вмѣстѣ вѣчно новую исторiю и не могъ не увлекать читателей; быть можетъ, оказалъ онъ влiяние и на Тассо, „Aminta“ котораго заключаетъ отголоски увлеченiя „Ninfale“ ²⁾. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что Боккаччо и въ итальянской пастушеской поэзiи явился такимъ же начинателемъ, какимъ былъ въ художественной обработкѣ рыцарско-романтическаго эпоса и новеллы. Словомъ, послѣдующее развитiе народно-итальянской литературы, насъ занимающей, было въ огромной степени обусловлено начинанiями Боккаччо.

Послѣ Боккаччо выработка *народной* итальянской литературы совершалась уже не съ прежнею быстротою. Национальная литература была ослабляема усиленiемъ значенiя латинской литературной

¹⁾ Мы раздѣляемъ мнѣнiе Scherillo, выраженное имъ въ Giambattista Basile, *archivio di letteratura popolare*, anno I (1883), num. 6.

²⁾ Намъ кажется, что въ эпизодѣ поэмы «Rinaldo», содержащемъ исторiю пастушка Florindo и представляющемъ немало пунктовъ соприкосновенiя съ «Aminta», сказывается въ частностяхъ влiяние «Ninfale Fiesolano». Обстановка, при которой влюбляются Affrico и Florindo, и быстрое воспламененiе ихъ любовью, представляютъ много сходства (май, игры дѣвушекъ); оба влюбленные переодеваются въ женское платье, чтобы получить возможность быть поближе къ своимъ милымъ. Колоритъ повѣствованiя Тассо также нѣсколько напоминаетъ приемы Боккаччо. — Равнымъ образомъ въ «Aminta» находимъ подробности, сближающiя эту пастушескую драму съ «Ninfale Fiesolano»: пейзажъ тамъ и здѣсь итальянскiй; совѣтъ, данный во снѣ Affrico Венерою, — дѣйствовать рѣшительно, напоминаетъ совѣтъ Дафны; типы Мензола и Сильвиа одинаковы (см. Ninf. Fies., p. qu., LV, гдѣ говорится, какъ Мензола «*crudele non l'udia*»); лишь почтительный Аминтъ рѣзко отличается отъ настойчиваго и неудержимаго въ своей страсти Affrico.

рѣчи и авторитета классической школы ученыхъ латинистовъ XV в., которые нерѣдко чтили одну древнюю поэзію, враждебно относились ко всему средневѣковью, причисляли къ послѣднему даже великихъ *trecentist*-овъ, предпочитали классическихъ поэтовъ роднымъ и писали по-латини. Папы и государи много содѣйствовали распространенію этого направленія, оказывая покровительство гуманизму.

Въ періодъ замедленія народно-поэтического движенія, начатаго Данте, Петраркой и Боккаччо, однимъ изъ послѣднихъ крупныхъ проявленій этого движенія былъ „романъ“, озаглавленный въ изданіи впервые открывшаго этотъ важный памятникъ А. Н. Веселовскаго *Il Paradiso degli Alberti* ¹⁾. По основательному и остроумному изслѣдованію издателя, съ которымъ согласилась авторитетная критика ²⁾, произведеніе это написано поэтомъ Дантовой школы, Джованни да Прато, который былъ въ-живыхъ еще въ 1430 г., занимался въ послѣдніе годы своей жизни истолкованіемъ „Божественной Комедіи“ и вздумалъ подражать ей въ аллегорической поэмѣ. Въ годы молодости, когда онъ былъ еще безбородымъ юношей, ему довелось вращаться въ кружкѣ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей, которыми гордились Флорентійская республика и Флорентійскій университетъ, сторонниковъ народно-поэтической школы (Дантовскихъ преданій) въ литературѣ. Въ первыя десятилѣтія XV в. Джованни изложилъ эти бывшія для него дорогими воспоминанія, относящіяся къ маю 1389 г., въ формѣ повѣствованія, отличающагося сочетаніемъ разнообразныхъ приемовъ изложенія и стилей. Планъ романа выраженъ въ словахъ I-й книги о томъ, что необходимо прежде всего узнать, что такое любовь вообще; „потомъ мы рассмотримъ ея различныя и противоположныя виды, и на сколько одинъ изъ нихъ достоинъ самыхъ высокихъ похвалъ, тогда какъ другой заслуживаетъ всякаго порицанія и хулы, на посрамленіе невоздержности и порока. Разсмотрѣвъ и разузнавъ все это, мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ

1) Въ оригиналѣ нѣтъ никакого заглавія. Описаніе итальянскаго изданія см. въ «Указателѣ къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго, профессора Имп. С.-Петербург. Унив. и Академія Имп. Ак. Наукъ», Спб. 1888 г., стр. 15. На русскомъ языкѣ изложене содержанія *Il Paradiso* и изслѣдованіе о немъ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями даны въ книгѣ *Веселовскаго* «Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія. М. 1870».

2) См. Gaspari II, 645—646.

стадемъ проводить наши дни въ потѣшныхъ декламаціяхъ, полезныхъ и пріятныхъ разсужденіяхъ, разсказахъ и новеллахъ“ (Вилла Альберти, 164). Сообразно такому плану романъ начинается аллегорическимъ путешествіемъ въ царство Венеры, при чемъ дается опредѣленіе разныхъ видовъ любви, выказывающее вліяніе Данте, Платона и Аристотеля. Во второй книгѣ авторъ рассказываетъ о веселомъ путешествіи въ Поппи и ко святымъ мѣстамъ на Апеннинскомъ взгорьѣ; на обратномъ пути составилъ цѣлый кружокъ веселыхъ и просвѣщенныхъ лицъ, коротающій время въ шуткахъ, разсказываніи новеллъ и серьезныхъ разговорахъ. Затѣмъ дѣйствіе переносится на время во Флоренцію, гдѣ мессеръ Coluccio Salutati устроилъ у себя приемъ для лицъ, бесѣда которыхъ могла представить для него интересъ; окончательно сосредоточивается оно въ прелестной виллѣ *Il Paradiso*, находившейся возлѣ веселой Флоренціи и принадлежавшей Antonio degli Alberti. Гостепріимный хозяинъ собралъ въ садахъ своей виллы общество интеллигентныхъ лицъ, въ ряду которыхъ есть прекрасныя и образованныя женщины. Философскіе, серьезные разговоры, ведущіеся въ отсутствіе дамъ, и новеллы—не единственное развлеченіе этого общества; въ перемежку съ бесѣдами и угощеніями имѣютъ мѣсто пѣсни, пляска и майскія игры молодежи. Изъ этого краткаго изложенія содержанія *Il Paradiso* ясно, что авторъ подражалъ въ построеніи своего произведенія Декамерону, но внесъ также тяжело-вѣсный элементъ научныхъ и схоластическихъ бесѣдъ и опредѣленій, а вначалѣ слѣдовалъ Данте. Отъ того нѣтъ цѣльности въ изложеніи. Произведеніе Джованни да Прато лишено художественности и не можетъ быть подведено съ точностью подъ одинъ какой-нибудь опредѣленный родъ литературныхъ произведеній; названіе романа въ общепотребительномъ значеніи этого термина не примѣнимо къ *Il Paradiso* ¹⁾.

Сообщая множество весьма интересныхъ и важныхъ данныхъ для исторіи умственной жизни, общественной мысли и литературнаго движенія переходнаго времени, *Il Paradiso* представляетъ мало отношенія къ романтикѣ Круглаго Стола, и мы можемъ извлечь изъ него лишь нѣсколько фактовъ, косвенно освѣщающихъ судьбу

1) Веселовскій, Вилла Альберти, стр. 71, говоритъ: «это что-то среднее и переходное между *завромъ Воккаччо* и веселою новеллою четырнадцатаго вѣка, что свѣтлѣе ради связи и разсказываетъ для разказа, и учеными преніями въ монастырѣ Санъ Спирито и первымъ леготомъ Возрожденія».

занимающаго насъ литературнаго теченія. — Въ этомъ романѣ, который, повидимому, какъ показываетъ автографъ его, не былъ оконченъ и не достигъ распространенія, интересно наглядное подтвержденіе того преимущественнаго значенія, какое приобрѣла новелла въ средѣ Флорентійскаго круга читателей литературы, созданной трудами трехъ великихъ „коронъ“ Флоренціи, Данте, Петрарки, Боккаччо ¹⁾. „Забавные и пріятные рассказы“, возбуждавшіе громкій хохотъ, настолько стали виднымъ развлеченіемъ общества, что въ послѣднемъ, помимо потѣшниковъ по ремеслу, выдвинулись люди, приобрѣвшіе замѣчательное искусство забавлять собраніе выдумками и новостями, остроуміемъ, шуткой и смѣхомъ, выработавшія „типъ забавника, *piacevole cittadino*“ ²⁾. Имена Артура и его рыцарей поминаются въ *Paradiso* лишь вскользь ³⁾. Гораздо замѣтнѣе популярность Дантовскихъ идей. Въ обществѣ, изображаемомъ въ „*Il Paradiso degli Alberti*“ и любящемъ поучительные разговоры на ряду съ веселыми, ведутся бесѣды не только по вопросамъ, близкимъ къ интересамъ дня, но и на средневѣковыя темы. Вообще въ темахъ не было недостатка при живомъ интересѣ къ вопросамъ морали, — нерѣдко тѣмъ самымъ, которыми занимались въ послѣдній періодъ средневѣковой общественности. Въ разговорахъ въ садахъ Парадизо имѣютъ мѣсто схоластическія и Дантовскія реминисценціи наряду съ фактами и идеями, извлеченными непосредственно изъ классическихъ писателей. Въ разсужденіяхъ на болѣе доступныя темы принимаютъ участіе и дамы, которыя, явившись въ общество Парадизо, обратились къ нему съ такою характерною рѣчью: „Почтенные отцы и наставники, такъ какъ вамъ заблагоразсудилось посѣтить эти страны — за что мы вамъ особенно благодарны, окажите намъ милость, примите насъ въ ваше

¹⁾ Въ одной розеттѣ XIV—XV вв. изображенъ рассказчикъ, обратившійся къ толпѣ, оставшейся на улицѣ, со словами: «Вы все слышали про поэта Боккаччо, что написалъ столько хорошихъ книгъ; теперь я расскажу вамъ одну веселую и хорошую новеллу, изъ числа тѣхъ ста, которыми полнится Италия». Отсюда г. Веселовскій дѣлаетъ выводъ, что «въ XIV—XV вв. новеллы Боккаччо, и вообще новеллы, рассказывались на площадяхъ». *Вилла Альберти*, 141-142.

²⁾ *Тб.*, 118-114.

³⁾ Одинъ изъ Флорентійскихъ весельчаковъ и рассказчиковъ въ стихахъ, Антоніо Пуччи, въ сонетѣ къ пріятелю Маттео, приглашавшему его попить въ садахъ Альберти, писалъ: «Всегда туда, я увидѣлъ короля Артура вмѣстѣ съ другими; съ другой сто роны стояли тѣ, что приобрѣли здѣсь неразлучную славу». По словамъ г. Веселовскаго, *Вилла Альберти*, 165, изображеніе Пуччи «рисовало танъ короля Артура съ его нападками и другими образами рыцарскаго романа».

общество, чтобы мы могли утѣшиться, слушая ваши рѣчи, и унести съ собою полезное и благое поученіе“ ¹⁾. Одна изъ нихъ, мадонна Кюза, отвѣчаетъ съ такимъ успѣхомъ на доводы мужчинъ при рѣшеніи вопроса, чья любовь сильнѣе, отца или матери, къ своему ребенку, что вызываетъ къ себѣ уваженіе слушающихъ ее маэстровъ и докторовъ ²⁾. Въ то время нѣкоторые по прежнему были враждебны образованію женщины ³⁾, какъ были также люди, продолжавшіе средневѣковой отвлеченный культъ женщины ⁴⁾, при которомъ въ существѣ послѣдняя мало выигрывала въ фактическомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, желаніе Боккаччо исполнялось: вопреки средневѣковой морали, требовавшей, чтобы женщина была молчалива, послѣдняя приучалась принимать участіе въ разговорѣ, вставляя кстаті остроумное словцо и входя въ смыслъ остроты (*dire un leggiadro motto, e intenderlo come si conviene*).

Уже нѣкоторые лица того кружка, который изображенъ въ *Paradiso degli Alberti*, стоявшія за слѣдованіе Данте и за литературу на народномъ языкѣ, писали по-латини.

Въ послѣдующее время значеніе латинскаго языка и подражанія классической литературѣ возрасло въ Италиі, и тѣмъ было замедлено развитіе народной литературы: многія литературныя силы были отвлечены въ область латинской письменности. Въ періодъ отъ конца XIV в. до второй половины XV-го в. не видимъ развитія новыхъ формъ повѣствовательной литературы. Лучшие литературныя таланты до времени Бембо ⁵⁾ не продолжали той художественной обработ-

¹⁾ Ib., 52.

²⁾ Ib., 82: «Даже старый маэстро Биаджіо крутитъ голову: «клянусь пречистой Дѣвой Маріей,—говоритъ онъ,—я не воображалъ, чтобы Флорентійскія дамы были такъ хорошо знакомы съ нравственной и естественной философіей и такъ ловко владѣли логикой и риторикой, какъ теперь я въ томъ убѣдился».—Маэстро, скромно отвѣчаетъ дѣвушка, Флорентійскія дамы стараются, на сколько есть силъ, такъ говорить и дѣлать, чтобы тотъ, кто пожелалъ бы ихъ обмануть, не могъ бы одну вещь выдать за другую. Вы же, которому и книги въ руки и у котораго навѣрное нѣтъ желанія обмануть насъ, скажите намъ всю правду».

³⁾ Въ одномъ сонетѣ говорится: «Наука цѣнится настоящимъ образомъ лишь тѣми, кто ее понимаетъ; а невѣжды, каковы женщины и дѣти, не могутъ понять ея достоинствъ». Ib., 95.

⁴⁾ Самъ авторъ романа выразилъ желаніе стремиться лишь къ «святой любви».

⁵⁾ Вембо принадлежитъ романъ риторическаго направленія, являющійся какъ бы со- вмѣщеніемъ литературныхъ пріемовъ Боккаччо и его послѣдователей (автора *Il Paradiso degli Alberti*) съ бесѣдами, которыя происходили нѣкогда подъ портниками Аеніи; разумѣемъ «*Degli Asolani*», трактатъ о любви, развитый въ формѣ собесѣдованія трехъ дамъ и трехъ кавалеровъ, происходившаго въ теченіе нѣсколькихъ дней у источника въ саду «*Asole castello del Tri-*

ки романа и эпопеи на родномъ языкѣ, начало которой положилъ Боккаччо. Лишь въ области народнаго рыцарскаго повѣствованія въ прозѣ замѣтно выступаетъ maestro Andrea da Barberino, авторъ Reali, Guerino и др. под. произведеній, значительнѣйшій изъ итальянскихъ романистовъ, писавшихъ въ прозѣ.

Соотвѣтственно укореившейся въ Италиіи любви къ новеллѣ, которой Боккаччо сообщилъ чрезвычайную прелесть мастерствомъ и увлекательностію своего повѣствованія, повѣсть должна была получить мѣсто и въ литературѣ гуманистовъ; въ этомъ отношеніи примѣръ показалъ Петрарка переводомъ на латинскій языкъ новеллы о Гризельдѣ. Такъ въ латинской литературѣ гуманистовъ выдвинулась сентиментально-эротическая новелла.

Изъ повѣстей такого рода прежде всего обращаетъ на себя вниманіе латинскій переводъ той новеллы Декамерона, которую считаютъ лучшею ¹⁾ и которая вызвала почти столько же переработокъ на разныхъ языкахъ, какъ и новелла о Гризельдѣ ²⁾: разумѣемъ романти-

vigiano»; онъ написанъ въ 1498—1502 гг. (мы пользовались Миланскимъ изданіемъ 1880 г.).— Одинъ изъ собесѣдниковъ восхваляетъ любовь и говоритъ, что она всегда хороша; другой говоритъ, что она приноситъ лишь горести; третій не соглашается вполнѣ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, рассматриваетъ, что такое любовь (по его мнѣнію, она-disiderio), и передаетъ, что довелось ему услышать въ то утро отъ встрѣченнаго имъ отшельника. Отшельникъ, вступивъ въ собесѣдованіе съ Lavinello, разбираетъ всѣ три мнѣнія о любви, опровергаетъ ихъ и говоритъ о превосходствѣ любви Божественной: «I quali se sono di queste bellezze stati che qua giù sono, perciocchè elle colà su non salgono, ma rimangono alla terra di cui elle sono figliuole, elle ci tormentano, siccome ora ci sogliono quelli disii tormentare, de'quali godere non si può nè molto nè poco. Se sono di quelle de là su stati, essi maravigliosamente si trastullano, poscia che ad esse pervenuti pienamente ne godiamo. Ma perciocchè quella dimora è sempiterna, ci dee credere, Lavinello, che buono amare sia quello, del quale goder si può eternamente ci condanna a dolore» (р. 138). Провозглашая такую любовь, Бембо не брезгалъ и любовью совсѣмъ иного рода, и, трактуя о платонической любви, писалъ въ то же время вольные стишки. Лишь въ послѣднемъ отношеніи онъ отступилъ отъ примѣра Петрарки, котораго былъ послѣдователемъ. Въ XVI уже вѣкѣ (въ 1533 г.; послѣ того было много перепечатокъ) явился «Il Peregrino», написанный Caviceo. Это произведеніе, посвященное Лукреціи Борджіа, называютъ первымъ «romanzo sociale italiano» (см. Biscia, 146).

¹⁾ *Zupitza* въ статьѣ: «Die mittlenglischen Bearbeitungen der Erzählung Boccaccios von Ghismonda und Guiscardo» (Vierteljahrsschrift für Kultur u. Litteratur der Renaissance, I, 66) говоритъ: «Boccaccio hat die Geschichte meisterhaft erzählt, aber es ist ihm, meine ich, doch nicht gelungen, Ghismondas Charakter einheitlich zu machen». По мнѣнію Ц., чувственная и хитрая Гисмонда подъ конецъ не походитъ на себя, когда не переноситъ смерти своего возлюбленнаго и уподобляется образцамъ вѣрной любви, каковы Юлія и Имогена. Это замѣчаніе, на нашъ взглядъ, не выдерживаетъ критики.

²⁾ Новелла о Ghismonda u Guiscardo (Giorn. IV, пов. 1) имѣется и въ старомъ южно-русскомъ переводѣ. См. ст. г. *Науменка*: «Новелла Боккаччо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII ст.» въ июньской кн. «Кіевской Старины» 1885 г.

ческую исторію любви, Guiscardo и Ghismond-ы, прекрасной дочери Салернского князя Танкреда. Въ основу этой повѣсти легло сказаніе въ родѣ тѣхъ которыя не разъ встрѣчаются въ рыцарской литературѣ,—о печальной развязкѣ тайной любви молодой дамы къ рыцарю доблестному, но стоящему ниже ея по общественному положенію. Въ новеллѣ Боккаччо любовь Гисмонды была открыта отцомъ ея; князь укоряетъ свою дочь за то, что она унизила себя, полюбивъ юношу самаго незнамнаго (*giovane di vilissima condizione*) изъ всѣхъ бывшихъ при дворѣ. Гисмонда съ благородною гордостью сознается въ своей любви и отстаиваетъ ее. Тогда Танкредъ рѣшается покончить эти отношенія, повелѣвъ убить юношу. Сердце послѣдняго князь посылаетъ своей дочери въ золотомъ кубкѣ. Гисмонда наливаетъ въ этотъ кубокъ растворъ яда, осушаетъ его, прижимаетъ сердце Гвискардо къ своей груди и умираетъ. Эту новеллу передалъ весьма изящно по-латыни Leonardo Bruni, сославшійся на примѣръ Петрарки, и вслѣдъ за Bruni, написавшимъ также новеллу собственнаго сочиненія, другіе перелagали въ прозу и стихи трогательную исторію любви Гисмонды и Гвискардо ¹⁾.

Не безъ вліянія, вѣроятно, этого образца ²⁾ знаменитый гуманистъ Эней Сильвій Пикколомини, ставшій подъ конецъ своей жизни папой съ именемъ Пія II, въ бытность свою императорскимъ секретаремъ, изложилъ въ Вѣнѣ въ 1444 г., по просьбѣ будто бы своего земляка Маріана изъ Сиены, исторію несчастной любви Эвріала и Лукреціи. Эта повѣсть надѣлала въ свое время много шума и заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться ³⁾.

Въ повѣсти Энея Сильвія передана печальная исторія страстной и несчастной любви „франка“ Эвріала, придворнаго императора Си-

¹⁾ См. *Cappelletti*, Studi sul Decamerone, Parma 1880, 183—189; эти страницы написаны по Manni, *Istoria del Decamerone*.

²⁾ Такъ думаетъ *G. Voigt* въ статьѣ: «Ueber die Lucretia-Fabel und ihre literarischen Verwandten» (въ *Berichte üb. die Verhandlungen der königl. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*, Philos.-hist. Classe, 1883, s. 26). *Gaspary*, II, 296, говоритъ: «sentimental und schlüpfrig, mit Briefen der Liebenden, vielen Reflexionen und Ausrufungen, mehr ähnlich der Weise der Fiammetta als des Decameron».

³⁾ Мы пользовались старопечатнымъ изданіемъ безъ означенія года и мѣста печатанія, носящимъ заглавіе: «Opuscula Eneae Silvij de duobus amantibus. Et de remedio amoris. cum epistola retractatoria eiusdem Pii secūdi ad quemdam Karolum». Вышло подъ руками у насъ и другое подобное изданіе, напечатанное лишь не столь крупнымъ шрифтомъ, со слѣдующимъ датомъ въ концѣ: «Impressa liptzk per Conradū kacheloffen».

гизмунда, и молодой, прелестной, знатной „этресской“ дамы, жительницы г. Сіэны, 20-лѣтней жены Менелая, Лукреціи. Эвріаль и Лукреція впервые увидѣли другъ друга при вѣздѣ императора въ Сіэну, и съ той поры въ ихъ душахъ зародилось чувство взаимнаго влеченія. Первый шагъ къ сближенію былъ сдѣланъ Лукреціею, которая подослала къ Эвріалу вѣрнаго, стараго слугу мужа, съ выраженіемъ своего чувства, насилу убѣдивъ Zosias принять на себя это порученіе. Между влюбленными началась послѣ того продолжительная переписка, усилившая пламень, которымъ горѣли ихъ сердца. Лукреція отказывалась сначала видѣться съ Эвріаломъ, а тотъ умолялъ ее о свиданіи. Наконецъ, они свидѣлись благодаря хитрости, измышленной Лукреціей и осуществленной при помощи все того же стараго Zosias. Одно изъ послѣдовавшихъ за первымъ свиданіемъ увѣнчалось полнымъ счастіемъ влюбленныхъ, но вскорѣ послѣ того Эвріаль долженъ былъ оставить Сіэну, сопутствуя императору. Любовь настолько овладѣла сердцемъ Лукреціи, что послѣдняя не могла перенести разлуки съ возлюбленнымъ, исчахла отъ тоски и умерла. Долго не могъ забыть своей милой и Эвріаль. Онъ носилъ въ своей душѣ ея образъ, горевалъ о ея смерти и утѣшился лишь тогда, когда императоръ сочеталъ его бракомъ съ „знатною, красивою, невиннѣйшею и благоразумною дѣвушкою“; истиннаго однако веселья онъ не зналъ уже никогда.

Все это было не вымыселъ, а дѣйствительно совершившееся событіе; полагаютъ, что Эвріаль не кто иной, какъ императорскій канцлеръ Каспаръ Шлихъ, письмо къ которому предпослано повѣсти ¹⁾. Авторъ, извѣдавшій опасности, въ которыя повергаетъ любовь ²⁾, сумѣлъ перенестись въ душу дѣйствующихъ лицъ своего повѣствованія и изложилъ исторію ихъ любви довольно живо и зани-

1) «...scripsique duorum amantum casus. nec finxi. Res acta senis est dum Sigismundus imperator illic degeret. tu etiam aderas. Et si verum his auribus audiui operam amori dedisti.... Nihil ibi amatorie gestus te insecium putant ideo historiam hanc ut legas precor. et an vera scripserim videas nec reminisci te pudeat si quod hujusmodi nonnunquam evenerit tibi». Въ письмѣ къ Маріану авторъ говоритъ: «nec fingam quando tanta est copia veri». За приѣздами удивительной и почти невѣроятной любви двухъ любовниковъ нечего обращаться къ древнимъ сказаніямъ: «nostri temporis ardentis facies exprobat. nec trojanos. nec babilonios. sed nostre urbis amores audies».

2) «Ego de me facio coniecturam quem amor in mille pericula misit. Sed alienos quam meos amores attingam. ne dum vetusti cineres ignis evoluo scintillam adhuc viventem reperiam»

мательно, въ чемъ выказалъ себя писателемъ не безъ дарованій. Онъ искусно изображаетъ всѣ перипетіи страсти (*furor*), охватывающей сердце молодой женщины, всѣ колебанія и муки жены, не имѣющей достаточно воли побороть въ себѣ увлеченіе. Она готова бросить для любимаго человѣка все, даже отечество ¹⁾. Но, при поэтическомъ дарованіи, въ авторѣ виденъ риторъ, воспитанный въ школѣ древняго краснорѣчія. Оттуда много красивыхъ фразъ и искусныхъ построеній въ описаніи красоты Лукреціи, въ сравненіяхъ, въ изложеніи чувствованій, которыя переживали влюбленные, ихъ рѣчей, въ ихъ перепискѣ ²⁾, въ описаніи ихъ горести. Оттуда же частыя ссылки какъ самаго автора, такъ и изображаемыхъ имъ влюбленныхъ на примѣры, заимствованные изъ древней саги, упоминанія о Еленѣ и Парисѣ, Андромакѣ, Троицѣ и Хризеидѣ, Протеизилѣ и Лаодоміи, Мемнонѣ, Цирцеѣ и Улиссѣ, Медеѣ и Язонѣ, Тезеѣ и Ариаднѣ, Филлидѣ, Сафо, Пирамѣ и Тисбѣ. Оттуда, наконецъ, нерѣдкіе цитаты и афоризмы изъ латинскихъ поэтовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ авторѣ замѣчаются усилія обратить увлекательно излагаемую имъ исторію въ поученіе, навязать повѣствованію моральный элементъ и тѣмъ какъ бы прикрыть оболъстительность повѣсти,—словомъ та самая тенденція, которую мы усмотрѣли и у Боккаччо. Эней Сильвій видимо раздѣлялъ весь пылъ любовниковъ, которыхъ изобразилъ, и готовъ былъ подобно имъ преклоняться предъ красотой ³⁾, но ему было стыдно сознаться въ томъ, и онъ надѣлъ маску моралиста. Въ обращеніи къ Маріану авторъ прямо заявляетъ, что ему не подобало бы въ его возрастѣ (ему было тогда уже почти сорокъ лѣтъ) писать о любви; если онъ рѣшился повѣствовать о ней, то—потому, что не желалъ отказать своему другу, которому былъ многимъ обязанъ, и надѣялся принести пользу читателямъ своего произведенія ⁴⁾. Онъ рассчиты-

1) «Scio quid est melius, quid deterius est sequor.... ego et matrem et virum et patriam relinquam.... Patria illic est ubi delectat vivere. At famam perdam. Quid mihi rumores hominum.... Multe hoc fecerunt». Должно, впрочемъ, сказать, что на дѣлѣ Лукреція не оказалась столь рѣшительной и не сразу вполне поддалась внушеніямъ страсти.

2) «Verba sunt tamen quibus rogas ut amore desistam. roga montes ut in planum veniant. atque fontes sua repetant flumina. tam possem ego tenon amore quam suum relinquere phebus cursum....»

3) Ср. выраженія: «non mortales sed deas quisque putavit» и т. п. съ восторгомъ, какой проявляетъ въ «Аминтѣ» Тассо, говоря о Феррарскихъ дамахъ.

4) «Comunitio quedam iuuenibus erit bis ut abstineant iugis. Audiant igitur adolescentule. et hoc edocte casu videant ne post amores iuuenum se eant perditum. Instruit hec istoria

валь достигнуть того, уснастивъ свое произведеніе моральными сентенціями въ родѣ слѣдующей: „*omnium regum respiciendus est finis*“. Вообще при всякомъ удобномъ случаѣ онъ пересыпалъ свое повѣствованіе афоризмами. Всѣ они клонятся къ основному выводу, который авторъ желалъ бы навязать читателямъ, именно къ внушенію, что женщина — существо неукротимое, невѣрное, легкомысленное, отдающее страстямъ ¹⁾, — которому нельзя вѣрить ²⁾: она обманетъ кого угодно ³⁾, обладая чрезвычайно изворотливостью въ случаѣ опасности, грозящей при ея любовныхъ продѣлкахъ. Мужчина гораздо разсудительнѣе ея ⁴⁾. Онъ долженъ бѣжать отъ любви, преодолевая ее при первомъ возникновеніи ея. Любовь — порожденіе праздности, ослѣпленіе, болѣзнь и безуміе ⁵⁾; подпавъ ей, человекъ можетъ уподобиться скотамъ ⁶⁾. Она приноситъ мало радости и много горя ⁷⁾.

iuvenes ne milicie se accingant amoris. que plus fellis habet quam mellis. Sed omissa lasciuia que homines reddit insanos virtutis incumbant studiis. que possessorem suum gloria beare potest. In amore autem quot lateant mala. si quis aliunde nescit hinc poterit scire». Ср. заключеніе повѣсти.

¹⁾ Возвратившись послѣ перваго свиданія съ Лукреціей, Эвріаль размышляетъ: «*Non sic me pater ammonuit dum me nullius femine fidem sequi debere docebat. Ille feminam dicebat animal esse indomitum. infidum. mutabile. crudele. mille passionibus [deditum....]*» Лукреція писала Эвріалу: «*facile est femellam decipere.... Ego ut feminarum est parum video. Tu vir es. te mei et tui curam habere oportet. do me iam tibi....*»

²⁾ «*Cum maxime nolle dicunt tunc maxime volunt*».

³⁾ «*Uide audaciam mulieris nunc et feminis credito. Nemo tam oculatus est ut falli non possit. Is dumtaxat non fuit illusus quem coniunx fallere non tentavit. Plus fortuna quam ingenio sumus felices*». Разсужденіе это вставлено послѣ разсказа о находчивости Лукреціи, благодаря которой любовникъ ея былъ спасенъ отъ неминуемой, казалось, опасности быть отгергнѣмъ и подвергнутъ позору. Такую же изворотливость проявила Лукреція и въ другой разъ.

⁴⁾ Эвріаль выказываетъ себя разсудительнымъ болѣе Лукреціи. Онъ не разъ выражалъ про себя намѣреніе отказаться отъ любви, повергавшей его въ опасность. Когда его возлюбленная узнала о предстоящемъ ему отъѣздѣ, который Эвріаль хотѣлъ скрыть, и желала послѣдовать за рыцаремъ, послѣдній постарался удержать ее доводами благоразумія, смыслаясь на то, что стануть говорить люди.

⁵⁾ «*Nihil aliud est nisi vis quedam magna mentis. blandusque animi calor* (буквально то же выраженіе встрѣчается и въ другомъ мѣстѣ). *inuenta gignitur luxu ocio et inter leta fortune bona nuritur ut Ouidius in primo de remedio amoris docet Ocia si tollas perere cupidinis arcus Hic mentem hominis eripit. iudicium omne peruertit. sensum ebetat. animum extinguit. hec in mente non habui. Quoniam qui mulierem diligit non in se sed in illa viuit. Quid igitur peius est quam viuentem non viuere. sensum habentem non sentire. quam oculis preditum non videre. equidem qui amat in alium mutatur virum. Nec loquitur qui facit que ante solebat*». и т. д.

⁶⁾ «*ita est ex amoris flamma sic mens hominis alienatur ut parum a bestiis differat*». Ср. выше подобный же взглядъ Воккаччо.

⁷⁾ «*Longi luctus. breues risus. parua gaudia. magni metus. Semper moritur et nunquam mortuus est qui amat....*».

Такихъ средневѣковыхъ монашескихъ возрѣній на женщину и любовь придерживался на словахъ гуманистъ, пытавшійся найти въ подобныхъ выходахъ защиту противъ обольстительности любви, но на дѣлѣ вполне извѣдавшій ея власть подобно любому челоуѣку древняго міра, не знавшему строгихъ предписаній христіанства.

Что всѣ моральныя внушенія, вставленныя въ повѣсть Энея Сильвія, въ существѣ не имѣли значенія и были безсильны, потому что не согласовались съ самымъ изложеніемъ и съ тѣмъ, что было въ сердцѣ автора, это видно изъ позднѣйшаго признанія послѣдняго. Ставъ папой, Сильвій счелъ обязанностью предостеречь противъ чтенія „*Opuscula de duobus amantibus*“, сознаваясь въ томъ, что въ этой книжкѣ есть не мало искусительнаго. Интересно, что онъ самъ призналъ двойственность этого произведенія своей молодости ¹⁾.

Такимъ образомъ, съ Сильвіемъ повторилось то же, что ранѣе произошло съ Боккаччо, который подъ конецъ своей жизни стыдился Декамерона. Взгляды на женщину и любовь, которыхъ будто бы придерживался тотъ и другой, не согласовались съ ихъ повѣствованіями, и въ молодости оба писателя сами же опровергали эти взгляды почти равносильными замѣчаніями: они готовы были признать любовь болѣзнью и безуміемъ и въ то же время говорили, что любовь всемогуща ²⁾, и заманчиво обрисовывали ее. Во что бы то ни

¹⁾ «Tractatum de amore olim sensu pariterque etate iuvenes cum nos scripsisse recolimus Karele fili dilectissime. penitentia immodica pudorque ac meror animum nostrum vehementer excruciant. quippe qui sciamus. quique protestati expresse fuimus *duo contineri in eo libello apertam videlicet. sed heu lasciviam nimis prurientemque amoris historiam.* et morale quod eam consequitur edificans dogma. Quorum *primum* fatuos atque errantes video *sectari quam plurimos. Alterum heu dolor pene nullos*».

²⁾ «Qui nunquam sentit amoris ignes aut lapis est aut bestia. Isse namque vel per deorum medullas non latet. igneum favillam.—«Quid est toto terrarum orbe amore communius» etc.—Сильвій приводитъ средневѣковые примѣры господства любви надъ всѣми; размышляя о томъ, какъ мало счастья даетъ любовь, Эвріаль говоритъ затѣмъ: «quid tandem in cassum miser amori repugno Num me licebit quod iulium licuit. quod alexandrum quod hanibalem. viros armatos refero Aspice poetas. virgilius per funem tractus ad mediam turrinam pendit. dum se muliercule sperat usurum amplexibus Excuset quis poetam vt laxioris vite cultorem. Quid de philosophis dicemus disciplinarum magistris. et artis bene viuendi preceptoribus Aristotelem tanquam equum mulier ascendit. freno coercuit. et calcaribus pupugit». Касательно этихъ средневѣковыхъ легендъ о томъ, какъ Вергілій и Аристотель обратились-было въ посѣщенище чрезъ женщину, въ которую влюбился, см. у Comparetti, Virgilio nel medio evo, II, 105 и слѣд., 155. Книги Hertz-a: «Aristoteles in den Alexanderdichtungen des Mittelalters», Münch. 1890 (оттискъ изъ Abhandlungen d. königl. bayer. Akademie der Wissenschaften, I Cl., XIX Bd.) мы не видѣли. Далѣе у Энея Сильвія читаемъ: «Naturalis est hec passio. Sentit ignes genus aligerum. Nam nigra viridi

стало бѣгите отъ любви, взывали они въ болѣе поздніе годы. Пій II написалъ даже эпистолю „de remedio amoris“ и другую „epistola reuocatoria“, которыя печатались при исторіи Эвріала и Лукреціи. Въ первой изъ этихъ эпистолъ онъ повторилъ, между проч., тѣ риторическія тирады противъ любви и женщинъ, какія вошли въ „Opuscula“, и прибавилъ новыя въ томъ же родѣ, но болѣе безцеремонныя и рѣзкія ¹⁾).

Само собою разумѣется, что читатели мало обращали вниманія на эту не могшую убѣдить ихъ мораль. Противорѣчіе между нею и противоположными ей влеченіями человѣческой природы устранялось лишь внѣшнимъ образомъ и не было надлежаще улажено ни у Боккаччо, ни у Энея Сильвія, которые не указали выхода въ дѣйствительномъ нравственномъ подъемѣ. То увлеченіе, которое было осуждаемо моралью, оставалось въ такомъ привлекательномъ освѣщеніи, что читатель лишь вскользь пробѣгалъ моральныя предостереженія.

„Opuscula de duobus amantibus“ не осталась безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе новеллы. Но для насъ интересна здѣсь бытовая

turtur amatur aue Et varijs albe iunguntur sepe columbe Si verborum memini quod ad phaonem siclum scribit Sapho. quid quadrupedes referam. Mouet pro coniugio bella iumentum» и т. д. Такого рода доводы были въ большемъ ходу въ періодъ Возрожденія; ср. приведенныя нами выдержки изъ Ger. lib., XVI и изъ «Aminta». Закончилъ Эвріаль свои рассужденія такъ: «Nihil immune est nil amori negatum Odium parit cum iussit amor Juuenum feroces concitat flammās. sensibusque fessis rursus extinctos reuocat calores. Virginum iugemito ferit igne pectus. quid ergo nature legibus renitar. *Omnia vincit amor et nos cedamus amori*». Последнее изреченіе стало какъ-бы девизомъ поэзіи Возрожденія. Мы извлекли это мѣсто изъ повѣсти Энея Сильвія потому, что оно хорошо выражаетъ натурализмъ теоріи любви времени Возрожденія. Приведемъ еще подобныя выраженія: «Commune malum libido est»; «rerum amor domitor omnium». «Tu scis mortale genus quam in amorem sit pronum. seu virtutis sit seu vicij latepatet ista calamitas. nec cor est si modo carneum est quod amoris non aliquando sentiat stimulos. Scis quia nec sapientissimum salomonem nec sampsonem fortissimum illa passio dimisit impunem».

1) «Nempe egrotus est mi ypolite omnis qui amat ac ne dum egrotus. sed mente etiam captus atque insanus et amens». Любовь къ Богу, родителей, женѣ и дѣтямъ не подводится подъ эту категорію.—«Res est forma fugax. ut inquit tragedus. Mulier que hodie formosa est. cras deformis erit... nihil forma mulieris est. nisi moribus sit adiuta.—Rosa manea rubea. sero languescit (ср. приведенную выдержку изъ Тассо о розѣ).—Quid est oro mulier nisi iuuentutis expilatrix. virorum garina. senum mors. patrimonij deuoratrix. honoris perniciēs. rabulum dyaboli. ianua mortis. inferni supplementum». Папа указываетъ затѣмъ на примѣры Соломона, Олоферна, Сампсона, увлеченныхъ женщиною. «Mulier est animal imperfectum. varium. fallax» и т. д. Авторъ, впрочемъ, оговаривается въ этомъ мѣстѣ, что слова его относятся къ женщинамъ, que turpes admittunt amores.

основа этого повѣствованія и выясняемыя имъ черты семейной жизни въ Итали XV в. Повѣсть Энея Сильвія освѣщаетъ еще ярче, чѣмъ новеллы Боккаччо (напр., новелла о Гисмондѣ), ненормальности этой жизни, проистекавшія изъ неограниченнаго распоряженія родителей рукою дочерей. Браки, какъ и въ средніе вѣка, заключались нерѣдко безъ взаимной симпатіи, по крайней мѣрѣ безъ симпатіи со стороны невѣсты ¹⁾, иногда даже безъ предварительнаго личнаго знакомства ея съ женихомъ. Между тѣмъ въ теоріи, которую постоянно повторяла повѣя начиная съ рыцарскаго времени, любовь была высоко вознесена и прославлена, и рыцарскіе романы увлекательно говорили о пылкомъ обожаніи, не стѣсняемомъ узами брака. Традиціонная мораль, которая могла поддерживать авторитетъ брака, пала въ эпоху Возрожденія при крайней распущенности нравовъ, въ которой мужчины были повинны еще болѣе, чѣмъ женщины ²⁾. Любовь обуславливалась по античному преимущественно увлеченіемъ внѣшнею красотой ³⁾. Всѣмъ этимъ объясняются постоянныя нарушенія святости брака и со стороны женъ. Мужья пытались оградить себя отъ измѣны женъ, устраивая крѣпчайшій надзоръ за послѣдними, но это мало пособляло ⁴⁾, потому что, какъ говорится въ разсматриваемой повѣсти, трудно избѣжать обмана со стороны жены, если нѣтъ вѣрности въ ея сердцѣ.

1) Лукреція говоритъ Эвріалу: «pre te nemo lucesie potens erit. Nec maritus quidem. si rite maritum appello quod mihi iniuste datus est et in quem animus nunquam concessit tunc». Другія новеллы свидѣтельствуютъ о томъ, что браки могли заключаться безъ предварительнаго знакомства жениха съ невѣстою.

2) Уже въ концѣ XIV в. читатели классической древности обвиняли въ томъ, что они, «пренебрегая святостью брака, живутъ беспорядочно, не заботясь о томъ, что такое отеческии гордость, какая благодать—дѣти». Веселовскій, Вялла Альберти, 214 и примѣч. 296 на стр. 350. Въ XV в. распущенность нравовъ усилилась. Въ частности о Сіенѣ, въ которой происходитъ дѣйствіе разсматриваемой повѣсти, см. въ послѣдней слова: «Civitas veneris est aiunt». Лукреція говоритъ своему мужу: «Semper dum abes timeo tibi. Tum nequam ardeas formido. ut sunt infidi uxoris suis viri. quo metu si vis me solvere. nunquam foris dormias». Замѣтимъ, что и въ одномъ изъ діалоговъ Понтано путешествовавшій по Итали упоминаетъ о видѣннѣмъ имъ въ Сіенѣ влюбившихъ старикахъ.

3) По замѣчанію Gebhart-a, Les origines de la Renaissance, p. 122, итальянцы приближались къ древности не столько подражаніемъ формамъ мысли и искусства, сколько возвратомъ къ чувствованіямъ и страстямъ античнаго міра.—Въ «Oriscula» дважды рѣзко выступаетъ восхищеніе Эвріала чисто внѣшнею красотой Лукреціи. Отмѣтимъ въ особенности мѣсто, начинающееся словами: «Quum sic inuicem fantur in thalamum pergunt».

4) Лукреція «nec sola unquam egrediebatur. nec unquam custode carebat. nec tam diligenter bouem iunonis custodiuit argus quam menelaus iusserat obseruari lucesiam. vicium hoc

Итакъ, въ періодъ Возрожденія въ Италіи одновременно съ возвышенными понятіями о любви, которыя были укореняемы идеалистическою поэзіею Петрарки и его послѣдователей и модною рыцарскою моралью, продолжали существовать и были повторяемы старый недовѣрчивый взглядъ на женщину, унижавшій ее и могшій отнимать у нея самой вѣру въ ея нравственную крѣпость; продолжали существовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ жизни и тѣ условія, которыя вызывали ненормальные явленія, обольстительно разрисованныя въ рыцарскихъ романахъ, и порождали цѣлый рядъ печальныхъ катастрофъ, поэтически описанныхъ въ біографіи Вильгельма Кабестана и под., въ новеллѣ о Guiscardo, въ легендѣ о баронессѣ di Carini ¹⁾, въ эпизодѣ „Ада“ о Франческѣ и въ сей часъ разсмотрѣнной новеллѣ Энея Сильвіа. Въ Италіи XV в. при Феррарскомъ герцогскомъ дворѣ повторилось (26 мая 1425 г.) событіе, разыгравшееся нѣкогда въ домѣ Малатесты, и это новое происшествіе надѣлало столь же много шума, какъ и прежнее. Современники тотчасъ же сопоставили участь герцогини Паризины и ея возлюбленнаго—ея пасынка, которымъ герцогъ велѣлъ отсѣчь голову, съ участіемъ любовниковъ Rimini, которыхъ обезсмертилъ Данте ²⁾. Замѣчательно, что Паризина увлеклась французскимъ романомъ, родственнымъ тому, который прельстилъ Франческу, и велѣла сдѣлать великолѣпный переплетъ для романа о Тристанѣ ³⁾.

Amor condusse loro a una morte... ⁴⁾.

apud ytalos late patet. feminam suam quasi thesaurum quisquis recludit. meo iudicio minus vtiliter Sunt enim fere eius modi mulieres omnes. vt id potissimum cupiant quod maxime denegatur. que ubi velis nolunt. vbi nolis cupiunt vltro.... nisi valde casta sit mulier frustra maritus nititur apponere seruantes eam. sed quis custodiet ipsos custodes. Cauta est et ab illis incipit vxor. indomitum animal est mulier. nullisque frenis retinendum». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «animam cognoscebat mulieris instabilem. cuius tot sunt voluntates quot in arboribus folia Sexus enim femineus nouitatis est audius. raroque virum amat cuius copiam habet. Sequebatur ergo viam maritorum peruulgatam. quorum opinio est infortunium bonis excludi fortunis. Erepta est huic conueniendi facultas. nec mittendis litteris permissa libertas est».

¹⁾ La Baronessa di Carini. Leggenda storica popolare del sec. XVI in poesia siciliana. Con discorso e note di S. Salomone-Marino. Sec. ed., Palermo 1878. Въ этой поэмѣ говорится объ убійствѣ баронессъ Карини 18-ти-лѣтней дочери за любовь къ молодому барону Vincenzo Vernagallo.

²⁾ См. ст. *Novati*: «I codici francesi dei Gonzaga secondo nuovi documenti» въ *Romania* XIX (1890), p. 198.

³⁾ Giorn. stor. d. lett. it., XIV, 26.

⁴⁾ Участь Паризины составила сюжетъ драмы Лопе де Веги: «El Castigo sin Venganza» («Наказаніе безъ мщенія»; имѣется русскій переводъ Юрьева) и поэмы Байрона «Паризина» а также оперы Романи (музыка Доницетти) того же названія.

Если новелла Сильвіа, вылившаяся изъ вдохновенія, много походившаго на то, которое породило романы о Тристанѣ и Ланселотѣ, очень нравилась читателямъ, то должны были по прежнему нравиться и рыцарскіе романы, весьма поэтично изукрашившіе преступныя любовныя отношенія и заключавшіе инстинктивный протестъ противъ искаженія идеи брака насильственнымъ союзомъ. Должны были нравиться старые французскіе романы также потому, что вѣкъ рыцарства еще не миновалъ, и оно продолжало пользоваться почетомъ, хотя въ Италіи званіе рыцаря являлось нерѣдко прикрасою, которой добивались безъ серьезныхъ помысловъ вполне уподобляться рыцарямъ остальнаго Запада. Даже въ республиканской Флоренціи происходили возведенія въ рыцарское званіе, и это званіе было постоянно приманкою для разбогатѣвшихъ обывателей („*porolani*“¹⁾). Во всѣхъ областяхъ Италіи были, далѣе, рыцари, возведенные императоромъ и гордившіеся своимъ титуломъ. Блескъ нѣсколькихъ турнировъ XV в. вызвалъ даже поэтическія описанія этихъ увеселеній²⁾. Наконецъ, у горожанъ Италіи было во внѣшности много общаго съ рыцарскимъ обществомъ, прославленнымъ въ романахъ. Упомянемъ, напр., о любви ихъ къ пышности³⁾ и о проникновеніи французской моды въ Италію⁴⁾.

Понятно, что литература на латинскомъ языкѣ, выражавшая преимущественно гуманистическое направленіе, не могла вполне

¹⁾ Коснувшись вопроса о благородствѣ, Боккаччо устами мужа дамы, изображенной въ *Il Corbaccio*, говорить о разжирѣвшихъ горожанахъ, которые стали знатными благодаря богатству и недавнему возведенію въ рыцари. Они, сдѣлавшись «*ricchi e dalle ricchezza insuperbiti, ardirono di far quello che già i nobili soleano fare, cioè di prender cavalleria*». Въ «*Laberinto d'Amore*» сообщено немало интересныхъ подробностей объ этихъ «*cavalieri*». Напр., на стр. 79 читаемъ: «*Et stimano i bestiali, de' quali ella e maggiore bestia che il Leofante, che' ne vestimenti federati di vaio, e nella spada, e negli sproni dorati, le quali cose ogni piccolo artefice, ogni vero lavoratore leggermente potrebbe avere, e un pezzo di panno e uno scudicciuolo da fare alla sua fine nella chiesa appicare, consista la cavalleria*»; эти люди такъ далеки отъ истиннаго рыцарства, какъ дьяволъ отъ креста. Въ чтеніяхъ о Данте Боккаччо упоминаетъ о «*molti plebei, i quali per apparire d'essere quel che non sono, si sforzano d'esser ponderosi ne'passi e gravi nel parlare e nell' adoperare di sentimento sublime: dove nell'effetto di niuno valore sono*». О возведеніяхъ въ рыцарское званіе въ Италіи см. замѣчанія въ статьѣ *Symonds-a: «Folgore da San Geminiano»* въ *The Fortnightly Review* 1881, March 1, p. 360—362.

²⁾ Burckhardt, II, 68 и примѣч. на стр. 94.

³⁾ Во Флоренціи была назначена даже коммиссія для выработки законовъ съ цѣлью ограниченія разорительной роскоши женскихъ нарядовъ.

⁴⁾ Виллани сообщаетъ о «*sformata mutazion d'abito*», которую французы внесли во Флоренцію въ правленіе герцога Аенискаго.

удовлетворить общество, въ котомъ были чтимы преданія средне-вѣковаго рыцарства. Потому совмѣстно съ повзвѣю на латинскомъ языкѣ или латинствовавшей продолжала существовать старая рыцарская эпика. Бретонскіе романы,—конечно не тѣ, которые повѣствовались о св. Граалѣ и его рыцаряхъ, а чисто свѣтскіе—о Ланселотѣ, Гаванѣ, Тристанѣ—должны были находить усердныхъ читателей въ средѣ, любившей даже имена, заимствованныя изъ романовъ¹⁾. Въ теченіе XIV, XV и XVI²⁾ вв. въ Италіи продолжали читать въ подлинникѣ романы, въ которыхъ достигла замѣчательной выработки французская проза, восхищавшая итальянцевъ въ вѣкъ Брунетто Латини и Данте³⁾. Недавно найдены весьма интересные данныя о пристрастіи къ французскимъ романамъ въ Италіи XV в. Въ Миланѣ Filippò Maria Visconti короталъ долгіе часы бодрствованія и уединенія, между прочимъ, слушаніемъ французскихъ романовъ⁴⁾. О герцогинѣ Феррарской Паризинѣ мы уже говорили. Galasso въ Корреджіо, увлекавшійся въ молодости французскими романами Артурова цикла, подъ старость составляетъ исторію Британіи по даннымъ, казавшимся ему достойными вѣры, и посвящаетъ этотъ трудъ своему исконному и гордому врагу Filippò Maria Visconti⁵⁾.

1) Распространеніе именъ и прозвищъ, заимствованныхъ у рыцарей и дамъ Артуровскихъ романовъ, свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ послѣднихъ въ Италіи. Въ упомянутыхъ ранѣе статьяхъ Райны приведены такіа имена XII—XIII вв. Объ употребленіи этихъ именъ въ позднѣйшее время см. въ ст. Graf-a, l. c., 129—130. Количество данныхъ, сообщенныхъ въ этихъ статьяхъ, могло бы быть увеличено. Такъ, въ XIV в. извѣстенъ Carlo d'Artuso, графъ Monteodorisio.

2) См., напр., инвентарь 1542 г. французскимъ книгамъ, которыя принадлежали Федерико Гонзагъ: ст. Novati въ Romania XIX, 196.

3) G. Paris, La littérat. française au moyen âge, Par. 1888, § 64, p. 103.

4) Delectatus est et Gallorum libris mira vanitate referentibus illustrium vitas, говоритъ его біографъ. Цит. у Novati, Rom. XIX, 192.

5) Посвященіе, предшествующее этому произведенію графа di Correggio, приведено въ той же статьѣ Novati (p. 193—194), который называетъ его «prova, se altra mai eloquentissima della voga che conservavano sempre nella società elegante del tempo quelle che Dante chiamava Arturi regis ambages pulcherrimae». Графъ сообщаетъ, что въ юности, отклоняясь въ сторону отъ изученія bonarum artium bene beateque vivendi, онъ въ особенности увлекался французскими фабулами о королѣ Артурѣ. Достигши зрѣлаго возраста, онъ много разъ удивлялся своему прежнему пристрастію, отнявшему у него много времени; itaque, продолжаетъ онъ, non oblitus iam ad bonos mores non esse tardam ab illo penitus discessi studio. Послѣ того ему пришлось взяться за оружіе. Напослѣдокъ, вновь обратившись къ занятіямъ, онъ натолкнулся на книги, излагавшія англійскую исторію отъ начала ея до Артура, авторы которыхъ—Gergasius

Въ вѣкъ гуманизма старыя рыцарскіе романы не утратили, такимъ образомъ, своей привлекательности для знатнаго общества Италіи, и оно, какъ въ вѣкъ Данте, обращалось къ французскимъ подлинникамъ увлекавшихъ его романовъ, къ массивнымъ волюмамъ, которыхъ было не мало въ бібліотекахъ богатыхъ владѣтельныхъ родовъ. Этими романами зачитывались, по словамъ графа Корреджіо, „и князья, и знать, и придворные въ силу ли того, что не имѣли надлежащаго литературнаго образованія, или же для суетнаго увеселенія себя фэбулами о королѣ Артурѣ, странствующихъ рыцаряхъ Круглаго Стола и дамахъ“. А между тѣмъ, по мнѣнію графа, ставшаго подъ конецъ своей жизни строгимъ судьей, „эти фэбулы возбуждаютъ скорѣе похоть и сладострастіе, чѣмъ добродѣтель“. Вообще графъ Корреджіо въ предисловіи къ составленной имъ исторіи Британіи противопоставляетъ чтеніе бретонскихъ романовъ добрымъ нравамъ. Характерно, во всякомъ случаѣ, что въ увлеченіи Артуровой сагой сошлись и на почвѣ ея примирились и скрѣпили дружбу люди, бывшіе прежде врагами.

Вмѣстѣ съ оригинальными текстами романовъ Круглаго Стола въ Италіи съ XIV в. начали обращаться переводы ихъ на мѣстномъ языкѣ.

Изъ героевъ и дамъ, выступавшихъ въ этихъ романахъ, вниманіе итальянскихъ переводчиковъ привлекли Тристанъ и Изольда ¹⁾, Ланселотъ, Мерлинъ, Meliadus de Leonnoys, Guiron le Courtois ²⁾, Phebus ³⁾.

Gualfredus Arturus et Gualterius. Помня, сколько времени потерялъ онъ прежде на чтеніе inanes fabularum pugae, и желая знать, что скажутъ ему объ Артурѣ достовѣрные историки, графъ весьма часто перечитывалъ ихъ и нашелъ у нихъ почти во всемъ несогласіе съ французскими фэбулами, согласіе же въ весьма немногомъ. Зная любовь Висконти и многихъ другихъ къ французскимъ баснямъ и желая обратить ихъ къ занятіямъ болѣе полезнымъ, графъ Корреджіо извѣлъ то, что показалося ему наиболѣе вѣроятнымъ у названныхъ историковъ.

¹⁾ Мы видѣли, что Тристанъ ранѣе другихъ рыцарей Круглаго Стола упоминается въ литературныхъ произведеніяхъ Италіи. Ср. съ цит. выше указаніемъ Graf-a то же свѣдѣніе въ ст. *Sudre-a*: «Les allusions à la legende de Tristan dans la littérature du moyen age», Romania XV, 537.

²⁾ Объ итальянскихъ переводахъ этого романа см. на стр. 108 настоящаго труда.

³⁾ Относительно поэмы *съ октавами Febusso*, написанной до 1380 г., см. у Hortis 118 п. 1. См. еще въ ст. Novati въ Romania XIX, 186—188; Zambrini, 403—404. Въ *Laber. d'Amore*, p. 103, читаемъ о драчливости женщинъ: «La qual cosa ella di leggièr farebbe, si come colei, alla quale pare di gagliardezza auanzare Galeotto di lontane isole, o Febusso».

Во второй половинѣ XIII в. Рустичіанъ Пизанскій составилъ сводъ сказаній о Кругломъ Столѣ на французскомъ языкѣ. Его трудъ былъ извѣстенъ и въ Италиі, въ литературѣ которой также имѣется сводная исторія рыцарей Круглаго Стола; въ ряду ихъ первое мѣсто получили—что весьма характерно—„*missere Tristano e missere Lancilotte*“. Въ этой „*El libro delle storie della Tavola Rotonda, e di messere Lancilotto e di molti altri cavalieri*“ говорится о „*belle avventure e di grandi cavallarie e di nobili torneamenti*“, которые произошли во дни *Tavola vecchia*, и о другихъ „*cavallarie*“, которые совершились во время короля Артура и рыцарей *Tavola nuova*; въ заключеніе сообщалось „*della distruzione della Tavola, la quale intraviene per la 'impresa dell'alta inchiesta del Sangradale*“¹⁾. Различаютъ двѣ редакціи этой *Tavola Rotonda* въ прозѣ.

Тщательное сличеніе итальянскихъ переводовъ съ французскими первоисточниками несмотря на всю скудость отклоненій, допущенныхъ въ первыхъ, привело бы, вѣроятно, къ нѣкоторымъ любопытнымъ соображеніямъ, но мы не могли взять на себя этотъ трудъ, такъ какъ не имѣли необходимыхъ для того данныхъ; сверхъ того многіе матеріалы, которые могли бы пролить свѣтъ на исторію переводовъ бретонскихъ романовъ на итальянскій языкъ, покоятся еще въ рукописяхъ. На необходимость изданія ихъ указывалъ Рапizzi уже въ 30-хъ годахъ, но съ той поры издано сравнительно немного текстовъ, относящихся къ исторіи бретонскаго цикла въ Италиі, да и отношеніе изданныхъ памятниковъ къ первоисточникамъ выяснено не вполне²⁾. Потому намъ остается лишь положиться на увѣренія ученыхъ въ томъ, что итальянскіе переводчики—по большей части анонимные—не задавались оригинальною переработкою³⁾ и даже переводили

1) Авторъ *Tavola Rotonda* любитъ хвастнуть своею ученостью, ссылаясь на *maestri delle storie*.—Можно сказать съ увѣренностью, что Данте ознакомился со сказаніями о Кругломъ Столѣ не по этой *Tavola*: въ ней отсутствуютъ тѣ эпизоды, на которые намекаетъ Данте. Последний могъ читать французскій текстъ подъ заглавіемъ *Lancelot et Galehaut*.

2) Такъ, попытку Polidori установить источникъ *Tavola Rotonda De Gubernatis, Storia del romanzo*, Mil. 1888, p. 140, признаеть неудачною. Равнымъ образомъ, не могли указать источника *Tavola G. Paris, Romania XV, 496*, и А. Н. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, Спб. 1888, стр. 135. О рукописяхъ текста *Tavola Rotonda* см. въ той же монографіи Веселовскаго стр. 134—135.

3) Французъ Mangin (XVI в.), авторъ «*Le premier livre du nouveau Tristan*», прямо обвинялъ итальянцевъ въ томъ, что они веруютъ и рядятся въ ризаже французовъ.

безъ особой тщательности, довольно свободно; они допускали кое-гдѣ отступленія, но не проявляли значительной самостоятельности въ общемъ; словомъ, въ дѣятельности ихъ преобладала компилятивность, яркій примѣръ которой представляютъ труды Рустиціана Пизанскаго и составителя „Tavola Rotonda“.

Уцѣлѣли немногіе изъ болѣе старыхъ переводовъ романовъ бретонскаго цикла на итальянскій языкъ. Нѣкоторые изъ нихъ появились въ XV в. въ печати и еще въ большемъ количествѣ были изданы въ XVI в. Они послужили въ свою очередь къ распространенію Артуровой саги въ другихъ странахъ, именно въ Испаніи ¹⁾ и земляхъ юго-славянскихъ ²⁾. Какъ показываютъ особенности языка ³⁾ и мѣсто печатанія, а также свѣдѣнія о переводчикахъ ⁴⁾, переводами романовъ Круглаго Стола интересовалась преимущественно сѣверная Италия.

Въ сѣверной же Италиі были въ ходу романы въ прозѣ на мѣстныхъ діалектахъ ⁵⁾.

Мы говорили, что вообще переводы бретонскихъ романовъ на итальянскій языкъ не отличались достоинствами, чѣмъ отчасти и объ-

¹⁾ *Libros de caballerias*. Con un discurso preliminar y un catalogo razonado por don Pascual de Gayangos, Madr. 1884, X (ср. Grässe, 198), XVI; произведенія позднѣйшей итальянской рыцарской эпикки также были переведены на испанскій языкъ; см. ib., LXIII и слѣд.

²⁾ Вѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Бовѣ, напечатанныя акад. Веселовскимъ (Изъ ист. пов. и романа, вып. II), переведены съ сербскихъ переводовъ (въ началѣ Тристана прямо говорится: «Починають са повесть w витевехъ *скиниъ сербскихъ*»), а послѣдніе, по догадкѣ Веселовскаго, сдѣланы съ итальянскихъ текстовъ. Итальянскій оригиналъ сербскихъ переводовъ романа о Тристанѣ отличался отъ текста, изданнаго Polidori (Веселовскій, 135—136); переводчикъ могъ пользоваться двумя изводами итальянскаго романа (ib. 224). Ср. стр. 388—389 статьи *Brückner*-а: «Ein weissrussisch Codex miscellaneus der Gräfllich-Raschup'skischen Bibliothek in Posen» въ *Archiv für slavische Philologie*, IX (1886); въ этой статьѣ сообщены подробныя свѣдѣнія о рукописи, въ которой сохранился переводъ.

³⁾ Fontanini-Zeno, *Bibl.* II, cap. VII.

⁴⁾ См. выше о переводчикѣ романа о Мерлинѣ [ср. объ этомъ переводчикѣ у Grässe, D. gross. Sagenkreise, 198: «Aus dem Französischen übertrag den Roman ein gewisser Antonio Tedeschi aus Wenedig, während er zu Florenz wegen Schulden im Gefängnisse sass»].—Фосса (по одному—Евангелиста, по другимъ—Matteo + 1516) написалъ свою плохую поэму о Гальванѣ по желанію одного Венеціанца.

⁵⁾ Таковъ, напр., *Tristano* Вѣнской придворной бібліотеки на старо-Венеціанскомъ нарѣчій. Нѣсколько отрывковъ изъ него приведено въ приложеніи къ статьѣ *Mussafia*: «Ueber eine altfranzösische Handschrift d. k. Universitätsbibliothek zu Pavia» (*Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe d. kaiserl. Akad. d. Wissenschaften*, LXIV Bd., III. Heft, Wien 1870, S. 611, 616—618). Ср. *Rajna*, Due frammenti di romanzi cavallereschi въ *Rivista di Filologia Romanza*, I, 163—178; Веселовскій, I. с., 135.

ясняется то обстоятельство, что до конца XV в. они не въ состояніи были вытѣснить французскіе романы изъ высшаго круга общества. Точно также признаются плохими и попытки оригинальныхъ обработокъ фабулъ бретонскаго цикла, какова, напр., поэма „La Bataglia de Tristano e Lancelotto e della Reina Isotta“ (второй половины XV в.; напеч. въ 1492 и 1543 гг.), одинъ изъ самыхъ неудачныхъ продуктовъ вырождавшейся рыцарской эрики, состоящей изъ спайки общихъ мѣстъ Каролингскаго эпоса и романовъ Круглаго Стола ¹⁾).

Такого рода произведенія принадлежали къ той рыцарской литературѣ, которая предназначалась для народа. Послѣдній, повидимому, интересовался героями Круглаго Стола подобно знати. Мы видѣли, что, по свидѣтельству Саккетти, уже въ началѣ XIV в. въ Италіи пѣсни о Тристанѣ и Ланселотѣ были въ ходу у ремесленниковъ. По всей вѣроятности, онѣ проникали въ народъ при посредствѣ такъ наз. *cantari* или *cantari di piazza*, которыя вначалѣ могли быть настоящими пѣснями ²⁾, могли произноситься на распѣвъ, какъ теперь еще произносятся эпизоды изъ народныхъ книгъ. Носителями этихъ *cantari* были *cantastorie* (*cantambanchi*, *cantafavole*, въ латинской терминологіи *cantatores*),—пѣвцы, которые уже не бродили постоянно по свѣту, какъ ихъ предшественники, а имѣли осѣдлость и, посѣщая по временамъ то или иное празднество, ту или иную ярмарку, возвращались къ своему очагу. Сохранился весьма интересный памятникъ, представляющій такого Тосканскаго *cantastorie* перечисляющимъ передъ публикой извѣстныя ему пѣсни, дабы слушатели могли

¹⁾ *Rajna*, I *cantari* di Carduino etc., XLI—XLIV.

²⁾ *Rajna*, Il *Cantare dei Cantari* e il *Serventese del Maestro di tutte l'Arti* въ *Zeitschrift für romanische Philologie*, II, 253—254, на основаніи «Il *Cantare dei Cantari*» составилъ такое заключеніе объ изложеніи *cantari*: «la recitazione dei *cantambanchi* fosse per solito regolata dietro una melodia, che i valenti si studiavano di variare per ogni composizione, e che cercavano accomodata all'indole del soggetto». Въ частности для *cantari* бретонскаго цикла слѣдуетъ предположить тройкій способъ изложенія согласно тому, что въ заключительной строфѣ (47) объ этомъ циклѣ пѣвецъ говоритъ:

Un conto sol di costor mi dispiace
Di leggere, o di dire, o di cantarło,
El quale ancora so ch'a voi non piace:
La tavola distruger di cu'parlo.

Преобладало пѣсенное изложеніе. Ср. въ ст. 40: E se volete, dirò...; въ ст. 42: Del re Artù *parlar* cio che si *scrisse*; въ ст. 43: Vi canterò...; въ ст. 44: Di Tristan canterò...; въ ст. 46: cominciò... a cantare и т. п.

выбрать любую изъ нихъ. Репертуаръ этого пѣвца весьма обширенъ и наводитъ на важныя заключенія. Оказывается, что на ряду съ священной и церковною исторіею, древнею и національно-итальянскою исторіею и Каролингскою сагою матеріалъ для *cantari* ¹⁾, или пѣсень, доставляли также сказанія о Кругломъ Столѣ, древнемъ и новомъ (*Tavola Rotonda, Vecchia e Nuova*). Въ числѣ пѣсень о герояхъ Круглаго Стола наиболѣе популярными были, повидимому, *cantari* о Ланселотѣ и Тристанѣ, потому что эти пѣсни названы первыми въ ряду относящихся къ бретонскому циклу. „*Bel trattato*“ о томъ и другомъ витязѣ пѣвецъ приписалъ для какого-нибудь влюбленнаго

Giovane o vecchio, o cavaliere strano.

Перешедши къ *tavola vecchia*, пѣвецъ говоритъ, что имѣется 400 *cantari* о ней ²⁾. Райна и вслѣдъ за нимъ Графъ выразили сомнѣніе въ вѣрности этой цифры и заподозрили пѣвца въ умысленномъ преувеличеніи. По мнѣнію Райны, кое-что изъ перечисленнаго пѣвцомъ могло быть извѣстно ему лишь въ прозаическомъ изложеніи. Если примемъ во вниманіе, что поэма *Febusso e Breusso* состоитъ изъ шести *cantari*, поэма о Ланселотѣ изъ семи, поэма о *Carduino* изъ трехъ, и вообще количество *cantari* въ отдѣльныхъ поэмахъ могло быть иногда довольно значительно, а поэмъ было также немало, и были возможны пересказы, то должны будемъ признать, что хотя въ количествѣ *cantari*, приведенномъ у пѣвца, было допущено преувеличеніе, но врядъ ли чрезмѣрное. Во всякомъ случаѣ, на основаніи II *Cantare dei Cantari* мы вправѣ предположить, что въ концѣ XIV в. или въ началѣ XV ³⁾ въ Тосканѣ существовало довольно значительное количество обработокъ отдѣльныхъ эпизодовъ бретонскихъ романовъ. Эти обработки отправлялись либо отъ личнаго знакомства пѣвца съ французскими источниками ⁴⁾, либо отъ прозаи-

¹⁾ Терминъ *cantare* нерѣдко встрѣчается въ рассматриваемомъ памятникѣ; рѣже—*storia, favola, novella*; «*le storie*» названы и фабулы о рыцаряхъ Круглаго Стола (ст. 45, 46).

²⁾ *Quatro cento cantar mette ordinati Della tavola vecchia la scrittura* (st. 41). Не слѣдуетъ ли разумѣть здѣсь главы сводной исторіи?

³⁾ Рассматриваемый памятникъ составленъ до половины XV в.—можетъ быть, около 1380 г.

⁴⁾ Вспомнимъ, что и французскіе изводы сагъ Каролингскаго цикла обращались въ Италию до конца XV в. Пѣвецъ рассматриваемаго *Cantare* говорить о себѣ:

O volete in francese, o in taliano.

Райна видитъ въ этомъ предложеніи лишь хвастовство (с. 251).

ческихъ переводовъ и вообще отъ книгъ ¹⁾). Конечно, онѣ не занимали первенствующаго положенія въ ряду поэмъ, которыми пѣвцы развлекали народъ ²⁾, но важно, что и онѣ имѣли мѣсто въ обширной литературѣ di piazza. Хотя онѣ предназначались преимущественно для людей рыцарскаго круга и настроенія, но и народъ внималъ разсказамъ о Tavola и „cavalieri erranti“;—о „miglior cavalier,

Che fusser mai, e ogni lor ventura;
 Quante fontane e pini, e quanti prati;
 Vaghe donzelle andare alla verzura;
 Dolce parlare e tutta cortesia,
 Usata per cotal cavaleria...
 Ogni ventura e ogni bella inchiesta
 De' cavalieri erranti, e la gran festa.

Пѣвецъ съ удовольствіемъ готовъ былъ поразсказать обо всемъ этомъ ³⁾, предполагая, что такое же удовольствіе могли доставить и слушателямъ его пѣсни о цвѣтѣ рыцарства и прелестныхъ дамахъ ⁴⁾. Вообще знакомство пѣвцовъ и публики съ романами Круглаго Стола было, повидимому, довольно значительно.

Къ сожалѣнію, до насъ дошли немногіе изъ cantari бретонскаго цикла. Таковы, напр., поэма изъ семи cantari о Ланселотѣ ⁵⁾ и cantari извѣстнаго уже намъ флорентійца Antonio Pucci, поэта

1) O volete ch'è cavalieri erranti
 Nomini prima secondo le carte?

Конечно, лишь въ прозаическомъ текстѣ могъ быть «Ben ordinato tutto 'l San Gradale» (st. 45). Вообще распорядокъ всего перечня содержанія бретонскаго цикла напоминаетъ намъ *Tavola Rotonda*.

²⁾ Въ разсматриваемомъ перечнѣ Cantari наиболѣе мѣста занимаютъ тѣ, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ древнихъ сказаній; въ авторѣ виденъ челоѣкъ, не оставшійся чуждымъ классическаго образованія.

³⁾ «co mente gioconda» (st. 39), «volentieri» (st. 46). Въ одножъ мѣстѣ (st. 46) пѣвецъ говоритъ:

I dolci conti, e' destri cavalieri
 E le cortese donne, e 'l bel parlare,
 Da ogni storia mi fanno stranieri
 E fannomi di loro innamorare.

⁴⁾ «per più vostro ispasso» (st. 45).

⁵⁾ Lancilotto, poema cavalleresco pubblicato la prima volta per cura di Crescentino Gianini, Fermo, 1871. Эту поэму, по мнѣнію Райны (s. 251), разумѣлъ авторъ Il Cantare dei Cantari, говоря о разрушеніи Круглаго Стола.

весьма плодovitаго и принадлежавшаго къ тому же типу, что и авторъ разсмотрѣннаго нами только что II *Cantare dei Cantari*, т. е. къ типу не лишенныхъ образованія пѣвцовъ, писавшихъ для людей малообразованныхъ. Пуччи слагалъ небольшія поэмы народнаго пошиба. Вајна предполагаетъ, что ему принадлежитъ поэма второй половины XIV в. I *Cantari di Carduino*, представляющая спайку повѣствованія о дѣтствѣ Персеваля со сказаніемъ объ избавленіи заколдованной красавицы отъ чаръ рыцаремъ, не побоявшимся поцаловать змѣю, въ которую была превращена эта дѣвушка¹⁾. Въ Тосканѣ же написанъ въ народномъ духѣ поэтомъ народа и для народа рядъ поэмъ о Тристанѣ, которыя, по мнѣнію Райны, относятся скорѣе ко второй половинѣ XIV в., чѣмъ къ началу XV-го²⁾. Въ одной изъ этихъ поэмъ, рассказывающей о сраженіи Тристана съ Ланселотомъ, усматривается родство съ прозою романа о *Girone Rusticiana* Пизанскаго³⁾.

Характерно отношеніе этихъ *cantari* къ общему составу саги о Кругломъ Столѣ: въ *cantari* обрабатывались тѣ или иные эпизоды романовъ, понравившіеся по преимуществу; съ другой стороны, не всѣ романы могли быть предметомъ *cantari*, на что какъ бы прямо указываетъ авторъ II *Cantari dei Cantari*, говоря, что ни ему, ни слушателямъ не понравилось бы повѣствованіе о разрушеніи *Tavola*⁴⁾.

Интересно, что по временамъ тѣ или иные эпизоды романовъ получали такое же моральное примѣненіе, какое ранѣе имѣло мѣсто въ новеллахъ⁵⁾. Укажемъ на эпизодъ поэмы „*Le Chevalier à l'épée*“

1) *G. Paris* въ изслѣдованіи: «*Romans en vers du cycle de la Table Ronde*» доказываетъ, что основу *Carduino* составила форма сказанія о *Guinglain* болѣе древняя, чѣмъ та, изъ которой черпали *Renard de Beaujeu* и авторъ англійскаго извода (*Hist. littér. de la France*, XXX, 187—192). По мнѣнію *G. Paris*, рассказъ о дѣтствѣ *Carduino*, сопоставляемый Райной съ началомъ романа о Персевалѣ, могъ быть взятъ не изъ послѣдняго и находится въ древнемъ сказаніи, составившемъ основу *Carduino*; итальянская поэма имѣетъ отношеніе къ «*Bel Inconnu*».

2) По мнѣнію Райны, автору поэмы о боѣ Тристана и Ланселота принадлежатъ также сходныя произведенія *la morte* и *Vendetta di Tristano*.

3) *Rajna*, L—LVII, склоняется къ предположенію, что авторъ *cantare* пользовался болѣе древнимъ переводомъ *Girone*, чѣмъ тотъ, который дошелъ до насъ цѣликомъ.

4) Не слѣдуетъ ли разумѣть подъ этимъ повѣствованіемъ то, что говорится въ *Tavola Rotonda*: «*E anco dimostraremo della distruzione della Tavola, la quale intraviene per la impresa dell'alta inchiesta del Sangradale*?»

5) Въ *Novellino* говорится, напр., о приключеніи Ланселота съ телѣгой: «*Ahi, mondo errante, ed uomini sconoscenti, di poca cortesia, quanto fu maggiore lo Signore nostro che fece il cielo e la terra, che non fu Lancialotto*» etc. Отголосокъ моральнаго примѣненія рыцарскихъ сагъ усматривается еще въ тѣхъ вступленіяхъ, которыми начинается обыкновенно свой рассказъ *Ariosto* и къ которымъ прибѣгалъ иногда *Bernardo Tasso*.

о пребываніи Gauvain-а въ замѣкъ рыцаря, убивавшаго или жестоко наказывавшаго гостей, которые не исполняли приказаній хозяина, и, напротивъ, обошедшагося ласково съ Gauvain-омъ вслѣдствіе того, что послѣдній не проявилъ строптивости. Этотъ эпизодъ сохранился въ двухъ итальянскихъ переработкахъ, несомнѣнно родственныхъ, какъ то показываютъ сходныя выраженія, рѣзмы и одинаковое построеніе строфъ. Въ одной изъ двухъ редакцій, носящей въ рукописи заглавіе *Morgale* (подраз. *Canzone*), дѣйствіе происходитъ, какъ и во французскомъ источникѣ, „al tempo della Tavola Ritonda“, и выступаетъ „Messer Chalvan“; въ другой *canzone* вмѣсто послѣдняго героемъ является „un gentiluom di Roma“, чѣмъ уничтожено отношеніе разсказа къ бретонскому циклу, и взамѣнъ рыцарскаго авантюра получилась моральная повѣстенка ¹⁾). Послѣдняя канцона принадлежитъ А. Пуччи. Рајна предполагаетъ, что и первая была написана тѣмъ же плодовитымъ Флорентійскимъ рѣзачемъ ²⁾).

Итакъ, къ концу XIV в. потѣшники разсказывали о рыцаряхъ Круглаго Стола, и уже существовали народныя поэмы съ содержаниемъ, заимствованнымъ изъ рыцарской эпикки. Въ нихъ какъ бы зарождался и подготавливался своеобразный эпическій жанръ.

Но романтикъ Круглаго Стола суждено было достигнуть общей и самой широкой извѣстности не въ самостоятельномъ видѣ, а въ сліяніи съ Каролингскимъ эпосомъ. Въ этомъ сочетаніи Каролингская эпика, которою до той поры увлекался преимущественно простой народъ, нашла усердныхъ читателей и въ кругу высшаго общества; съ другой стороны, и фантастика и приключенія странствующихъ рыцарей, которыми были наполнены романы Круглаго Стола, вполне полюбились народу, когда были подведены подъ популярныя имена падиновъ Карла В. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эпосѣ, слившемъ романтику

¹⁾ Заканчивается эта канцона словами:

Canzon mia, di'—Chi non vuol bastonate,
Chi arriva a casa altrui, ed egli piaccia,
Quel che gli è detto, faccia,
E faccial tosto senza far contese:
Ch'egli è buono imparare all'altrui spese.

²⁾ См. ст. г. Веселовскаго «Un capitolo di Antonio Pucci» въ «Rivista di filologia romana», Vol. II, 221—227; ст. Рајны: «Intorno a due canzoni gemelle di materia cavalleresca» въ *Ztschr. f. rom. Philol.*, I, 381—387; *Hist. litt.* XXX, 68.

Бруглаго Стола со старыми сказаніями Каролингскаго цикла, достигъ полной выработки и высшаго расцвѣта жандръ, который подготовлялся въ Италіи уже въ XIV в. Лишь послѣ этого сліянія, во второй половинѣ XV в. и въ началѣ XVI-го, романтическій эпосъ достигъ той художественной формы, къ которой стремился Божаччо.

Прослѣдимъ кратко развитіе этого процесса, начавъ съ первыхъ моментовъ существованія Каролингской эпикки въ Италіи.

Въ сѣверной Италіи вначалѣ какъ будто возникалъ свой (Лонгобардскій) эпосъ параллельно былинамъ о Карлѣ, которыя слагались за Альпами. Помимо того въ Италіи съ довольно ранняго времени начали вращаться легенды о Карлѣ В., изъ которыхъ инныя могли появиться въ самой Италіи ¹⁾.

Французскій былевой эпосъ издавна и постоянно пользовался общенародною извѣстностію въ Италіи ²⁾. Въ XIII и XIV вв. на площадяхъ верхней и средней Италіи на ряду съ повѣствованіями въ стихахъ религіознаго содержанія рецитовались и *canzoni di gesta* ¹⁾. Пѣсни о Роландѣ и Оливье были распѣваемы на перекресткахъ и площадяхъ по свидѣтельству, восходящему къ началу XIV в., и страстно интересовали слушателей. Подобно Артуровскому эпосу и Каролингскій въ XIII и XIV вв. былъ направляемъ въ сторону новеллы въ такъ наз. *santare di piazza*: отдѣльные эпизоды были переносимы на площадь, гдѣ толпа выслушивала ихъ, иногда—съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Вообще, въ устномъ изложеніи сказанія о

1) См. Bartoli, Stor. I, гл. I. G. Paris, Hist. poét., 160—161.

2) Исторію этого эпоса въ Италіи особенно обстоятельно разработалъ Райна, изъ многочисленныхъ монографій котораго назовемъ здѣсь еще не упомянутыя нами доселѣ: *Ricerche intorno ai Reali di Francia*, Bol. 1872.—*La Materia del Morgante in un ignoto poema cavalleresco del secolo XV* (Propugnatore, vol. II).—*Rinaldo da Montalbano* (Propugnatore, vol. III, и отдѣльно: Bol. 1870).—*La Rotta di Roncisvalle nella letteratura cavalleresca italiana*, Bol. 1871 (Propugnatore, vol. IV, и оттискъ).—*Uggeri il Danese nella letteratura romanzesca degl'Italiani—Romania*, II (№ 6), III (№ 9), IV (№ 15—16).—*Un'iscrizione Nepesina dal 1131. Estratto dall'Archivio storico italiano* (XVIII, 329—334; XIX, 23—54) [... item tuspissimam sustineat mortem, ut Ganelonem qui suos tradidit socios...].—*Il teatro di Milano e i Canti intorno ad Orlando e Ulivieri*, Milano (Estratto dall'Archivio Storico Lombardo, Anno XIV, ser. 2, vol. IV, fasc. I, 1887).—*Contributi alla storia dell'epopea e del romanzo medievale*. VII. *L'onomastica italiana e l'epopea carolingia* (Romania, XVIII, № 69). О легендахъ касательно французскихъ палладиновъ и борьбы франковъ съ лонгобардами см. еще въ книгѣ D'Ancona: *Il Tesoro di Brunetto Latini versificato*, Roma 1888. Важна монографія *Castets: Sur les rapports des chansons de geste et de l'épopée chevaleresque italienne, avec textes inédits*, Par. 1887 (оттискъ изъ «*Revue des langues romanes*», 3-me sér., XV, 5—16, 105—132; XVI, 61—237).

французскихъ герояхъ могли быть извѣстны въ Италіи задолго до письменной передачи ихъ.

При такой популярности не удивительно появленіе многочисленныхъ литературныхъ обработокъ. Сверхъ того эпосъ о Карлѣ V. могъ казаться на Апеннинскомъ полуостровѣ до извѣстной степени роднымъ благодаря тому, что театромъ дѣяній, о которыхъ онъ повѣствовалъ, являлась отчасти Италія, и героями ихъ были въ числѣ другихъ итальянскіе уроженцы²⁾. Нѣкоторые знатные итальянскіе роды возводили свое происхожденіе къ витязямъ Каролингской саги, какъ съ нею же переплетались сказанія о началѣ нѣкоторыхъ городовъ³⁾.

Старый былевой эпосъ въ періодъ проникновенія въ Италію уже въ самой Франціи началъ подвергаться видоизмѣненію, подпадая вліянію бретонскаго цикла; уже во Франціи слагалось направленіе, которое приняло затѣмъ грандіозные размѣры въ Италіи въ сліяніи сказаній французскаго національнаго эпоса съ чудеснымъ бретонскихъ романовъ⁴⁾ и во введеніи новыхъ концепцій. Итальян-

¹⁾ 0 метрѣ ихъ—*serie continua*—см. въ ст. Biadene въ *Studj di filol. rom.*, fasc. 2 (1884), 236.

²⁾ Напр., Désirier и ломбардцы въ *La Prise de Pampelune*. Роланда представляли родившимся въ пещерѣ Сутри. См. еще *Castets Turpini Historia Karoli Magni, MDCCLXXX*, р. XI и 79.—Взглядъ Данте на Карла см. въ *Parad. VI*. Слова Пульчи о Карлѣ мы привели ранѣе. Вспомнимъ, что и Боккаччо усматривалъ въ Карлѣ V. освободителя отъ ига Лонгобардовъ.—Итальянцы привыкли смотрѣть на священную имперію, какъ на собственную. Но нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Rob. Southey, который объяснялъ большую популярность Каролингской фабулы въ Италіи по сравненію съ распространеніемъ Артуровскаго эпоса историческою и мѣстною славой основателя Западной Имперіи, важностью его царствованія, а не большею прелестью вымысла (*The byrth, lyf, and actes of kung Arthur etc.*, Lond. 1817, vol. I, р. VII). Нельзя не признать, что такіе эпизоды Каролингскаго эпоса, какъ Ронсевальская битва, исполнены величія и возвышенной красоты. Фабула о Ринальдо, какъ она сложилась въ Италіи, ни причежь въ объясненіи Southey. Cf. Rajna, *Rinaldo*, 79—80. Наконецъ, по наблюденію Pitrè, и теперь итальянцевъ привлекаетъ въ Каролингской сагѣ чудесное и сверхъестественное.

³⁾ См. ст. Райны въ *Romania IV*, 161—183: «Le origini delle famiglie Padovane e gli eroi dei romanzi cavallereschi». См., далѣе, D'Ancona ed E. Monaci, *Una Leggenda Aragaldica e l'Eroica Carolingia nell'Umbria. Docum. antico con introduz. e glossar.* Imola 1880 (въ этой брошюрѣ приведено нѣсколько мѣстныхъ приуроченій имени Роланда въ Италіи) и цит. ст. Novati въ *Romania XIX*. — Имена, заимствованныя изъ Карол. цикла, встрѣчаются съ 1000 г. во *esset* Италіи. *Rom. XVIII*, 7, 65, и др.

⁴⁾ *Castets* усматриваетъ уже во французской позднѣйшей эпикѣ зачатки сліянія *chansons de geste* съ *romans d'aventure et galanterie*. Для насъ интересно, что въ *Maugis d'Aigremont* и въ др. тексты, напечатанные *Castets*, включены такія подробности, представляющія аналогію повѣствованіямъ Тассо, какъ повторяющійся нѣсколько разъ призванный пожаръ (*Castets*, р. 126) и участіе дьяволовъ, которые производятъ шумъ (*ib.*), бурю (*ib.*, 127), пособляютъ сарацинамъ (р. 150), воздвигая попутный вѣтеръ (р. 180). Дьяволы выступаютъ и въ итальянскомъ *Rinaldo*.

яны могли слѣдовать примѣру французскихъ труверовъ, утверждавшихъ, что они расскажутъ нѣчто новое, и могли еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ труверы, давать просторъ внесенію новыхъ подробностей при послѣдовательныхъ передѣлкахъ.

Уже въ такъ наз. франко-итальянскій періодъ развитія Каролингской саги усматривается нѣкоторое приближеніе ея къ сказаніямъ бретонскаго цикла ¹⁾. Въ Тосканскій періодъ романтическія приключенія нашли мѣсто въ *Reali di Francia* ²⁾ и въ итальянской рыцарской эпикѣ. Послѣдняя во многомъ все еще примыкала къ французскимъ первоисточникамъ, но поэты перестали стѣсняться преданіемъ; начали сосредоточивать вниманіе на нѣкоторыхъ мотивахъ и на нѣкоторыхъ сказаніяхъ, и эти излюбленные мотивы стали центральными. Рено и его родъ оказываются въ Италіи не неукротимыми по преимуществу баронами, а защитниками христіанства, и Рено поднимается на одну высоту съ Роландомъ, принявъ участіе наравнѣ съ нимъ въ славномъ Ронсевальскомъ подвигѣ. вмѣстѣ съ *Rinaldo* (= *Renaud*) выдвигается волшебникъ *Malagigi* (= *Maugis*). Къ половинѣ XV в. исторія сыновей Аупон-а превращается въ настоящій циклъ, который успѣлъ привлечь особую симпатію публики благодаря разнообразію и интересу приключеній дѣйствующихъ въ немъ героевъ. Ринальдо сталъ излюбленнымъ героемъ рыцарско-романическихъ повѣствованій предпочтительно передъ другими палладинами. вмѣстѣ съ тѣмъ существенно видоизмѣнился и характеръ Роланда, поставленнаго въ связь съ Ринальдо: Роландъ, слѣвавшись ближайшимъ товарищемъ послѣдняго, сталъ походить на него. Борьба христіанскихъ витязей съ Сарацинами по прежнему занимала видное мѣсто въ эпосѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулись авантюры рыцарей на чужбинѣ, приключенія Ринальдо и Роланда въ Сарацинскихъ земляхъ. Благодаря пестротѣ, неожиданности и необычайности такихъ приключеній, эпосъ утратилъ строгій характеръ, каковымъ отличался на болѣе древней ступени развитія во Франціи. Чудесное получило въ итальянской эпикѣ большее значе-

¹⁾ Не вліянію ли ихъ слѣдуетъ приписать нечистую любовь *Masaige* къ королеві въ Венеціанскомъ текотѣ *Masaige*? См. *Altfranzösische Gedichte aus Venezianischen Handschriften* herausg. von *A. Mussafia*, Wien 1864.

²⁾ Равнымъ образомъ и путешествіе *Guergino* по свѣту нѣсколько напоминаетъ путешествіе странствующаго рыцаря.

ніе, чѣмъ во французской, и произошло новое осложненіе эпоса подробностями, заимствованными изъ бретонскаго цикла¹⁾. Всѣмъ этимъ Каролингскій эпосъ въ Италіи приближался постепенно къ рыцарскому роману особаго склада. Въ концѣ развитія въ этомъ направленіи итальянскія рыцарскія поэмы повѣствовали о постоянныхъ интригахъ и предательствахъ со стороны графа Гапо, о тайныхъ сношеніяхъ его съ мусульманскимъ королемъ Марсилью, о заключеніяхъ, какія были испытываемы въ земляхъ язычниковъ главными паладинами Карла V., Орландо, Uggeri, Ринальдо, Астольфо, Уливьери, отъѣзжавшими отъ двора Карла V. и странствовавшими по Сарацинскимъ государствамъ, о необычайныхъ военныхъ подвигахъ паладиновъ, объ опасностяхъ, которыя они преодолевали своимъ мужествомъ, о завоеваніи и обращеніи городовъ и царствъ, и о томъ, какъ въ христіанскихъ витязей влюблялись Сарацинскія дѣвушки. Въ перемежку съ авантюрами паладиновъ происходили столь любимыя ит. романистами вторженія Сарацинъ во Францію, и итальянскія рыцарскія поэмы повѣствовали объ осадѣ Парижа язычниками, о бояхъ подъ этимъ городомъ и о гибели мусульманскихъ вождей, которою оканчивались всѣ вторженія ихъ во Францію.

Такъ постепенно уже до Боярдо слагался рыц. Каролингскій романъ въ Италіи и подошелъ къ тому типу, какой достигъ затѣмъ художественной обработки въ итальянской поэзіи во второй половинѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI-го. То было время, когда въ горо-

¹⁾ Значительныя отклоненія итальянскаго Rinaldo da Montalbano отъ французскаго извода произошли, между прочимъ, подъ вліяніемъ бретонскихъ романовъ (см. Castets, 208). Впрочемъ, ит. авторъ Rinaldo отрекся отъ féerie и избѣгалъ явнаго подражанія Артуровскимъ романамъ, хотя и принималъ кое-что изъ нихъ (ib., 223). Въ началѣ прозаическаго текста Rinaldo, содержащемъ обвиненіе матери героя въ прелюбдіяніи, Castets (р. 189, ср. Rajna, Rinaldo, р. 12) отмѣчаетъ двоякое заимствованіе изъ брет. романовъ. Поводъ къ такому измышленію подала сама франц. эпика, но разукрашеніе этого эпизода въ смыслъ донъ-жуанства произошло, по мнѣнію Castets (р. 193), въ Италіи. Должно, впрочемъ, сказать, что типъ, сродный Донъ-Жуану, слагался и во Франціи, напр. въ пастуреляхъ и соответственныхъ пѣсняхъ объ ухаживаніи знатнаго господина за крестьянкой. Такъ, баронъ de Castera Гасконской пѣсни, напечатанной Cénas Moncaut, представляетъ достойную параллель Донъ-Жуану литературнаго творчества: Scheffler, Die franz. Volksdichtung u. Sage, Leipz. 1883, 140—141.— Не только въ исторіи Ринальдо, но, по словамъ Райны, и въ Uggeri il Danese, «dalla Tavola Rotonda certo derivano molte cose; se non che a la più parte hano preso posto nei nostri romanzi cavallereschi già da un gran pezzo; e così ne sono divenute parte integrante». Romania IV, 422; тамъ же перечисляются подробности, напоминающія бретонскіе романы; см. далѣе въ той же статьѣ заимствованія объ эпизодѣ изъ Percival-я Кретьена де-Труа, вошедшемъ и въ Orlando и въ Danese.

дахъ Италіи утвердился принципатъ, и дворская жизнь достигла блеска даже въ демократической Флоренціи. Рыцарская эпика, которая была уже на дорогѣ къ сліянію въ высшей степени популярна въ Италіи сказаній Каролингскаго цикла съ духомъ изысканаго рыцарства Артура, была какъ нельзя болѣе подходящимъ сюжетомъ для эпическихъ придворныхъ пѣвцовъ. Культъ рыцарства выникъ съ новою силою при итальянскихъ дворахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ во второй половинѣ XV в. для романтической эпики наступила новая эра: за рыцарскій эпосъ принялись поэты значительнаго литературнаго таланта, и Италіи выдвинула рядъ блестящихъ повѣствователей, каковы Пульчи, Боярдо, Аріосто и примыкающіе къ нимъ второстепенные поэты. Тогда-то сложилась окончательно—говоря словами G. Paris—„итальянская форма французскаго содержанія („la forme italienne de la matière de France“¹⁾).

Эта блестящая форма эпопеи впервые возникла во Флоренціи, — въ городѣ, который сталъ центромъ итальянской рыцарской эпики начиная съ Тосканскаго періода ея развитія, издавна вырабатывалъ особый стиль въ передачѣ рыцарскихъ повѣствованій, и былъ мѣстомъ жительства А. Пуччи и знаменитаго автора цѣлаго ряда рыцарскихъ романовъ, Андреа да Барберино. Затѣмъ довершена была литературная обработкa рыцарской эпопеи въ Феррарѣ.

Въ поэмѣ флорентійца Луиджи Пульчи „Il Morgante Maggiore“²⁾ эпика Италіи представила первую болѣе или менѣе оригинальную обработку рыцарской саги, отличающуюся значительными литературными достоинствами.

Поэма Пульчи примыкаетъ во многомъ къ народной итальянской эпикѣ. Райна нашелъ въ 1868 г. источникъ, изъ котораго обильно черпалъ придворный эпикъ Лоренцо Медичи. Оказалось, что Morgante—отчасти передѣлка (rifacimento) *Orlando*, поэмы въ народномъ духѣ, написанной за нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ³⁾.

1) Romania, II, 366.

2) Начата эта поэма около 1471 г.; въ полномъ видѣ явилась въ печати въ 1483 г. Объ имени Morgante—Romania XVIII, 64—65.

3) Недавно напечатанъ этотъ источникъ Morgante подъ заглавіемъ: «Orlando», die Vorlage zu Pulcis «Morgante». Zum ersten Mal herausg. v. J. Hübscher. Marb. 1886 (Ausgaben u. Abhandl., LX). Издатель проявилъ мало самостоятельности въ изслѣдованіи этого памятника и повторилъ съ ошибками мнѣніе Райны. См. рецензію въ Literaturblatt für germ. u. rom. Philol.

Пульчи въ главной части своего повѣствованія почти не отклонялся отъ матеріальнаго содержанія этого источника и иногда слѣдовалъ ему рабски, пользуясь даже выраженіями его, да и вообще въ построеніи „Морганте“ видна связь съ народными поэмами. Но при этомъ Пульчи внесъ много новаго въ свою переработку: нѣкоторые —вдобавокъ самые характерные—эпизоды ¹⁾ принадлежатъ всецѣло ему, а равно его заслугу составляетъ своеобразная окраска заимствованнаго содержанія и облагороженіе языка и стиха эпопей. Сравненіе „Морганте“ съ „Орландо“ привело къ заключенію, что Пульчи вложилъ много жизни, души и силы мысли въ изложенную имъ фэбулу; онъ ввелъ въ нее разговоры дѣйствующихъ лицъ и сопровождаетъ повѣствованіе своими личными замѣчаніями, остроумными и свидѣтельствующими о знаніи человѣческой натуры. Подъ перомъ Пульчи рыцарская поэма въ Италіи впервые явилась съ полнымъ отпечаткомъ личности поэта. Всѣ признаютъ этотъ отпечатокъ, особенно рѣзко выступающій въ шутливыхъ выходкахъ Пульчи, но смыслъ индивидуальнаго отношенія его къ повѣствованіямъ о рыцарствѣ истолковываютъ различно, какъ различно понимаютъ отношеніе этого поэта къ религіи, не разъ вызывающее читателя на размышленіе благодаря тому, что многочисленныя воззванія религіознаго характера въ началѣ и въ концѣ пѣсенъ, на которыя распадается поэма ²⁾, уживаются совмѣстно съ выходками, далеко не благочестивыми, чтобы не сказать болѣе ³⁾. Прежде смотрѣли на

1887, № 2.—Что до «Orlando», то эта поэма составлена по «Cavaliere del Leone», «Storia di Rinaldo», «Entrée d'Espagne», «Uggeri il Danese»; въ особенности видно влияніе двухъ послѣднихъ произведеній. Авторъ «Orlando»—флорентіецъ средняго достатка; онъ не былъ cantatore di piazza и писалъ для своего удовольствія, но могъ случайно оставить свое произведеніе уличному пѣвцу для публичнаго изложенія. Составленъ «Orlando», по мнѣнію Райны, между 1400 и 1430 гг.—Для послѣднихъ пяти пѣсенъ «Морганте» источникомъ послужила римованная «La Spagna».

1) Такъ, въ первоисточникѣ Пульчи не оказалось всего эпизода о Морганте и Маргутте (значительной части XVIII-й пѣсни и пѣсни XIX-й); вообще остроумнѣйшая часть изобрѣтенія принадлежитъ Пульчи; его личное творчество создало образы Маргутты и Астаротта.

2) Этимъ поэма Пульчи сближается съ народными cantari.

3) Гравина, Вольтеръ, Женгене и Шаль обвиняли Пульчи въ невѣрїи; Santù затруднялся рѣшить, «se il Pulci sia uno stupido senza criterio, o un raffinato impostore che volti in beffa le tradizioni cavalleresche e le credenze religiose». Costoro (въ предисловіи къ Миланскому изданію 1875 г.), напротивъ, не видятъ скептицизма у Пульчи. Газару усматриваетъ въ «Морганте» насмѣшку безъ сатиризма, обусловленную индифферентнымъ отношеніемъ къ религіи.

поэму Пульчи, какъ на злостную карриатуру на рыцарство ¹⁾; въ послѣднее время къ этому взгляду применилъ Gautier, назвавшій „Morgante“ итальянскимъ Донъ-Кихотомъ, который былъ гибеленъ для рыцарства и вѣры, быть можетъ, не менѣе испанскаго ²⁾. Но другіе изслѣдователи обращаютъ вниманіе на то, что бурлескъ встрѣчается уже въ народной поэмѣ и вообще въ старофранцузскомъ эпосѣ и романахъ (прибавимъ—и въ народной поэзіи), при чемъ обыкновенно внесеніе комизма не дѣйствуетъ разрушительно на самый сюжетъ рыцарской саги ³⁾. Равнымъ образомъ, нѣкоторые не находятъ теперь сатиры у Пульчи, который—говорятъ ⁴⁾—не задался осмѣяніемъ рыцарскихъ нравовъ.

Мы видѣли, что Пульчи относился съ уваженіемъ къ Карлу В.; но въ то же время онъ не отказался отъ традиціоннаго изображенія недалновидности Карла, проявившейся въ постоянномъ довѣрїи къ Гапо ⁵⁾. Роланда, главнаго героя поэмы ⁶⁾, Пульчи называлъ

¹⁾ См., напр., мнѣніе Val. Schmidt-а въ (Wiener) Jahrbücher der Literatur, Bd. XXXI (1825), S. 102 и 112. По словамъ Шмидта, «Pulci, seiner Absicht getreu, die ganze romantische Welt, deren Mittelpunkt Karl war, alle Institutionen des Ritterthums und Christenthums in verzerrten Karrikaturen zur Schau zu stellen, handelt konsequent, wenn er auch jene Worte Dante's (разумѣется Parad. XVIII, 43, гдѣ Данте помѣстилъ Карла В. вмѣстѣ съ Роландомъ въ рядъ бойцовъ за вѣру), sich ernsthaft, gelehrt und gründlich stellend, mit folgenden Versen persiflirt, Morg. magg. XXVIII, 40:

Io mi confido ancor molto qui a Dante,
Che non senza cagion nel ciel su misse
Carlo ed Orlando...

Но послѣдующее содержаніе XXVIII-й пѣсни, какъ и начало I-й, не подтверждаетъ мнѣнія, раздѣляемаго, между прочимъ, Canello, о томъ, что Пульчи хотѣлъ только осмѣивать Карла.

²⁾ Les épop., II, 419, note. Превеличеніе, допущенное Готье въ этомъ отзывѣ, показываетъ послѣдующая рыцарская эпика Италіи. Въ Dédicace къ книгѣ «La chevalerie», Par. 1884, Готье сближаетъ въ одной подробности Пульчи съ Сервантесомъ и говоритъ, что, какъ Сервантесъ былъ видимо исполненъ глубокаго участія, когда ему пришлось перенестись къ постели умирающаго Донъ-Кихота, такъ и неутомимый насмѣшникъ Пульчи, когда довелъ разсказъ до смерти Роланда, вдругъ измѣнился въ лицѣ и прослезился. Cf. La Chans. de Rol., I, p. cxxxviiij.

³⁾ На это давно уже указалъ Ginguené; въ послѣднее время это наблюденіе повторилъ вслѣдъ за другимъ Gasparу.

⁴⁾ См., напр., у Gasparу, который на стр. 274 отмѣтилъ, что Пульчи всего одинъ разъ позволилъ себѣ насмѣшку надъ странствующимъ рыцарствомъ.

⁵⁾ Въ XXVIII-й пѣснѣ (ст. 15 и слѣд.) Пульчи прямо говоритъ:

Or forse tu, letter, dirai adesso, Come gli abbi creduto Carlo Mano. Io ti rispondo: era così permesso;		Era nato costui per ingannarlo, E convenia che gli credessi Carlo.
---	--	---

Даже Пульчи продолжаетъ объяснять легковѣріе Карла въ томъ же шутиливо-религіозномъ тонѣ.

⁶⁾ Хотя поэма Пульчи носитъ названіе Morgante, но великанъ этого имени въ ней лицо второстепенное, и со смертію его не оканчивается разсказъ, который авторъ заканчиваетъ лишь смертію Карла.

мудрымъ („savio“) ¹⁾, но тотчасъ же выставилъ славнаго паладина подпавшимъ ярости ²⁾ и удалившимся подѣ влияніемъ ея отъ двора Карла. Бродя по свѣту, Роландъ уподобляется странствующимъ рыцарямъ, однажды даже влюбляется, но при этомъ онъ еще не удаляется значительно отъ своего идеальнаго первообраза и помышляетъ не о личныхъ интересахъ; онъ заботится о распространеніи вѣры, постоянно является лишь защитникомъ правоты и еще не отрѣшенъ отъ доблести, серьезности и важности, какими отличался въ древнѣйшемъ преданіи; словомъ, онъ все еще

.....di Dio nel mondo atleta,
Vero campion, perfetto archimandrita
Della sua gregge...

Далѣе, Пульчи не можетъ воздержаться отъ шутки даже въ такомъ патетическомъ мѣстѣ, какъ описаніе Ронсевальской катастрофы. Весьма характерно, наконецъ, названіе поэмы по имени Морганте и образы Морганте ³⁾ и Маргутте. Потому слѣдуетъ, кажется, согласиться съ мнѣніемъ относительно поэмы Пульчи, которое было высказано уже въ прошломъ столѣтіи и по которому въ „Morgante“ надлежитъ видѣть совмѣщеніе въ зачаткахъ тѣхъ разновидностей, на которыя распалась послѣ 1516 г. рыцарская эпика въ Италіи ⁴⁾. При-

¹⁾ Il Morg. magg., I, 8.

²⁾ Ib., 19:

Poi si parti *portato dal furore*,
E terminò passare in Paganìa.

Зачатки этой ситуаціи см. въ сознаніи самого Роланда въ Entrée de Spagne, что имъ овладѣла игансе, подѣ влияніемъ которой онъ удалился на востокъ. См. Thomas, Nouvelles recherches sur l'Entrée d'Espagne, Par. 1882, p. 57—58, 60, 61.

³⁾ Рыцарская эпика въ послѣдній періодъ своего существованія нерѣдко впадала въ нѣвшую мало смысла разнузданность воображенія, отъ которой рыцарскіе романы лишь теряли. По замѣчанію Serment-a (p. 12), Сервантесъ со свойственною ему граціозною ироніею такъ намекаетъ на пристрастіе къ этимъ преувеличеніямъ: «Донъ-Кихоть говорилъ, что хотя Сидъ-Руи-Діазъ былъ, конечно, рыцарь не изъ послѣднихъ, но что онъ далеко не можетъ равняться съ рыцаремъ *Пылающаго Меча*, который однимъ ударомъ разсѣкъ пополамъ двухъ чудовищныхъ и свирѣпыхъ великановъ». Повидимому, Пульчи имѣлъ отчасти въ виду ту же черту рыцарской эпика.

⁴⁾ См. предисловіе Рубби къ 1-му т. «Morgante maggiore» въ «Parnaso Italiano» (Ven. MDCCCLXXXIV), въ которомъ читаемъ; «Distinguiamo gli epici in romanzieri, in istorici, in burleschi. L'Ariosto è il padre dei primi, il Tasso dei secondi, il Berni degli ultimi. Che sarà dunque Luigi Pulci col suo Morgante Maggiore? Sarà l'autor d'un poema misto; sarà un uomo che tenta una nuova via; sarà un nocchiero che non sa ancora l'uso della bussola, e l'elevazione del polo. Ma sarà un ardito scorpitore d'un bel mondo poetico, che fu coltivato da'suoi successori»

равнивать поэму Пульчи къ роману Сервантеса невозможно. Вѣрнѣе, кажется, будетъ сблизить ее съ отрывкомъ рыцарскаго романа „Sir Thoras“, вставленнымъ въ „Кэптерберійскіе рассказы“ Чосера. Чосеръ и Пульчи не смѣялись всецѣло надъ рыцарствомъ: они потѣшались лишь надъ уродливыми преувеличеніями и тривьяльностями, въ которыя впадала рыцарская эпика въ пѣсняхъ площадныхъ пѣвцовъ. При этомъ у Пульчи рѣзко выступаютъ диссонансы, порожденные противорѣчіями, въ которыхъ вращалось итальянское Возрожденіе. Намъ кажется вполне подходящимъ опредѣленіе, данное Байрономъ: онъ назвалъ Пульчи отцомъ серьезно-комической эпики.

Пульчи не преслѣдовалъ возвышенной цѣли, какую имѣлъ въ виду впоследствии Тассо. Флорентійскій пѣвецъ двора Лоренцо Медичи не причислялъ себя къ первостатейнымъ художникамъ и прямо заявлялъ, что онъ имѣлъ въ виду всемъ угодить своимъ непритязательнымъ рассказомъ ¹⁾. Желаніе его исполнилось. Пульчи пріучилъ высшіе классы итальянскаго общества находить забаву и удовольствіе въ рассказахъ о томъ, о чемъ до него повѣствовали народу съ важностію, но вмѣстѣ и съ безвкусіемъ. „Morgante“ Пульчи уже не поэма въ родѣ тѣхъ, какія слагали народные пѣвцы, а произведеніе литератора, сумѣвшаго сообщить особую и новую привлекательность избитому сюжету. Пульчи уже вдохновляла отчасти весе-

¹⁾ П Morg. Magg., XXVIII, 138 и слѣд. Это мѣсто поэмы весьма характерно и важно для опредѣленія задачи, какую Пульчи пытался выполнить въ своей поэмѣ. Онъ говоритъ о себѣ:

Io me ne vo pe'boschi puro e soro
 Con la mia zampognetta che pur suona,
 E basta a me a trovar Tirsi e Dameta:
 Ch'io non son buon pastor, non che poeta.
 Anzi non son prosuntuoso
 Nè tanto satir, quant'io paio in vista:
 Altri verrà con altre stile o canto,
 Con miglior cetra, e più sovrano artista;
 Io mi starò tra faggi e tra bifulci,
 Che non disprezzin le muse del Pulci.
 Io me n'andrò colla barchetta mia,
 Quanto l'acqua comporta un piccol legno;
 E ciò ch'io penso colla fantasia,
 Di piacere ad ognuno e 'l mio disegno:
 Convien che varie cose al mondo sia и т. д.

Сравненіе поэта съ пловцомъ въ barchetta проходитъ черезъ всю поэму Пульчи съ самаго начала. Ср. подобное уподобленіе въ Orl. innam. II, XVII, 1—2; Orl. Fur. XLVI, 1.

лая, легкая и подвижная муза итальянскаго эпоса, которая внушила затѣмъ цѣлый рядъ поэмъ итальянскимъ эпикамъ конца XV в. и первой половины XVI-го.

Поэма Пульчи начинается собою періодъ, когда рыцарскій эпосъ становится достояніемъ дворскихъ поэтовъ и литераторовъ и разрабатывается въ поэмахъ, лишенныхъ мужественной простоты, наивности и искренности, которыми прежде отличался, но за то болѣе блестящихъ по формѣ. Съ того времени отклоненіе итальянскихъ обработокъ отъ французскихъ первоисточниковъ совершается быстрѣе и въ болѣе большихъ размѣрахъ.

У дворскихъ эпиковъ времени Возрожденія, во главѣ которыхъ стоятъ Боардо и въ особенности Аріосто, Каролингскій эпосъ предстаетъ безъ эпическаго величія и безъ той суровости, грубоватости и вѣры, а вмѣстѣ и идеальности, которыхъ былъ исполненъ на болѣе древней ступени развитія. Рыцарская любовь, комизмъ и ироническое отношеніе къ разсказу получаютъ въ немъ такое видное мѣсто, какого не имѣли въ старофранцузскомъ эпосѣ. Равнымъ образомъ въ Каролингской эпикѣ водворяется фантастика особаго рода, заимствованная отчасти изъ романовъ Круглаго Стола и отличая отъ чудеснаго, наполнявшаго древній эпосъ. Паладины постоянно сталкиваются съ гигантами, чародѣями и феями. Каролингскій эпосъ превращается въ эпосъ приключеній. Поэты итальянскаго Возрожденія отбѣняютъ въ паладинахъ не столько патриотическій героизмъ и религіозность, которые не вызывали въ то время энтузіазма въ Италіи, сколько наклонность къ любовнымъ похождениямъ, въ которыхъ нарушалась иногда даже галантность. Послѣдней придавали тогда такое значеніе, что даже явился кодексъ ея въ „Il cortegiano“ Кастильоне ¹⁾. Такъ паладины Карла

¹⁾ Начатъ не позже 1514 г., оконченъ въ мартѣ 1516 г. Первое изданіе — *Il libro del Cortegiano*, Venet. Aldo 1528 (fol.). Отмѣтки еще Castiglione (da Sabbat) Ricordi, ovvero ammaestramenti nei quali con prudenti e christiani discorsi si ragiona di tutte le materie honorathe, che si ricercano a un vero gentil'huomo. Venetia, 1565 (in-8°). Трактатъ Кастильоне нѣсколько отличается отъ правилъ рыцарскаго поведенія, выработанныхъ въ средніе вѣка. Отношеніе Cortegiano къ Цицероновой книгѣ *De Oratore* теперь обстоятельно указано въ ст. *Valmaggi*: «Per le fonti del «Cortegiano» (Giorn. stor. d. l. it., XIV, 72—93). Определеніе того, что такое *cortesia*, занимало многихъ итальянскихъ писателей XVI в., между проч. и Аретино, который пустился въ проповѣдь благочестія со свойственнымъ ему лиризмомъ: см. *Ragionamenta* nel quale M. Pietro Aretino figura quattro suoi amici, che fauelano de le Corti del Mondo, e di quella del Cielo. Ниже этого заглавія помѣщенъ портретъ автора съ

В. были окончательно превращены въ странствующихъ рыцарей. Они какъ бы слѣдовали завѣту, выраженному въ призывѣ Лоренцо Медичи:

Mentre che dura questa breve vita
Ciascun si allegri, ciascun s'innamori.

Защита вѣры и національные интересы для нихъ второстепенное дѣло. Эпосъ получилъ вслѣдствіе того романическій характеръ, и сверхъ того въ немъ отъ совмѣщенія въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ чертъ рыцарства двухъ различныхъ пошибовъ неизбежно выникалъ комизмъ, тѣсно вязавшійся съ ироническимъ отношеніемъ повѣствователей къ дѣяніямъ, которыя они передавали.

Въ концѣ своей поэмы Пульчи призывалъ другихъ поэтовъ заняться разработкою достойнаго сюжета, имъ представлявшагося, указывая на то, что наступаетъ пора процвѣтанія для итальянскаго языка,

Tornano i tempi felici, che furon
Quando e' regnò quel buon signor Saturno.
Benigni secol, che già lieti fersi,
Tornate a modular le nostre lire.

Надежда Пульчи оправдалась, но не во Флоренціи, гдѣ писалъ онъ, поощряемый прославленнымъ въ концѣ его поэмы новымъ Ме-

подписью: Diius P. Aretinus acerimus virtutum, ac vitiorum demonstrator; на послѣдней страницѣ: Impresso per Francesco Marcolino. Nel. MDXXXIX. Основное содержаніе этого діалога выражено въ словахъ Dolce (p. 118): «Le parole vditte hanno tocco non pure gli atti de le Corti terrene, ma datoci materia di entrare in quelle del cielo» [Ср. приведенныя выше заключительныя слова «Degli Asolani» Бембо]. Въ началѣ діалога Тассо «Il Malpiglio ovvero della corte» восхваляется Cortigiano Кастильоне. По мнѣнію Тассо, «dee prima di ogni cosa conoscerne e misurare se stesso». Въ средніе вѣка рыцарская мораль также внушала соблюденіе вѣры. Взглядъ Тассо на знанія, которыми долженъ отличатся cortigiano, см. на стр. 185, 192, 194. См. также діалогъ Тассо «delle virtù». — Трактатъ Кастильоне обратилъ на себя вниманіе и за предѣлами Италіи. См. ст. К. в. Reinhardtstöttner: «Die erste deutsche Uebersetzung von Baldassare Castigliones «Cortegiano» въ Jahrbuch für münchener Geschichte, 2 Jahrg. — Польскій писатель XVI в. Гурицкій перевелъ это сочиненіе Кастильоне на родной языкъ подъ заглавіемъ «Dworzanin». Этотъ переводъ имѣется въ недавнемъ изданіи въ Lukasza Górnickiego dzieła wszystkie. Pierwsze wydanie zbiorowe przygotował do druku R. Löwenfeld. Wydał P. Chmielowski-Warsz. 1886. T. I. Dworzaniin. О Гурицкомъ см. монографію Löwenfeld-a: Lukasz Gornicki. Sein Leben und seine Werke, Bresl. 1884, которая есть и въ польскомъ текстѣ.

ценатомъ ¹⁾, а въ Феррарѣ. Пять лѣтъ спустя по напечатаніи „Morgante“ явилась поэма о влюбленномъ Роландѣ, въ которой рыцарская эпика подвинулась значительно впередъ по сравненію съ поэмою Пульчи.

Авторъ этой поэмы былъ не простой гражданинъ демократической Флоренціи, какъ Пульчи, а членъ знатнаго рыцарскаго рода, слѣд., поэтъ, которому могли быть болѣе дороги традиціи рыцарства,—графъ Маттео Маріа Боярдо, любимецъ Феррарскихъ герцоговъ, которымъ служилъ. Ему довелось быть свидѣтелемъ возрожденія рыцарства и его доблести, послѣ того какъ окончились, по словамъ Боярдо, зимнія бури, прервавшія-было рыцарское веселье и куртуазію; и графъ рѣшилъ возобновить въ своихъ пѣсняхъ память о доблестяхъ временъ минувшихъ и рассказать прекраснѣйшую исторію, какая когда-либо существовала ²⁾. Подвиги Роланда Боярдо воспѣлъ для „signori e cavalieri“: къ нимъ обращается онъ въ первомъ стихѣ ³⁾. Онъ явился, такимъ образомъ, пѣвцомъ ожившей кортезіи,—той изящной рыцарственности, которою увлекалась итальянская знать и наиболѣе яркимъ выраженіемъ которой постоянно оставались романы бретонскаго цикла. Слава Британскаго рыцарства была громка и въ то время, когда писалъ Боярдо: *Ed or sua fama al nostro tempo dura*, говорить поэтъ (II, XVIII, 1). Не удивительно потому, что въ его *Orlando innamorato* уже вполне явственно обозначилось сліяніе Каролингскаго эпоса съ Артуровскимъ. Въ началѣ поэмы Боярдо прямо указываетъ

1) Въ XXVIII, 151 Пульчи говоритъ о Лоренцо il Magnifico:

*Surge d'un fresco e prezioso lauro
Certe piante gentil, certi rampolli u проч.*

2) *Orl. innamor.*, II, 1, 2—3:

*Ora è il mal vento e quel verno compito
E torna il mondo di virtù fiorito.
Ed io cantando torno a la memoria
De le prodezze de'tempi passati,
E conterovvi la più bella istoria
(Se con quiete attenti m'ascoltati),
Che fusse mai nel mondo e di più gloria...*

3) Въ III, 1, 2 онъ обращается къ «signori e dame e bella baronia».

на то, что Роландъ предстанетъ у него въ необычномъ видѣ ¹⁾, нечего удивляться тому, что рѣчь будетъ идти о *влюбленномъ* Роландѣ: Роландъ вѣдь долженъ же былъ подпасть общему закону, по которому все въ мірѣ подчиняется любви ²⁾. Все дальнѣйшее изложеніе составляетъ какъ бы художественное раскрытіе этого основнаго тезиса, нашедшаго выраженіе въ знаменитомъ изреченіи: „Amor omnia vincit“. Вслѣдствіе того Каролингскій эпосъ былъ окончательно претворенъ въ духъ Артуровскаго. Въ него не только были введены эпизоды ³⁾ и личности послѣдняго ⁴⁾, но были всецѣло внесены и тѣ стремленія, которыми жили рыцари Круглаго Стола. Послѣдніе прямо признаны образцовыми рыцарями предпочтительно предъ паладинами Карла, потому что не ограничивались военными подвигами, но прославились одновременно „per l'arme e per l'amore“,

Quando i buon cavalieri a quelle bande
Mostrarno in più battaglie il suo valore,
Andando con lor dame in avventura...

Дворъ Карла В., двери котораго были закрыты для любви, не могъ поравняться въ достоинствѣ и уваженіи, которое внушаетъ, съ дворомъ Артура. „Вѣдь одна любовь доставляетъ высшую славу,

¹⁾ Воардо начинаетъ свою поэму приглашеніемъ, столь обычнымъ въ началѣ французскихъ поэмъ—слушать со вниманіемъ, не нарушая тишины, «*come dilettoze e piogge*». Въ 3-емъ стансѣ онъ говоритъ:

*Questa novella è nota a poca gente,
Perchè Turpino istesso la nascosse....*

²⁾ Orl. innam. I, 1, 2:

Non vi par già, signor, maraviglioso
Odir contar d'Orlando innamorato;
Chè qualunque nel mondo è più orgoglioso,
È da amor vinto al tutto e soggiogato *u m. n.*

³⁾ Таковы, напр., эпизоды о рыцаряхъ, пребывающихъ на островѣ Фалдерины, о волшебномъ источникѣ Мерлина и т. п. Въ первой же главѣ находимъ упоминанія о Petron di Merlin, объ источникахъ Мерлина (st. 33 и слѣд.) и т. д. У Пульчи подобныхъ эпизодовъ меньше. Укажемъ на эпизодъ о чортѣ подъ надгробнымъ камнемъ и т. п. Что до льва, то онъ встрѣчается и въ Reali и еще ранѣе въ Каролингскомъ эпосѣ. См. *Bangert, Die Tiere im altfranzösischen Epos, Marb. 1885 (Ausz. u. Abh. XXXIV), §§ 413 и слѣд.*

⁴⁾ У Воардо весьма видное участіе въ описываемомъ имъ дѣйствиіи принимаетъ Морганна, которая, впрочемъ, является и въ *Uggeri il Danese*.

сообщаетъ человѣку достоинство и честь; любовь доставляетъ побѣду и сообщаетъ мужество рыцарю, идущему въ бой; потому мнѣ пріятно—гов. поэтъ—продолжить начатую исторію влюбленнаго Роланда¹⁾. Итакъ, любовь становится главнымъ источникомъ рыцарской доблести, въ томъ числѣ и доблести Роланда. Боярдо, какъ и Пульчи, кажутся смѣшными „*guette di giganti*“, и видное мѣсто получаютъ теперь „*casì d'amore*“. Роландъ, представлявшій собою самую серьезную фигуру Каролингскаго эпоса,—витазь, который болѣе всѣхъ другихъ былъ опорой отечества и Карлова престола, былъ облеченъ ореоломъ доблести и святости и который даже ни разу не вспомнилъ про свою невѣсту въ часъ Ронсевальскаго боя и своей кончины, теперь вполне становится странствующимъ рыцаремъ и героемъ любовныхъ походовъ. Роль Ланселота была однако совсѣмъ не къ лицу ему, и не разъ кажется онъ смѣшнымъ читателю, привыкшему представлять себѣ Роланда совсѣмъ инымъ. Нельзя отрицать, что и самъ Боярдо, изъ итальянскихъ эпиковъ, писавшихъ до Тассо, наиболѣе чтившій рыцарство²⁾, относился съ нѣкоторою усмѣшкой къ повѣствованіямъ, которыя излагалъ³⁾: поэтъ времени Возрожденія, нагромождая вымыслы, хотя бы и весьма распространенные въ народѣ и среди читателей, не могъ передавать ихъ съ наивною вѣрою среднихъ вѣковъ. Послѣ чтенія поэмы Боярдо, представившей сплетеніе множества фантастическихъ вымысловъ, вставленныхъ въ громадную общую рамку, причудливость рыцарскихъ походовъ должна была выступить яснѣе, чѣмъ прежде, когда рыцарскія авантюры не были еще изображены

1) Orig. in part., II, 18, 1—3. Нѣкоторыя выдержки изъ этого мѣста приведены нами выше—въ заключительныхъ замѣчаніяхъ объ Ариосто. На эти слова Боярдо не разъ уже обращали вниманіе занимавшіеся выясненіемъ основной идеи его поэмы, и вслѣдъ за Regis-омъ (S. 386) отмѣтилъ ихъ и Gaspari (S. 281—282).

2) Райна выразился о Боярдо: »il nostro poeta cavalleresco per eccellenza».

3) Прежде итальянскіе критики думали, что изображеніе рыцарства выдержано у Боярдо въ болѣе серьезномъ тонѣ, чѣмъ у Ариосто. Райна попытался подорвать это мнѣніе, и на сторону его склонился Canello; см. рецензію послѣдняго въ Zeitschrift für rom. Phil., I, 125—130. По словамъ Canello, «la tragedia della vita italiana si riflette nel poema ariostesco. E la causa della tragedia è l'amore». Мнѣніе Райны диаметрально противоположно взгляду Вал. Шмидта, который писалъ: «Unter den italienischen Dichtern hat besonders Bojardo diesen alten Charakter Rolands vortrefflich aufgefasst und glänzend entwickelt. Dagegen wählte Ariosto in der Schilderung seines Roland die unglückliche Mittelstrasse zwischen Ernst und Spass» (Wien. «Jahrbücher», XXXI, 112).

въ такой широкой и сводной картинѣ. Съ той поры началъ утверждаться взглядъ на подвиги рыцарей, какъ на нѣчто странное. Этотъ взглядъ не разъ прорывался въ итальянской литературѣ XVI в. ¹⁾ и благоприятствовалъ появленію пародій Фоленго и Аретино. Доблестные Карловы паладины не могли внушать къ себѣ полнаго уваженія въ обрисовкѣ, которую получили у Боярдо. Они оказываются игрушками чаръ и слѣпыхъ страстей. Такою страстью является и любовь, которой они поддаются; потому и это чувство, играющее столь видную роль у Боярдо, предстаетъ въ мало привлекательномъ видѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является у Боярдо, какъ въ сказаніи о Тристанѣ, фатальнымъ влеченіемъ, моментально развивающимся подъ вліяніемъ питья изъ Мерлиновой „riviera de l'amoге“ и моментально могущимъ исчезнуть, если напиться изъ другого источника, устроеннаго нѣкогда тѣмъ же Мерлиномъ—но тщетно—для Тристана ²⁾. Любовь же, болѣе или менѣе сознательно возникшая въ сердцѣ Роланда, внушаетъ читателю сожалѣніе. Нельзя не испытывать скорбнаго чувства при видѣ того, что беззавѣтная рыцарская любовь Роланда, которому суждено было быть главною опорою христіанской вѣры и имперіи Карла, обращена къ такой личности, какъ язычница Анджелика, красавица кокетливая, холодная, лишенная прямодушія и пустая. Какъ только явилась она ко двору Карла

.....con vista allegra e con un riso
Da far innamorare un cor di sasso ³⁾,

и заговорила, доблестнѣйшій изъ христіанскихъ рыцарей оказался бессильнымъ устоять противъ овладѣвшаго его сердцемъ увлеченія, хотя вполне сознавалъ его преступность ⁴⁾.

¹⁾ Такъ, на заглавномъ листѣ поэмы Agostini: *Innamoramento di Lanzilotto e di Gineura*, продолженной Guazzo, говорится: «nel quale si trattano le orribili prodezze e le strane venture di tutti i cavalieri erranti della Tavola Rotonda».

²⁾ *Orl. innam.* I, I, 32—38. И Ариосто, какъ мы видѣли, говоритъ о чудесныхъ источникахъ Мерлина.

³⁾ *Orl. innam.* I, I, 23. Образъ этой китайской красавицы признается однимъ изъ лучшихъ созданий Боярдо. Въ нѣкоторой степени она является первообразомъ Аринды.—Замѣтимъ, что въ моментъ ея появленія при дворѣ Карла Роландъ былъ уже женатъ: въ I, I, 21 прямо упомянута «Alda, la moglie d'Orlando». Тѣмъ непростительнѣе страсть Роланда и тѣмъ характернѣе главная ситуація поэмы Боярдо, герой которой лишенъ крѣпкой воли.

⁴⁾ Какъ только Роландъ увидѣлъ Анджелику,

Грандіозный замыселъ Боярдо создать цѣлую рыцарскую эпопею, въ которой нашли бы мѣсто все „*prodezze de' tempi passati*“,

..... *i degni atti e pregiati*
De' cavalier antiqui e le contese.
Che fece Orlando, allor che amor il prese ¹⁾,

и слабости рыцарей, главною изъ которыхъ, по признанію самого Роланда, была рыцарская вѣбращная любовь, — этотъ замыселъ былъ выполненъ Боярдо лишь отчасти; но поэма о влюбленномъ Роландѣ доставила матеріаль и исходный пунктъ, къ которому постоянно обращалось эпическое творчество въ теченіе полувѣка съ лишнимъ.

Великій продолжатель Боярдо, Аріосто, затмившій своего предшественника, примыкаетъ къ пѣвцу „Влюбленнаго Роланда“ въ весьма многомъ: какъ въ фабулѣ, такъ и въ тезисѣ о всеильномъ дѣйствіи любви, въ общей схемѣ и въ сведеніи въ одной поэмѣ „*l'aghe e l'amore*“ ²⁾, соединеніемъ которыхъ прославилось, по словамъ Боярдо, рыцарство Артура. Унаслѣдовалъ Аріосто отъ графа Боярдо и двойственность въ представленіи рыцарственности и любви, но въ изображеніе той и другой онъ внесъ болѣе глубины и искусства, а равно проявилъ болѣе таланта въ постановкѣ великой проблемы, возникающей предъ мыслителемъ при видѣ такого явленія, какъ возвышенные порывы рыцарства рядомъ съ химерностью, а нерѣдко и безуміемъ другихъ рыцарскихъ увлеченій. Время, въ которое жилъ и писалъ Аріосто, во многомъ уже не походило на годы, въ которые были сотканы рукою Боярдо приключенія „Влюбленнаго Роланда“. Противоположность новаго времени средневѣковой старинѣ рѣзче обозначалась для поколѣнія, къ которому принадлежалъ Аріосто, и тѣмъ ярче должна была отразиться въ изображеніи рыцарскаго міра: мы видѣли, что Аріосто не разъ противопоставляетъ свое

*Ahi pazzo Orlando! nel suo cor dicia,
 Come ti lasci a voglia trasportare?
 Non vedi tu l'error che ti desvia,
 E tanto contra Dio ti fa fallare?...
 Io che stimava tutto 'l mondo nulla,
 Senz'arme vinto son da una fanciulla etc.*

Orl. innam., I, I, 30—31.

¹⁾ *Ib.* II, I, 3.

²⁾ Есть у Боярдо и рассказъ о женской невѣрности: I, XXII.

время прежнему. Онъ могъ взглянуть на рыцарство, какъ созерцатель, стоящій въ сторонѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, и поднявшійся на значительную высоту силою своего духа. Благодаря тому онъ отнесся къ рыцарскимъ фабуламъ еще свободнѣе, чѣмъ Боярдо, еще болѣе, чѣмъ послѣдній, позволилъ себѣ отклоняться отъ преданія и дошелъ, казалось, до неограниченнаго разгула фантазій, до какого не доходили ни французскіе, ни англійскіе, ни нѣмецкіе поэты. Это странствованіе фантазій, не находящей предѣловъ и объекта, на которомъ она могла бы сосредоточиться, объясняютъ какъ знаменіе времени, въ которое на мѣсто народной поэзіи выступаетъ индивидуализмъ и субъективизмъ ¹⁾. Но такимъ слишкомъ общимъ объясненіемъ не исчерпывается смыслъ того причудливаго калейдоскопа, какой представляетъ поэма Аріосто. Ея значеніе, не легко улавливаемое и различно истолковываемое вслѣдствіе широты и геніальности замысла, вызываетъ равногласіе ²⁾, и „Неистовый Роландъ“ раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь всѣхъ великихъ созданій индивидуальнаго поэтического творчества: мысль лицъ, поддающихся воспріятію этихъ произведеній, неустанно пытается разгадать ихъ скрытую отъ перваго взгляда сущность и выдвигаетъ все новыя объясненія,

¹⁾ Ихѣмъ въ виду взглядъ, выраженный Кардуччи въ *Studi Letterari*, 1880, p. 129. Кардуччи указалъ на то, что возникающее въ XVI в. «l'arte per arte è la fine della poesia popolare e nazionale o sociale. L'Italia nel secolo decimo sesto levò la poesia a idealismo artistico». — Отмѣтимъ при этомъ, что уже В. ф. Гумбольдтъ представлялъ въ своихъ эстетическихъ оцѣнкахъ характеристику поэзіи Аріосто въ противоположеніи ея Гомеровской.

²⁾ Мы не разъ уже упоминали, что, по взгляду Райны, на поэму Аріосто надо смотрѣть такъ, какъ прежде смотрѣли на поэму Боярдо: не Боярдо, а Аріосто проявилъ серьезность въ изображеніи рыцарства; Аріосто внесъ даже трагизмъ въ это изображеніе. Слѣдя концепціи Вергилія, Аріосто принялъ будто бы взглядъ на жизнь, прямо противоположный художественно развитому въ поэмѣ Боярдо: онъ выставилъ пагубныя послѣдствія той рыцарской любви, которую провозглашалъ Боярдо, и выдвинулъ въ противовѣсъ любовь иную, ведущую къ установленію семьи на прочныхъ началахъ.—Взглядъ, отличный отъ высказаннаго Райною, подрывающій послѣдній, но не менѣе односторонній, проводитъ *Scrocca* въ *Saggio critico sull'Orlando Furioso*, Nap. 1889. По мнѣнію Скрокки (p. 72—73), *Furioso*—«un poema satirico. E perchè tratta di cose cavalleresche? Perchè quel mondo così vario e bizzarro, benchè scomparso oramai, era vivente nelle memorie e famoso; e l'Ariosto prende occasione da esso, per far la satira di tutte le cose umane, come poi il Cervantes, dal delirio di un matto, per far la satira della cavalleria; come il Byron, dalle avventure di un uomo molle e corrotto, per far la satira dei tempi suoi e del mondo... il Furioso, qua e là, ha solo le apparenze d'un poema serio e tragico; perchè se amore è incanto, fola ogni cosa, pazzi gli uomini, dove può esser l'epico e il tragico?» Что до сопоставленія *Furioso* съ *Донъ-Кихотомъ*, то оно дѣлалось не разъ, и его можно указать хотя бы у *Canello* (p. 115). Заслуживаетъ особаго вниманія другое указаніе Скрокки—на общую концепцію

выказывая и въ этомъ неисчерпаемое богатство человѣческаго духа. Мы не можемъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе поэмы Аріосто во всей ея широтѣ; мы должны лишь ограничиться указаніемъ отношенія Аріосто къ романтикѣмъ Круглаго Стола. Въ этомъ отношеніи мы усматриваемъ двойственность, которая у Аріосто гораздо сильнѣе, чѣмъ у Боярдо, но не столь замѣтна благодаря большей утонченности поэтической ткани „Неистоваго Роланда“, большей замысловатости рисунка и болѣе глубокому выраженію скептицизма, не доходившаго ни до грубоватой насмѣшки, ни до рѣзкой сатиры, ни до пессимизма. Аріосто ставитъ возвышенное и смѣшное рядомъ въ рыцарскомъ мірѣ, имъ изображенномъ, чтить одно и съ добродушной ироніей выдвигаетъ другое. Идею представленія самой слабой стороны рыцарства въ личности доблестнѣйшаго изъ рыцарей, Роланда,—идею, весьма удачную, если принимать во вниманіе общій смѣсль поэмы Боярдо, Аріосто подвинулъ еще далѣе: Роландъ, который до того времени

Аріосто, сказавшюся въ эпизодѣ о нахожденіи человѣческаго разума на лунѣ. Это мѣсто поэмъ Аріосто (XXXIV-я пѣсня) было однимъ изъ самыхъ любимыхъ К. Н. Ватушковымъ эпизодовъ «Неистоваго Роланда» (Соч. К. Н. Ватушкова, т. III, Спб. 1886, стр. 681), и сохранился отъ Ватушкова слѣдующій переводъ тѣхъ стиховъ, на которые обратилъ особенное вниманіе Скрокка:

Умы, мы несимъ всѣ дурачества оковы,
И всѣ терять готовы
Разсудокъ, бранный даръ Небеснаго Отца!
Тотъ губить умъ въ любви, средѣ пѣгги и забавы,
Тотъ рыская въ поляхъ за дымоу ратной славы,
Тотъ полвая въ пыли предъ сильнѣмъ богачомъ,
Тотъ по морю летя за тирскимъ багрянцомъ,
Тотъ золота искавъ въ алхиміи чудесной,
Тотъ плавая умочъ во области небесной,
Тотъ съ кистію въ рукахъ, тотъ съ мятоу или съ рѣзцомъ.
Астрѣномы въ звѣздахъ, софисты за словами,
А жалкіе пѣвцы за жалкими стихами:
Дурачься, смертныхъ родъ, въ лунѣ разсудокъ твой.

По словамъ Скрокки (р. 36), «l'aver egli immaginato che, oltre al senno d'Orlando via sia pure quello di tutti gli uomini, apertamente dimostra che egli ha tale opinione delle cose umane, che non la Provvidenza, come credette e poetò l'Alighieri, ma l'irragionevolezza e l'arbitrio le governi e le muova». Если бы это истолкованіе общаго смысла поэмы Аріосто оказалось вѣрнымъ, то ее можно было бы поставить рядомъ съ проникнутыми тою же идеею произведеніями нѣмецкой гуманистической литературы конца XV в. и начала XVI в., знаменитѣйшимъ изъ которыхъ была «Похвала глупости» Эразма Роттердамскаго. Нѣмецкіе моралисты гуманистическаго направленія постоянно выдвигали на видъ отождествленіе грѣха и глупости, удаляясь въ этомъ отношеніи отъ ученія теологовъ объ унаслѣдованномъ влеченіи ко злу и сходясь съ знаменитымъ проповѣдникомъ Гейлеромъ ф. Кейзерсбергъ.

во всѣхъ произведеніяхъ за исключеніемъ поэмы Боардо былъ представляемъ какъ самый серьезный и доблестный изъ христіанскихъ героевъ, какъ цѣломудренный и разумный рыцарь, вполне свободный отъ рабства любви, у Аріосто еще болѣе, чѣмъ у Боардо, приблизился къ странствующимъ рыцарямъ и значительно уподобился Тристану ¹⁾. У Боардо Роландъ также поддается неразумной страсти, подъ влияніемъ ея уклоняется въ сторону отъ своего высокаго призванія, ради нея молить однажды Бога о поражении Карла Сарацинами, но всецѣло не ослѣпленъ еще ею, хотя разумъ уже оказывается у него въ разладѣ съ сердцемъ ²⁾. Любовь не заглушила голоса совѣсти, долга и чести въ Боардовомъ Роландѣ, и онъ не разъ испытываетъ душевную борьбу ³⁾, сознавая свой проступокъ, склоняется къ раскаянію, скорбитъ объ утѣсненіи, испытываемомъ Карломъ, не отрѣшается всецѣло отъ исполненія своихъ обязанностей и заботится объ обращеніи невѣрныхъ въ христіанство, хотя болѣею частью торжествуетъ въ немъ любовь ⁴⁾ не смотря на то, что она не настолько глубока, чтобы сосредоточиться на одной Анжеликѣ. У Аріосто Роландъ уже вовсе не помышляетъ о своихъ обязанностяхъ, хотя оставляетъ Карла среди чрезвычайной опасности, между тѣмъ какъ у Боардо онъ удалился изъ Парижа, когда послѣднему не угрожала никакая осада. Аріосто прямо говоритъ намъ, что Роландъ былъ наказанъ безуміемъ за то, что, будучи предопредѣленъ отъ рожденія, какъ нѣкогда Сам-

1) Dunlop (въ переводѣ Liebrecht-a S. 76) повторяетъ мнѣніе Warton-a (ср. ib. прим. 145) о влияніи романа о Ланселотѣ на поэму объ Аріосто.

2) Orl. innam., II, XIII, 51:

.....io stimo, *soperchio amore*
Gli desviasse da ragione il core.

3) Ib., II, IX, 46:

L'amor, l'onore, il debito e 'l diletto
Facean battaglia dentro dal suo petto.

4) Ib., 47.

Ben lo stringeva il debito e l'onore
Di ritrovarsi a la reale impresa,
E tanto più ch'egli era senatore,
E campion de la romana Chiesa:
Ma quel che vince ogn'uom, io dico Amore,
Gli avea di tal furor l'anima accesa,
Che stimava ogni cosa una vil fronda,
Fuor che vedere Angelica la bionda.

псонъ, къ защитѣ святой вѣры ¹⁾, оставилъ вѣрныхъ въ безпомощномъ состояніи, ослѣпленный нечестивою (incestuoso) любовью къ язычницѣ ²⁾. Примѣръ Роланда наводитъ поэта на неутѣшительныя разсужденія о любви вообще ³⁾. Въ печальномъ видѣ предстаютъ предъ нами и другіе христіанскіе рыцари Аріосто, въ плачевномъ положеніи оказываются Карль и его столица, и лишь подъ конецъ поэмы разсѣиваются тучи, и христіане торжествуютъ, послѣ того какъ возвращается разумъ Роланду, принесенный Астольфомъ въ бутылкѣ съ луны. Но, находя безуміе у древнихъ рыцарей и показывая, какъ они оставляли въ небреженіи самыя серьезныя обязанности, Аріосто не забывалъ и того, что

Di cortesia, di gentilezza esempj
Fra gli antiqui guerrier si vider molti ⁴⁾.

И Аріосто изобразилъ не только необузданную ярость, въ какую впадали рыцари, но также и примѣры ихъ великодушія ⁵⁾. Равнымъ образомъ, у него выведены не только такія женщины, какъ вѣроломная, невѣрная и развратная Ориджилла ⁶⁾, Габрина, непостоянная Дораличе, легкомысленная и пустая Анджелика ⁷⁾, но и образцы

¹⁾ Ср. Orl. Fur. XXIV, 10; въ переводѣ Батюшкова: «стрѣлы и камни сыплются напрасно: Орландо не увидимъ. Его спасаетъ благодать небесная, которая предназначила его быть вѣкогда защитникомъ святой вѣры». Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. II, Спб. 1885, стр. 281.

²⁾ Orl. Fur. XXXIV, 62—65. Апостоль Іоаннъ въ этомъ разсказѣ уподобляетъ безуміе Роланда безумію Навуходносора.

³⁾ Въ переводѣ К. Н. Батюшкова (II, 273) начало XXIV-й пѣсни передано такъ: «Кто ожѣлится занести ногу свою въ сѣти любовныя, немедленно пойманъ бываетъ; напрасно жагаетъ исторгнуться, напрасно; въ сѣтяхъ коварныхъ и крылья оставить (ср. выше соотвѣтственное разсужденіе Воккаччо). Любовь есть забвеніе себя, вѣщаютъ мудрые. Если не каждый любовникъ доходитъ до бѣшенства Орландова, то все какъ-нибудь свое дурачество обнаружить, ибо не есть ли дурачество, друзья мои, забвеніе себя для гордой красавицы» и т. д.

⁴⁾ Orl. Fur. XXXVI, 2; ср. 10.

⁵⁾ См., напр., истинно рыцарское великодушіе Руджьеро въ отношеніи къ греческому принцу Льву.

⁶⁾ Она измѣнила Грифону потому, что не могла

. di più patire
Ch'abbia in sì fresca età sola a dormire.

Orl. Fur. XV, 102.

⁷⁾ Роланда она предпочла Медору (Аріосто раздражается восклицаніями объ этомъ XIX, 31—32), и это-то повергло Роланда въ безуміе. Стансы XXIII-й пѣсни, передающіе первыя чувствованія Роланда послѣ того, какъ онъ началъ прозрѣвать поступокъ Анджелики, имѣются въ переводѣ Пушкина. — Эпизодъ о житьѣ Анджелики съ Медоромъ среди пастуховъ видимо подаль Тассо идею эпизода о пребываніи Эрминія у пастуховъ (у Тассо Эрминія также дѣлаетъ нарѣзки на деревьяхъ).

вѣрности, постоянства и чистоты, каковы Изабелла, Олимпія, Фьорделиза, Друзилла. Исторіи женскаго легкомыслія ¹⁾ чередуются съ трогательными эпизодами о вѣрности женщины въ любви и стойкости въ цѣломудріи, доходящей до пожертвованія жизнью ²⁾. Говоря однако о такомъ серьезномъ чувствѣ, какъ любовь Брадаманты къ Руджеро, поэтъ не преминулъ допустить насмѣшливое преувеличеніе, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ „Orl. Fur.“. Ясно, что въ поэмѣ Аріосто не преобладаютъ ни полная серьезность, ни сатира, ни скептицизмъ, ни иронія, ни шутка, а все это сливается въ своеобразное цѣлое. Аріосто совмѣщаетъ въ „Orlando Furioso“ веселую шутку, игривость, лукавую остроту съ примѣсью сатиризма, добродушную вольность, иронию, и за всѣмъ этимъ у него скрывается серьез-

¹⁾ Что до указанной выше въ XXVIII-й пѣснѣ, то она имѣетъ отношеніе къ 118-й новеллѣ Sersambi, на что указалъ Rajna въ Rendicolti dell'Accad. dei Lincei, 17 febr. 1889, p. 268 seg. Къ этому эпизоду можно бы прибавить другіе. См., напр., пѣсни XLII—XLIII, гдѣ фигурируетъ поданная послѣ обѣда чара (парро) съ виномъ, могшая указать пившему изъ нея мужу, вѣрна ли его жена, или нѣтъ. Эта диковинка заимствована Аріосто изъ бретонскихъ романовъ. Мы коснемся легенды о ней въ монографіи о генезисѣ Артуровой саги. Замѣтимъ здѣсь, что Ринальдо, поразмысливъ, отказался пить изъ предложенной ему чары, говоря:

Mia donna è donna, ed ogni donna è molle:
Lasciam star mia credenza come stasse...

Предложенное Ринальдо испытаніе могло бы, по его словамъ, имѣть для него тѣ же послѣдствія, какія извѣдалъ Адамъ;

Così se della moglie sua vuol l'uomo
Tutto saper quanto ella fece e disse,
Cade dell'allegrezze in pianti e in guai,
Onde non può rilevarsi mai.

Это одна изъ тѣхъ остроумныхъ и полныхъ житейской мудрости шутокъ (повторяемъ мнѣніе Шерра), которыя не разъ позволялъ себѣ Аріосто въ отношеніи къ женщинамъ и которыя встрѣчали такую же снисходительность со стороны послѣднихъ, какъ и подобныя язвительныя замѣчанія Боккаччо.

²⁾ Разумѣемъ эпизодъ въ XXIX-й пѣснѣ «Orl. Fur.» о смерти Изабеллы, не желавшей измѣнить своему умершему Zerbino. Аріосто представилъ въ этомъ эпизодѣ такое же художественное завершеніе поэтическихъ обработокъ сказанія объ Евфрасіи, какое нашли въ Ромео и Джульеттѣ Шекспира древнія сказанія въ родѣ сказаній о любви Пирама и Тисбы, Геро и Леандра. См. цит. ст. Voigt-a, 28—30. Поэтъ напутствуетъ душу умерщвленной Изабеллы слѣдующимъ обращеніемъ (XXIX, 26—27):

Alma, ch'avesti piu la fede cara,
E'l nome, quasi ignoto e peregrino
Al tempo nostro, della castidade
Che la tua vita e la tua verde etade;
Vattene in pace, alma beata e bella и пр.

ность міросозерцанія, которой и не предположить читатель, лишенный вдумчивости ¹⁾. Въ цѣломъ поэма не внушала уваженія къ рыцарству и энтузіазма, но и не разрушала его обаянія ²⁾. Вѣрнѣе всего будетъ сказать, что мыслящаго читателя и слушателя она могла повергнуть въ грустное настроеніе, либо оставляла въ неопредѣленномъ состояніи подѣ впечатлѣніемъ двойственности изображенія ³⁾, въ большинствѣ же могла лишь поддерживать эстетическій интересъ къ сказаніямъ о рыцарскомъ мірѣ, который предстаетъ у Аріосто въ чарующемъ блескѣ ярко разрисованныхъ, полныхъ жизни и выразительности, быстро и пестро смѣняющихся картинъ, не дающихъ читателю перевести духъ и поразмыслить и безпрестанно увлекающихъ его въ безпредѣльную даль. Поэма Аріосто не разрушала поэтической цѣны такихъ измышленій, какъ легенда о Мерлинѣ, „*savio mago*“, котораго не коснулась совсѣмъ иронія Аріосто. Что „Неистовый Рол.“ не былъ могильной плитой рыцарской легенды, лучше всего подтверждается послѣдующею исторіею рыцарской эпикей ⁴⁾, не умершей, а продолжавшей жить въ Италіи, и тою популярностію, какою доселѣ поль-

¹⁾ Приведемъ хотя бы сужденіе Ватюшкова (Сочин., т. III, 170), по словамъ котораго Аріосто «умѣетъ соединять эпическій тонъ съ шутивымъ, забавное съ важнымъ, легкое съ глубокомысленнымъ, тѣни съ свѣтомъ, умѣетъ васъ растрогать даже до слезъ, самъ съ вами плачетъ и сѣтуетъ и въ одну минуту и надъ вами, и надъ собою смѣется. Возьмите душу Виргилія, воображеніе Тассо, умъ Гомера, остроуміе Вольтера, добродушіе Лафонтена, гибкость Овидія; вотъ Аріостъ! Относительно «Путешествія на луну» Ватюшковъ писалъ: «Это все мило и весьма забавно у стихотворца, потому, что объ этомъ онъ говоритъ не тѣмъ тономъ, какииъ говаривалъ Вольтеръ въ своей *Дюккѣ*, но съ удивительнымъ, однимъ словомъ—съ Лафонтеновымъ добродушіемъ, весьма серьезно, иногда съ жаромъ, иногда улыбаясь однимъ глазомъ». Др. отзывъ Ватюшкова см. во II, 149—151, гдѣ сказано: «взоръ сего чудеснаго Протея обнимаетъ все мірозданіе» и т. п.

²⁾ Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что говоритъ San-Marte, Die Arthur-Sage-1842, S. 66: «Ariost in seinem rasendem Roland mit feiner Ironie den Grund und Boden unterhöhlte, worauf die Arthurromanen erwachsen waren». Мы видѣли, что Готье утверждаетъ то же относительно Пульчи.

³⁾ Современники Аріосто замѣтили, напр., его двойственность въ отношеніи къ женщинамъ. Ок. 1540 г. въ Венеціи была напечатана книжка: «*Due alfabeti uno contro le donne, et l'altro in suo favore, savati dal famosissimo Ariosto*».

⁴⁾ Позднѣйшая итальянская драма также черпала по временамъ матеріалъ изъ поэмы Аріосто. Укажемъ на трагедію Тести «*L'isola d'Alcina*» 1636 г. Въ прологѣ ея выведенъ Аріосто. Онъ говоритъ, что Аениская сцена могла изображать несчастья царей и обогащаться кровію, итальянская же сцена должна быть свободна отъ того; она должна трогать лишь несчастьями влюбленныхъ. Тести подкрѣпилъ мелодрамазмъ, который послѣ него все болѣе и болѣе утверждался въ Италіи и искажилъ подлинную трагедію. Упомянемъ еще о трагедіи Медоръ (напеч. въ 1730 г.), написанной Delfino (род. 1617); въ началѣ ея, кажется, можно усматривать подражаніе «*Aminta*» Тассо. Во Франціи Quinault написалъ по Аріосто оперу о Роландѣ (1685).

зается „Неистовый Роландъ“ въ итальянскомъ народѣ, не перестающимъ страстно интересоваться необычайными приключеніями и подвигами паладиновъ Карла, міромъ гигантовъ, чародѣевъ, фѣй и мужественныхъ красавиць, пускающихся въ опасныя авантюры и поиски за возлюбленными. Своими высокими художественными достоинствами поэма Аріосто плѣняла многихъ тонкихъ цѣнителей до нашего вѣка включительно.

Итакъ, въ концѣ развитія рыцарской эпикѣ въ Италиі романы Артурова цикла взяли въ сущности верхъ надъ излюбленнымъ у итальянскаго народа Каролингскимъ эпосомъ, и достигли общенародной извѣстности, только—не въ подлинномъ своемъ видѣ, а въ сдѣяніи съ Каролингскими сказаніями, при чемъ французскій былевой эпосъ подвергся значительному преобразованію. Настроеніе и пехожденія героевъ Круглаго Стола вошли въ общую схему Каролингскаго эпоса ¹⁾ и въ этой формѣ держались въ итальянской литературѣ непрерывно, начиная съ XV в. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ переработкѣ Боярдовой и въ особенности Аріостовой романтика Круглаго Стола возродилась къ новой жизни и вновь еще разъ достигла громкой славы почти на всемъ европейскомъ западѣ.

На этотъ разъ она увлекала не новизною идеаловъ и фантастики, какъ въ XII—XIII вв., а художественнымъ претвореніемъ содержанія, накопленнаго литературною работою нѣсколькихъ вѣковъ, и объединеніемъ этого содержанія въ такой совокупности, какой не представлялъ до того времени романтической эпосъ. То была высшая ступень, на какую взойшла средневѣковая романтика, когда еще разъ достигла на время блеска передъ моментомъ окончательнаго упадка, или, лучше сказать, перелива въ романтику новую.

Если приглядѣться внимательнѣе къ этой итальянской формации романтики, то можно замѣтить, что авторы ея не проявили значительной производительности и оригинальности въ измышленіи и выказали мало собственнаго эпического творчества. Одною изъ наиболѣе характерныхъ внѣшнихъ особенностей въ схемѣ итальянской рыцарской эпикѣ является удѣленіе виднаго мѣста важнѣйшимъ дѣвамъ ²⁾ какъ бы въ соотвѣтствіе роли, полученной женщи-

¹⁾ Мы видѣли, что даже Круглый Столъ былъ усвоенъ Карлу и его паладинамъ.

²⁾ Уже G. Paris, Hist. poét., 195, отмѣтилъ появленіе въ «Auriga monte» мотива, который

ною въ событіяхъ итальянской исторіи въ періодъ Возрожденія ¹⁾. Но, какъ мы видѣли, итальянцы сообщили въ этомъ отношеніи лишь дальнѣйшее развитіе поэтическому замыслу, встрѣчающемуся уже во французской эпикѣ ²⁾, а съ другой стороны подражали древнимъ сказаніямъ ³⁾. Включеніе вонтельницъ-дѣвъ въ канву рыцарской эпикки внесло нѣкоторую оtmѣну въ послѣднюю, приблизивъ эпосъ къ роману, но этимъ и ограничилась плодотворность нововведенія. Malagigi, на которомъ любили останавливаться итальянскіе поэты, и который выдвинулся въ итальянской рыцарской эпикѣ предпочтительно предъ Мерлиномъ не можетъ назваться столь характернымъ образомъ, какъ британскій волшебникъ. Вообще итальянцы внесли мало новаго въ содержаніе Каролингскаго эпоса, творческая переработка котораго преимущественно заняла вниманіе ихъ эпиковъ ⁴⁾, и тѣмъ менѣе оригинальности обнаружили они въ произведеніяхъ, прямо относящихся къ Артуровской эпикѣ или примыкающихъ къ ней ⁵⁾. Даже выдающіеся итальянскіе пѣвцы рыцарскихъ подвиговъ не выказали богатства фантазіи и способности къ оригинальнымъ по-

встрѣчается только въ изводѣ *Reali*, — выведеніе женщины-вонтельницы, часто съ той поры вызывающее подражаніе. Въ томъ «*Orlando*», который послужилъ источникомъ для Пульчи, прекраснымъ образомъ воинственной дѣвы является *Antea*.

¹⁾ O virago времени Возрожденія см. Burckhardt, II, 136—137.

²⁾ Мнѣнія P. Paris, Rajna, Castets о происхожденіи типа воинствующей дѣвы см. у Castets, 252—253.

³⁾ Не слѣдуетъ забывать Пентезилеи, о которой Боккаччо говоритъ въ книгѣ *De Claris Mulieribus*; тамъ же героинею одной главы является *Camilla Volscorum regina*. На Камиллу указывалъ *Vini* (р. 312, вѣроятно—вслѣдъ за *Ariosto*, который самъ сравнивалъ *Брадаманту* съ *Иполитой* и *Камиллой*).—Сказанія о воинственной дѣвѣ тянутся, впрочемъ, чрезъ все средніе вѣка. Врядъ ли эти сказанія имѣли отношеніе къ древнимъ повѣствованіямъ объ *Амазонкахъ*, имя которыхъ было извѣстно лишь ученымъ. См. *F. G. Bergmann*, *Les Amazones*, Colmar (1852), р. 28—30. Воинственныхъ дѣвъ знаетъ даже народная поэзія татаръ. См., напр., о *Богатырь-дѣвицѣ* въ «*Богатырскихъ повѣяхъ Минусинскихъ татаръ*», Спб. 1856, стр. 12—13, 61 и слѣд.; ср. прим. на стр. 74.

⁴⁾ По замѣчанію Castets, р. 253—254, есть мало общихъ данныхъ или интересныхъ подробностей, начала или примѣровъ которыхъ нельзя бы найти во французскихъ произведеніяхъ.

⁵⁾ Итальянскія произведенія, относящіеся прямо къ бретонскому циклу, уступаютъ произведеніямъ Каролингскаго цикла; первыя—лишь переводы и передѣлки. Наиболѣе оригинальный изъ итальянскихъ вымысловъ въ области бретонскаго цикла—пріуроченіе мѣстопребыванія *Артура* къ Сициліи и помѣщеніе тамъ же *Морганы*. Что до сочиненія пророчествъ отъ имени *Мерлина*, то итальянцы подражали въ этомъ другимъ народамъ. Изъ рыцарей *Круглаго Стола* въ Италиіи особымъ вниманіемъ пользовались *Ланселотъ* и *Тристанъ*, но характеры ихъ, какъ и другихъ рыцарей *Круглаго Стола*, мало измѣнились въ итальянскомъ творчествѣ.

строеніямъ. Это можно сказать не только о Пульчи ¹⁾, Боярдо ²⁾, Тассо ³⁾, но и объ Аріосто, фантазія котораго, казалось бы съ перваго взгляда, была неистощима ⁴⁾. Главною заслугою и достоинствомъ корифеевъ итальянской рыцарской эпоики слѣдуетъ считать своеобразное сочетаніе схемъ цикловъ Каролингскаго и Артуровскаго. Сліяніе этихъ цикловъ началось во Франціи, но въ Италіи оно получило особый характеръ, нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не повторявшійся. Своеобразный колоритъ повѣствованія, оригинальная обрисовка дѣйствующихъ лицъ и мастерское построеніе ⁵⁾ романтическаго эпоса—главныя преобразованія, внесенныя итальянцами въ рыцарскую эпоику, перенятую ими у французовъ. Можно прослѣдить шагъ за шагомъ послѣдовательное развитіе шутки и ироніи въ итальянскихъ переработкахъ французскаго эпоса, начиная съ ранняго и слабого проявленія ея хотя бы въ мнимой заботѣ о точности повѣствованія ⁶⁾ и оканчивая созданіемъ типически очерченныхъ и рельефныхъ характеровъ ⁷⁾. Рыцарскіе подвиги и странствованія, а равно фантастика получили особое освѣщеніе, восприняли отпечатокъ настроенія итальянцевъ.

1) О томъ, что его поэма въ значительной степени rifacimento Orlando—см. выше.

2) У Боярдо новыя, не встрѣчавшіяся дотолѣ въ эпосѣ, имена указаны главнымъ образомъ въ полчищѣ Сарацинъ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что и въ ряду Сарацинъ, выступающихъ въ итальянскомъ эпосѣ, часто повторяются имена, которыя ранѣе встрѣчаются въ *Chansons de geste* и въ хроникѣ Турпина. Часто, впрочемъ, имѣли мѣсто легкія перекладки и нѣкоторыя измѣненія какъ въ именахъ, такъ и въ характеристикѣ героевъ: известная личность перемѣщалась, известный характеръ видоизмѣнялся, иной типъ могъ повторяться. *Castets, Recherches*, 236—238; его же изд. Турпина, р. 28.

3) О Тассо нечего распространяться послѣ сказаннаго выше, изъ котораго явствуетъ, что поэма его—лишь талантливое сплетеніе древнихъ схемъ и вымысловъ съ новыми съ примѣсомъ лиризма.

4) Аріосто приписывали прежде, по крайней мѣрѣ, обширныя познанія въ рыцарской литературѣ, но теперь приходится ограничить и это.

5) Главнымъ элементомъ мастерства итальянскихъ эпиковъ является, по Burekhardt-y (II 68), «*leichte Präcision in der Schilderung des Bewegten*».

6) Напр., при перечисленіяхъ.

7) Такъ, по недоразумѣнію въ Италіи Estout изъ уроженца Lengres=Lengrois сталъ Englois, затѣмъ sire di Ingalterra, подъ именемъ Astolfo выдѣлился въ итальянскихъ рыцарскихъ поэмахъ на болѣе видное мѣсто, чѣмъ во французскихъ, и превратился въ рельефный комическій типъ, послѣдовательное развитіе котораго вполнѣ теперь выяснено путемъ сопоставленія обрисовки его въ цѣломъ рядѣ памятниковъ. См. у Gautier, *Les épopées*, III², 177—179, *Castets*, 238—244, *Thomas-Nouv. rech.*, 37, 44, 52 и др. *Michelant*, *Der roman von Escanor von Gerard von Amiens*, Tüb. 1886, р. 685, говорить о Keux: «*L'Argioste'la pris pour type d'Astolphe*».—Родомонте со своею дикою и неукротимою храбростію принадлежитъ къ характерамъ, наиболее очерченнымъ у Аріосто. Онъ не разъ привлекалъ вниманіе рыцарской эпоики послѣ Аріосто. Онъ выступалъ и во французскихъ фацеціяхъ Tabarin-a (XVII в.). О Родомонте въ народномъ представленіи современныхъ Сицилійцевъ см. у Pitre., 344.

янскихъ поэтовъ времени Возрожденія, нѣсколько потѣшавшихся надъ рыцарскою любовною манією и бреднями и во всякомъ случаѣ безъ энтузіазма и полного сочувствія повѣствовавшихъ о приключеніяхъ рыцарей. Крайности рыцарской любви, доходившія до смѣшнаго, были выдвинуты на первый планъ, а религіозная ревность рыцарства осталась въ тѣни. Оттуда пренебреженіе въ Италіи къ цѣлому отдѣлу бретонскихъ романовъ, посвященному св. Граалю, Персевалу и Галааду, чѣмъ итальянская литература рѣзко отличается отъ средневѣковой нѣмецкой литературы. Такимъ образомъ, эксцентричности и преувеличенія, въ которыя впадало рыцарство, не встрѣтили одобренія въ Италіи, проявившей даже въ героической поэмѣ наклонность къ бурлеску, который удержался въ ней до позднѣйшаго времени. Эволюція мысли подъ вліяніемъ классицизма и иной складъ жизни устранили въ Италіи безплодный, чисто средневѣковой идеализмъ, который такъ долго держался, напр., въ Испаніи.

Но въ Италіи уцѣлѣлъ не только одинъ остовъ любовной рыцарской эпикѣ, и существовало не одно только ироническое отношеніе къ ея идеализму. Благодаря процвѣтанію дворской жизни и весьма значительному вліянію поэзіи провансальской и французской, въ Италіи была также усвоена рыцарская идеализація любви, и не прошло безслѣдно заносимое туда рыцарское чувство; оно подвергалось лишь новымъ видоизмѣненіямъ. Послѣ Данте, воспѣваемаго любовь, охватывавшую и совмѣщавшую всѣ высшія стремленія человѣческаго духа, идеализація любви постепенно отрѣшилась отъ средневѣковаго мистицизма и держалась либо на уровнѣ платоническаго чувства Петрарки, который царилъ въ итальянской лирикѣ въ лицѣ своихъ многочисленныхъ послѣдователей вплоть до XVII в., либо переходила въ отвлеченный культъ красоты ¹⁾, либо, наконецъ, уничтожалась наивнымъ матеріализмомъ Возрожденія или развратомъ (въ жизни).

¹⁾ Послѣдній имѣлъ исходнымъ пунктомъ философскую абстракцію, которою отличалась итальянская лирика уже начиная съ Болонской поэтической школы: пѣснь трубадуровъ былъ приданъ философскій отгѣнокъ, и дама превратилась въ отвлеченное существо. Въ періодъ Возрожденія къ этому теченію присоединилось вліяніе Платоновой философіи. Интересный фактъ увлеченія ею передаетъ Фичино, по словамъ котораго Лоренцо Медичи порѣшилъ возстановить «Platonicum convivium» и назначилъ архитриклиномъ Бандина. «Cum igitur septimum Novembris diem colere Bandinus instituisset, regio apparatus in agro Caregio novem Platonicos accepit conyivas... Remotis dapibus, Bernardus Nutius Platonis accepit librum, qui convivium de amore scribitur: legitque omnes Symposii huius orationes, quibus lectis reliquos convivas oravit, ut singuli singulas orationes exponerent».

Вмѣстѣ съ тѣмъ укоренился культъ личнаго изящества, и сложился итальянскій типъ *cavaliero*, названіе котораго въ XVII в. вытѣснило даже во Франціи бывшее тамъ до того времени въ употребленіи слово *chevalier* ¹⁾. Во всемъ этомъ сказывалось отчасти вліяніе бретонскаго цикла, который наглядно знакомилъ съ образцами рыцарственности, а также съ правилами рыцарской морали. Воздѣйствіе послѣдней также не замедлило обнаружиться.

Раннее моральное освобожденіе женщины въ Италиі было начато водворявшимся тамъ индивидуализмомъ и продолжалось отчасти подъ вліяніемъ романовъ Круглаго Стола и ихъ морали, которая согласовалась съ рыцарскою моралью вообще, проникавшею въ Италию ²⁾. Оттуда-то запрещенія со стороны нѣкоторыхъ писателей читать эти романы ³⁾: брет. циклъ наглядно воплощалъ принципы, разрушительно дѣйствовавшіе на старый семейный строй. Благодаря паденію послѣдняго въ итальянскомъ обществѣ времени Возрожденія держался по старому от-

¹⁾ Итальянцы XVI в. съ пренебреженіемъ отзывались о грубыхъ французскихъ рыцаряхъ. О проникновеніи слова *cavalier* во французскій языкъ въ XVII в. для обозначенія *galant* и *gentilhomme* см. *Lexique de la langue de Corneille* въ *Oeuvres de P. Corneille*, Nouv. éd. par Marty-Laveaux (*Les grands écrivains de la France*), t. XI, Par. 1862, p. 156.

²⁾ Вліяніе трактата (*Tractatus Amoris*) Андрея капеллана усматривается уже въ XIII в. на ряду съ вліяніемъ Овидія—у Guittone d'Arezzo. Подъ вліяніемъ того же Андрея составленъ *Dialogo d'amore*, приписанный Воккаччо; о подложности этого діалога см. у Hortis, 878—880. „Тринадцать вопросовъ любви“, заимствованныхъ изъ Filocolo, являлись въ печати и отдѣльно: Hortis, 907—908.—Слѣды этой рыцарской морали выступаютъ наилучше въ ученіи объ идеальной любви (допускается и у Кастильоне), по которому благородная женщина можетъ, не роняя своей чести, любить достойнаго посторонняго человѣка (не мужа), лишь бы только эта любовь была сокрыта въ глубинѣ души и ничѣмъ не проявлялась. Таковую же сокровенность долженъ былъ соблюдать и мужчина, питавшій идеальную любовь. Эта теорія примиралась съ ученіемъ, что

Feme qui vout son honour garder
Ne doit ne prendre ne donner.

Какъ увидимъ, она была въ ходу во Франціи еще въ XVI и XVII вв.—Замѣтимъ еще, что въ XVI в. въ Италиі интересовалъ вопросъ о чести правильной и неправильной, съ которыми, можетъ быть, слѣдуетъ привести въ связь разногласіе относительно чести между Гварини и Тассо (въ ихъ пастушескихъ драмахъ; см. выше).

³⁾ Франческо да Барберино писалъ: «Nec tibi tollo, ubi non omnino sunt vetera, que scribuntur de Tabula et de Hector et aliis, dummodo vilitates Cornwalliensium derelinquas, Tristantum propterea non obmitens». Thomas, Francesco da Barberino, 173. Bartsch вмѣсто слова «vetera» прочелъ «vana», но прибавилъ въ скобкахъ: undeutlich (Jahrb. f. rom u engl. Liter. XI, 45). Въ «Del reggimento e costumi di donna» Фр. да Барберино писалъ о дѣвущкѣ, достигшей возраста вступленія въ бракъ:

Fugga d'udir(e) tutti libri e novelle,
Canzoni, ed anchor trattati d'amore:
Ch'elgli è agievole a vincier la torre,
C'a dentro dassè l(o) nimico mortale.

рицательный взгляд на женщину наряду съ прославленіемъ ея въ литературѣ, и не разъ происходили литературныя препирательства о достоинствѣ женщины. Въ средніе вѣка порицаніе женщины превѣшивало чрезмѣрныя и потому уже недѣйствительныя похвалы ей. Въ итальянской литературѣ времени Возрожденія двойственное отношеніе къ женщинѣ было послѣдствіемъ не только рутины, но и несоотвѣтствія ея нравственнаго характера и степени внушаемаго ею уваженія положенію, которое она заняла. Въ началѣ Возрожденія въ Италіи любовь впервые поднялась надъ гнетомъ стараго обычая и условности, но это сопровождалось противоположною крайностію—ослабленіемъ значенія законнаго брака, въ силу чего въ литературѣ во имя свободы чувства подвергался осмѣянію мужъ и выдвигался любовникъ, торжествовавшій благодаря личнымъ его достоинствамъ. Въ жизни и литературѣ повторялся, слѣдовательно, основной мотивъ романа о Тристанѣ, сказаній о Кабестанѣ и т. п. Тѣмъ не менѣе, авторитетъ женщины (дѣйствительный, а не фиктивный, поэтический) не падалъ, а возвышался¹⁾. То теченіе литературы, которое изстари было направлено противъ женщины, не исчезало²⁾, и моралисты предъявляли ей суровыя требованія по старому, но преобладало защити-

Авторъ одной хроники, писавшій послѣ 1310 г., въ числѣ другихъ увѣщаній, оставленныхъ дѣтямъ, завѣщалъ: «*Fabulas scriptas in Libris, qui Romanzi vocantur, vitare debeant, quos semper odio habui*». Graf въ *Giorn.* V, 84.—См. еще приведенную выдержку изъ *Laberinto d'Amore* Воккаччо. Напротивъ, итальянецъ Tommasino de' Cerchiari въ поэмѣ «*Der Wälsche Gast*», написанной около 1216 г., говоря о воспитаніи юношества, рекомендуетъ дѣвушкамъ, читать между проч., исторіи Эниды (раз. романъ объ Эраклѣ), Галиенны (раз. *Roman de Fregus et Galienne*) и *Sördamor* (въ ром. *Cligés* сестра *Gauvain-a*): *Der Wälsche Gast*, hrsg. von Rückert, Quedlinb. u. Leipz. MDCCCLII, т. 1033—1038. Въ особенности полезно, по мнѣнію Томмазина, чтеніе романовъ Круглаго Стола для юношей; онъ посвящаетъ цѣлый рядъ стиховъ обоснованію этой мысли (т. 1087—1162); изъ романтическихъ героевъ рекомендуются для подражанія *Gäwein*, *Clies*, *Èrec*, *Iwein*, *Artüs*, *Tristand*, *Seigrimos*, *Kalogriânt*, въ особенности *Parzival*; авторъ предостерегаетъ отъ слѣдованія примѣру *Key* (1041—1078).

1) Объ итальянской женщинѣ времени Возрожденія см. кромѣ указанныхъ монографій еще статьи *P. L. Ceschi*: «*La donna e la famiglia italiana dal secolo XIII al secol XVI*» въ *Nuova Antologia* 1878, fasc. XIX (1 ottobre) и XX (15 ottobre) и въ его же монографіи «*Torquato Tasso e la vita italiana nel secolo XVI*» 1877, 2-й отдѣлъ 1-й главы; ст. *E. Lynn Linton*: «*Italian women in the middle age*» въ *The Fortn. Rev.* 1888, Febr.; ст. *Ляичка (Janitschek)*: «*Die Frauen—frage im Renaissancezeitalter*» въ *Die Nation* № 21, 19. Februar 1887, навѣстна намъ по краткой замѣткѣ *Geiger-a* въ *Zeitschr. f. Vergl. Litteraturg. etc.*, N. F., I Bd. 5. и 6. Heft, S. 491.

2) О прозвѣденіяхъ противъ любви и женщинъ въ итальянской литературѣ до XVI в. включительно см. у *Comparotti*, *Virgilio*, II, 115. Статьи *L. Valmaggi*: «*Dello spirito antifemminile in alcune comedie del cinquecento*» въ *Gazzetta letteraria* 1888 (XII) мы не видѣли. «*Proverbia sup. natura feminaum*» написаны итальянцемъ; объ источникѣ см. *Romania* XV, 603 и слѣд.

тельное настроеніе ¹⁾, и выдвигалось требованіе равноправности, со-
отвѣтствовавшее болѣе или менѣе видному положенію, которое
заняли женщины въ періодъ Возрожденія. Онѣ были просвѣщенны,
иногда не уступали мужчинамъ въ образованіи, были способны къ дѣя-
тельности въ государственномъ управленіи и принимали участіе во
всемъ. Онѣ много содѣйствовали прогрессивному движенію обществен-
ной культуры, въ томъ числѣ поэзіи и языка, и нѣсколько умѣряли и
облагороживали общественность Возрожденія ²⁾. Благодаря женщи-
намъ къ вопросамъ философскимъ и филологическимъ, которыми за-
нимались тогдашніе просвѣщенные и ученые люди, примѣшивались
вопросы, касавшіеся сердца ³⁾. Всѣмъ этимъ вводились новыя начала
въ этическую концепцію жизни. Начинателями этого переворота, по-
вторяемъ, были отчасти романы бретонскаго цикла.

Таково было воздѣйствіе романовъ Круглаго Стола на италь-
янскую поэзію и жизнь до второй половины XVI в. Оказывается,
что и итальянцы, при всемъ отличіи интеллигентнаго общества
ихъ отъ знати остальной Европы, даже въ пору преклоненія
предъ Гомеровскимъ эпосомъ, Энеидою и поэтикою Аристотеля,
не остались чужды значительнаго вліянія рыцарско-романтической
эпики и увлекались ею, сопровождая повѣствованія ея то добродушно
веселой или же нѣсколько иронической улыбкой, то полусерьезной
или даже вполнѣ искренней ⁴⁾ вѣрой въ доблесть стараго рыцар-

¹⁾ См., напр., *La Defensione delle Donne d'autore anonimo. Scrittura inedita del sec. XV ora pubblicata a cura di Fr. Zambrini. Bol. 1876.* Рассказы о женской доблести есть у Domenichi, *La nobiltà delle donne*, и въ Cortegiano Кастильоне.

²⁾ Вспомним хотя-бы правило не рассказывать предъ дѣвушками неприличныхъ исторій.

³⁾ О любовныхъ трактатахъ XV и въ особенности XVI в. см. въ Rosi, *Saggio sui trattati d'amore del cinquecento: contributo alla storia dei costumi italiani nel secolo XVI.* Recanati 1889. Трактаты эти заключаютъ, по большей части, монотонное повтореніе древнихъ теорій любви. На рус. яз. см. въ эту дѣю И. Бушлаева: «О значеніи современнаго романа и его задачахъ». — Въ романахъ иногда также какъ бы рѣшались вопросы любовной теоріи, какъ, напр., въ *Historia di Aurelio & Isabella, nella quale se disputa, chi piu da occasione di peccare l'huomo alla Donna, o la Donna a l'huomo da Gio, Di Fiori (1533, 1548 и др.)*. Въ сборникахъ новеллъ иногда видное мѣсто отводилось разсужденіямъ и элементу морализаціи, каковой обычай удержался до поздняго времени. См., напр., *Il fuggilozio di Tomaso Costo Diuiso in otto giornate, ove da otto gentilhuomini e due Donne si ragiona delle Malizie di femine, e trascuragini di mariti etc. In Venetia MDCIII.* — Развлеченія знатнаго общества, въ родѣ описаннаго въ *Filocolo*, состоявшія въ рѣшеніи вопросовъ изъ области любви, проникшія въ Италію, повидимому, изъ Прованса, продолжались, какъ мы видѣли, и въ XVI в. См. еще данныя, приведенныя въ статьѣ Renier въ *Giorn. stor. d. l. it.* XIII. 382—384.

⁴⁾ Разумѣемъ простой народъ.

ства. Конечно, романтика была въ Италіи цвѣткомъ, принесеннымъ извнѣ, и нерѣдко являлась принадлежностью эстетической забавы, а не серьезнаго увлеченія; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что уже Данте, открывающій Возрожденіе въ Италіи, при свѣтѣ новаго идеала послалъ умиравшее средневѣковое общество въ „aer bruto“ (въ адъ). Оттого романтика Круглаго Стола въ ея подлинномъ видѣ не вызывала полнаго энтузіазма въ Италіи. Она увлекала тамъ болѣе въ чисто мѣстной передѣлкѣ. При этомъ въ итальянской литературѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, обнаружилось ироническое отношеніе къ идеаламъ рыцарства и даже прямое осмѣяніе ихъ въ оригинальномъ, чисто итальянскомъ родѣ бурлескной поэмы; но то было осмѣяніе столь же не глубокое, какъ не глубоко было и воспроизведеніе эпикки Круглаго Стола въ итальянской поэзіи, смѣшавшее различныя начала романтики безъ особаго разбора. Итальянская поэзія ранѣе Сервантеса обнаружила гротескъ рыцарскаго энтузіазма, но Боярдо и Аріосто не разрушили этого энтузіазма: ихъ поэмы, въ особенности „Orlando Furioso“, что бы ни говорили о трагизмѣ послѣдняго, мало затрогивали глубокую коллизію, выникавшую изъ несоотвѣтствія рыцарскаго идеала, все еще столь дорогаго для многихъ людей переходнаго періода, жизни и духу новаго времени. Гораздо лучше отгѣнили Боярдо и Аріосто безбрежный горизонтъ рыцарства, который не разъ вызывалъ ихъ шутку.

Потому-то и послѣ поэмы Аріосто рыцарскій эпосъ долго еще былъ излюбленнымъ родомъ литературнаго творчества въ Италіи. Трудно даже представить себѣ, сколь популярны были тамъ паладины въ первыя десятилѣтія XVI в. Не удивительно, что было предпринято много подражаній „Неистовому Роланду“: ихъ насчитываютъ до 60. Въ числѣ поэтовъ, пробовавшихъ свои силы въ этомъ родѣ творчества, былъ Пьетро Аретино, начавшій-было въ 1527 г. огромный эпосъ „Marfisa“. Поэма Аретино долженствовала служить продолженіемъ „Неистоваго Роланда“, авторъ котораго почтилъ своего послѣдователя въ 1532 году эпитетами „divino“ и „flagello de'principi“. Но грандіозный и гордый проектъ Аретино создать поэму, подобную Orlando Innamorato и Orl. Fur., и прославить въ ней (конечно—за деньги) домъ Gonzaga, какъ Аріосто прославилъ Эсте, не былъ осуществленъ, и отъ этой крупной затѣи остались лишь три пѣсни „Marfisa“. Въ нихъ повѣствованіе начи-

нается съ того момента, въ который остановилось дѣйствіе поэмы Аріосто, и нѣтъ законченности. Поссорившись съ Гонзагой, Аретино вздумалъ-было посвятить злосчастную поэму другому милостивцу, а потомъ и совсѣмъ оставилъ начатую работу и съжегъ нѣсколько тысячъ написанныхъ стансовъ, о чемъ можно не жалѣть, судя по сохранившемуся отрывку ¹⁾. Была доведена до конца, но также безъ успѣха, и та попытка, которую предпринялъ Аламани. Франсуа I и затѣмъ Генрихъ II надѣялись увидѣть въ этомъ поэтѣ второго Аріосто, и Франсуа поручилъ Аламани изложить въ итальянскихъ стихахъ романъ о Guigon-ѣ, который, по мнѣнію рыцарственнаго короля Франціи, былъ выше другихъ рыцарскихъ романовъ. Ожиданія оказались обманутыми послѣ выполненія ²⁾. Напрасны были усилія и другихъ поэтовъ поравняться съ Аріосто. Но всѣ подобныя попытки достопримѣчательны, свидѣтельствуя о томъ, какъ оживленъ былъ интересъ къ рыцарскому эпосу въ Италіи XVI в. Всѣ читали выдающіяся произведенія этого эпоса, даже cortigiane, имѣвшія притязанія на литературное образованіе. Рыцарь все еще оставался моднымъ и, по мнѣнію многихъ, передовымъ типомъ въ литературѣ и жизни.

Въ рыцарѣ же воплотилъ свои идеалы и съ исторіею его похождения связалъ свой протестъ противъ остатковъ средневѣковой старины знаменитѣйшій изъ представителей бурлеска и реализма въ итальянской поэзіи XVI в., Фоленго, питавшій средневѣковую ненависть къ вилланамъ и ко всѣмъ другимъ классамъ общества, которые пребывали въ косности и рутинѣ. Какъ герой Масагопеае Бальдъ въ юности вмѣсто скучныхъ шевольныхъ учебниковъ читалъ рыцарскія книги:

...Orlandi nazare volumina coepit ³⁾,

такъ, вѣроятно, увлекался этими повѣствованіями и Фоленго, въ годы посѣщенія университета. Не удивительно потому, что рыцарскія поэмы

¹⁾ См. данныя о «Марфизѣ» въ книгѣ *Luigi: Pietro Aretino nei primi suoi anni a Venezia e la corte dei Gonzaga*, Tor. 1888, p. 20 и слѣд.

²⁾ Varchi, однако, ставилъ Girone выше Orl. F., надъ чѣмъ посмѣялся Lasca.

³⁾ Въ первой редакціи Масагопеае говорится:

. tantum fera bella Rinaldi

Orlandique placent, animans se talia cernens.

Во второй редакціи въ ряду излюбленныхъ книгъ Вальда первое мѣсто получаетъ Аріосто, съ Orlando котораго авторъ успѣлъ тѣмъ временемъ ознакомиться.

оказали значительное вліяніе на составъ *Mascheroneae*, въ которыхъ Фоленго постепенно ¹⁾ все шире, смѣлѣе и сильнѣе выражалъ свое негодованіе противъ испорченности клира во всемъ его составѣ, начиная съ папъ, противъ схоластической науки, смѣялся надъ нравами своего времени и т. д. Реализмъ и юморъ совмѣщаются въ поэмѣ Фоленго съ подробностями, заимствованными изъ рыцарскихъ романовъ, и съ фантастикою ²⁾, также отчасти почерпнутою изъ послѣднихъ. Родители Бальда принадлежатъ къ средѣ, о которой повѣствовались старыя итальянскія рыцарскія поэмы, и въ исторіи этихъ родителей дается описаніе *Montalbano*, турнира, на которомъ влюбился и затѣмъ отличился отецъ Бальда и т. п. Главныя дѣйствующія лица *Mascheroneae* совершаютъ свои продѣлки, а затѣмъ баснословные подвиги сначала въ реальномъ мірѣ, а потомъ, какъ бы сдѣлавшись странствующими рыцарями, — въ фантастическомъ мірѣ чаръ, колдуній, чудищъ, исчадій ада и превращеній

1) Въ трехъ несомнѣнно принадлежащихъ Фоленго редакціяхъ поэмы о Бальдѣ *Luzio* [въ окончаніи статьи: «Nuove ricerche sul Folengo», помѣщенномъ въ *Giorn. stor. d. l. it.*, XIV, 373—417; эту статью мы пользовались для указанія отиѣвъ въ недоступныхъ намъ изданіяхъ поэмы Фолейго] видить послѣдовательное усиленіе элементовъ юмизма, пародіи, сатиры и тенденціозности, а также усовершеніе живости и изобразительности языка благодаря тому, что въ послѣднемъ все болѣе и болѣе берутъ верхъ элементы народныя и діалектическіе. По мнѣнію *Luzio*, редакція, которую представляетъ первое изданіе (1517 г.), окончательно сложилась во время пребыванія автора въ монастырѣ; во время своего студенчества Фоленго могъ написать лишь нѣсколько отрывковъ. Вторая редакція (1521 г.), по *Luzio*, — какъ бы совсѣмъ новое произведеніе. Еще болѣе глубокія измѣненія замѣчаются въ третьей редакціи [редактирована въ 1580 г.; въ свѣтъ могла выйти не позже 1584 г.; эта третья редакція была воспроизведена *Boselli* въ изданіи 1555 г.]; послѣдняя наиболѣе совершенна въ отношеніи художественности, и въ то же время въ ней получила наибольшее развитіе сатирическая часть поэмы. Съ этимъ мнѣніемъ не соглашается *Portioli* (*Le Opere Mascheroniche di Merlin Cosai*, vol. III, Mantova 1889), отдающій предпочтеніе изданной имъ второй редакціи (*Le Opere Mascheroniche di Merlin Cosai*, vol. I—II, Mant. 1882—83). Равнымъ образомъ *Portioli* возражаетъ противъ устанавливаемой *Luzio* даты рожденія Фоленго (1496 г.) и вступленія въ монастырь. Если принять указанія *Portioli*, то выходитъ, что Фоленго слушалъ университетскія лекціи уже послѣ вступленія въ монастырь и занялся макароническимъ эпосомъ, когда на время (около 1515 г.) оставилъ монастырь, не слагая монашескаго званія, и посѣщалъ Болонскій университетъ. Съ этимъ предположеніемъ согласовалось бы и то, что уже въ первой редакціи *Mascheroneae* встрѣчаются весьма удачныя мѣста, которыя врядъ ли могли выйти изъ-подъ пера мальчика. Ср. замѣчанія *Gaspary* въ *Zeitschr. f. rom. Phil.* XIII (1890), 590—594, и въ № 5 «*Literaturbl. f. germ. u. rom. Phil.*» 1890. *Gaspary* также считаетъ недоказанною дату 1496 г.

2) Авторъ говоритъ:

*Phantasia mihi quaedam fantastica venit
Historiam Baldi musis cantare novellis.*

Вариантъ къ послѣднимъ тремъ словамъ изъ втораго изданія: *grossis cantare samoenis*.

въ родѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ рыц. романахъ. Так. обр., на ряду съ изученіемъ дѣйствительности и мѣткими наблюденіями надъ нею матеріалъ поэту доставили произведенія рыцарской эпохи, въ числѣ другихъ—поэмы Пульчи ¹⁾ и Боярдо ²⁾. Элементъ сатиры, выступившій въ „Orl. Fur.“, между проч., въ путешествіи Астольфо на луну, былъ воспринятъ и Фоленго, который, ознакомившись съ поэмою Аріосто, сталъ пламеннымъ почитателемъ его, что явственно сказывается во второмъ изданіи Масагопеае ³⁾, гдѣ Бальдъ напоминаетъ Орландо.

Не должно однако упускать изъ виду рѣзкое отличіе Бальда отъ Роланда. Фоленго не одобрялъ любовной маніи рыцарства ⁴⁾, не долюблялъ женщинъ ⁵⁾, и потому его любимецъ Бальдъ свободенъ

¹⁾ Тонъ Фоленго наиболѣе подходитъ къ тону эпизода о Маргуттѣ. На отношеніе къ П Morgante указалъ какъ бы самъ Фоленго, говоря о происхожденіи Фракасса и Чингара.

²⁾ У Боярдо заимствованы нѣкоторые приключенія и бурлескныя подробности.

³⁾ Въ послѣдней книгѣ Масагопеае во второй редакціи говорится, что нисколько не ниже Петрарки

Magnus Ariostus, laus, gloria, palma Feraræ.

Съ поэмою Аріосто Фоленго ознакомился уже по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія Масагопеае. Подобно Аріосто (это мѣсто Orl. Fur. приведено нами выше) и Фоленго выражаетъ *рыцарское* негодованіе противъ огнестрѣльнаго оружія.

⁴⁾ Мы видѣли, что, говоря о любви Tonellus-а къ Zanina, Фоленго въ Zanitonella представилъ пародію на тогдашнее пристрастіе къ писанью любовныхъ канцовъ. Въ Масагопеае Фоленго саркастически относится къ тому, что придворные обабилась. Онъ вспоминаетъ доброе старое время,

Quum rex ille produs, rex ille bonissimus Artu
Egregiam tenuit chortem, tavolamque rotundam.

І cortigiani времени Фоленго не столько походятъ на мужчинъ, сколько на блудницъ. Противно глядѣть, какъ они кружатъ на мулахъ вокругъ экипажа своихъ нимфъ, лепеча сонеты и мадригалы.

⁵⁾ Въ 1-й редакціи поэмы о Бальдѣ Фоленго отзывается о женщинахъ съ монашескимъ ужасомъ; во 2-й редакціи такое отношеніе сглажено, но все же Фоленго любилъ саркастически выходить о нихъ. Въ 3-й редакціи въ эпизодѣ о путешествіи по морю, когда поднялась буря и рѣшено было, чтобы каждый бросилъ жадному морю, что было у него потяжелее, Воссало бросаетъ въ море жену:

. qua non
Turpior altra fuit, nec plus diavolata marito,
Slanzat eam longe, eridans: i, merda diabli,
I, qua non habeo maiori pondere somam.

Чингара, по сообщенію 3-й редакціи, также прежде удручала прескверная жена, и онъ прекрасно отъ нея отдѣлался. Потому-то онъ весьма сочувственно отнесся къ поступку Воккало, одобренному и другими героями.—Средневѣковая легенда о Виргиліи въ корзинѣ повторена у Фоленго въ новомъ приспособленіи, но продолка со старикомъ, помышлявшимъ о любви, была устроена не женщиною, а Чингаромъ.

отъ крупнаго недостатка Роланда, отъ безумной любви къ

La gran beltà che al gran signor d'Angliante
Macchiò la chiara fama e l'alto ingegno ¹⁾.

Повѣдимоу, идеаль рыцаря рисовался воображенію Фоленго отлично отъ того вида, въ какомъ представало рыцарство, изображенное въ поэмѣхъ Боярдо и Аріосто. Со своимъ произведеніемъ, не чуждымъ аллегоріи ²⁾, Фоленго соединялъ, вѣроятно, особый моральный смыслъ, какъ склоненъ былъ находить таковой и въ поэмѣ Аріосто ³⁾. По словамъ предисловія къ 3-му (Чипадескому) изданію поэмы о Бальдѣ, и читатели предполагали, что за внѣшнею ея фабулою скрывается особое значеніе ⁴⁾. Оставляя послѣднее въ сторонѣ, скажемъ, что въ рыцарскихъ эпизодахъ Масагопеае есть немало комизма ⁵⁾, и Бальда кромѣ того нельзя назвать рыцаремъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Что до пародированія рыц. эпикки въ поэмѣ Фоленго, то культъ рыцарства не могъ отъ того пострадать, хотя макароническій эпосъ о Бальдѣ пользовался значительнымъ успѣхомъ ⁶⁾. Сила таланта Фоленго сказывалась преимущественно въ удивительной наблюдательности, въ воспроизведеніи хорошо знакомой ему дѣйствительности и въ замѣчательной по своему реализму и живости детальной обрисовкѣ; въ особенности удались Фоленго сцены изъ народной жи-

1) Слова Аріосто.

2) Въ предисловіи къ третьей редакціи издатель заявилъ, что авторъ не отрицалъ «questo tale poema essere al tutto fuora di qualche allegorico senso».

3) Узнавъ о смерти Аріосто въ 1583 г., Фоленго писалъ въ предисловіи къ *Humanità del figliuolo di Dio*: «Fortunato vecchio che in così grave, acconcio et ben limato stile cagion ha porto a la molle giovinezza di ritrarsi hoggimai da giochi putte et altre infinite malfatte cose a l'honoratissimo studio delle lettere, alla grandezza de l'arme, et finalmente ad ogni atto generoso di cortesia, le quali tutte cose ponno essere chiamate le fide scale a salire più in alto et ritrovare il nostro principale oggetto, et riconosciutole ad altro non fermar più oltre il pensiero che morire nel signore et dispensatore d'eterni beni». Сторонники взглядовъ Райни и Скрокии на поему Аріосто могли бы воспользоваться этимъ сужденіемъ.

4) «... nata et cresciuta non so che sciocca et al tutto falsa opinione, non meno da chi sanno ricevuta che da coloro non sanno: che cotesto volume di favole non sia dentro tale quale di fuori si mostra essere, ma che dallo istesso Autore siano sotto ruvide scorze ingeniosissime allegorie istate nascose»...

5) Вполнѣ въ серьезномъ тонѣ выдержаны тѣ эпизоды, въ которыхъ выступаетъ Сордельо.

6) Послѣ изданія 1521 г. до 1613 г. вышло 12 изданій Масагопеае; затѣмъ вышло по одному изданію въ XVII и XVIII вв.—Что до вліянія Фоленго на Рабля, то оно давно указано; см. *Charles, Etudes sur W. Shakespeare, Marie Stuart et l'Arétin*, Par. 1851, p. 314, 318.

зни. Грубый же нерѣдко реализмъ, внесенный Фоленто въ рыцарскую часть поэмы, не подрывалъ рыцарской фантастики ¹⁾. Точно также была бессильна и пародія Аретино.—Никто, слѣд., не поднялся въ ироническомъ отношеніи къ рыцарству выше Аріосто и Боярдо, поэма котораго была подновлена Берни и подогнана къ „Orlando Furioso“.

Такимъ образомъ, рыцарство и эпосъ, посвященный его возвеличенію, продолжали занимать видное мѣсто въ поэзіи. Педанты, какъ Триссино, пытались-было противопоставить рыцарской поэмі эпосъ, вполне построенный по древнимъ правиламъ и образцамъ, но усилія ихъ окончились безславіемъ.

Должно однако признать, что старая рыцарская романтика (романы бретонскаго цикла и итальянскія передѣлки ихъ) уже не удовлетворяла читателей второй половины XVI в. ²⁾. Сравнительно мало успѣха имѣло и подновленіе ея въ поэмі объ Амадисѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рыцарскій эпосъ приходило начало, влияніе котораго открываютъ уже у Аріосто ³⁾: вторгался классицизмъ и неразлучное съ нимъ требованіе правильности построенія взаимнѣ безпорядочности, изначала царившей въ рыцарскомъ эпосѣ и романахъ.

¹⁾ См. ст. Gaspary въ *Literaturblatt f. germ. u. rom. Phil.* 1883, № 11, S. 436.

²⁾ Характерно, что Er. Valvasone (1523—1593), написавъ «*Poesia sopra la scaccia*», одобренную Т. Тассо, и четыре пѣсни Ланселота, оставилъ этотъ романъ неоконченнымъ и принялся за поэмы религіознаго содержанія: о подвигѣ Юддеи, о раскаяніи Магдалины и о возстаніи ангеловъ. Въ послѣдней поэмі онъ не разъ обнаруживаетъ влияніе древнихъ эпиковъ. Въ «*Epistola dedicatoria*» онъ ссылается на «*l'esempio del Sanazzaro, e del Vida, e d'altri Latini*». Тамъ же онъ ставитъ вопросъ, почему бы «*molte persone, alle quali pur Santa Chiesa come indulgente madre consente qualche onesto e dicevole trastullo, dico anco della medesima Poesia, non avessero così bene a ricorrer per loro diporto alle Istorie religiose cantate leggiadramente in versi, come fanno alle meraviglie de'cavalieri erranti, o alle bellezze di M. Laura? Gli autori delle quali, perchè sono più onesti, che non furono i Greci nè i Latini, ogni dì si leggono, ogni dì si stampano e si vendono*». Упомянувъ объ одобреніи, встрѣченномъ советами и канцонами, авторы которыхъ, оставивъ любовныя измышленія, обратились къ темамъ религіознымъ и моральнымъ, Вальвазоне спрашиваетъ: «*non deve ciò parimente permesso agli Epicî? È stato, e meritamente lodato il Tasso, che poetando attorno una istoria religiosa, ci ha invitati ad una lezione se non sacra, almen pia*». *L'Angeleida di Erasmo di Valvasone ridotta alla vera lezione, Udine M. DCCC. XXV, p. XIII—XIV, XVIII—XIX, XLVII*. Изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что въ творчествѣ Вальвазоне въ малыхъ размѣрахъ повторился тотъ процессъ, который въ грандіозныхъ размѣрахъ выразился въ жизни и творчествѣ Тассо.

³⁾ Canello вслѣдъ за Райной признаетъ, что Аріосто положилъ начало подведенію романа подъ типъ древняго эпоса: Аріосто выказалъ большее, чѣмъ его предшественникъ (Боярдо), уваженіе къ классической поэзіи, заимствуя изъ древнихъ авторовъ, и проявилъ болѣе художественнаго такта, сообщивъ надлежащую мѣру характерамъ, изобрѣтеннымъ Боярдо. *Ztschr. f. rom. Phil.*, I, 127.

Разгулъ фантазіи Аріосто и его послѣдователей, дошедшихъ до крайняго отрѣщенія отъ исторической и реальной почвы и обращающихся весьма вольно даже съ традиционными вымыслами, такъ, наконецъ, наскучилъ нѣкоторымъ, а съ другой стороны настолько усилилось вліяніе классицизма, что въ области рыцарской романтики должна была наступить реакція. Во второй половинѣ XVI в. возникла борьба между сторонниками средневѣковой свободы романа и поборниками классицизма, желавшими втиснуть романтику въ рамки древняго эпоса. Въ результатѣ получилось возвышеніе рыц. романа на ступень искусственной поэмы, но не полное: романтика отстояла себя.

Эта стадія въ литературномъ развитіи средневѣковой романтики характеризуется поэтической дѣятельностью Тассо.

Тассо принадлежалъ къ числу поэтовъ, которые не удовлетворялись романтическимъ разгуломъ фантазіи и пестротою романтическаго эпоса и желали бы видѣть въ послѣднемъ строгое единство. Уже въ годы студенчества въ Падуѣ Торквато разстался съ колебаніями своего отца, не рѣшавшагося вполне подчинить романъ древнимъ правиламъ и образцамъ; уже въ то время подъ вліяніемъ лекцій Sigonio, изяснявшаго поэтику Аристотеля, бесѣдъ въ кружкѣ Сперони и совѣтовъ своего друга Danese Cataneo, внушившаго ему идею Gerusalemme, Торквато призналъ авторитетъ Аристотелевыхъ правилъ и выработалъ теорію, которой и слѣдовалъ потомъ какъ въ Rinaldo, такъ и въ Gerusalemme ¹⁾. По этой теоретической тенденціи своего труда и по неумѣнію вполне отрѣшиться отъ выраженія своихъ мыслей согласно съ формами, полученными отъ школы, Тассо—поэтъ Возрожденія. Онъ замыслилъ реформу въ сферѣ эпическаго творчества: онъ задумалъ воспѣть, придерживаясь древней поэтики, то самое рыцарство, которымъ занимались романы, но желалъ при этомъ опереться на исторію, изобразивъ его не въ фантастической обстановкѣ, а въ чисто историческомъ подвигѣ его,—подвигѣ крупнаго историческаго значенія, словомъ хотѣлъ дать героическую поэму. Привели Торквато къ мысли о такой реформѣ школьныя занятія и

¹⁾ Подробныя бібліографическія указанія см. въ замѣткѣ Crescini о книгѣ Malmignati: «Il Tasso a Padova, suo primo amore e poesie giovanili» есс., Padova—Verona 1889,—въ Zeitschr. f. rom. Phil., XIII, 568—569.

желаніе примирить авторитетъ теоріи, передъ которою онъ преклонился, со свободою творчества, которою отличалась до того времени романтика. Между тѣмъ характеръ и жизнь поэта направляли его къ чисто романтическому творчеству. Рано извѣдавъ сердечное влеченіе ¹⁾, Тассо, въ отличіе отъ древнихъ поэтовъ, пожелалъ ввести въ свою поэму любовь, какъ источникъ героизма, слѣдуя приѣзру новыхъ — именно испанскихъ — поэтовъ, которыхъ онъ ставилъ выше французскихъ романистовъ бретонскаго цикла ²⁾. Въ Феррарѣ Тассо окончательно проникся рыцарскимъ настроеніемъ, которое съ дѣтства входило въ его душу подъ вліяніемъ занятій отца рыцарскою эпокою, а затѣмъ было оживлено работою надъ поэмою о Ринальдо. Тассо былъ одновременно и поэтъ и рыцарь, готовый мужественно идти на смерть за то, что было ему дорого ³⁾, и призывавшій дру-

¹⁾ Тассо испыталъ первую любовь уже во время студенчества въ Падуѣ, когда онъ любилъ Эрминію Piovene, о чемъ говорится въ книгѣ *Malmignati*.

²⁾ Въ «*Discorso del poema eroico*» Тассо говоритъ, что героическими могутъ быть признаны и дѣянія, обусловленныя любовью: «*Se l'amore è non solo una passione, e un movimento dell'appetito sensitivo, ma uno habito nobilissimo della volontà, come volle san Thomaso, l'amore sarà più lodevole negli heroi, e per consequente nel poema heroico: ma gli antichi o non conobbero questo amore, o non vollero descriverlo negli heroi: ma se non honorarono l'amore come virtù humana, l'adorarono quasi divina, però niuna altra dovevano stimar più conveniente agli heroi...*» Поэты новаго времени, какъ скоро говорятъ не о божественной любви, имѣютъ возможность изображать рыцарскую любовь, «какъ постоянное свойство воли». Ее изображаютъ, между проч., испанскіе писатели, не прибѣгавшіе къ римѣ и столь мало кичливые, что до петроства дошли имена лишь немногихъ изъ нихъ. Кто бы ни былъ описавшій любовь Амадиса въ Орианѣ, онъ заслуживаетъ большей хвалы, чѣмъ французскіе писатели, не исключая изъ нихъ и Arnaldo Danielle, писавшаго, по словамъ Данте, о Ланселотѣ (*sic*; см. выше объ ошибочности этого мнѣнія). Если бы Данте прочелъ Амадиса Галайскаго, или Греческаго, или Приналеона, онъ, могло статься, переиначилъ бы свое мнѣніе о Ланселотѣ: «*perche più nobilmente, e con maggior costanza sono descritti gli amori da poeti spagnuoli, che da francesi, se pur non merita d'esser tratto da questo numero Girono il Cortese, il quale castiga così gravemente la sua amorosa incontinenza alla fontana: ma senza fallo è maggiore loda avere in guida disposto l'animo, ch'alcuno affetto non possa prender l'arme contra la ragione*».—Въ апологичъ своего Иерусалима Тассо писалъ объ испанскомъ Амадисѣ, что, по мнѣнію многихъ и его собственному, этотъ романъ «*è la più bella che si legga fra quelle di questo genere, e forse la più giovevole, perchè nello affetto e nel costume si lascian addietro tutte l'altre, e nella varietà degli accidenti non cede a alcuna che da poi o prima fosse stata scritta*». Ср. еще приведенными выше выдержку изъ діалога «*delle virtù*».

³⁾ Въ одномъ сонетѣ Тассо сравниваетъ себя съ Иларомъ и Фаэтономъ, погибшими вслѣдствіе дерзкаго и безразсуднаго самолюбія, «но—продолжаетъ онъ—какая опасность можетъ устранишь ободряемаго любовію? Страстная Діана не вознесла ли на небо младаго поселенника горы Иды? Какъ Донъ Кихоть, Тассо готовъ былъ идти на смерть за свою возлюбленную. См. сонеты: «*Sdegnò debil guerrier, campione audace*» ес., и «*Donna della mia fè segno sì chiaro*» ес. Извѣстенъ, далѣе случай, когда Тассо со шпагой въ рукѣ отстоялъ свою жизнь противъ убійцъ, послѣ чего сложилась пѣсенка:

гихъ къ рыцарскимъ подвигамъ ¹⁾. Слѣдую рыцарскимъ романамъ, въ которыхъ былъ весьма начитанъ, и внушенію своего чувства, Тассо внесъ въ свою поэму цѣлый рядъ романтическихъ сценъ, изобразилъ романтическую любовь, какой не зналъ древній эпосъ. ввелъ такіе эпизоды какъ эпизодъ о Софроніи и Олиндѣ, напоминающій въ концѣ средневѣковую трогательную исторію любви Флора и Бланш-флоръ ²⁾, и не разъ вдавался въ лиризмъ, выражавшій душевныя страданія самого поэта ³⁾. Въ результатѣ получилось удаление „Освобожденн. Иерусал.“ отъ эноса ⁴⁾; въ изящной формѣ классической поэмы предстала лишь романтика съ значительною долей лиризма. Поэма Тассо оказалась первымъ удачнымъ опытомъ сочетанія новаго творчества съ классическимъ; она—первое художественное созданіе новыхъ литературъ, классическое по формѣ и романтическое по содержанію. Тассо доставилъ блестящее завершеніе средневѣковой рыцарской романтикѣ религиозно-героическаго пошиба, съ одной стороны, и любовнаго съ другой; въ его поэмѣ сливаются оба главные мотива, на которые раздвоилась эта романтика, и пользуются равнымъ почетомъ. Возвышенные порывы христіанскаго героизма и самопожертвованія,

Colla penna e colla spada
Nessun val, quanto Torquato.

Жизнь Тассо представляетъ кромѣ того приѣзры рыцарской неосмотрительности.

¹⁾ La Ger. lib. I, 5. Тассо пришлось затѣмъ разочароваться въ своей надеждѣ на то, что христіанскіе вожди предпримутъ новый крестовый походъ. См. сонетъ: «L'arme e 'l duce cantai, che per pietate» ес.

²⁾ На это указалъ Ten Brink, Gesch. d. Engl. Litter., I, 295.

³⁾ Лиризмъ «Освобожденнаго Иерусалима», выражающій любовныя страданія Тассо, находилъ въ эпизодѣ о Софроніи и Олиндѣ. Софронію обличали прежде съ Леонорой. Отмѣчаютъ далѣе лиризмъ въ сѣтованіяхъ Эрминіи, въ прощаніи Клоринды съ жянзью и другомъ, въ гнѣвомъ прощальномъ воззваніи Аринды и въ др. мѣстахъ. Субъективизмъ «Освобожд. Иерусал.» какъ бы подтверждается словами самого Тассо въ сонетѣ: «Stavasi Amor quasi in suo regno assino» ес.—Говорятъ, что Тассо—«по преимуществу поэтъ облагороженной женской любви, и вѣрнѣе, правдивѣе и прекраснѣе врядъ ли кто могъ представить состояніе духа, большого любовнаго». Wadewer, 294.—Такимъ образомъ, Тассо въ отличіе отъ Аріосто любилъ личности, котормя изобразилъ, и перенесъ въ нихъ часть своей душевной жизни.

⁴⁾ Приведемъ мнѣніе Ө. И. Вуслаева: «И великому прасловутому Тассу стали отказывать въ громкомъ притязаніи на эпическое творчество, указавъ ему скромное мѣсто между поэтами любви, и въ его поэмѣ стали находить болѣе достоинства лирическихъ, нежели эпическихъ».—«Искусственное, противное духу эпической повѣи единство составляетъ существенную принадлежность только искусственныхъ, безжизненныхъ произведеній, какъ «Энеида» или «Освобожденный Иерусалимъ», въ которыхъ всего меньше эпическихъ достоинствъ». Дятлов. р. лит. и древности, изд. Тиходровымъ, т. I, М. 1859, ст.: «Русскія народныя вѣсни, собранныя Якушинимъ», стр. 72 и 77.

пренебрегающаго опасностями, были затемнены или отгѣснены въ рыцарскихъ итальянскихъ поэмахъ времени, предшествовавшаго Тассо. Тассо возвратилъ въ лицѣ Гоффридо чисто христіанскій героизмъ въ романтическій эпосъ и, такимъ образомъ, возстановилъ въ романтикѣ ея древнѣйшій пошибъ. Въ этомъ отношеніи „Освобожденный Иерусалимъ“ примыкаетъ къ ряду тѣхъ средневѣковыхъ поэмъ, которыя повѣствовали о борьбѣ христіанъ Запада съ мусульманами и вообще о подвигахъ французскихъ витязей. У Тассо рыцарскій эпосъ предстаетъ со всею серьезностію тѣхъ былевыхъ пѣсенъ Каролингскаго цикла, образцовою представительницею которыхъ является „Пѣснь о Роландѣ“; „Освоб. Иерус.“ напоминаетъ ихъ даже нѣкоторыми частностями ¹⁾. Должно однако признать, что католичество Тассо не совсѣмъ походило на католичество витязей Каролингскаго эпоса ²⁾, какъ вообще рыцари „Иерусалима“ не совсѣмъ подобны витязямъ Карла ³⁾. Крестоносцы Тассо совмѣщаютъ въ себѣ черты сподвижниковъ Карла, участниковъ перваго крестоваго похода, рыцарей Круглаго Стола и итальянскихъ cavalieri XVI в. Точно также значительно облагорожена у Тассо и нравственно поднята рыцарская любовь, а равно идеализованы женскіе образы ⁴⁾; во всемъ проглядываетъ свойственная Тассо моральная серьезность. Матеріальная любовь, господствовавшая въ Италіи Возрожденія и изображенная въ отношеніяхъ Ринальдо и Армиды, въ концѣ облагорожена. У Тассо нѣтъ и помину о томъ, чтобы любовь была послѣдствіемъ чаръ. Она—

¹⁾ Въ chansons de geste въ родѣ Renaud de Montauban Тассо могъ найти первообразы боевъ христіанъ съ мусульманами Востока. Въ «Renaud» выступаетъ подъ Иерусалимъ, какъ и у Тассо, Египетскій король (Safadin). И Ринальдо Монтобанскій, какъ Ринальдо Тассо, является главнымъ христіанскимъ бойцомъ подъ Иерусалимъ. У Тассо бунтовщиками въ лагерѣ крестоносцевъ оказываются итальянцы, и бунтовщиковъ - итальянцевъ знаетъ французскій эпосъ (см., напр., у Castets p. 231; см. еще La Prise de Rampelune. О томъ, что итальянцамъ нравилась въ эпосѣ подробность о возстаніи противъ Карла, см. Rajna, Rinaldo, 80). Какъ въ позднѣйшихъ французскихъ поэмахъ цикла Рено по рукописи Montpellier рядомъ съ Maugis выступаютъ Esriet и Noigon, такъ и у Тассо одному волшебнику противопоставляется другой. Образы волшебниковъ у Тассо напоминаютъ образы Maugis (=Malagigi) и другихъ волшебниковъ французскаго эпоса. Участіе дьяволовъ въ дѣйствіи «Освобожденнаго Иерусалима», находящее соотвѣтствіе въ томъ эпосѣ, отмѣчено нами выше.

²⁾ Въ католичествѣ Тассо находятъ сліяніе съ платонизмомъ; отмѣчаютъ у Тассо философское совершенство людскихъ дѣяній. Заслуживаетъ также вниманія отношеніе Тассо къ мусульманскому міру.

³⁾ Послѣдніе были болѣе просты и грубы.

⁴⁾ Сарацинки Тассо чувствуютъ и говорятъ точно изящныя дамы Феррарскаго двора. Образы Армиды, Эрминіи и Клоринды нарисованы чрезвычайно нѣжною кистью.

могучее проявленіе свойственнаго человѣку идеализма. Вполнѣ отрѣшена она и отъ рыцарской условности, и конечнымъ исходомъ ея является брачная жизнь, которая также рисуется идеальными чертами. Такимъ образ., Тассо воспринялъ все, что было великаго въ рыцарствѣ, не исключая и религіозныхъ порывовъ хранителей Грааля. Онъ уносился мечтою въ идеальный міръ средневѣковаго рыцарства и съ полною сердечностію разукрасилъ этотъ міръ, надѣливъ героевъ и героинь его возвышенностію и благородствомъ, которымъ было мало мѣста въ дѣйствительной жизни. Въ этихъ образахъ, окруженныхъ обаяніемъ чрезвычайной поэтичности, были закрѣплены идеалистическія представленія о рыцарствѣ и достоинствѣ женщины, возрождавшіяся въ Италіи второй половины XVI в. То было уже вполнѣ мечтательное увлеченіе міромъ, оканчивавшимъ свой вѣкъ, но все еще полнымъ неизвѣстнымъ прелести.

Потому справедливо называютъ Тассо послѣднимъ романтикомъ ¹⁾, какъ не безъ основанія называютъ его и послѣднимъ гуманистомъ. Время средневѣковой доблести прошло, но совокупность влеченій, составлявшихъ ее, еще разъ ожила въ сердцѣ поэта XVI в., насколько то было возможно въ періодъ Возрожденія. Оттого Тассо могъ воспроизвести все лучшее, что было въ средневѣковой романтикѣ, поэтически вѣрилъ въ дѣйствительность личностей, которыхъ изобразилъ, и отнесся къ міру своего эпоса серьезно, со всею искренностію и безъ малѣйшей шутки, чѣмъ рѣзко отличается отъ Боярдо и Аріосто. При этомъ картины, нарисованныя Тассо, проникнуты мечтательною серьезностію, а иногда и скорбію, и носятъ отпечатокъ элегическаго созерцанія и мистицизма, отличнаго отъ средневѣковаго. Въ общей идеѣ любви, царящей въ „Освобожд. Іерус.“, также виденъ ученикъ Платона.

Всѣмъ этимъ не исчерпывается глубокое содержаніе духовной жизни Тассо: онъ не былъ исключительно романтикъ и гуманистъ, и его поэма ознаменовала собою не только поворотъ къ прошлому, происшедшій во второй половинѣ XVI в. въ Италіи. Полнаго возврата къ старинѣ не могло быть со стороны поэта, который въ та-

¹⁾ Förster, Auserlesene lyrische Gedichte von Torquato Tasso, zw. Aufl., I, Leipz. 1844, S. XXXI.—Ellero выразился, что поэма Тассо «è un parto serotino ed anormale del genio, un anacronismo poetico dacchè ora mai contro alle fisime cavalleresche faceva già mestiere il flagello di Cervantes».

кой мѣрѣ, какъ Тассо, былъ субъективенъ и проникъ духомъ Возрожденія. Авторъ „Освобожденнаго Іерусалима“ написалъ также пастушескую драму, полную лиризма, и завершитель средневѣковой романтики въ сферѣ творчества былъ вмѣстѣ съ тѣмъ талантливымъ провозвѣстникомъ поворота къ преобразованію ея ¹⁾ и переливу въ ту формацію, которая выдвинулась съ конца XVI в. не только въ Италію, но также въ Англію, Испанію и затѣмъ во Францію, и возродилась съ новою силою въ XIX в. Со средневѣкою романтикою и мировоззрѣніемъ Возрожденія у Тассо сливались зачатки романтики новой, вѣрующей, серьезной, грустной и сентиментальной, представителемъ которой въ нашей литературѣ былъ впоследствии Жуковский.

Нѣкоторые называютъ Тассо начинателемъ новаго поэтического искусства и говорятъ, что онъ предварялъ Гёте и Шиллера: герои и героини предшествовавшихъ рыцарскихъ поэмъ—люди особые; герою Тассо—не рыцарь по преимуществу ²⁾, а человекъ. Душевная жизнь самого Тассо, рѣзко выразившаяся въ его произведеніяхъ, полна близкой намъ поэтичности. Оттуда—то привлекательность образа Тассо для многихъ выдающихся поэтовъ и писателей новаго времени, Гёте, Фосколо, Гольдони, Леопарди, Байрона ³⁾ и др. Въ душѣ Торквато нашлись мотивы, сродные Гёте, между проч.—мотивъ Фаустовскаго недовольства, разжигаемаго не посторонними силами, а коренящегося въ душѣ самой личности, охватываемой безпредѣльными порывами.

Тассо увлекалъ многихъ читателей чарующимъ лиризмомъ, тонкою обрисовкою и красотою женскихъ образовъ, нѣжнымъ изображеніемъ различныхъ оттѣнковъ и силы горячаго, возвышеннаго чувства, которымъ живутъ личности его поэмы, отраженіемъ въ повѣствованіи—души поэта, мягкой и полной идеализма, особою меланхоліею, ему свойственною, и чудною музыкальностью рѣчи. Благодаря всему этому Тассо сталъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ итальянскихъ поэтовъ.

У него нашлось немало послѣдователей какъ въ области эпоса, такъ и въ области пастушеской драмы.

¹⁾ Съ выходомъ въ свѣтъ «Освобожденнаго Іерусалима» романы и поэмы бретонскаго цикла почти совсѣмъ уже не печатались въ Италіи.

²⁾ Исключеніе составляетъ Геффедро.—Не слѣдуетъ, конечно, забывать и зародившей наперности у Тассо, которые бросались въ глаза уже Галламъ.

³⁾ Изъ нашихъ писателей должны быть упомянуты Яковлевъ, назвавшій себя «самымъ утробнаго сѣвера, обязаннымъ Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни» (Соч., I, 260), Мераляковъ и Букольникъ.

Но своего вполне серьезнаго отношенія къ средневѣковой романтикѣ и пониманія возвышенныя ея сторонѣ Тассо не передалъ послѣдующему времени. Вообще въ эпикѣ, свободной отъ педантизма или мариинизма, преобладало то направленіе, которому положили начало Пульчи, Боярдо и Ариосто. Въ XVII в. не переставали являться также бурлескныя поэмы ¹⁾. Итальянская нація—единственная у которой героико-комическія поэмы выдѣлились въ качествѣ особой поэтической категоріи, достигшей значительнаго превосходства. Въ изобиліи ихъ въ итальянской литературѣ сказалась черта народнаго характера, давно подмѣченная въ итальянцахъ ими самими и людьми другихъ народностей ²⁾, та самая черта, которая проявляется и въ отношеніи итальянцевъ къ сказочнымъ повѣствованіямъ ³⁾. Наконецъ, имена

¹⁾ Такова, напр., поэма флорентійца Beridio Dapre (псевдонимъ Pietro de' Bardì) Avinavoliottoneberlinghieri, Fir. 1643, въ которой осмѣяны подвиги паладиновъ. Заглавіе этой поэмы составило стихъ

Avino, Avolio, Ottone e Berlinghiere,

часто встрѣчающійся въ итальянскихъ поэмахъ Каролингскаго цикла. Между проч., на основаніи этого стиха Райна заключилъ о родствѣ поэмы о Morgante съ «Orlando».

²⁾ О мнѣніи Моммзена см. замѣчанія въ очеркѣ В. И. Ламанскаго: «Национальности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ», Спб. 1865 (Оттискъ изъ «Отеч. Зап.» 1864 г.), стр. 11—14. Г. Ламанскій согласенъ съ тѣмъ, что въ итальянской литературѣ нѣтъ «великихъ образцовъ эпической и драматической поэзіи», но на стр. 28-29 высказываетъ предположеніе, что «въ древности или въ старину въ Тосканѣ были и гнѣси эпическія», и Тоскана не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія; затѣмъ г. Ламанскій излагаетъ свѣдѣнія о Сицилійскомъ соловіи гнѣцовъ-слѣпцовъ.—Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь сужденіе Гоголя, который въ письмѣ къ М. П. В.—ной (изд. Кулиша, т. V, 318) писалъ въ 1838 г.: «Намъ извѣстна только одна эпическая литература Итальянцевъ, то-есть, литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII в. у итальянцевъ обнаружилась сильная склонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ мысленныхъ итальянцевъ, то нужно изучать не ихъ поэмаиъ герои-комическія. Вообразите, что собраніе autori burleschi italiani состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивнисья, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что одніи итальянскіи типографіи могутъ печатать ихъ. Во многихъ изъ нихъ есть нѣсколько нескромныхъ выраженій, которыя не всякому можно позволить читать».—Settembrini назвалъ шутиливую поэзію, наклоненную въ итальянской литературѣ, большою навезною кучею.

³⁾ Приведемъ высказанное въ 1817 г. мнѣніе одного англійскаго писателя во французской передачѣ: «L'italien ajoute aux récits populaires la saveur de sa bouffonnerie et de sa licence.—Le Pentaméron est une de ces œuvres nationales qui défient la traduction. Basile semble gesticuler et rire tout haut. Son style est semblable au discours du conteur de la Piazza s'adressant à un auditoire de gamins à la bouche béante et de des grands Lazzaroni se chauffant au soleil». Revue des traditions populaires 1890, № 4, p. 196 и 197. Ср. сужденіе К. А. Meyer-а въ ст.: «Eine neapolitanische Märchen-sammlung aus der ersten Hälfte des siebzehnten Jahrhunderts» въ «Arch. f. d. Studium d. neuer. Sprachen u. Literaturen», XLV, 2—3.

рыцарей и героинь Круглаго Стола и Каролингскаго эпоса фигурировали въ произведеніяхъ, въ которыхъ идеализму лирики Петрарки противоплагался жанръ *bernesco* ¹⁾. Легкій и неглубокій смѣхъ, наполняющій всѣ эти произведенія, мирился съ популярностью рыцарской эпикки, возникшей въ XV и XVI вв., и не подрывалъ ея, какъ не отѣснила ея игрушечная поэзія XVII и XVIII вв. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія въ Италиіи возникло нѣсколько рыцарскихъ поэмъ, а народъ итальянскій, въ особенности въ Сициліи, и доселѣ внемлетъ со страстнымъ участіемъ повѣствованіямъ о подвигахъ паладиновъ.

Представивъ обзоръ судебъ средневѣковой романтики въ итальянской литературѣ и жизни, въ заключеніе охарактеризуемъ вкратцѣ вкладъ, внесенный романтическою поэзіею Италиіи въ общее поэтическое достояніе Европы.

Итальянцы не знали подлиннаго рыцарства и не заявили себя производительностію въ романтической эпикѣ, но, тѣмъ не менѣе, послѣдняя увлекала ихъ, и они внесли немало цѣннаго въ содержаніе и поэтическую форму романтики.

Ихъ поэзія много содѣйствовала развитію чувства романтической любви уже со времени Данте ²⁾, не производя, впрочемъ, улучшенія въ семейной жизни ³⁾.

Итальянцы рано начали выработывать особый эпическій стиль и ввели въ употребленіе октаву, которой суждено было стать излюбленною строфическою формою ихъ эпикки и о которой Пушкинъ выразился такъ:

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?

Духъ романтики Круглаго Стола достигъ мало по малу господства въ итальянской эпикѣ, восторжествовавъ надъ отличнымъ содержаніемъ столь распространеннаго въ Италиіи Каролингскаго эпоса, и вселился въ послѣдній, наполнивъ сказанія о паладинахъ повѣствованіями о любовной маніи рыцарей и ихъ авантюрахъ.

¹⁾ См. *Opere burlesche*, Londra MDCCXXIII: I, 19, 68, 70, 104, 193, 211, 253, 270, 271; II, 6, 92, 211, 290; III, 8, 220.

²⁾ Ср. *Finsk*, *Romantic love and personal beauty*, Lond. 1887, vol. I, 3.

³⁾ Въ XVI стол. въ семейной жизни итальянцевъ продолжались печальныя явленія XV в.

Въ послѣдней четверти XV в. въ Италіи появляется рядъ поэмъ, въ которыхъ средневѣковой эпосъ предстаетъ въ художественной отдѣлкѣ, въ формѣ, ставшей классическою, и получаетъ особую прелесть благодаря красотѣ стиха и благозвучію языка романскаго юга.

Боярдо и Аріосто, преимущественно послѣдній, воспроизводятъ романтику въ обширныхъ сводныхъ повѣствованіяхъ (начало которыхъ— въ Reali) и въ картинахъ, полныхъ изящества и выразительности. Феррарскіе пѣвцы относятся къ рыцарству безъ полнаго энтузіазма, но и безъ полной ироніи, оттѣнивъ въ немъ преимущественно любовную манію, доходящую до трагизма, и пристрастіе къ блужданію по свѣту. Глубокое содержаніе рыцарско-романтической эпоики, выразившееся въ романахъ о св. Граалѣ и Персевалѣ, осталось въ сторонѣ въ произведеніяхъ этихъ поэтовъ міра, однимъ изъ главныхъ недостатковъ котораго было погруженіе въ любовную извѣженность либо распущенность. Для этого міра рыцарство, отрѣшенное отъ глубокихъ помысловъ и серьезныхъ стремленій, было привлекательною забавою, и онъ не могъ съ нимъ разстаться и предать полному разоблаченію тотъ комизмъ, въ который впадало рыцарство въ вѣка своего вырожденія. Потому въ періодъ, когда въ другихъ литературахъ явились Эразмъ, Раблэ, Сервантесъ и всеобъемлющій Шекспиръ, въ Италіи, имѣвшей въ XV в. Пульчи, въ XVI стол. выдающійся изъ реалистовъ Фоленго ограничился пародіею, имѣвшею мало силы, а лучшіе поэты обратились къ средневѣковой романтикѣ. Одинъ изъ нихъ, названный уже здѣсь Аріосто, въ отношеніи къ ней не пошелъ далѣе граціозной и милой ироніи, которая, вѣроятно, никогда не утратитъ значенія, какъ самый изящный, яркій и характерный образъ сочетанія въ человѣчествѣ игры фантазіи и суроваго разума, разрушающаго воздушныя замки и обращающаго ихъ въ шутку. Послѣ Боярдо и Аріосто это своеобразное отношеніе къ рыцарству, соединявшее сочувствіе съ тонкой ироніей, раздвоилось и уже не проявлялось въ такой прелестной, полной свободы и изящества формѣ, какою очаровываетъ въ „Неистовомъ Роландѣ“.

Необычайная граціозность и легкость движенія, характеризующія музу Аріосто, исчезли надолго изъ итальянской литературы съ той поры, какъ скрылась эта муза. А между тѣмъ итальянскіе поэты прилагали усиленные старанія о томъ, чтобы довести эпосъ до высшаго совершенства формы. Благодаря этимъ стараніямъ романтической эпосъ

подчиняется фетуль классицизма, которая стѣсняетъ свободный полетъ романтическаго творчества. Тассо, впрочемъ, и подѣ этой фетулой успѣваетъ создать прекраснѣйшее романтическое произведение въ серьезномъ тонѣ, достигшее мирового значенія. Несчастный „последній романтикъ“ возвращаетъ рыцарству его обаянiе и славу и восстанавливаетъ его честь въ поэзи. Авторъ „Освоб. Иерус.“ сообщилъ эпическому выраженiю нѣкоторыхъ сторонъ романтики такой блескъ и привлекательность, какихъ оно не достигало до того времени. Но средневѣковая романтика могла быть лишь однимъ изъ элементовъ въ творествѣ поэта, воспитаннаго въ школѣ классицизма и воспринявшаго также многія вѣянiя новаго времени, волновавшiя вторую половину XVI в. Полный возвратъ къ среднимъ вѣкамъ былъ невозможенъ для Тассо. Пѣвецъ „Освобожденнаго Иерусалима“ долженъ былъ претворить дорогiя для него средневѣковыя начала въ духѣ новаго времени, и такъ въ произведенiяхъ Тассо произошелъ переломъ средневѣковой романтики въ новую. Въ поэзи Тассо можно усматривать зарожденiе новой романтики, какъ сочетанiя унаслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ преклоненiя предѣ чувствомъ любви, признанiя стороны таинственнаго въ природѣ и жизни, скорби или элегическаго созерцанiя мировой жизни и, наконецъ, эстетическаго чувства природы. Кромѣ того Тассо провозгласилъ призывъ къ простотѣ жизни, близкой къ природѣ, выраженный имъ въ формѣ драмы изъ пастушескаго быта, увѣнчивающейса самымъ счастливымъ единенiемъ сердецъ.

Поэмы Боардо ¹⁾, Ариосто и Тассо произвели огромное впечатлѣнiе и оказали значительное влiянiе на литературу Запада. Въ XVI и XVII вв. многiе поэты пытались подражать Ариосто и Тассо. „Неистовый Роландъ“ достигъ такого успѣха, какимъ же пользоваться уже въ теченiе 300 лѣтъ ни одно произведение рыцарско-романтической эпикки ²⁾. Равнымъ образомъ сильное движенiе въ

¹⁾ «Orlando innamorato» былъ переведенъ на яз. французскiй и испанскiй. См. Regis, 395—396. О влiянiи Боардо на литературу послѣдующаго времени см. въ стводѣ Lec: «The school of Boiardo» въ Euphorion, II, 94—119.

²⁾ Guarini въ концѣ XVI в. писалъ: «Fu mai poeta che conseguisse maggior applauso dell'Ariosto? celebrato da tutte le nazioni, tradotto in tutte le lingue, stampato le migliaia delle volte». — У насъ Ариостоу посвящались въ частности «Вашинковъ» и Пушкинъ. Современныя Пушкину критики отиѣчали близость «Руслана и Людмилы» къ поэмамъ Ариосто, Виланда и Тассо. Зелинский, «Русская критическая литература о Пушкинѣ», ч. I, М. 1837, стр. 30, 33, 46, 85.

западно-европейскомъ литературномъ мірѣ вызвалъ и „Освобожденный Іерусалимъ“¹⁾.—Характерно, что и теперь рыцарскія сказанія и поэмы XV—XVI вв. доставляютъ благородное развлеченіе итальянскому простонародью, возбуждая въ немъ рыцарскія чувства и внутреннюю любовь къ возвышеннымъ дѣяніямъ. Толпа не погрязаетъ окончательно въ житейской сумятицѣ и, смутно отыскивая хотя кратковременный выходъ изъ нея, испытываетъ эстетическое наслажденіе, встрѣчая по крайней мѣрѣ въ поэзіи торжество высшихъ началъ жизни.

Равнымъ образомъ было весьма значительно вліяніе пасторальной поэзіи, которая была въ такой же мѣрѣ оригинальнымъ итальянскимъ созданіемъ, какъ и рыцарская поэма. „Аркадія“ Саннацаро²⁾, а въ особенности пастушескія драмы Тассо и Гварини³⁾ приобрѣли чрезвычайный успѣхъ и за предѣлами Италіи, гдѣ существовала уже склонность къ сліянію рыцарскихъ чувствованій съ живимю простотою пастушескаго быта. Въ Испаніи, какъ увидимъ, пастушеская поэзія достигла виднаго развитія уже раньше Тассо, но итальянское вліяніе усилило ее. Во Франціи кружокъ Отеля де Рамбулье увлекался драмой „Aminta“, и послѣдняя оказала вліяніе на романъ d'Urfé⁴⁾. И во французской литературѣ сліяніе классицизма съ романтикой имѣло мѣсто, между проч., въ трагикомедіи, сюжеты которой были заимствуемы изъ мифологіи или романа. Въ Англій вліянію итальянской пастушеской поэзіи поддали такіе видные поэты

¹⁾ Польскій переводъ Ариосто долго не былъ напечатанъ (*Ciampi, Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali, t. I, Fir. 1834, p. 14*), переводъ же поэмы Тассо былъ напечатанъ уже въ XVII в. и выдержалъ восемь изданій. См. о послѣднемъ статью В. Хлебовскаго: «Przekład «Jeruzolimy» Tassa przez Piotra Kochanowskiego» въ майской книжкѣ «Ateneum»-а 1890 г. По словамъ Хлебовскаго, «w poemacie Tassa spotykał polski czytelnik po raz pierwszy zarówno obrazu nieprzerpартéj potęgi i uszlachetniającego wpływu jak i różnorodne formy i stopnie miłości». Мужественнымъ польскимъ женщинамъ недоставало «szlachetności uczuć, rycerskości ducha, które wraz z niezwykłą wrodą i wdziękiem czynią z Klorindy kobiete wyższą, pięknoscią i energią ciała i ducha, nie zaś tylko wojowniczą amazonkę» (Str. 285 и 286).

²⁾ О послѣдователяхъ Саннацаро говоритъ Торгаса въ монографіи: *Gli imitatori stranieri di Sannazaro*.

³⁾ О Guarini и вліяніи его см. монографію Rossi: *Battista Guarini ed il «Pastor fido»*.—Studio biografico-critico con documenti inediti. Tor. 1886.—Польскій переводъ «Pastor fido» явился лишь въ 1695 г. (*Ciampi, I, 155 A*).

⁴⁾ Н. Körting, I, 64—65, 116—117.

XVI в., какъ Сидней ¹⁾ и Спенсеръ ²⁾, закончившій вмѣстѣ съ Тассо школу Боардо.

Съ XVI в. и до временъ Мармонтеля и Флоріана вышло много эпическихъ и драматическихъ произведеній, изображавшихъ пастушескій міръ. Эта поэзія, по справедливому выраженію Egger ³⁾, населила лѣса и деревни цѣлымъ народомъ лже-пастуховъ, изъ-за которыхъ не видѣли настоящихъ поселянъ, дѣйствительной жизни и дѣйствительной природы. Поэзія не скоро позволила себѣ болѣе плодотворную прогулку по лѣсамъ и полямъ и не сразу стала цѣнить изображеніе мѣстнаго колорита и дѣйствительныхъ отношеній крестьянской жизни безъ устраненія природной грубоватости и вмѣстѣ съ тѣмъ всего свѣжаго въ народномъ характерѣ.

Но въ концѣ къ такому изображенію должно было привести направленіе поэтического творчества, выразившееся въ „Аминтѣ“ Тассо и вначалѣ обнаруживавшееся искусственно. Требованіе возврата къ природѣ, впервые отчетливо поставленное Тассо, было подхвачено съ новою силою въ XVIII в. и много подвинуло впередъ общую концепцію жизни. Одушевленное воззваніе Тассо было повторено глубже и еще краснорѣчивѣе Руссо, который могъ подпасть въ этомъ отношеніи вліянію англійской литературы и еще въ большей степени вліянію Тассо ⁴⁾. Предъ взоромъ человѣка открылись красоты, какихъ онъ давно уже не замѣчалъ. Въ немногихъ словахъ Каррьеръ такъ опредѣлилъ эту заслугу Руссо: „Развивается склонность къ мечтательному самопогруженію въ полное таинственности сплетеніе природной жизни и типъ лѣсовъ и озеръ, горъ и долинъ; жур-

1) О немъ J. A. Symonds, Sir Philipp Sidney, Lond. 1889 (English men of letters, ed. by John Morley), гдѣ указана и научная литература объ этомъ поэтѣ. На Сиднея повліяли также Ахиллъ Тацій и Монтмайоръ.

2) О немъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ выпускѣ настоящей монографіи.

3) L'Hellénisme, II, 341.

4) Руссо очень чтитъ Тассо, признавая его лучшимъ изъ итальянскихъ поэтовъ, и рекомендовалъ его въ „Эмиль“.—Mahrenholtz, Jean-Jacques Rousseau, Leipz. 1889, говоря о томъ, какъ сложилась въ Руссо мысль его «Discours sur les Sciences et les Arts», не упоминаетъ о вліяніи Тассо, хотя самъ же говоритъ ранѣе (S. 24) о любви Руссо къ Тассо.—Замѣтимъ, что въ промежутокъ времени, отдѣляющій Руссо отъ Тассо, мысль послѣдняго о постепенной порчѣ нравовъ и уtratѣ свободы вслѣдствіе удаленія отъ первоначальной простоты, была повторяема другими. Такъ, Мелзینی повторилъ слова Тассо о томъ, что случилось съ людьми по оставленіи ими лѣсовъ: они утратили первобытную свободу. См. еще у Rigault о книгѣ Tassoni: «Различныя мысли», принадлежавшей къ произведеніямъ, вызваннымъ споромъ о сравнительномъ достоинствѣ поэмъ Тассо и Аріосто.

чаніе ручейка, шелестъ листвы, отраженіе заходящаго солнца въ волнахъ, все это не что-нибудь чуждое, постороннее, а откровеніе мировой души душъ человѣческой. Въ этомъ, какъ позднѣе и въ идилліи домашней жизни съ ея мелкими ежедневными заботами и радостями, Руссо является истиннымъ поэтомъ; онъ показалъ, какъ повсюду Аркадія находится среди насъ, лишь бы мы только сумѣли найти ее¹⁾.

Въ концѣ прошлаго вѣка Шиллеръ вслѣдъ за Руссо, котораго очень чтить, провозгласилъ, что „наша культура должна возвратитъ насъ къ природѣ путемъ разума и свободы“²⁾. Гёте заключилъ призывъ къ природѣ, столь модный во второй половинѣ XVIII в., заявленіями въ родѣ того, что бесѣда съ натурой является лучшимъ видомъ Богопочитанія³⁾, что природа—единственная книга, представляющая великое содержаніе на всѣхъ страницахъ⁴⁾, и т. п.

Такъ Италия, надѣлившая Западъ образцами фривольной или прямо безнравственной литературы⁵⁾, и понявшая рыцарство преимущественно со стороны его пристрастія къ любовнымъ похождениямъ и защиты и распространенія вѣры подвигами оружія, выдвинула также какъ бы нѣкоторый противовѣсъ чрезмѣрной утонченности и безнравственности общественной жизни въ поэтическомъ культѣ первобытной простоты. Правда, итальянская поэзія не воспроизвела этой простоты и не представила вѣрнаго поэтического образа жизни, близкой къ природѣ, но замысль, положенный въ основу итальянскихъ эклогъ, пасторальныхъ и т. п. произведеній, не былъ совсѣмъ далекъ отъ инстинктивнаго угадыванія пути выхода изъ душливой атмосферы искаженной общественности.

1) Die Poesie, 339.

2) «Unsere Cultur soll uns auf dem Wege der Vernunft und der Freiheit zur Natur zurückführen» (ст. «О нѣвной и сентиментальной поэзіи»). Объ отношеніи Шиллера къ Руссо см. въ брошюрѣ Joh. Schmidt-a: Schiller und Rousseau; здѣсь показано, между проч., въ чемъ Шиллеръ разошелся съ Руссо.

3) «Gewiss es ist keine schönre Gottesverehrung als die, zu der man kein Bild bedarf, die bloss aus dem Wechselgespräch mit der Natur in unserm Busen entspringt» (Wahrheit und Dichtung).

4) «Die Natur ist doch das einzige Buch, das auf allen Seiten grossen Inhalt bietet» (Письмо изъ Неаполя).

5) Chasles, Études sur Shakespeare etc., 426.

Тассово прославленіе золотого вѣка не было лишено смысла. Возможность подобнаго золотого вѣка: какъ бы признать и Шиллеръ въ ученіи о гармонической: человѣческой натурѣ, которое начало слагаться въ немъ съ весьма ранняго времени и достигло завершенія въ его позднѣйшемъ ученіи о прекрасномъ.

Виратцѣ главныя заслуги итальянской романтики могутъ быть опредѣлены такъ. Романтическая эпика Италіи вслѣдъ за эпосомъ Данте и лирикою Петрарки много содѣйствовала возникновенію романтическаго чувства любви. Итальянскій рыцарскій эпосъ былъ художественнымъ завершеніемъ рыцарской эпики пошпобовъ любовнаго и героическаго и представилъ своеобразное сліяніе того и другаго. Наконецъ, впервые въ итальянской литературѣ выникло эстетическое чувство природы, характеризующее поэзію новаго времени, и было положено начало новой романтикѣ.

КУРСЪ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА
(ПОЛИЦЕЙСКАГО ПРАВА).

Профессора Университета Св. Владимира

А. Я. АНТОНОВИЧА.

Часть вторая.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владимира.

Кіевское отдѣленіе Высочайше утвержд. Т-ва печати. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К^о въ Москвѣ.
1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1890 года).

КУРСЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА

(ПОЛИЦЕЙСКАГО ПРАВА).

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Пр о и з в о д с т в о .

Общія понятія 1

1. Добывающая промышленность.

- § 1. Отдѣленіе правъ собственности на поверхность земли отъ правъ собственности на нѣдра ея 2
- § 2. Пользованіе нѣдрами земли 6
- § 3. Надзоръ за обработкой и продажей металловъ 8

2. Лѣсоводство.

- § 1. Исторія русскаго лѣснаго законодательства 12
- § 2. Казенное лѣсное хозяйство 17
- § 3. Частное лѣсное хозяйство 21

3. Сельское хозяйство.

- Общія понятія 25
- § 1. Трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ 27
- § 2. Дробленіе семействъ и хозяйствъ 37
- Сельско-хозяйственные общества и сѣзды сельскихъ хозяевъ. 40
- О привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія по сельскому хозяйству 42
- О преміяхъ и наградахъ за хорошее веденіе сельскаго хозяйства 43
- О сельско-хозяйственныхъ выставкахъ 44
- Объ учрежденіяхъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній 45
- Постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства.
- А). Объ огражденіи полей и луговъ отъ потравъ и о полевыхъ сторожахъ 51

Б). Обь огражденіи полей отъ насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, наносящихъ вредъ растеніямъ	56
Свекловичное производство	62
Разведеніе картофеля и картофельно-заводское производство	64
Разведеніе льна и пеньки	66
Разведеніе табаку	69
Садоводство и разведеніе винограда	71
Хмѣлеводство	75
Шелководство	76

Общія постановленія о скотоводствѣ.

О предохранительныхъ мѣрахъ противъ скотскихъ падежей	77
Прогонъ скота въ столицы и другія мѣста Россіи	79
Мѣры содѣйствія развитію рогатаго скота	84
Мѣры содѣйствія разведенію овцеводства	87
Мѣры содѣйствія развитію коневодства	89
Пчеловодство	92
Охота и рыбные промыслы	93

4. Обрабатывающая промышленность.

Общія понятія	99
Таможенныя пошлины	104
Обрабатывающая промышленность въ Россіи	107
Цеховое устройство и промышленное сословіе	112
Русское фабрично-заводское законодательство.	
§ 1. Понятіе о фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ	117
§ 2. Фабрики, устроеныя съ извѣстными ограниченіями	118
О лицахъ, содержащихъ фабрики и заводы	120
О разрѣшеніи открытія фабрикъ и заводовъ	121
Правила относительно постройки и ремонта фабрикъ	123
§ 3. Права фабрикантовъ и поощренія фабричной промышленности	124
Льготы фабрикантамъ	125
Совѣтъ и комитеты торговли и мануфактуръ	126
О привилегіяхъ	127
Закрытіе фабрикъ и заводовъ	129
§ 4. О рабочихъ на фабрикахъ	130
§ 5. Регламентация мѣръ предосторожности	136
§ 6. Новѣйшія постановленія русскаго законодательства относитель- но упорядоченія фабрично-заводской промышленности	141

Распределение.

Общая понятія.

1. Деньги.

§ 1. Значеніе денежнаго обращенія	155
§ 2. Бумажно-денежное обращеніе въ Россіи до 1 іюня 1843 г.	160
§ 3. Дѣйствующее законодательство	180

2. Кредитъ.

Общая понятія	186
Историческій очеркъ развитія русской кредитной системы	190
О государственномъ заемномъ банкѣ	196
О кредитныхъ установленіяхъ вѣдомства опекунскихъ совѣтовъ Импер. Воспит. дома	198
Государственный коммерческій банкъ	201
Дѣйствующее кредитное законодательство. Общая понятія	202
Государственныя кредитныя учрежденія	203
а) Ссудныя казны	203
б) Государственный банкъ	204
Учетъ въ Государств. банкѣ соло-векселей землевлад.	209
в) Крестьянскій поземельный банкъ	213
г) Государственный дворянскій банкъ	215
д) Государственный сельско-хозяйственный кредитъ	217
Система общественнаго кредита	221
Система частнаго кредита	231
Начала кредитнаго благоустройства. Государство и кредитъ	234
Кредитъ и распределеніе имущества	238
Кредитъ и производство	241
Кредитъ и потребленіе	244
Активъ и пассивъ банковъ	245

3. Торговля.

§ 1. Общая понятія	247
§ 2. Мѣры къ развитію торговли	252
Торговья товарищества	260
§ 3. Система мѣръ и вѣсовъ	263
§ 4. Общества и коммерческія школы	265
§ 5. Морская торговля	266

VIII

4. Пути сообщеній.

§ 1. Значеніе путей сообщенія въ благоустройствѣ	270
§ 2. Законодательство о водяныхъ сообщеніяхъ и сухопутныхъ дорогахъ	273
§ 3. Желѣзныя дороги	277
§ 4. Почты и телеграфы	288

Потребленіе.

§ 1. О народномъ продовольствіи въ неурожайные годы	290
§ 2. Дороговизна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ	293
§ 3. Общественное призрѣніе	295
§ 4. Рабочіе дома и земледѣльческія колоніи	299
§ 5. Страхуваніе жизни	304
§ 6. О пріютахъ для сиротъ и незаконнорожденныхъ	308

Сказанное о значеніи почтовыхъ сношеній имѣетъ силу также относительно телеграфовъ. Телеграфныя сношенія въ новѣйшее время сдѣлалось такою же необходимостью, какъ и почтовая и, подобно послѣднимъ, наиболее удовлетворительными являются только тогда, когда они организуются государствомъ. Телеграфныя, какъ и почтовые предприятия не могутъ быть разсматриваемы съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Доходность ихъ должна стоять на второмъ планѣ. Организация ихъ должна имѣть въ виду не финансовыя цѣли, не извлеченіе прибыли, но задачи государственнаго благоустройства. Весьма часто прямая убыточность въ денежномъ отношеніи почтово-телеграфнаго хозяйства является выгодною для страны, такъ какъ развитіе сношеній создаетъ условія для общаго поднятія экономическаго быта населенія. Идеаломъ, къ которому должно стремиться почтово-телеграфное хозяйство страны, должна быть такая организація его, при которой каждое поселеніе въ странѣ имѣло бы возможность состоять въ регулярныхъ и общедоступныхъ сообщеніяхъ со всей страной. Только по достиженіи этого идеала можно думать о финансовой сторонѣ почтово-телеграфнаго хозяйства.

ПОТРЕБЛЕНІЕ.

Удовлетвореніе потребностей населенія зависитъ отъ нормальныхъ условій производства и распредѣленія, почему всѣ полицейскія мѣры, направленныя къ урегулированію производства и распредѣленія, являются въ то же время мѣрами урегулированія потребленія. Но сверхъ такихъ общихъ мѣръ нерѣдко возникаетъ необходимость въ специальныхъ мѣропріятіяхъ, вызываемыхъ невозможностью найти надлежащее удовлетвореніе потребностей средствами производства нуждающихся. Вслѣдствіе условій, находящихся внѣ власти человека, можетъ возникнуть недостатокъ въ предметахъ первой необходимости, наприм., недостатокъ въ хлѣбѣ вслѣдствіе неурожая. Разсчитываютъ, что во Франціи на каждыя 10 лѣтъ приходится 2 вполне удовлетворительныхъ урожая, 7 среднихъ и 1 плохой. Необходимо слѣдить за состояніемъ посѣвовъ и всходовъ, за условіями сбора хлѣбовъ и т. п., для того, чтобы имѣть возможность во время предупредить голодъ съ его тяжелыми послѣдствіями. Рядомъ

съ этимъ необходимы заботы о содержаніи народныхъ продовольственныхъ капиталовъ и хлѣбныхъ магазиновъ, установленіе такъ на предметы первой необходимости и т. п. Съ другой стороны невозможность въ правильномъ удовлетвореніи потребностей можетъ возникнуть вслѣдствіе лишенія возможности работать, малолѣтства и дряхлости, неимѣнія работы и т. п. Это вызываетъ необходимость особыхъ мѣръ общественнаго призрѣнія со стороны государства и общества. Въ современныхъ культурныхъ государствахъ рядомъ съ возникновеніемъ и развитіемъ права на призрѣніе возникаетъ право на трудъ, получающее все большее и большее значеніе въ полицейской дѣятельности.

§ 1) ¹⁾. Вопросъ о народномъ продовольствіи въ неурожайные годы принадлежитъ къ чему важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ полиціи потребленія. Съ развитіемъ сельско-хозяйственной культуры рѣзкія колебанія въ урожайности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ уменьшаются, но тѣмъ не менѣе годы неурожая продолжаютъ существовать и къ числу важнѣйшихъ обязанностей государства необходимо отнести вопросъ о средствахъ прокормленія населенія въ это время.

Продовольствіе это обеспечивается спеціальными продовольственными капиталами и хлѣбными магазинами. Для этого существуютъ у насъ общій государственный продовольственный капиталъ, губернскіе продовольственные капиталы и хлѣбные магазины. (Уст. общ. призрѣнія ст. 586 и слѣд.). По положенію о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. земскимъ учрежденіямъ предоставлено „завѣдываніе дѣлами по обеспеченію народнаго продовольствія“ въ губерніи. Пособія изъ продовольственныхъ источниковъ выдаются заимообразно.

Въ дѣлѣ продовольствія особенно важное значеніе имѣють хлѣбные магазины. Полезность ихъ въ послѣднее время была подвергнута сомнѣнію въ виду того, что ссыпка хлѣба натурою въ магазины соотвѣтствуетъ низшимъ ступенямъ общественности, соотвѣтствуетъ такъ называемому натуральному хозяйству и должно исчезнуть съ переходомъ къ денежному хозяйству. Подъ вліяніемъ

¹⁾ Chaillon des Barres. Essai historique et critique sur la legislation des grains. Rocher. Ueber Kornhandes und Theurungspolitik K. Chevalier. Des forces alimentaires des etats.

этой мысли у насъ закономъ 27 февр. 1867 г. были упразднены центральные запасные магазины Министерства Государственныхъ имуществъ, а закономъ 15 апрѣля 1869 г. разрѣшено въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ земледѣліе не составляетъ главнаго промысла жителей, упразднить и сельскіе хлѣбные магазины по приговору $\frac{2}{3}$ членовъ мѣстныхъ сходовъ.

Воззрѣніе это ошибочно. Никакими денежными ссудами не могутъ быть замѣнены ссуды изъ хлѣбныхъ магазиновъ. Крестьянинъ изъ сельскаго хлѣбнаго магазина получаетъ въ ссуду хлѣбъ во время неурожая, когда хлѣбъ дорогъ, а возвращаетъ во время урожая, когда хлѣбъ дешевъ. Благодаря этому, ссуды изъ магазина представляютъ собою своеобразную форму кредита, незамѣнимую никакимъ другимъ кредитомъ. Вотъ расчетъ, произведенный на основаніи фактовъ. Въ Финляндіи существуютъ крестьянскіе хлѣбные банки, изъ коихъ выдаются ссуды весной, а долгъ возвращается осенью, причѣмъ въ это же время взимается съ должниковъ натурую же и опредѣленный процентъ за взятый хлѣбъ. О пользѣ, приносимой такими банками крестьянамъ, мѣстный корреспондентъ пишетъ: „въ нашей мѣстности цѣны на овесъ весной и осенью бываютъ неодинаковы. Цѣна на овесъ весной всегда стоитъ нѣсколько выше, чѣмъ осенью. Разность въ цѣнахъ можно считать на одну бочку въ одинъ рубль. Бочка овса, которая осенью стоитъ 3 рубля, весной доходитъ до 4 рублей. Цѣны эти въ нашей мѣстности болѣе или менѣе постоянны. Заемщикъ, получая изъ магазина весной овесъ для посѣва, наприм., одну бочку, возвращаетъ ее осенью съ приростомъ, т. е. одну бочку и 4 коппы. Но, если мы переложимъ эту сумму на деньги, то окажется, что весной онъ беретъ овса изъ магазина на 4 рубля, а возвращаетъ его осенью всего на 3 р. 40 коп. (въ бочкѣ 30 коппъ). И такъ заемщикъ беретъ 4 рубля, возвращаетъ же всего 3 р. 40 коп. Кредитъ дешевле этого врядъ ли гдѣ можно найти“. И всякій долженъ согласиться съ этимъ; болѣе дешеваго кредита не можетъ быть. Могутъ возразить, что и въ томъ случаѣ, еслибы крестьянинъ взялъ ссуду у торговца, ему пришлось бы уплатить не болѣе 1 бочки и 4 коппы. Противъ этого вполнѣ основательно замѣчаетъ корреспондентъ, что торговецъ осенью, получая отъ крестьянина долгъ, принимаетъ въ расчетъ не ту цѣну, которая стоитъ въ осеннее время на рынкѣ, а ту, которая была

весной, и потребуетъ съ заемщика деньгами не 3 р. 40 коп., а по меньшей мѣрѣ 4 р. 50 коп. или 1½ бочки овса ¹⁾.

¹⁾ Труды Импер. В. Экон. Общества. 1880 г. Май, стр. 121. По этому же поводу г. Приклонскій въ книгѣ «Народная жизнь на Сѣверѣ» стр. 221 пишетъ о Красносельской волости слѣдующее: «въ магазинахъ хранится количество овса, необходимое для посѣва на немалыхъ всѣхъ крестьянъ; лишній овесъ зимою продается. Значеніе этого кредитнаго учрежденія, какъ для крестьянъ-заемщиковъ, такъ и для всего общества громадно. Прежде всего, въ Красносельской общинѣ никогда не было того случая, чтобы земля у крестьянъ оставалась необсѣянною по недостатку сѣмянъ. Каждый участникъ магазина сѣмью можетъ надѣяться, что земля его не будетъ пустовать по недостатку сѣмянъ, такъ какъ онъ имѣетъ возможность получить свои сѣмена весною изъ магазина. Затѣмъ, мѣстнымъ крестьянамъ, благодаря тому же магазину, не приходится изъ года въ годъ платить проценты за хлопоты торговцамъ овсомъ и лицамъ, дающимъ въ ссуду деньги для покупки овса. Наконецъ, отъ магазина поступаетъ ежегодный доходъ, вслѣдствіе ежегодной продажи прироста, который, поступая въ мірской капиталъ, приноситъ обществу новую доходную статью, составляющую въ мірскихъ доходахъ довольно значительную часть. Чтобы подтвердить все сказанное, стоитъ лишь привести слѣдующія данныя. Въ мѣстности, въ которой лежитъ Красносельская вотчина, цѣны на овесъ осенью и весною бывають неодинаковы. Разность эта доходить до 1 руб. на бочку. Бочка овса, которая осенью стоитъ 2 р., весною доходитъ до 4 руб. Заемщикъ, получая изъ магазина весною овесъ для посѣва, напримѣръ, одну бочку, возвращаетъ ее осенью съ приростомъ, т. е. одну бочку и 4 коппы. Если переложить эту ссуду на деньги, то окажется, что весною онъ беретъ овса изъ магазина на 4 р., а возвращаетъ его осенью на 3 р. 40 к. При займѣ же у торговца получается совершенно другой расчетъ. Торговецъ, получая осенью отъ крестьянина ссуду, принимаетъ въ расчетъ не ту цѣну, которая стоитъ въ осеннее время на рынкѣ, а ту, которая была весною, т. е. беретъ съ заемщика не 3 р. 40 к., а 4 руб. 30 коп. или 1½ бочки овса. Пользуясь подобнымъ учрежденіемъ, крестьянамъ не приходится въ весеннее безденежное время унижаться и кланяться лишній разъ передъ кулаками. Вотъ почему и мѣстные крестьяне, особливо же которые побѣднѣе, относятся къ своему хлѣбному магазину, существующему уже болѣе 70 лѣтъ, крайне симпатично и ревниво оберегаютъ его интересы».

«Сѣмена составляютъ одно изъ необходимыхъ условий земледѣльческаго производства, которыя не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, быть экспропрированы у работника, ибо иначе исчезнетъ свобода труда и самая свобода личности обратится въ фикцію, говорить Приклонскій. По этому личная свобода не нарушается, но гарантируется, когда земледѣльческая община принудительною силою требуетъ отъ своихъ членовъ неприкосновенности сѣмянъ, необходимыхъ для посѣва. Но достигнуть этого общинѣ не легко при дѣйствующихъ въ государствѣ общихъ законахъ. Затрудненіе возникаетъ прежде всего изъ того, что въ общинной жизни установился взглядъ на общественный магазинъ, какъ на мѣсто для обязательнаго храненія сѣмянъ, составляющихъ личную собственность каждаго общинника,—и вотъ эту-то личную собственность каждаго общинѣ приходится оберегать отъ экспроприаціи, допускаемой въ силу закона. Вудъ зерно въ закромахъ у каждаго хозяина, тогда любой ростовщикъ, вооружившись исполнительнымъ листомъ мирового судьи, оберетъ сѣмена и оставитъ крестьянина безъ посѣва. Неумолимый кредиторъ проникнетъ и въ общественный магазинъ и оттуда заберетъ сѣмянной хлѣбъ, если только это имущество будетъ признано личною собственностью должника въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ собственность дѣйствующее въ государствѣ право. И вотъ, чтобы оградить отъ экспроприаціи сѣмянной хлѣбъ, мужикъ ухитрился отыскать въ законѣ такую статейку, какую впору придумать Шлевако или Лохвицкому. Община, являясь передъ лицомъ закона, принимаетъ на себя личную того самого ростовщика, отъ когтей котораго она охраняетъ своихъ членовъ. Въ этихъ то видахъ, она личную собственность ихъ выдаетъ за свою общественную собственность, которая изъ процентовъ раздается въ долгъ общинникамъ».

Расчетъ этотъ примѣняется и ко всѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ существуютъ хлѣбные магазины и ссуды натурою. Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ денежной помощи, не считая, конечно, безвозвратныхъ денежныхъ ссудъ.

Хлѣбные магазины правильно были устроены еще въ 1361 г. у чеховъ, по случаю страшной дороговизны, существовавшей въ то время. Въ средніе вѣка помѣщики, монастыри и церковные приходы имѣли обычай держать хлѣбные запасы на случай голода. Во Франціи въ 1577 г. содержаніе такихъ запасовъ хлѣба сдѣлано было обязательнымъ для всѣхъ городовъ. Въ Парижѣ такіе магазины уничтожены только въ 1830 г. Въ настоящее время въ З. Европѣ такіе магазины повсемѣстно упразднены.

§ 2. Дороговизна сельскохозяйственныхъ продуктовъ можетъ быть номинальною и дѣйствительною.

Номинальная дороговизна является результатомъ увеличенія въ странѣ количества орудій обращенія безъ соотвѣтствующаго увеличенія произведеній. Дѣйствительная дороговизна есть слѣдствіе недостатка продуктовоу сравнительно со спросомъ. Та и другая представляютъ серьезныя опасности съ точки зрѣнія развитія народнаго благосостоянія.

Номинальная дороговизна указываетъ на существованіе въ странѣ исключительно потребительной работы орудій обращенія, т. е. того односторонняго потребленія, которое является уничтоженіемъ богатствъ, равносильнымъ бросанію ихъ въ воду. Безъ появленія и распространенія въ странѣ того спроса на товары, который противоположенъ спросу на трудъ, появленіе и распространеніе номинальной дороговизны не мыслимо. И въ той мѣрѣ, въ какой этотъ односторонній спросъ имѣетъ вредное значеніе, номинальная дороговизна должна быть признана явленіемъ вреднымъ и опаснымъ. Приэтомъ необходимо обратить вниманіе еще на тотъ фактъ, что обыкновенно нѣтъ пропорціональности между вздорожаніемъ произведеній и вздорожаніемъ факторовъ производства, особенно же труда. Если продукты вздорожаютъ въ большей пропорціи, чѣмъ вздорожаетъ трудъ, то вознагражденіе послѣдняго уменьшается, рабочее населеніе терпитъ нужду, бѣдность населенія увеличивается. Если факторы производства вздорожаютъ въ большей пропорціи, то производительность ослабляется, можетъ возникнуть болѣе или менѣе

общій кризисъ въ производствѣ, что въ особенности легко при кредитномъ хозяйствѣ, когда обязательства предъ кредиторами остаются прежнія, между тѣмъ какъ средства выполнения ихъ уменьшаются. По этой причинѣ почти во всѣхъ странахъ номинальная дороговизна, появляющаяся вслѣдствіе быстрого наплыва въ страну орудій обращенія, вмѣсто ожидаемаго обогащенія приводитъ къ промышленному застою и разоренію.

Такое же значеніе имѣеть и увеличеніе бумажныхъ денегъ въ странѣ для цѣлей непродуцительныхъ, о чемъ мы выше говорили. Средствомъ противъ этой номинальной дороговизны служить все то, что ведетъ къ превращенію потребительной работы орудій обращенія въ производительную. Нашъ экономистъ В. Безобразовъ находитъ различіе между бумажными деньгами и банковыми билетами въ томъ, что первыя выпускаются для покупокъ, а вторые для ссудъ. Но разъ такой выпускъ орудій обращенія дѣйствительно произведенъ, то пресѣченіе экономическихъ послѣдствій его можно произвести привлеченіемъ денегъ въ кредитныя учрежденія и обращеніемъ ихъ въ непосредственно производительныя ссуды.

Дѣйствительная дороговизна есть слѣдствіе недостатка предметовъ потребленія сравнительно со спросомъ. Для предупрежденія и пресѣченія ея государства издавна прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ средствамъ¹⁾. Такъ нѣкоторыя государства во время голода закупали хлѣбъ на казенный счетъ и раздавали его нуждающимся. Въ средніе вѣка особенно часто практиковалось воспрещеніе вывоза хлѣба за границу, а въ нѣкоторыхъ странахъ было воспрещеніе даже вывоза его изъ одной провинціи въ другую²⁾. Не менѣе часто практиковалась выдача наградъ и премій торговцамъ, занимающимся привозомъ хлѣба и установленіе правительственной таксы на всѣ предметы первой необходимости. Всѣ эти средства въ опредѣленныхъ случаяхъ могутъ быть полезны, хотя въ 19 в. съ развитіемъ земле-

1) Molinari. Histoire du tarif des céréales. Okolski. Wyklad administr. prawa II, стр. 193 и слѣд.

2) Это практиковалось у насъ и въ текущемъ столѣтіи. Такъ 6 Марта 1812 г. былъ воспрещенъ вывозъ ржи и пшеницы за предѣлы Варшавскаго княжества. Это ограниченіе законами 7 Марта и 17 Апр. 1812 г. было распространено на рогатый скотъ. Воспрещеніе впрочемъ существовало недолго. Законами 26 Мая и 18 Сент. 1812 г. оно упразднено.

дѣльческой культуры, уменьшившей колебанія въ урожайности сельско-хозяйственныхъ произведеній, употребленіе ихъ оставлено.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ противъ дороговизны хлѣба слѣдуетъ признать мѣры, ведущія къ накопленію хлѣбныхъ запасовъ въ сельскомъ населеніи. Для этого необходимо регулированіе хлѣбныхъ цѣнъ открытіемъ кредита подъ залогъ хлѣба. Правильная организація такого кредита требуетъ возможно большаго распространенія хлѣбныхъ складовъ, централизація въ этомъ дѣлѣ должна быть признана безусловно вредною. Хлѣбъ не такой продуктъ, чтобы выгодно было отправлять его въ центральный, болѣе или менѣе отдаленный пунктъ для отдачи на храненіе, съ цѣлію получить ссуду. Издержки по перевозу въ этомъ случаѣ должны составлять большой процентъ въ продажной цѣнѣ, при относительной незначительности ея сравнительно съ вѣсомъ продукта. Затѣмъ въ отдаленномъ пунктѣ отъ жительства производителя трудно заботиться послѣднему о сбытѣ продукта. Весьма естественно, что только крайняя нужда заставитъ сельскаго хозяина при такихъ условіяхъ воспользоваться кредитомъ подъ залогъ хлѣба. На оборотъ, при возможности отдавать свой хлѣбъ въ мѣстные склады, устроенные, на примѣръ, при сельскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, причемъ подъ залогъ этого хлѣба выдавались бы ссуды на мѣстѣ же, никто не отказался бы воспользоваться помощью банка въ ожиданіи болѣе нормальныхъ цѣнъ. При такихъ условіяхъ кредитъ подъ залогъ хлѣба имѣлъ бы несомнѣнно важное значеніе для развитія сельскаго хозяйства. Нѣтъ другой отрасли труда, продукты которой подлежали бы такимъ сильнымъ колебаніямъ, какъ продукты земледѣлія. Эти колебанія приводятъ даже къ тому, что сельскій хозяинъ терпитъ убытки и при урожаѣ и при неурожаѣ: въ первомъ случаѣ хлѣба много, но годъ неурожайный на цѣны; во второмъ случаѣ цѣны высоки, но хлѣба мало. Правильная организація кредита подъ залогъ хлѣба значительно содѣйствовала бы уравненію цѣнъ хлѣба и слѣдовательно значительно содѣйствовала бы освобожденію сельско-хозяйственнаго промысла отъ того „слѣпнаго случая“, съ которымъ невозможно бороться инымъ оружіемъ при настоящемъ состояніи знаній о стихійныхъ дѣтеляхъ, управляющихъ земледѣльческою производительностью.

§ 3. Помощь требуется не только въ такихъ случаяхъ, какъ

нужда цѣлыхъ классовъ населенія, но и въ частныхъ случаяхъ. Такая помощь можетъ быть публичною или частною ¹⁾.

Въ древности въ Греціи и Римѣ публичная благотворительность преобладала надъ частною. Въ Греціи послѣ пелопонезскихъ войнъ всѣ граждане, не имѣвшіе опредѣленныхъ размѣровъ имущества, получали пособіе отъ государства. Въ Римѣ Кай Гракхъ установилъ цѣну, по которой государство продавало нуждающимся гражданамъ хлѣбъ; впоследствии хлѣбъ былъ раздаваемъ и даромъ. При Юліи Цезарѣ даровой хлѣбъ получали почти $\frac{3}{4}$ римскихъ гражданъ. Хлѣбъ былъ получаемъ путемъ податей. Такъ наприм. Сицилія была обязана ежегодно доставлять 3.800.000 модіевъ хлѣба, Египетъ 20.000.000. При Александрѣ Северѣ начали раздавать даромъ и мясо. Въ Римѣ на государственный счетъ были устраиваемы общественныя бани и купальни, театры и вообще увеселенія, государство доставляло гражданамъ безвозмездно *panem et circenses*, благодаря чему большинство гражданъ имѣло возможность проводить жизнь въ праздности.

Христіанство внесло новую идею въ дѣло благотворительности, Благотворительность учителями христіанства признается нравственнымъ долгомъ каждаго, но подаваніе помощи ближнему не должно быть безразличнымъ, такъ какъ праздность и лѣнь признаются не меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ и жестокосердіе. Мало по малу церковь становится важнѣйшимъ органомъ общественнаго призрѣнія, какое значеніе ея съ особенною силою выдвигается въ теченіи среднихъ вѣковъ. Въ новое время отношеніе государствъ къ дѣлу благотворительности сложилось въ двѣ формы. Законодательство однихъ государствъ представляетъ собою стройную организацію пособія бѣднымъ и неимущимъ, напоминающую собою въ нѣкоторой степени отношеніе къ нимъ государствъ древняго міра. Наболѣе типическій образецъ этого даетъ намъ Англія. Въ то время, когда почти вездѣ въ 3. Европѣ бѣдность признавалось порокомъ, въ одной Англіи она разсматривалась какъ несчастье, дающее правъ на общественную помощь. По замѣчанію А. Васильчикова, призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи „вошло въ общую

¹⁾ Morau Christophe. Du probleme de la misère chez les peuples anciens et modernes. Monnier. Histoire de l'assistance publique. De Gerando. Traité de la bienfaisance publique. Du cretiaux. La question de la charité. Dufau. La science de la misere sociale. Стогъ. Общественнаго призрѣнія въ Россіи. Okolski. Dobroczynnosc publierna w Polsec. Niva. 1887 г.

организацию мѣстнаго самоуправления, какъ особое вѣдомство и выразилось гласно, рѣзко, во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Немущій лишенъ былъ всѣхъ политическихъ правъ, но пользовался социальнымъ правомъ получать призрѣніе и продовольствіе на счетъ общества и государства, правомъ освященнымъ закономъ и огражденнымъ судомъ. Вѣдомство это, разростаясь постепенно, принимаетъ такіе всеобъемлющіе размѣры, что становится основой мѣстнаго самоуправления, поглощая всю дѣятельность общинъ и всѣ ихъ наличныя силы и средства: изъ налога въ пользу бѣдныхъ образуется вся система земскихъ смѣтъ и раскладокъ, изъ порядка обложенія этого сбора (poor-tax) весь порядокъ обложенія всѣхъ прочихъ податей и повинностей, изъ правилъ управленія и учрежденій общественнаго призрѣнія—весь многочисленный механизмъ внутренняго самоуправления, такъ что во всѣхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, во всѣхъ разнообразнѣйшихъ узаконеніяхъ мы встрѣчаемъ постоянныя ссылки на этотъ первообразъ англійскаго selfgovernment'a, на законы о бѣдныхъ poor-laws". (О самоуправленія, II, стр. 2—3). Въ настоящее время въ Англии каждому изъ податныхъ подданныхъ ея приходится содержать почти 2 бѣдныхъ, отдавая 9⁰/₁₀₀ со своего дохода.

Центральнымъ органомъ, вѣдающимъ въ Англии все дѣло общественнаго призрѣнія, есть poor-law-Board или коммиссія общественной благотворительности, временно учрежденная въ 1834 г., а въ 1847 г. превращенная въ постоянную. Члены ея получаютъ опредѣленное жалованье по штату изъ государственнаго казначейства. Коммиссія имѣетъ право издавать обязательныя постановленія относительно благотворительныхъ учрежденій. Она вѣдаетъ всѣми мѣстными органами общественной благотворительности, производя контроль надъ дѣятельностью ихъ чрезъ особыхъ инспекторовъ. Всѣхъ инспекторовъ 12; каждому изъ нихъ подчинены отъ 41 до 55 округовъ общественной благотворительности (union). Округа благотворительности организованы въ 1834 г. изъ соединенія приходовъ для болѣе цѣлесобразнаго выполненія обязанностей по дѣлу благотворительности. До 1834 г. приходъ былъ главнымъ непосредственнымъ мѣстнымъ органомъ благотворительности. Но нерѣдко эта задача бѣднымъ и малочисленнымъ приходамъ оказывалась не подъ силу. Въ виду этого законъ 1834 г. разрѣшаетъ образованіе изъ нѣсколькихъ приходовъ благотворительныхъ округовъ для содержанія бѣдныхъ общими силами. Въ каждомъ округѣ

полагается Boards of Guardians, комитетъ надзирателей, состоящій изъ членовъ, избираемыхъ жителями прихода, платившими въ послѣднемъ году подать въ пользу бѣдныхъ; а также изъ всѣхъ мѣстныхъ мировыхъ судей. Эти-то комитеты и являются дѣйствительными мѣстными органами благотворительности, непосредственно завѣдывающими всею благотворительностью даннаго округа. До 1834 г. главная обязанность оказанія помощи была возлагаема на Overseers of the poor, блюстителей бѣдныхъ. Съ 1834 г. значеніе ихъ значительно пало. Въ настоящее время къ обязанности ихъ относится раскладка податей на бѣдныхъ и въ исключительныхъ случаяхъ выдача пособій. Такихъ блюстителей въ каждомъ приходѣ полагается отъ 2 до 4. Они назначаются мировыми судьями и не получаютъ за свой трудъ никакого жалованья. Институтъ блюстителей установленъ закономъ 1601 г., по которому эти блюстители должны были собирать средства для дѣла общественной благотворительности, удалять изъ приходовъ бѣдныхъ, неимѣющихъ права жительства въ приходѣ и оказывать помощь нуждающимся.

Въ каждомъ округѣ, сверхъ того, состоятъ: казначеи (Treasurers), вѣдающіе денежною частью округа; канцелярскіе чиновники (Clerk of the Union), ведущіе канцелярію округа; Relieving officers, занимающіеся непосредственно раздачей пособій, надзоромъ за дѣтьми, помѣщаемыми у мастеровъ и т. п., директора рабочихъ домовъ (master of the workhouse), лекаря, обязаны оказывать врачебную помощь бѣднымъ, учителя и учительницы въ рабочихъ домахъ и т. д. Всѣхъ чиновниковъ, вѣдающихъ дѣло общественной благотворительности въ Англіи, считается около 13.000 человекъ¹⁾.

Франція представляетъ собою типъ государствъ, признающихъ благотворительность дѣломъ частнымъ; вмѣшательство же правительства необходимо лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому во Франціи

¹⁾ Kries. Englische Armenphlege. А. Васильчиковъ. О самоуправленіи, т. II, стр. 1—60. По словамъ А. Васильчикова «board of guardians, какъ и всѣ прочія мѣстныя учрежденія, называемыя въ Англіи boards, не соответствуютъ нашему понятію о земскихъ управахъ и не составляютъ постоянныхъ присутствій, производящихъ непосредственно дѣла и расходы, они собираются только въ срочные дни по одному разу въ недѣлю; для законности рѣшеній требуется всего три наличныхъ члена, хотя общее число доходитъ до 40 и 60 guardians; поэтому ихъ скорѣе можно назвать съѣздами или совѣщательными собраніями гласныхъ. Всѣ штатные члены назначаются пожизненно и удаленіе ихъ отъ должности зависитъ отъ главноуправленія (poor-law-board),

нѣтъ спеціальной организаціи властей, которыя бы вѣдали дѣло благотворительности страны. Общественная благотворительность поручена министерству внутреннихъ дѣлъ, которое завѣдываетъ нѣкоторыми благотворительными учрежденіями, содержимыми государствомъ. Въ департаментахъ общее наблюденіе возлагается на префектовъ, въ общинахъ—на меровъ. Въ общинахъ существуютъ Bureaux de bienfaisance, завѣдывающіе выдачей помощи бѣднымъ на дому—secours des indigents à domicile. Общины не имѣютъ право устанавливать никакихъ обязательныхъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ; всѣ подобнаго рода сборы должны быть только добровольными (inspirés par l'humanité).

Не смотря на отсутствіе благотворительныхъ государственныхъ учреждений, французское законодательство вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ испрашиваніе милостыни. По закону, изданному еще Наполеономъ I въ 1808 г., la mendicité sera défendue dans tout le territoire de l'empire. Это запрещеніе строго поддерживается уголовнымъ кодексомъ, установившимъ высокія наказанія за нищенство, не обращая вниманія на то, имѣетъ ли нищій пріютъ или не имѣетъ. Наполеонъ I, преслѣдуя нищенство, имѣлъ въ виду учредить на государственный счетъ пріюты, которыхъ, по его инициативѣ, было устроено до 37; въ этихъ пріютахъ (dépôts de mendicité) находили призрѣніе 22000 нищихъ. Но вскорѣ нашли, что такіе пріюты развиваютъ тунеядство и часть ихъ была закрыта. По заключенію А. Васильчикова, во Франціи „нищенство и бродяжничество запрещены, но пріюты для нищихъ не открыты и всѣ заботы попечительной французской администраціи ограничиваются постановкой столбовъ, красующихся на перекресткахъ сельскихъ дорогъ во Франціи съ надписью: Défense de mendier“ ¹⁾.

Системы призрѣнія бѣдныхъ въ Англіи и Франціи страдаютъ односторонностью, благодаря чему въ дѣйствительности задача призрѣнія въ обѣихъ странахъ далеко не осуществляется. По видимому, англійская система ближе къ цѣли. Сторонникомъ ея у насъ является кн. Васильчиковъ, по мнѣнію котораго французская система приспособляется къ укрывательству народныхъ нуждъ, такъ какъ мѣстные

¹⁾ О самоуправленіи, II, стр. 35. Peau-Saint-Martin. Enquête sur l'organisation de l'assistance publique en France.

администраторы заинтересованы въ скрѣтіи язвъ и рубищъ, нарушающихъ благолѣпіе столицъ и большихъ городовъ. „Отъ этого происходитъ явленіе, поражающее своею противоположностью туристовъ, посѣщающихъ Англію и Францію. Среди богатѣйшихъ кварталовъ Лондона, Бирмингама, Ливерпуля толпы оборванцевъ, нагло пробирающихся сквозь ряды джельтменовъ. Въ главныхъ городахъ Франціи на оборотъ благообразіе и приличіе; подъ бдительнымъ окомъ полиціи нищія не показываются ни на улицахъ, ни въ отчетахъ гг. префектовъ и обнаруживаются только въ смутные дни баррикадъ и революцій, когда, выступая мрачными полчищами, они возбуждаютъ во всей странѣ наивное недоумѣніе: откуда берутся эти мрачные оборванцы? Они выходятъ именно изъ тѣхъ слоевъ общества, которые во Франціи состоятъ подъ надзоромъ полиціи и подъ запрещеніемъ закона, а въ Англіи пользуются законнымъ правомъ призрѣнія и защитой суда“. Но изъ того, что въ одной странѣ нищета прячется, между тѣмъ какъ въ другой она „нагло“ показывается вездѣ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что одна изъ этихъ системъ хуже или лучше другой. Хорошо можно назвать лишь ту систему призрѣнія, въ которой нищета дѣйствительно призрѣвается. А такая система можетъ состоять лишь въ соединеніи подъ государственнымъ руководствомъ всѣхъ общественныхъ и частныхъ силъ къ дѣлу помощи нуждающимся и обремененнымъ. Первое мѣсто между этими силами слѣдуетъ дать церкви и приходу. Англійская старинная система, въ которой приходъ, какъ церковная общественная единица, занималъ первое мѣсто въ ряду органовъ общественной благотворительности, заслуживаетъ полного одобренія. Но эта система подорвана „округомъ“, какъ искусственнымъ благотворительнымъ союзомъ, могущимъ обладать большими матеріальными средствами, но уже не являющимся тѣмъ религіозно-нравственнымъ организмомъ, какимъ является приходъ въ дѣлѣ благотворительности. Администрація, земство, общества должны не уничтожать дѣятельности этого естественно-полицейскаго органа, но дѣйствовать рядомъ съ нимъ, восполняя недостаточность его средствъ.

По нашему дѣйствующему законодательству, нищенство строго воспрещается. „Сельскія начальства наблюдаютъ, чтобы жители, проводя время въ трудахъ, нигдѣ и никогда милостыни не просили“ (т. XIII, ст. 1631). Лица, не могущія приобрѣтать трудомъ про-

питанія, содержатся родственниками (1633—1639); если нѣтъ таковыхъ, то опредѣляются въ богадѣльни (1633), которыя должны быть во всѣхъ селахъ и въ которыхъ призрѣваемые должны содержаться на общественный счетъ (1635). Въ губерніяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія, общественною благотворительностью завѣдываютъ Приказы общественного призрѣнія. Въ земскихъ губерніяхъ, а также въ городахъ, управляемыхъ на основаніи городского положенія 1870 г., общественное призрѣніе передано земскимъ учрежденіямъ и городскимъ думамъ. Частныя благотворительныя общества, на основаніи закона 3 янв. 1869 г., учреждаются съ разрѣшенія Министра внутреннихъ дѣлъ. Сверхъ того существуютъ у насъ особыя благотворительныя учрежденія, состояція подъ покровительствомъ Особъ Императорской Фамиліи. Учрежденія эти или состоятъ въ вѣдѣніи IV отдѣленія канцеляріи Его Императорскаго Величества или въ непосредственномъ завѣдываніи Особъ Императорской Фамиліи. Существуютъ благотворительныя учрежденія спеціальныхъ вѣдомствъ, наприм. духовенства, военныхъ лицъ и т. п., состояція въ завѣдываніи соотвѣтствующихъ вѣдомствъ.

§ 4. Призрѣніе, какъ содержаніе нуждающихся на счетъ благотворительности, должно относиться только къ тѣмъ, кто не можетъ работать. Способные къ работѣ, но не желающіе работать не должны пользоваться общественною благотворительностью, такъ какъ такая благотворительность имѣетъ развращающее вліяніе, поддерживая тунеядство и вырабатываетъ цѣлый классъ нищихъ, эксплуатирующихъ чувства человѣколюбія для праздної и разгульной жизни. На этомъ основаніи обязанности призрѣнія тѣсно связаны съ правомъ государства принуждать къ труду, заставляя работать тѣхъ, кто, избѣгая труда, живетъ на счетъ подаяній. Съ этою цѣлію обыкновенно устраиваются такъ называемыя рабочіе дома или дома трудолюбія, въ которыхъ нуждающіеся находятъ пріютъ, содержаніе и заработокъ. Съ этою же цѣлію предпринимаются общественныя работы, общественныя запашки хлѣба, сооруженія, земледѣльческія колоніи и т. п.

Въ Англіи закономъ 1834 г. признано, что пользоваться приходскими пособіями могутъ только неспособные къ работѣ. Для опредѣленія же способности или неспособности къ работѣ всѣ, испрашивающіе общественного призрѣнія, опредѣляются на испытаніе въ

рабочіе дома. Оказавшіеся неспособными къ работѣ получаютъ пособіе отъ прихода на дому. Могуціе работать остаются въ рабочихъ домахъ и тамъ зарабатываютъ себѣ пріютъ и содержаніе. Англійскіе рабочіе дома извѣстны своею суровою дисциплиною и небезосновательно въ народѣ носятъ названіе тюремъ. Только въ теченіи первыхъ сутокъ по опредѣленіи рабочей можетъ оставить рабочій домъ, по прошествіи этого срока онъ долженъ оставаться на все время, на которое онъ первоначально изъявилъ согласіе. Изъ заведеній призрѣваемые никуда не отпускаются. Работаютъ отдѣльно мужчины, женщины; но дѣти могутъ работать въ одной общей комнатѣ вмѣстѣ съ матерями. Въ каждомъ рабочемъ домѣ, по зак. 1834 г. должны быть слѣдующія отдѣленія: 1) для мужчинъ не способныхъ къ работѣ. 2) для мужчинъ способныхъ къ работѣ и имѣющихъ болѣе 13 лѣтъ, 3) для мальчиковъ отъ 7 до 13 лѣтъ, 4) для старыхъ и неспособныхъ къ работѣ женщинъ, 5) для женщинъ способныхъ къ работѣ, и имѣющихъ болѣе 16 лѣтъ, 6) для дѣвушекъ отъ 7 до 16 лѣтъ, 7) для дѣтей обоого пола до 7 лѣтъ. Такимъ образомъ англійскіе рабочіе дома являются не только домами труда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но также пріютами для неспособныхъ къ труду стариковъ и старухъ и воспитательными домами для дѣтей нуждающихся родителей.

Подобныя же дома существуютъ и въ другихъ странахъ Западной Европы, но съ инымъ характеромъ. Такъ въ Германіи рабочіе дома предназначаются не только для ищущихъ работы, но также для помѣщенія въ нихъ преступниковъ, приговоренныхъ судомъ къ аресту въ рабочемъ домѣ на опредѣленный срокъ. Во Франціи въ *maisons de refuge* помѣщаются вышедшіе изъ тюремъ и не находящіе занятій развратныя женщины и т. п. Специальные *dépôts de mendicité* имѣютъ болѣе опредѣленную задачу. Это пріюты для нищихъ, въ которыхъ нищенствующихъ приучаютъ къ ремесламъ и доставляютъ возможность зарабатывать себѣ хлѣбъ.

Наши рабочіе дома, учреждаемые въ послѣднее время, носятъ характеръ болѣе гуманный и болѣе цѣлесообразный. Дома эти называются домами трудолюбія и задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы не только дать возможность постигнутому несчастьемъ заработать средства къ существованію впредъ до отысканія лучшаго занятія, но также въ пріохочиваніи къ труду въ томъ, чтобы вызвать любовь

жъ труду у людей, отвыкшихъ отъ него и избѣгающихъ его. Лучшій изъ этихъ домовъ это домъ трудолюбія въ Кронштатѣ, со-держимый извѣстнымъ филантропомъ протоіереемъ Іоанномъ Сергіевымъ.

Такое же значеніе имѣютъ земледѣльческія колоніи, извѣстныя уже древнему міру. Такъ, Римъ учреждалъ земледѣльческія колоніи въ завоеванныхъ странахъ для укрѣпленія своей власти. Въ средніе вѣка учреждались военныя колоніи въ пограничныхъ мѣстностяхъ, въ цѣляхъ обезопасить границы государства отъ иноземнаго вторженія. Въ 19 в. при помощи земледѣльческихъ колоній нѣкоторыя государства стремятся къ доставленію занятій населенію, ищущему труда или избѣгающему его. Таковы земледѣльческія колоніи въ департаментѣ des Landes во Франціи, голландскія и швейцарскія колоніи. Обыкновенно земля предоставляется колонистамъ въ первое время въ пользованіе, но съ условіемъ, если хозяйство будетъ правильно организовано, то, по истеченіи опредѣленнаго числа лѣтъ, арендуемая земля становится собственностью. Этотъ путь предоставленія занятій населенію обходится слишкомъ дорого; въ Голландіи на одно семейство требовалось 2.400 фр., въ Франціи 3.750 франковъ. Понятно, почему колоніямъ предпочитаютъ рабочіе дома. У насъ при Николаѣ I были организуемы съ большими пожертвованіями со стороны государства земледѣльческія колоніи для поселенія евреевъ и приученія ихъ къ земледѣльческому труду. Какъ извѣстно, евреи большею частью стремятся къ торговлѣ, какъ болѣе легкому промыслу. Но торговля, какъ посредничество между потребителемъ и производителемъ, полезна до той поры, пока количество торговцевъ не превосходитъ дѣйствительной нужды въ посредникахъ. За этими предѣлами торговецъ становится лишнимъ, его занятіе непроизводительно, онъ живетъ на счетъ труда производителя и потребителя. При такихъ обстоятельствахъ возникаетъ необходимость отвлеченія части населенія отъ занятія торговлей и привлеченія ея къ другимъ промысламъ. Такова идея нашихъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Устроениемъ ихъ имѣлось въ виду достигнуть привлеченія евреевъ, занимающихся торговлей, къ земледѣльческому производительному труду. Опытъ этотъ не удался; оставшіеся кое-гдѣ еврей-земледѣльцы бѣдствуютъ, остальные бросили земледѣліе, предпочитаютъ торговлю всѣмъ остальнымъ видамъ труда.

Неудача объясняется ошибочнымъ принципомъ нашихъ колоній. Если бы вопросъ шелъ о доставленіи заработка населенію привыкшему къ земледѣльческому труду, то даровая раздача земель въ собственность съ единственнымъ условіемъ обработки ея была бы лучшимъ средствомъ къ достиженію цѣли. Но въ еврейскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ рѣчь шла о привлеченіи жителей городовъ и мѣстечекъ къ земледѣлію, для чего необходимо было измѣнить весь складъ и характеръ жизни; достигнуть этого возможно не иначе, какъ мѣрами воспитанія и дисциплины въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ. Предоставленныя самимъ себѣ колоніи естественно должны были пасть ¹⁾. Совершенно аналогичное явленіе мы видимъ въ промышленной сферѣ съ попытками развить въ земледѣльческомъ населеніи тѣ или инныя отрасли фабрично-заводской промышленности. Всѣ льготы и поощренія, даваемыя высокимъ таможеннымъ покровительствомъ, ни къ чему не приводятъ, если населеніе не подготовлено къ этой новой для него дѣятельности.

§ 5. Помощь можетъ быть необходимою не только въ бѣдствіяхъ цѣлыхъ классовъ населенія, но и въ отдѣльныхъ несчастныхъ случаяхъ. Къ такимъ случаямъ прежде всего относится сиротство.

Смерть отца, доставляющаго средства къ существованію семьи, въ большинствѣ случаевъ является страшнымъ несчастіемъ не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ матеріальномъ. Семья въ такихъ случаяхъ обыкновенно остается безъ всякихъ средствъ къ существованію и поступаетъ на попеченіе родныхъ. Въ прежнее время институтъ родства представлялъ собою для такихъ случаевъ вполнѣ серьезный органъ благотворительности. Сироты находили пріютъ у родныхъ, которые считали для себя нравственнымъ и религіознымъ долгомъ дать и соотвѣтствующее воспитаніе сиротамъ. Но этотъ институтъ съ развитіемъ меркантильной цивилизаціи падаетъ, замѣнить его нечѣмъ и тяжесть сиротства съ каждымъ днемъ увеличи-

¹⁾ Говоря о земледѣльческихъ колоніяхъ, слѣдуетъ упомянуть объ оригинальномъ «Грубешовскомъ земледѣльческомъ товариществѣ», организованномъ извѣстнымъ польскимъ филантропомъ Станиславомъ Сташицемъ. Земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ, переходило въ полную ихъ собственность, подъ условіемъ лишь содержанія въ исправности нѣкоторыхъ общепользованныхъ учрежденій, наприм., школы, ссудной кассы, больницы. Такой же характеръ имѣла и колонія, учрежденная въ 1854 г. гр. Бржозовскимъ, А. Okolski. Wykład prawa administracyjnego, II, стр. 248.

вається. Въ виду этого необходимо позаботиться хотя бы о материальномъ обеспеченіи сиротъ. Средствомъ къ этому служатъ страхованія жизни.

Страхованіе жизни имѣетъ своею цѣлю, при посредствѣ ежегодныхъ взносовъ, обезпечить на случай смерти третьимъ лицамъ опредѣленный капиталъ или доходъ. Размѣры этихъ взносовъ должны соразмѣряться съ дѣйствительною потребностью, т. е. съ процентами смертности лицъ, дающихъ средства къ существованію семьи, и съ размѣрами обезпечиваемаго капитала. Если смертность такихъ лицъ равняется 1% и если для каждой семьи имѣется въ виду обезпечить капиталъ въ 1000 рублей, то каждая 1000 человекъ страхующихся должны ежегодно вносить по 10 рублей, такъ какъ изъ нихъ ежегодно умираетъ 10 человекъ, семьи которыхъ должны получить по 1000 рублей. Очевидно, при такомъ нормальномъ страхованіи жизни размѣры взносовъ или премій тѣмъ меньше, чѣмъ меньше процентъ смертности. Дешевизна нормальнаго страхованія зависитъ отъ нормальности условій жизни; чѣмъ хуже эти условія, чѣмъ больше смертность, тѣмъ дороже страхованіе. Другими словами, чѣмъ необходимое страхованіе жизни, тѣмъ оно труднѣе. Выходъ изъ этого положенія дается расширеніемъ района застраховки: чѣмъ больше этотъ районъ, тѣмъ болѣе страхующихся, тѣмъ больше лицъ, находящихся относительно смертности въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и тѣмъ меньше размѣры премій. Поэтому, наиболѣе раціональнымъ было бы обязательное общегосударственное страхованіе жизни. Такое страхованіе имѣло бы значеніе союза всѣхъ семействъ, имѣющаго своею цѣлю дать опредѣленные средства къ существованію тѣмъ семьямъ, кормильцы коихъ умираютъ. Обезпеченіе сиротъ при этой формѣ страхованія жизни достигалось бы легко, преміи были бы общедоступны и необременительны. Но и по существу своему страхованіе жизни не можетъ быть предметомъ частной предприимчивости. Подобно отправленію правосудія, охранѣ общественной безопасности и т. п., страхованіе должно быть сосредоточено въ рукахъ государства, такъ какъ задача его не частно-хозяйственная, но народно-хозяйственная и государственная. Дѣло обезпеченія сиротъ также основательно предоставлять частной предприимчивости и спекуляціи, какъ и дѣло народнаго просвѣщенія. Государство не можетъ безразлично относиться къ тому, каковъ образовательный со-

ставъ населенія, такъ какъ отъ народной школы зависитъ сила и могущество самаго государства. Но также государство не можетъ безразлично относиться къ дѣлу обезпеченія семействъ въ несчастныхъ случаяхъ, такъ какъ семейная необезпеченность ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ и образовательномъ отношеніяхъ. Бороться съ этимъ бѣдствіемъ ни частныя лица, ни союзы ихъ не могутъ. Коммерческія страховыя общества, превращая въ предметъ эксплуатаціи одну изъ священнѣйшихъ обязанностей государства, стремятся не къ удешевленію страхованія и не къ распространенію его этимъ путемъ во всѣхъ слояхъ населенія, но къ извлеченію прибыли. Общества взаимнаго страхованія не могутъ обнимать собою настолько обширный районъ страхователей, что бы сдѣлать страховыя преміи необременительными для бѣднѣйшихъ классовъ общества. Государственное обязательное страхованіе остается единственной формой, при которой страхованіе жизни становится тѣмъ, чѣмъ оно должно быть.

Въ 1653 г. въ Парижѣ Лоренцо Гонти организовалъ первое учрежденіе страхованія доходовъ и капиталовъ. По его примѣру, такого рода учрежденія, подъ названіемъ Тонтинъ, начали организоваться и въ другихъ мѣстахъ Франціи. Но, въ тѣсномъ смыслѣ слова, товарищества страхованія жизни возникли въ началѣ 18 в. въ Англіи (въ 1706 г.); болѣе же или менѣе общее распространеніе въ Европѣ они получаютъ въ настоящемъ столѣтіи, вмѣстѣ съ чѣмъ развивается и спеціальное законодательство, направленное къ обезпеченію прочности страховыхъ предпріятій.

Въ Англіи товарищества страхованія жизни могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ по представленіи въ государственное казначейство залога въ 20.000 ф. ст. Товарищества эти обязаны ежегодно представлять въ министерство торговли, Board of Trade, отчеты о своей дѣятельности. Закономъ 6 Сент. 1872 г. подробно опредѣляется порядокъ ликвидаціи ихъ.

Во Франціи дѣйствуетъ въ настоящее время законъ 22 янв. 1808 г., по которому товарищества страхованія жизни могутъ быть учреждаемы не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія представителя государства.

Но нигдѣ страхованію, какъ средству обезпеченія противъ несчастныхъ случаевъ, не придается такого серьезнаго значенія, какъ

въ Германіи. Замѣчательнѣ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ. Послѣ избавленія Вильгельма I отъ покушенія Геделя, въ Германіи общей подпиской была собрана сумма въ 1.740.000 марокъ, переданная принцу Фридриху подъ названіемъ Kaiser Wilhelms—Spende для употребленія на какое либо общепольное дѣло. Принцъ нашель, что такимъ общепольнымъ дѣломъ является учрежденіе на собранный капиталъ страхованія дохода и капитала на случай старости, но такое страхованіе, которое было бы доступно всѣмъ и каждому. Такое учрежденіе и открыто закономъ 21 марта 1879 г. Сущность его состоитъ въ томъ, что каждый германскій подданный, едино временными взносами не свыше 5 марокъ, по достиженіи 55 и болѣе лѣтъ получаетъ или капиталъ со сложными процентами, или соотвѣтствующую пожизненную ренту. Но сумма взносовъ не должна превышать капитала, превосходящаго годовую ренту въ 1000 марокъ.

Въ послѣднее время въ Германіи правительство организовало три категоріи страховыхъ учрежденийъ въ цѣляхъ народнаго благоустройства.

Зак. 13 іюня 1883 г. установлено обязательное страхованіе на случай болѣзни всѣхъ работающихъ по найму на фабрикахъ и заводахъ, а также подмастерьевъ и ихъ учениковъ. Размѣры обязательныхъ взносовъ опредѣлены процентомъ нормальной поденной платы (отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{0}{10}$). Въ случаѣ болѣзни каждый застрахованный рабочій получаетъ даровыя лѣкарства и съ третьяго дня болѣзни ему выдается въ продолженіи не болѣе 13 недѣль содержаніе въ размѣрѣ половины обычной платы. Средства для этого составляются изъ взносовъ рабочихъ и въ $\frac{1}{3}$ изъ взносовъ нанимателей. Страховыя суммы вносятся въ кассы нанимателями впередъ за недѣлю или въ другіе установленныя мѣстной кассой сроки.

Закономъ 6 іюля 1884 г. установлено обязательное страхованіе рабочихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ. Для этого изъ разныхъ отраслей промышленности образуются особые союзы (Berufsgenossenschaften), состоящіе подъ вѣдѣніемъ общаго имперскаго страховаго управленія. Въ управленіе союзовъ подаются заявленія о пособіяхъ въ несчастныхъ случаяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, когда по суду будетъ доказано, что виновникомъ несчастья является самъ хозяинъ предпріятія, отвѣчающій предъ рабочимъ. Если рабочій потеряетъ способность продолжать работу, то онъ получаетъ ежегодную ренту,

равную двумъ третямъ его содержанія. Вдова получаетъ 20⁰/₀ заработка мужа, а дѣти по 15⁰/₀, но сумма ренты не должна быть болѣе 60⁰/₀ заработка рабочаго. Вознагражденіе опредѣляется управленіемъ союза, состоящаго изъ предсѣдателя, назначаемаго императоромъ, и четырехъ членовъ. Постановленія этого управленія могутъ быть обжалованы въ имперское страховое управленіе. Послѣднее находится въ Берлинѣ и состоитъ изъ предсѣдателя, назначаемаго императоромъ, и 8 членовъ, избираемыхъ союзами и представителями рабочихъ (по 4 съ каждой стороны). Каждый хозяинъ промышленнаго предпріятія обязательно поступаетъ въ члены союза и слѣдующіе съ него платежи взыскиваются на общихъ основаніяхъ взысканія податей.

Наконецъ, 24 мая 1889 г. утвержденъ законъ о страхованіи рабочихъ на случай потери возможности работать и старости (*Gesetz betreffend die Invaliditäts—und Altersversicherung*). По этому закону, всѣ работающіе по найму, получающіе на годъ менѣе 2000 марокъ, подлежатъ обязательному страхованію на случай старости и неспособности продолжать работу. На случай старости рента выдается послѣ тридцати лѣтъ взноса страховой преміи, а по случаю потери способности работать—послѣ пяти лѣтъ. Кто получаетъ ренту по старости, тотъ не можетъ получать инвалидной ренты, и на оборотъ. Капиталь, необходимый для выдачи ренты, составляется изъ взносовъ рабочихъ, предпринимателя и казны ¹⁾.

§ 6. Рядомъ съ мѣрами страхованія, необходимо созданіе особыхъ учрежденій для доставленія приюта сиротамъ, незаконорожденнымъ, старикамъ и т. п.

Учрежденія для призрѣнія сиротъ уже извѣстны были древнему міру; въ Римѣ они назывались *orphanotopios*. Въ средніе вѣка учрежденія эти содержали монастыри, церковные приходы и сословныя учрежденія. Новое время выработало двѣ системы призрѣнія дѣтей: сиротскіе воспитательные дома и отдачу дѣтей на воспитаніе по деревнямъ. По первой системѣ, дѣти содержатся до извѣстнаго

¹⁾ А. Гольдейвейзеръ. Соціальное законодательство германской имперіи. В. Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. С. Sannet. *le socialisme d'état et la réforme sociale*. Ameline. *Assurances en cas de décès*. Courcy. *Précis de l'assurance sur la vie*. Deloynes. *Des assurances sur la vie*. Chabert. *Les assurances sur la vie*.

возраста въ сиротскомъ домѣ, гдѣ получаютъ тамъ же установленное образованіе. По достиженіи опредѣленнаго возраста они поступаютъ на службу, избирая самостоятельный родъ жизни. По второй системѣ дѣти лишь временно опредѣляются въ сиротскіе дома, ота куда поступаютъ на содержаніе по деревнямъ въ семейные дома за плату, выдаваемую подлежащимъ вѣдомствомъ. Последняя система вызвана страшною смертною дѣтей перваго возраста въ воспитательныхъ домахъ. Для избѣжанія этой смертности, происходящей отъ скученности и отсутствія семейнаго надзора, дѣти отдаются извѣстнымъ своею хорошею жизнью крестьянскимъ семьямъ, нуждающимся въ заработкѣ. Обыкновенно, въ этихъ семьяхъ они находятъ созданный искусственный родной кровъ, съ которымъ свыкаются и становятся дѣйствительными его членами. Нѣтъ сомнѣнія, что для малолѣтнихъ эта система выше системы воспитательныхъ домовъ. На этомъ основаніи въ послѣднее время вообще замѣтно стремленіе расширить ее и упразднить вовсе сиротскіе дома. Во Франціи еще по зак. 11 янв. 1811 г. вмѣнено въ обязанность нѣкоторымъ больницамъ принимать сиротъ и подкидышей. Принятая дѣти отдаются на содержаніе въ крестьянскія семьи, которымъ выдается вознагражденіе, доходящее до 20 фр. въ мѣсяцъ въ теченіи перваго года жизни дитяти. По достиженіи двѣнадцатилѣтняго возраста вознагражденіе прекращается и дѣти отдаются, по договору, ремесленникамъ или сельскимъ хозяевамъ. Договоры утверждаются префектомъ и обязываютъ до 16 лѣтняго возраста; по достиженіи этого возраста договоры заключаются вновь со включеніемъ вознагражденія за трудъ дѣтей. Въ Англіи также принятъ принципъ помѣщенія сиротъ въ частныхъ домахъ и только, въ случаѣ невозможности найти такое помѣщеніе, сироты помѣщаются въ рабочихъ домахъ. Въ Германіи сиротскіе дома существуютъ рядомъ съ системой помѣщенія сиротъ въ частныхъ домахъ; послѣдней системѣ вообще дается предпочтеніе, но, въ случаяхъ невозможности дать надлежащій уходъ въ частномъ домѣ, сироты опредѣляются въ сиротскій домъ.

У насъ устройство сиротскихъ домовъ ведетъ свое начало съ учрежденія о губерніяхъ Екатерины II, по мысли которой дома для призрѣнія сиротъ должны были быть учреждены въ каждой изъ губерній при приказахъ общественнаго призрѣнія. Въ настоящее время сиротскіе дома, находящіеся при приказахъ общественнаго призрѣнія,

дѣйствуютъ на основаніи закона 31 дек. 1836 г. Сироты принимаются въ возрастѣ отъ 7 до 11 лѣтъ и остаются въ сиротскомъ домѣ до 12 лѣтняго возраста, по достиженіи котораго они пристраиваются къ ремесленникамъ, торговцамъ и т. п. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій сиротскіе дома переданы въ веденіе земствъ.

Дома призрѣнія подкидышей ведутъ свое начало съ VII в., когда епископъ Датей устроилъ въ Миланѣ пріютъ для дѣтей, брошенныхъ родителями. Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ церкви, такіе дома начали учреждаться въ разныхъ странахъ. Въ началѣ XIX в. возникаетъ сильный протестъ противъ учрежденія ихъ, вызванный мрачной доктриной Мальтуса. Стали утверждать, что дома для подкидышей усиливаютъ развратъ, облегчая родителямъ незаконнаго ребенка содѣжаніе его. Съ принятіемъ ребенка въ пріютъ упраздняется одно изъ побужденій къ вступленію отца въ бракъ съ матерью. Усиленіе безнравственности ведетъ къ тому, что количество незаконныхъ рожденій увеличивается и дома для подкидышей, спустя нѣсколько лѣтъ, по ихъ учрежденіи, становятся недостаточными, возникаетъ необходимость расширенія ихъ, послѣ чего происходитъ дальнѣйшее усиленіе незаконныхъ рожденій и новая необходимость расширенія пріютовъ и т. д. Родители начинаютъ отдавать въ пріютъ даже законныхъ дѣтей. По Кетле, въ Майнцѣ съ 1799 по 1811 г. было 30 подкидышей, послѣ учрежденія въ 1811 г. воспитательнаго дома въ 3 г. и 4 м. было 516 дѣтей отдано въ этотъ домъ, а по закрытіи его въ теченіи 9 лѣтъ было всего 7 подкидышей. По этимъ соображеніямъ въ послѣднее время государства начали ограничивать устройство домовъ для подкидышей, частью упраздняя существующіе.

У насъ дома для подкидышей ведутъ свое начало съ Петра Великаго. Митрополитъ Іовъ учредилъ первый пріютъ для „заворныхъ дѣтей“ недалеко отъ Новгорода въ Колмовѣ. Петръ В. повелѣлъ учредить такіе пріюты во всѣхъ губерніяхъ. Указомъ 1712 г. онъ повелѣлъ устроить по губерніямъ госпитали для приѣма подкидышей въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы роженицы „вещнаго грѣха не дѣлали, сирѣчь убивства“. Указомъ 1714 онъ повелѣлъ: „для зазорныхъ младенцевъ, которыхъ жены и дѣвки рожаютъ беззаконно, при церквахъ, гдѣ пристойно, сдѣлать госпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя, и для сохраненія избрать искусныхъ женъ и давать имъ изъ неокладныхъ прибыльныхъ доходовъ

на годъ денегъ по три рубля, хлѣба по полуосминѣ на мѣсяць, а младенцамъ по три деньги въ день“. Затѣмъ въ указѣ 1715 г. говорится: „объявить указъ, что бы младенцевъ жены и дѣвки, рождающія незаконно, въ непристойныя мѣста не отмѣтывали, но приносили бы къ госпиталямъ и клали тайно въ окно, чрезъ какое закрытіе, дабы приношенныхъ лицъ было не видно; а ежели такія незаконнорождающія явятся въ умерщвленіи тѣхъ младенцевъ, и оныя за такія злодѣйственныя дѣла сами казнены будутъ смертію, и тѣ госпитали построить и кормить изъ губерній изъ неокладныхъ прибыльныхъ доходовъ“. Въ этомъ дѣлѣ Петръ В. рассчитывалъ и на частную благотворительность, для чего отъ Сената было разослано 20000 увѣщеній не скупиться пожертвованіями.

При Екатеринѣ II, по почину И. И. Бецкаго, были устроены въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ воспитательныя дома для подкидышей. Изъ подкидышей императрица имѣла въ виду воспитать „третьяго чина и новаго рода людей“. Въ „генеральномъ планѣ“ по этому поводу сказано: „Самая великая задача состоитъ вообще въ воспитаніи и приготовленіи такихъ подданныхъ, которые полезны были бы отечеству упражненіемъ въ художествахъ и ремеслахъ. Но какъ дѣло состоитъ и въ произведеніи новыхъ людей, то должно внимательно наблюдать, не найдутся ли между дѣтьми обоого пола имѣющія проницательный разумъ, отмѣнное понятіе и не высказываютъ ли себя способными къ искусствамъ, вовсе отличнымъ отъ того званія, къ которому назначаются. Великое употребить вниманіе, что бы сего никогда не упустить, но всячески способствовать такому особеннымъ природнымъ дарованіямъ, дабы произвести превосходныхъ людей по превосходству ихъ и качества“. Въ 1805 г. сдѣлана первая попытка привлеченія матерей къ кормленію приносимыхъ ими дѣтей, для чего назначено имъ особое вознагражденіе изъ воспитательнаго дома. Въ настоящее время эти дома дѣйствуютъ на основаніи правилъ 1867 г., и узаконеній 7 іюня 1869 г. и 1871 г.

Императрица Екатерина II имѣла въ виду учредить воспитательныя дома во всѣхъ губерніяхъ при приказахъ общественнаго призрѣнія. Въ 1828 г. послѣдовало запрещеніе, дѣйствующее и въ настоящее время, устранять вновь воспитательныя дома для подкидышей. Запрещеніе это основано на воззрѣніи о вредѣ воспитатель-

ныхъ домовъ. Въ дѣйствительности ученіе о вредѣ ихъ, какъ и вся мальтузіанская доктрина, представляетъ собою продуктъ метафизическаго направленія въ наукѣ государственнаго благоустройства. Точныя статистическія данныя убѣждаютъ въ томъ, что учрежденіе воспитательныхъ домовъ нисколько не ведетъ къ усиленію безнравственности, между тѣмъ оно приводитъ къ уменьшенію и даже полному прекращенію дѣтоубійствъ и поднимаетъ общественную нравственность уже потому одному, что представляетъ собою общественное человѣколюбивое дѣло. Петръ В., приглашая къ учрежденію пріютовъ для безпріютныхъ дѣтей, отъ которыхъ отказались родители, имѣлъ въ виду не только призрѣть подкидышей, но и поднять народную нравственность, создавая для развитія ея практическую почву. Въ послѣднее время вредъ отсутствія домовъ для подкидышей вполне обнаружился въ открытіи страшнаго ремесла женщинъ, промышляющихъ дѣтоубійствомъ. Конечно, рядомъ съ воспитательными домами необходимы и мѣры къ уменьшенію незаконнорожденныхъ, для чего необходимо предоставленіе матери и дѣтямъ права отыскивать отца, необходимо признать законными дѣтей, рожденныхъ послѣ изнасилованія, необходимы облегченія въ усыновленіи и т. п.

— * * * —

Замѣтка о международныхъ трактатахъ и междуна- родномъ частномъ правѣ.

I.

О международныхъ трактатахъ.

§ 1. Международные договоры или трактаты.

I. Международные договоры суть соглашенія между государствами. М. д. *) могутъ заключать и абсолютные (или полные), и условные субъекты м. п-а (см. мое Введение въ систему м. п-а, стр. 77). Предметъ м. д-овъ составляютъ вопросы: а. о владѣнн територіей и м. повинностяхъ; б. объ отношеніяхъ между государствами въ области различныхъ общественно-культурныхъ интересовъ; в. объ интересахъ м. безопасности государствъ и способахъ и средствахъ взаимной помощи для ея охраненія.—Содержаніе м. д-овъ относится къ предметамъ съ публично-правовымъ характеромъ. Къ числу м. д-овъ должно также отнести *конкордаты* Римскаго папы. Изъ понятія м. д-а исключаются сдѣлки между правительствами по частно-правнымъ предметамъ.

II. Объективное право м. д-овъ, обнимающее правила объ условіяхъ заключенія и о дѣйстви м. д-овъ, основывается на *jus gentium necessarium* (см. мое Введение въ систему м. п-а, стр. 2); гл. обр., на правилахъ: что а. воля договаривающихся субъектовъ свободная; что

*) Употребляемыя въ настоящей статьѣ сокращенія суть слѣдующія: м.—международный м. д.—международный договоръ; м. п.—международное право; м. ч. п.—международное частное право.

Сокращенная цитата I 16. 10 (и подобныя) означаетъ: Хрестоматія русскаго международного права, проф. Эйхельмана, часть I, страница 16, статья 10 (и п. т.).

б. никто не можетъ больше обязываться, чѣмъ онъ вправѣ, или уполномоченъ; что *v. pacta sunt servanda*; и что *z.* съ измѣненіемъ существ. условій въ положеніи дѣла, которыя предполагались при заключеніи договора (*rebus non sic stantibus*), обязательство прекращаетъ свою силу (совершенно или отчасти). Эти логическія правила, которыя необходимо признать, на дѣлѣ и признаны и составляютъ положительное право.

III. Международные договоры называются различными терминами: *трактатами*, *конвенціями*, *декларациями*; кр. т., просто *актами*, *нотами*, *протоколами*. Эти различныя названія не возникли на основаніи юридическихъ различій, но они, болѣе или менѣе, приурочены, въ данную эпоху, къ извѣстнымъ одинаковымъ признакамъ.

Важныя политическія соглашенія и договоры о торговлѣ и мореплаваніи называются преимущественно *трактатами* (I 283, 291, 293, 312. I 1, 340, 254); большинство договоровъ по предметамъ м. общенія называются *конвенціями*; (I 12, 20, 25, 35, 47, 58, 73, 94); *декларациями* и (обмѣненными) *нотами* называются, обыкновенно, м. соглашенія, которыя, въ силу особаго полномочія главы государства, министры заключаютъ окончательно, безъ послѣдующей особой ратификаціи. (I. 41—46, 34, 82—86 и др.)—„Трактатами“ обычно называются и, вообще, всѣ разряды м. договоровъ.

IV. Содержаніе м. д-овъ самое разнообразное. См. обзорніе таковыхъ въ моей Хрестоматіи русскаго м. права.

Особенный интересъ для м. п-а представляютъ тѣ договоры, которыми опредѣляются правила (нормы) для м. отношеній между государствами въ области ихъ взаимныхъ общественно-культурныхъ интересовъ (см. мои *Замѣтки изъ лекцій по м. п-у*, стр. 29). Эту категорію м. д-овъ можно называть *регуляторными* трактатами.

По объему содержанія, м. д-ы, и прежняго и новѣйшаго времени, представляютъ извѣстную прочно установившуюся практику. Въ XVII и XVIII вв. заключались: 1. мирные договоры; 2. договоры оборонительныхъ (и наступательныхъ) союзовъ, и 3. трактаты о дружбѣ, мореплаваніи и торговлѣ (II. 234). Въ XIX в. появились: 1. серія особыхъ конвенцій по предметамъ судебныхъ сношеній [о выдачѣ преступниковъ (I 25. II 318), объ охраненіи наслѣдства иностранцевъ (I 20. II 315), взаимныхъ отношеній судовъ различ. государствъ (I 35, 38), объ исполненіи судеб. рѣшеній иностр. государства по гражд. дѣламъ (*замѣтки*, стр. 39)]; 2. особыя конвенціи о консулахъ, (I 12, II 313); 3. о м. признаніи мѣрительныхъ грамотъ судовъ въ иностр. портахъ (I 43. II 354); 4. о правахъ иностранныхъ акціонерныхъ компаній (I 41. II 350); 5. объ огражденіи правъ фабричныхъ и торговыхъ влеймъ (I 42. II 352) и литературной и художеств. собственности; 6. о почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзно-дорожныхъ сношеніяхъ, и т. д. (см. мои *замѣтки*, стр. 33—39).

§ 2. Условія заключенія международныхъ договоровъ.

1. Субъективныя условія.

1. Абсолютные (или полные) субъекты м. п-а могутъ заключать м. д-ы по всѣмъ предметамъ м. отношеній. Условные субъекты м. п-а могутъ заключать м. д-ы только въ предѣлахъ той политич. зависимости, которую они сохранили—которая имъ предоставлена по существу ющему ихъ подчиненію высшей политич. власти (въ союзномъ г-ѣ, въ реалъной уніи, въ случаѣ протектората. Мое Введеніе, стр. 72 и 78.

2. Государства заключаютъ м. договоры черезъ опредѣл. органы правительства: согласно значенію предмета—черезъ высшіе и верховныя правительств. органы. М. д. объявляетъ государство, какъ цѣлое, какъ субъектъ м. п-а. Конституц. законъ каждаго государства и опредѣляетъ тотъ порядокъ и тѣ органы, которымъ разрѣшается обязывать государство, въ отношеніи къ другимъ государствамъ, м. договорами. Обычнѣйшій порядокъ заключенія м. договоровъ такой, что право заключать м. д-ы зависитъ, въ соответственныхъ опредѣленныхъ случаяхъ: или а. отъ самой верховной власти, или б. отъ главы государства (въ представительныхъ государствахъ), или в. отъ министра иностранныхъ дѣлъ. И въ 1-мъ и 2-мъ случаяхъ переговоры о заключеніи международнаго договора также ведутся черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и его дипломатич. органы, при чемъ уже и составляется полный *проектъ* предполагаемаго междунар. договора; кромѣ немногихъ исключеній, высшая инстанція обычно и „принимаетъ“ составленный проектъ безъ измѣненій. Это *приматіе* и есть утвержденіе договора; оно называется *ратификаціей* (I 12). Если ратификація нужна, т. е. утвержденіе д-а верховною властью, или главою г-а (I 10. 23), то договоръ получаетъ свою силу только по исполненіи этого условія и послѣ *обмѣна* этихъ *ратификацій* обѣими договаривающимися сторонами (ib. и I 56 7). См. мое Введеніе, стр. 84, и мой „Конспектъ лекцій по м. п-у“, вып. IV. стр. 3, пунктъ с.

3. Участвующимъ сторонамъ въ м. договорѣ можетъ быть нѣсколько, (болѣе двухъ; б. ч., обычно двѣ); и къ дѣйствующему договору могутъ *приступить* новые контрагенты. Заключались и „европ. м. договоры“: а. для опредѣленія м. полит. равновѣсія государствъ Европы; напр. Вѣнскій трактатъ 1815 г. (II 50, 91); б. въ новѣйшее время получили большее примѣненіе „общіе м. договоры“, съ особымъ названіемъ „*союзовъ*“, для опредѣленія международно-правовыхъ нормъ, по предметамъ обществ. культуры. интересовъ (см. мое Введеніе, стр. 23, п. 10). Такіе „союзы“ замѣнили собою много десятковъ и сотни „отдѣльныхъ м. д-овъ“ между г-ми, бывшихъ до заключенія *союза*, напр., по почтовымъ и телеграфнымъ сношеніямъ. *Общія договоры* эти „союзы“ суть въ томъ смыслѣ, что въ нихъ участниками состоятъ многія государства, а могутъ въ нихъ вступить, по *услов.* праву, всѣ государства (I 65. 18).

4. М. д. есть *свободное соглашеніе*; существованіе такого „свободнаго“ соглашенія нарушается, если м. д. достигнуто: или *а.* посредствомъ *принужденія*, или *б.* вслѣдствіе *ошибки* относительно субъекта и объекта договора, или *в.* посредствомъ какого либо *обмана*.—Принужденіемъ, въ этомъ случаѣ, не считается мирный договоръ, на который соглашается побѣжденная сторона. Принужденіе имѣетъ мѣсто тогда, когда таковое обращено съ угрозами къ данному лицу, которое вправѣ окончательно заключить или ратифицировать договоръ отъ имени государства. Объявленіе м. договора недействительнымъ, по причинѣ ошибки и обмана, бывшихъ при заключеніи договора, почти не случалось.

II. Объективныя условія.

М. д. долженъ быть *физически возможнымъ, нравственно-дозволеннымъ и юридически правомѣрнымъ*.

М. д. (юридически) не можетъ распоряжаться отношеніями и правами, которыя не подвластны его контрагентамъ, или дѣлать постановленія, которыя нарушаютъ существующія обязательства контрагентовъ къ третьимъ субъектамъ м. п-а.

По самому свойству своего положенія и своего образа дѣйствій и по свойству предметовъ международно-договорныхъ отношеній, государства не включаютъ въ свои договоры предметовъ физически невозможныхъ, или нравственно недозволенныхъ.

§ 3. Способы обезпеченія (гарантіи) международныхъ договоровъ.

I. *Pacta sunt servanda* (I 12). Таково дѣйствіе договора. Обязательность договора продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ какая либо опредѣленная законная причина для его прекращенія.

II. М. д. заключаются: или 1. на *вѣчныя* времена (трактаты о мирѣ, владѣніи); или 2. на *опредѣл.* срокъ (годы, мѣсяцы и дни, или до опредѣл. числа); или 3. на *условный* срокъ („по истеченіи столькихъ-то мѣсяцевъ по заявленіи съ одной какой либо договаривающейся стороны); или 4. на *совокупный* срокъ, т. е., сначала на опредѣленный срокъ, а, по истеченіи его, еще дополнительно, на условный, если передъ окончаніемъ опредѣленнаго срока ни одна сторона не отказалась отъ продолженія договора (I 10. 22); или 5. *безъ срока*, но этотъ, вообще рѣдкій, случай обыкновенно означаетъ, что за сторонами сохраняется право отказаться отъ договора во всякое время. (*н.* 5 отличается отъ *н.* 1).

III. М. дог. долженъ быть исполняемъ точно и во всѣхъ частяхъ. Редакція м. д-овъ подробная, обстоятельная, чтобы избѣгать неясностей въ исполненіи. Инстанцій для судебного толкованія статей м. договоровъ нѣтъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ толкованія м. договоровъ по ихъ смыслу, требуется опять таки же новое соглашеніе между спорящими, о значеніи и смыслѣ содержанія м. договора, сторонами.

IV. Юридич. обязательность м. д-а, сама по себѣ, не требуетъ никакихъ гарантій для своей полной силы. И для м. д-овъ какія либо гарантіи въ пользу ихъ имѣютъ совершенно отдѣльное—особое значеніе, не обусловленное самою обязательностью договора: онѣ суть мѣры и средства для того, чтобы фактически побудить обязанныхъ контрагентовъ исправно исполнять взаимно свой долгъ. На дѣлѣ, гарантіи м. д-овъ практиковались для обезпеченія м. д-овъ съ политич. содержаніемъ (мирныхъ, союзныхъ, о владѣніи), въ особенности въ 17 и 18 вв. и до 1815 г.

Но отъ гарантій м. д-овъ должно отличать: 1. взаимныя и одностороннія гарантіи государствами неприкосновенности ихъ территорій (I 281-2), и 2. коллективныя гарантіи со стороны третьихъ государствъ (въ особенности—великихъ державъ), для охраненія неприкосновенности (I 285-7), или для вѣчной нейтрализаціи какаго либо государства. (См. мое *Введеніе*, стр. 69—70).

Огромная масса м. д-овъ, по предметамъ общественно-культурныхъ интересовъ, въ XIX в. (по примѣру и предыдущихъ столѣтій) не нуждалась въ гарантіяхъ со стороны третьихъ государствъ.

Гарантіи м. д-овъ въ этихъ случаяхъ не употребительны.—См. ниже стр. 6, п. VIII.

V. Гарантіи, м. д-овъ когда онѣ бывали, въ 17 и 18 вв., принимали на себя главы государствъ, отъ имени государства. Гарантія не заключалась въ полномъ поручительствѣ, а въ обязанности гаранта: побуждать неисправнаго контрагента исполнять договорное обязательство и, въ случаѣ неудачи мирныхъ способовъ для достиженія этой цѣли, принудить его къ исполненію насильными средствами. Гарантъ могъ быть обязанъ оказать для этой цѣли помощь на войнѣ, съ точно условленными военными силами или денежной субсидіей для веденія войны; если же такихъ постановленій не было сдѣлано, тогда гарантъ считался вообще обязаннымъ *посильной* помощью въ пользу неудовлетворенной стороны.

VI. Залогъ частей территоріи для обезпеченія исполненія м. д-а одной стороной въ пользу другой практиковался только въ рѣдкихъ случаяхъ: какъ средство обезпеченія исполненія побѣжденной стороной обязательствъ (напр. уплаты военной контрибуціи) по мирному договору. Если права власти залогопринимателя, въ заложенной территоріи, въ частности не опредѣлены, то онъ пользуется въ ней всѣми правами верховной власти съ тѣми измѣненіями, которыя вытекаютъ изъ временнаго владѣнія территоріей (въ отношеніи подданства, госуд. имущества, и под.). Само собою разумѣется, что неисполненіе договора къ сроку даетъ залогодержателю право завладѣть заложенною частью территоріи окончательно.—См. мою *Хрест.* II 98. 5 и 6.

VII. Пассивною формою гарантій международныхъ договоровъ мы можемъ называть т. наз. *adhésion* третьихъ государствъ къ данному м. договору. *Адherentы* не дѣлаются участниками — *сторонами*

договора; они не аккредитуютъ къ нему, но формально признаютъ его законное существованіе—дѣйствіе, т. е., вмѣстѣ съ этимъ, отказываются отъ какихъ либо протестовъ противъ такого договора въ будущемъ, подъ предлогомъ: нарушенія гарантированнымъ ими договоромъ ихъ правъ и интересовъ.

Такое приступленіе третьихъ государствъ къ м. договору, есть, поэтому, просто формальное одобреніе такого договора третьими державами: одною или нѣсколькими. Въ „акту Вѣнскаго конгресса 1815 г. (II 91 и 92) и „акту Священнаго союза“ 1815 г. (II 96 и 97) приступили, на такомъ основаніи, вообще, всѣ европейскія государства.

VIII. Съ точки зрѣнія особенныхъ условій въ положеніи международно-правовыхъ отношеній, но въ иѣшею формою гарантій м. д-овъ можно назвать то, когда контрагенты, въ заключаемомъ м. договорѣ, напередъ условливаются, въ случаѣ споровъ объ исполненіи ими договора, обращаться къ третейскому суду. Эта форма гарантій м. договоровъ призвана получить также особенное значеніе для м. договоровъ по предметамъ общественно-культурныхъ интересовъ: о торговлѣ и судоходствѣ, выдачѣ преступниковъ, и под.

§ 4. Прекращеніе международныхъ договоровъ.

I. Причины, по которымъ м. договоры прекращаютъ свое дѣйствіе, суть или субъективныя, или объективныя.

1. *Причинами субъективными* служатъ: а. обоюдное соглашеніе контрагентовъ о прекращеніи договора, независимо отъ срока, на который договоръ былъ заключенъ; или б. односторонній отказъ отъ договора, который заключенъ безъ срока, но не на вѣчныя времена; или в. прекращеніе договора по заявленію одной стороны, вслѣдствіе измѣненія существенныхъ условій въ положеніи дѣла, при которыхъ договоръ былъ заключенъ (ввиду правила: *rebus sic stantibus*).

2. *Объективными причинами* прекращенія дѣйствія договора служатъ: а. истеченіе срока, опредѣленнаго для договора; и б. прекращеніе существованія субъекта-контрагента договора, или объекта, о которомъ заключенъ договоръ.—Значеніе договора, какъ акта между государствами, не измѣняется по причинѣ смерти лицъ, заключившихъ его, и т. под.

II. Прекращеніе договора отлично отъ приостановленія дѣйствія м. д-а. „Приостановленіе“ есть мѣра временная; она имѣетъ мѣсто: 1. въ опредѣленныхъ, напередъ предъусмотрѣнныхъ, случаяхъ (I 9. 18 I 71. 10. I 95. 8); 2. въ случаѣ репрессалій за нарушеніе правъ со стороны другаго контрагента; 3. въ случаѣ войны между контрагентами. Война не прекращаетъ между контрагентами м. д-а ихъ правоотношеній, но *приостанавливаетъ* тѣ изъ нихъ, которыя неисполнимы по причинѣ за-

имнаго военнаго положенія тѣхъ контрагентовъ; поэтому считается за правило, что съ окончаніемъ войны опять вступаютъ въ силу и всѣ дѣйствовавшіе до начала войны м. договоры, которые не отмѣнены. Но обыкновенно, на практикѣ, мирные договоры дѣлаютъ еще и особую оговорку о возстановленіи дѣйствовавшихъ до начала войны м. договоровъ, (I 275. 22. I 281. 15. I 290. 32. I 314. 10. II 17. 2 и 3).

II.

О междунаrodnомъ частномъ правѣ (коллизіи статутовъ).

§ 5. Понятіе, значеніе и исторія м. ч. права.

I. М. частное право ограничивается, строго говоря, областью отношеній гражданскаго права. Оно не составляетъ никакого новаго права; оно опредѣляетъ только правила о томъ: законы (какой мѣстности, или) какого государства долженъ примѣнять судъ при рѣшеніи дѣла, основаніемъ коего служитъ правоотношеніе, возникшее въ другомъ мѣстѣ, подъ господствомъ иныхъ юридич. нормъ, чѣмъ дѣйствующія въ мѣстѣ суда, рѣшающаго дѣло. Таковую встрѣчу нормъ различныхъ законодательствъ, по одному и тому же дѣлу, назвали коллизіей статутовъ, т. е. разнорѣчіемъ разномѣстныхъ законовъ, съ различнымъ содержаніемъ, по одному и тому же предмету.

М. ч. право есть ученіе о примиреніи или разрѣшеніи такой коллизіи или такого разнорѣчія.

„М. ч. пр.“ и „право объ иностранцахъ“ суть два совершенно различныхъ вопроса. О правахъ иностранцевъ см. мои *Замѣтки*, стр. 7—9. „М. ч. право“ одинаково примѣнимо также и къ туземцамъ.

II. М. ч. право имѣло въ прежнія времена преимущественное значеніе въ гражд. правѣ каждаго государства, гдѣ было много различныхъ мѣстныхъ законовъ (статутовъ; поэтому и названіе: коллизія „статутовъ“). Въ новѣйшее время этотъ вопросъ начинаетъ получать преимущественное значеніе въ м. оборотѣ; и отсюда составилось названіе этого ученія „м. ч. правомъ“ и отнесеніе этого ученія, равн. обр., также къ системѣ м. п-а. Ср. мое *Введеніе*, стр. 61.

III. Исторія м. ч. права.

1. Практика и доктрина о коллизіи статутовъ восходитъ уже къ концу среднихъ вѣковъ. Весьма рано выработались слѣдующія три правила для примиренія случаевъ коллизіи статутовъ: а. права личныя опредѣляются закономъ мѣстожительства (*domicilii*) лица—*statuto personali*; б) вещныя правоотношенія—закономъ мѣстонахожденія вещи—*statuto reali*; в. дѣйствіе обязательствъ и признаніе формы

акта опредѣляются по правилу *locus regit actum (statuto mixto)*. Правила эти (т. наз. „теорія статутовъ“) оказались слишкомъ узкими въ примѣненіи, такъ что изъ каждаго изъ нихъ, по справедливости и *ratio rei*, опять дѣлалось чрезвычайно много исключеній.

2. Изъ законодательствъ немногія позаботились болѣе полно опредѣлить правила для вопросовъ м. ч. права; эти вопросы, болѣе всего, были предоставлены искусству судебной практики, такъ отчасти и въ Россіи; только въ „гражд.законахъ Остзейскихъ губерній“ помѣщена цѣльная система такихъ правилъ (ст. XXVIII—XXXVI), для разрѣшенія случаевъ коллизіи статутовъ различныхъ мѣстностей въ этихъ губерніяхъ; по аналогіи, эти же правила примѣняются также и къ вопросамъ м. частного права (см. *ib.* ст. XXVII).

3. Доктрина имѣетъ, въ разрѣшеніи вопросовъ изъ области коллизіи статутовъ, большое значеніе для практики:

Самое *положеніе*: о рѣшеніи судьей дѣлъ при помощи иностр. законовъ, въ случаѣ коллизіи статутовъ: принято всеми государствами; но его подробности, во многихъ отношеніяхъ, все еще крайне недостаточны, и доктрина—наука должна была выручить изъ такого затрудненія.

Доктрина вопроса о коллизіи статутовъ представляетъ различ. направленія. Но самая широкая и справедливая, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практичная есть доктрина, формулированная *Савиньи* съ его школою, что, при коллизіи различныхъ статутовъ по судимому дѣлу, судья долженъ примѣнять, для различныхъ частей спорнаго правоотношенія, тѣ законы (иностран. или мѣстныя), подъ господствомъ и *виду* которыхъ каждая данная часть правоотношенія составила. Эта доктрина требуетъ подробнаго изученія, для м. ч. п-а, всѣхъ частей гражд. права, съ точкой зрѣнія такого правила. Эта задача лучше всего выполнена теоретич. системой *Bar'a*, *Theorie und Praxis des internationalen Privatrechts*. 1889.

По общему правилу, каждое государство, хотя *на дѣлѣ* и слѣдуя *jus gentium voluntarium* (см. мое Введеніе, стр. 3), но само опредѣляетъ для себя правила м. ч. права; никакого *jus gentium necessarium* въ этомъ отношеніи нѣтъ (*ib.*, стр. 2—3, § 4).

IV. Объ общемъ м. признаніи государствами нѣкоторыхъ *однихъ правилъ для м. ч. права* часто бывала рѣчь среди теоретиковъ. И нѣкоторыя правительства интересовались этимъ дѣломъ и оффиціально возбуждали объ немъ вопросъ. Но съ этой темой практикѣ еще долго не сладить; въ ней много разногласій въ деталяхъ съ принципиальнымъ значеніемъ, которыя пока еще крайне трудно примирить.

Къ области м. ч. права относится и предъявляемое нѣкоторыми учеными требованіе объ *унификаціи* самаго *гражданскаго права* для различныхъ странъ. Склонность принять такое предложеніе въ области торговаго, морскаго и вексельнаго права обнаруживаютъ также правительства; и этимъ дѣломъ были уже заняты особые конгрессы.

§ 6. Основные правила „международнаго частнаго права“.

М. ч. право имѣеть цѣлью облегчить частно-правныя отношенія въ м. оборотѣ, обезпечивъ имъ необходимую въ правѣ устойчивость.

1. Важнымъ правиломъ въ „процессѣ“, въ этомъ отношеніи, служитъ то начало, что истецъ вправѣ привлекать отвѣтчика къ суду вездѣ, гдѣ отвѣтчикъ пребываетъ, независимо отъ національности истца и отвѣтчика и отъ мѣста возникновенія судимаго правоотношенія, (уст. гражд. судп., ст. 206. 207. 210).

2. Судья примѣняетъ, въ подлежащихъ случаяхъ коллизіи статутовъ, для разрѣшенія дѣла, иностранные законы *ex officio* (ib. 707 и 708); и при томъ, въ отношеніи знанія и толкованія *иностр.* законовъ, судья признается столь же компетентнымъ, какъ и относительно туземныхъ законовъ (*lex fori*); только по собственному усмотрѣнію судьи, ему предоставлено спросить, черезъ министерство иностр. дѣлъ своего правительства, у иностр. правительства заключенія, въ случаѣ встрѣченнаго имъ затрудненія при отысканіи или толкованіи иностр. законовъ (ib. 709).

3. Въ примѣненіи иностр. законовъ къ возникшимъ подъ господствомъ иностр. законовъ отношеніямъ, положено, однако, одно необходимое ограниченіе: то, чтобы иностр. законы и согласныя съ ними сдѣлаки или правоотношеніе, возникшія за границей, не были „противны обществу“ (мѣста суда) и „не воспрещались законами мѣста суда“ (ib. 707).

4. Если же такого препятствія (п. 3) нѣтъ, тогда договоры и акты, совершенные за границей по иностр. законамъ, „признаются дѣйствительными“ и „обсуждаются на основаніи законовъ того государства, въ предѣлахъ коего они совершены“ (ib. 707 и 708). Равн. обр., и форма актовъ, согласная съ иностр. закономъ по мѣсту заключенія акта, признается дѣйствительною (ib. 464; и зак. гражд. 1077); даже изустныя памяти (словесныя завѣщанія), за границей законно совершенныя, должны быть, въ виду ст. 464, уст. гражд. судопр., признаны русскимъ судомъ за дѣйствительный актъ [не смотря на (болѣе раннюю по времени происхожденія) ст. 1023 зак. гражд. (составленную въ 1823 г.)], если онѣ удостовѣрены въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 465 уст. гражд. судп.

5. При совершеніи какаго либо юридическаго акта субъектами права, мы различаемъ: а. ихъ квалификацію, какъ субъектовъ права, къ совершенію даннаго акта, и б. законное содержаніе акта и его юридич. послѣдствія.

Въ первомъ случаѣ (а) рѣчь идетъ о право-и дѣеспособности лица. Господствующая доктрина требуетъ для этой стороны вопроса примѣненія принципа, что право-и дѣеспособность лица, также и вездѣ за границей, должны опредѣляться однимъ и тѣмъ же статутомъ: закономъ

родины (или, какъ требуютъ нѣкот. другіе: закономъ постоянного мѣсто- жительства—домиція) субъекта. Къ этой же доктринѣ примкнула и практика гражд. кассационнаго департамента правит. сената. Но наше законодательство (и въ особенности ст. 707 уст. гражд. судп.), не представляетъ основаній для такого разрѣшенія вопроса. Самъ Сенатъ ссылаясь, въ этомъ случаѣ, только на господствующую доктрину, для оправданія своего рѣшенія. Но доктрина предлагаетъ и другое *положеніе*: опредѣленіе правоспособности лица по закону родины (или домиція), а опредѣленіе дѣеспособности по закону мѣста совершенія акта.

6. *Ст. 707 уст. гражд. судп.* примѣняетъ ко всемъ сторонамъ совершенной заграницей сдѣлки данный мѣстный иностр. законъ, т. е., какъ къ квалифікаціи субъектовъ сдѣлки, такъ и къ содержанію и къ юридич. дѣйствию сдѣлки. Сдѣлкою названы всѣ юридич. акты; къ нимъ и слѣдуетъ отнести акты бракосочетанія и усыновленія.

7. Иное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, по какому закону должны опредѣляться право-и дѣеспособность иностранца на нашей территоріи въ его юридич. актахъ, совершаемыхъ на нашей территоріи. Въ этомъ отношеніи иностранецъ, по русскому законодательству, подчиненъ русск. законамъ (св. зак. IX. 1007). Исключенія изъ этого общго правила должны быть точно опредѣлены; они не мог уть презумироваться. Мы встрѣчемся въ практикѣ Россіи съ такими исключеніями въ консульскихъ конвенціяхъ (I 15. 9. II 313).

8. Правило *locus regit actum* (уст. гражд. судопр., 707) есть правило общее. Въ подлежащихъ случаяхъ его дѣйствіе презумируется. Но законъ въ этихъ случаяхъ сообразуется съ удобствами и интересами субъектовъ правоотношенія и не желаетъ воспретить сторонамъ сдѣлки выразить, обязательнымъ для нихъ образомъ, намѣреніе, чтобы ихъ сдѣлка обсуждалась не законами *loci acti*, но законами или: 1. мѣста исполненія сдѣлки (*lex loci solutionis*), или 2. мѣста нахождения предметовъ, составляющихъ содержаніе сдѣлки [*lex loci rei sitae* (I 16. 9)], или 3. мѣстожительства должника. Но это намѣреніе должно быть достаточно ясно видно изъ самой сдѣлки, что не исключаетъ возможности, чтобы оно было косвенно выражено.

Нѣкоторыми законодательствами усвоено правило, что сдѣлки, въ области м. ч. права, должны обсуждаться по законамъ того мѣста, т. е., или по правилу *locus regit actum*, или *lex loci solutionis* или *lex rei sitae*,—по которымъ данная сдѣлка наилучше („наивѣрнѣе“) осуществима.

9. Отношенія къ вещамъ опредѣляются, въ м. ч. правѣ, натуральнѣе всего, законами мѣстонахожденія вещи. Отношенія къ недвижимымъ вещамъ безусловно подчинены *legi loci rei sitae* (уст. гражд. судп. 212 и I 15. 9; I 23. 8 и I 24. 10). Къ движимымъ имуществомъ, въ м. ч. правѣ, склонны примѣнять правило *mobilia ossibus*

inherent, т. е. слѣдуютъ иностр. закону, по которому опредѣляются правоспособность ихъ собственника. Правда, движимая собственность гораздо свободнѣе въ гражданскоправовомъ оборотѣ, чѣмъ недвижимость. Но самыя основанія права движимой собственности и владѣнія ею опредѣляются также по *lex loci rei sitae*. Таково *начальное* правило.

10. М. ч. право въ области наследственнаго права. Духовное завѣщаніе, со стороны формы, признается дѣйствительнымъ (согласно общему правилу: *locus regit actum*), если оно составлено согласно законамъ мѣста совершенія (зак. гражд. 1077), а, рав. обр., если оно составлено согласно законамъ родины завѣщателя, пребывающаго за границей (I 15. 9). Со стороны содержанія, духовное завѣщаніе признается дѣйствительнымъ и обсуждается: для предметовъ недвижимыхъ (напр. родоваго имущества) по законамъ мѣста нахождения предмета, а для предметовъ движимыхъ, вообще, на основаніи распоряженій духовнаго завѣщанія, или *lex domicilii*, если нѣтъ особыхъ препятствій для этого со стороны *lex loci rei sitae*.

11. Въ случаѣ наследованія по закону, по м. ч. праву, доктрина преимущественно предпочитаетъ примѣненіе закона родины наследодателя ко всякаго рода имуществамъ и предметамъ наследованія, независимо отъ ихъ мѣстонахожденія.

Русское законодательство: а. первоначально приняло за единственное правило, что „порядокъ наследованія (и) иностранцевъ въ имѣніи, въ Россіи остающемся, опредѣляется общими правилами“ русскихъ законовъ (IX 1009).

б. Отсюда было сдѣлано лишь одно общее исключеніе въ зак. гражд., ст. 1218, т. е.: „наследованіе послѣ иностранцевъ въ *безсрочныхъ домахъ* ихъ, въ *юсуд. домовую книгу внесенныхъ*, а также въ капиталахъ по непрерывно доходнымъ билетамъ, принадлежащимъ умершему безъ завѣщанія иностранцу“, опредѣляется по порядку и правамъ наследія того государства, къ которому владѣлецъ (наследодатель) принадлежалъ [св. зак., XI (2), уст. кред., раз. III, 59].

в. Въ конвенціяхъ Россіи о наследствахъ: съ Германіей, Франціей, Италіей, Испаніей и Швеціей-Норвегіей (I 20. II 315), принято за правило, *но лишь* въ отношеніяхъ съ этими государствами, что оставшееся въ Россіи послѣ смерти иностранца имущество (см. ст. 12 въ этихъ конвенціяхъ) наследуется:

а. русскими подданными—по законамъ русскимъ, въ томъ случаѣ, если они заявятъ свои наследств. права раньше передачи наследственнаго движимаго имущества въ окончательное завѣдываніе консула (I 23. 8. I 24. 10, §§ 3 и 4.—Собр. узак. и распор. правит. 1889. № 80);

б. соотечественниками наследодателя, а, равн. обр., и вообще *не-туземцами*—по законамъ родины наследодателя (I 24. 10 § 2).

12. Опекa и попечительство надъ малолѣтними иностранцами въ Россіи опредѣляется русскими законами (на общемъ основаніи зак. гражд., ст. 227, 229 и 231 и св. зак. IX ст. 995); исключеній не сдѣлано для назначенныхъ иностр. властями опекуновъ, ни законами ни конвенціями; только по аналогіи съ ст. 249 гражд. зак., можно допустить временную опеку соотечественнаго консула, впредь до назначенія надлежащаго опекуна, которымъ можетъ быть и консулъ. Но въ русскомъ законодательствѣ, тѣмъ не менѣе, не предусмотрено: какому опекунскому учрежденію подвѣдомственны малолѣтніе иностранцы въ Россіи. Для исключительнаго причисленія ихъ въ этомъ отношеніи къ городскому сословію — сиротскому суду нѣтъ достаточныхъ юридич. мотивовъ; юридически вѣрнѣе всего подчиненіе дѣлъ объ опегахъ надъ малолѣтними иностранцами (хотя это и законами особо не оговорено) „губернскому правленію“, въ вѣдѣніи котораго иностранцы, вообще, состоятъ. Исключеніе слѣдуетъ развѣ сдѣлать для малолѣтн. иностранцевъ, оставшихся послѣ смерти своихъ родителей, которые состояли гильдій купцами (св. зак. IX 1001), или были (временно) записаны въ цехи (уст. промышл. 377).

Упомянутое выше на стр. 11, п. 11 lit. γ. б, движимое имущество несовершеннолѣтнихъ иностранцевъ въ Россіи остается подъ опекою консула, безъ подчиненія русскимъ властямъ.

13. Права и полномочія опекуновъ, назначенныхъ иностр. властью надъ малолѣтними, которые не находятся въ Россіи, — въ отношеніи къ обязательствамъ, правамъ и имуществу этихъ малолѣтнихъ въ Россіи, допускаются, ввиду св. зак. IX. 995, къ дѣйствию на основаніи иностр. законовъ. Опекунъ, въ данномъ случаѣ, долженъ разсматриваться, какъ уполномоченный иностр. правительства, которое особо охраняетъ жительствующее подъ его охраною малолѣтнее лицо. Дѣйствія такого опекуна, однако, не могутъ распространяться на имущество, принадлежащее малолѣтнему въ Россіи, если таковое подчинено по законамъ мѣсто-нахожденія *legi loci rei sitae* (какъ именно всякое недвижимое имущество), хотя и иностранный опекунъ можетъ быть допущенъ къ приобрѣтенію такового имущества для опекаемаго имъ лица, но правъ опеки надъ такимъ имуществомъ онъ не получаетъ, если не будетъ утвержденъ въ званіи опекуна русскими властями (губернскимъ правленіемъ).

Тяглые люди всюду бѣжали. Противъ этого правит. должно было издать и такое запрещеніе, чтобы въ попы и дьяконы не посвящались слуги, данные люди, крѣпостные люди.

Въ 1659 г. вышелъ указъ, чтобы брать на государеву службу всѣхъ сыновей священниковъ и причетниковъ, которые „не умѣютъ грамотъ“ (н. с. з. 291).

Правда, правительству пришлось отмѣнить эту мѣру; но въ XVIII и XIX вв. оно возвращается къ ней, въ различныхъ формахъ.

Особая юрисдикція духов. состоянія подвергается въ XVII в. ограниченіямъ,

хотя еще въ 1625 г., новою жалованною грамотою для патріаршей области, были не только подтверждены, но и увеличены привилегіи, данныя патріархамъ и митрополитамъ въ прежнее время.

Уложеніе 1649 г. учредило „монастырскій приказъ“ для гражданской подсудности духовенства.

Хотя обусловившія такую мѣру—впрочемъ, не совершенно новую—причины и были вполнѣ уважительны, но уже въ 1667 г. правит. опять уступило духовенству и восстановило юрисдикцію самого духовенства въ гражд. искахъ на лицъ духов. званія. Монастырскій приказъ былъ отмѣненъ.

26. Все XVIII столѣтіе сохранило старинное, не отмѣненное право прихода на избраніе своего духовенства. Дух. регламентъ утвердилъ его. И лишь при Императорѣ Павлѣ оно было совершенно отмѣнено. На дѣлѣ преобладало и все XVIII стол. наследственное преемство мѣстъ духов. должностей.

Ограниченіемъ для свободнаго выбора дух. лицъ приходомъ въ XVIII в. сдѣлалось условіе, требовавшее приобрѣтеніе образованія въ дух. школахъ, для полученія священнической должности. Такихъ ученыхъ поповъ даже было дозволено ставить на должности и помимо выбора прихожанъ.

Духов. управленіе несомнѣнно стремилось замѣнить духовенство въ отдѣльное сословіе. Оно запрещало дѣтямъ дух. лицъ поступать въ гражд. школы и гражд. службу. Оно запрещало также и лицамъ другихъ званій поступать въ духов. школы.

Да и мысль Петра В. склонялась къ тому, чтобы потомство наличнаго въ 1719 г. дѣйствит. духовенства составило исключит. контингентъ для замѣщенія церковныхъ должностей.

Церковно-служители были утверждены въ *духов.* званіи лишь въ 1722 году.

„Волочащихся“ или крестовыхъ поповъ было въ началѣ XVIII в. много. Для г-а они составляли убытокъ. Пользы отъ нихъ правит. не усматривало.

Дух. реглам. проводитъ принципъ, что право принадлежать къ дух. званію и по этому быть освобожденнымъ отъ тягла—сообщается только дѣйствительною службою въ духов. званіи.

Ревизія 1719 г. должна была учинить строгій разборъ духовенству и писать въ подушную подать „волочащихся поповъ.“

Ревизія, дѣйствуя по усмотрѣнію—по положенію обстоятельствъ въ отдѣльн. случаѣ, нерѣдко далеко уходила за предѣлы нужнаго и записывала въ подушный окладъ даже лицъ, дѣйствительно занимавшихъ духов. мѣста.

Дѣйств. служба въ духов. званіи опредѣлилась двумя мѣрами: приказомъ, „чтобы быть церквамъ опредѣленнымъ у сколькихъ дворовъ“; а для правильнаго разрѣшенія этого дѣла, въ 1722 г., были изданы первые приходскіе штаты.

Разборы духовенства потомъ повторялись, въ различныхъ видахъ, почти во всё царствованіе, до 1831 г. Кромѣ самихъ дух. лицъ, дѣйствит. служившихъ, не писались въ окладъ только ихъ сыновья. Но и при такомъ положеніи дѣла, всегда набиралось много людей, лишнихъ для штатныхъ церков. должностей.

Императрица Екатерина II, открывши новыя губ. учрежденія, велѣла лишнихъ церковно-служит. дѣтей и семинаристовъ опредѣлять въ намѣстническія канцеляріи.—Въ 1796 г. было велѣно: праздно живущихъ при отцахъ своихъ священно-и-церковно-служит. дѣтей, для которыхъ не окажется штатныхъ мѣстъ при церквахъ и духовныхъ и городскихъ училищахъ, взять въ военную службу.

По положенію личныхъ правъ, освобожденію отъ повинностей и податей, синодъ, еще при Петрѣ В., стремился приравнить состояніе духовенства къ дворянству;

но это удалось только отчасти. Комиссія для сочиненія проекта новаго уложенія 1767 г. приравнивала духовенство къ правамъ городского состоянія; но

въ законод-ѣ этотъ вопросъ оставался, въ общемъ, неразрѣшеннымъ; духовенство только пользовалось освобожденіемъ отъ воинскаго постоя и повинностей по городской службѣ. Освобожденіе священниковъ и дьяконовъ и ихъ семействъ отъ примѣненія тѣлеснаго наказанія въ свѣтскихъ судахъ послѣдовало лишь въ 1801 и 1808 г.; церковниковъ и ихъ дѣтей—лишь въ 1863 г.

27. Не смотря на всё ограниченія для лицъ *недухов.* происхожденія поступать въ духов. состояніе, это право сохранилось и въ XIX в.; крѣпостные могли поступать въ духовенство, разумѣется, только по ихъ увольненіи узакон. порядкомъ [IX (изд. 57 г.) 269].

Дѣти лицъ блага духовенства причислялись къ *духов. вѣдомству*, не подлежа обязанности избирать другой родъ жизни (ib. 274). Увольняться могли дѣти церковно-и священно-служителей изъ дух. вѣдомства, съ разрѣшенія духов. начальства (ib. 274-5).

Реформою 1869 г. наслѣдственное сословіе православл. духовенства отмѣнено. Къ духов. вѣдомству теперь принадлежать только сами священно-служители и церковно-служители (IX. 341). Ихъ дѣтямъ присвоены права потомств. почетнаго гражданства (IX. 502. н. 2. 4); дѣти церковно-служителей, не окончившихъ курса въ семинаріяхъ, пользуются лишь правами личныхъ почетныхъ гражданъ (III. 506, н. 24).

Въ сущности составъ личныхъ правъ (и преимуществъ) для дѣтей священно-и церковно-служителей этою реформою не измѣнился; выгодною для нихъ сдѣлалось то, что они а. освободились отъ (своего рода) тяглаго состоянія въ духов. вѣдомствѣ, и что б. не оставаясь въ духов. вѣдомствѣ, они тѣмъ не менѣ (чего прежде не было) сохраняютъ нынѣ, по своему происхожденію, личныя преимущества почетнаго гражданства и право поступленія на госуд. службу.

§ 25. (Продолженіе). Значеніе сословныхъ различій по дѣйствующему русскому праву.

1. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости должно было различать при категоріи сословій:

привилегированныя, непривилегированныя и крѣпостныя. Последнихъ теперь уже нѣтъ.

Но и различія между привилегированными и непривилегированными состояніями значительно измѣнились.

Прежнія привилегіи (изъятія и преимущества привилегированныхъ сословій), рѣзко различавшія обѣ категоріи сословій, или совершенно отмѣнялись, или значительно измѣнились.

2. Исходною реформою всѣхъ этихъ переменъ была крестьянская реформа 1861 г.

До крестьянской реформы, изъ всѣхъ сословій выдѣлялось дворянское, владѣя населенными имѣніями.

На ряду съ этимъ важнѣйшимъ преимуществомъ (прерогативой)—привилегіей положительнаго характера,

прочія преимущества: право на госуд. службу, на поступленіе въ нѣкот. учебныя заведенія,

и изъятія: освобожденіе отъ личныхъ податей и повинностей и отъ примѣненія тѣлеснаго наказанія:

имѣли, сравнительно, лишь второстепенное значеніе, такъ какъ эти изъятія и преимущества были присвоены, въ различныхъ размѣрахъ, и нѣкоторымъ другимъ сословіямъ.

Временно сохранившееся право дворянъ владѣть имѣніями, къ которымъ принадлежали земли, отведенныя въ надѣль временно обязанныхъ крестьянъ, уже не рассматривалось привилегіей; теперь оно вовсе лишилось значенія [IX (86) 731].

3. Подушную подать платять теперь еще въ Сибири.

Освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній значительно распространено, по причинѣ образовательнаго ценза и общественно-сословной службы, какъ на мѣщанъ, такъ и на крестьянъ;

кромѣ того мѣщане (и ремесленники) могутъ быть подвергаемы наказаніямъ тѣлеснымъ только въ случаяхъ виновности въ преступленіяхъ, за которыя положено лишеніе правъ состоянія (ул. 30, прилож. I 7).

Но и самое тѣлесное наказаніе, въ видѣ наказанія розгами, имѣетъ только примѣненіе по приговорамъ волостныхъ судовъ. Миров. посредники уже не приговариваютъ къ наказанію розгами [IX. особ. прил. III (86) 32].

Въ общихъ и мировыхъ судеб. установленіяхъ понятіе тѣлесныхъ наказаній получило, гл. обр., переносное значеніе: лица, изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, перечисленныя въ прилож. I къ ст. 30 *ул.*, не подвергаются наказанію въ исправит. арестант. отдѣленіяхъ; для нихъ это наказаніе замѣняется ссылкой на житье въ Сибирь; а отбывая наказаніе, они освобождены отъ обществ. работъ.

Рекрутская повинность податныхъ состояній замѣнена все-сословной воинской повинностью; изыятія отъ этой повинности положены по *безсословнымъ* причинамъ, равнымъ для всѣхъ состояній подданныхъ.

4. Право дворянскаго сословія по поступленію на госуд. службу, безъ права на чинъ по высшему образованію и съ зачисленіемъ въ разрядъ канцелярскихъ служителей, есть право, *не принадлежащее* исключительно дворянству.

Это право широко распространено и на дѣтей (личныхъ дворянъ,) чиновниковъ, священно-служителей христ. исповѣданій и церковно-служителей православ. и арм.-грегоріанскаго исповѣданій, учителей, фельдшеровъ и курьеровъ; кр. т., вообще, на дѣтей ученыхъ и художниковъ, не имѣющихъ классныхъ чиновъ; сюда причислены и дѣти аптекарскихъ провизоровъ и ветеринаровъ (III. 3).

Различіе между этими различными состояніями лицами на госуд. службѣ заключается въ томъ, что они раздѣлены на три разряда: по сроку, въ который они выслуживаютъ право на первый (14-го класса) чинъ.

Но кромѣ того, начиная въ особенности съ 1859 г., допущены многочисленные изыятія по поступленію на госуд. службу для лицъ, по происхожденію не имѣющихъ права поступленія на госуд. службу (III. 162); этого рода изыятія установлены или для опредѣл. штатныхъ должностей, или для опредѣл. указанныхъ мѣстностей.

Дворянскій земельный банкъ учрежденъ для облегченія кредита дворянству; онъ есть факультативная привилегія — вспоможеніе, удобство — матеріальное подспорье, съ социальнымъ характеромъ, но безъ особаго политич. содержанія.

Отчасти въ эту же категорію двор. преимуществъ должно отчислить преимущество—и то опять же не всѣхъ, а также и не исключительно дворянъ—поступать въ нѣкот. спеціальныя привилегир. учебныя заведенія.

Но обѣ привилегіи имѣютъ сравнительно очень ограниченное практическое приѣненіе; онѣ и не обладаютъ выдающимся значеніемъ. Съ другой стороны, онѣ и не единственный источникъ для тѣхъ правъ и выгодъ, которыя онѣ даютъ.

5. Священно-служители и монахи христіанскихъ исповѣданій приравнены къ личнымъ правамъ дворянства.

Законодатель, конструируя особое состояніе духовенства, разумѣется избѣгаетъ сказать, что лица дух. званія суть личные дворяне; но IX. 457 близко подходитъ къ этому (рѣчь о протестантск. пасторахъ); IX. 368 приравниваетъ вдовъ правосл. священнослужителей къ личнымъ дворянкамъ, а вдовъ церковнослужителей къ личнымъ почетнымъ гражданкамъ. Дѣти лицъ духов. званія пользуются правами дѣтей личныхъ дворянъ; они потом. почетн. граждане.

Права личн. дворянъ, въ общемъ, присвоены и гильдій купцамъ, пока они возобновляютъ гильдейское свидѣтельство, въ которое, для пользованія личными правами по гильдейскому или купеческому состоянію, они могутъ записывать не только жену и дѣтей, но и сыновнихъ дѣтей и незамужнихъ сестеръ (V. полож. о пошл. торг. 67; с 81).

6. Привилегированныя сословія сохраняютъ всѣ одну общую имъ привилегію: они не обязаны „избрать рода жизни“, не обязаны

приписаться къ обществу. Непривилегированныя сословія: мѣщане, ремесленники и крестьяне, должны принадлежать къ обществу и нести повинности по обществу.

Этимъ они и гораздо больше стѣснены въ свободѣ передвиженія, чѣмъ привилегированныя сословія.

7. Корпоративную организацію своего сословія имѣють потомственные дворяне въ каждой губерніи (и уѣздѣ), мѣщане и ремесленники въ каждомъ городѣ, а крестьяне въ каждой волости и сельскомъ обществѣ. Гильдій купцы составляютъ корпоративную организацію поуѣздно [ib. 35. IX 661. IX (86) 662].

Личные дворяне, почетные граждане (числящися по паспорту при какомъ либо городѣ) и духовенство не имѣють сословной корпоративной организаціи.

Изъ всѣхъ сословій, больше всего, выдѣляется особенностями своей сословно-корпоративной, общинно-хозяйственной и админ. организаціи состояніе сельскихъ обывателей, крестьянское сословіе.

8. Сословно-корпоративная организація представляетъ выгоды членамъ общества, возлагая на нихъ, въ свою очередь опять, обязанности: платить взносы для обществ. цѣлей сословія и исполнять службу по сословнымъ должностямъ.

Кромѣ того, сословное общество имѣетъ право исключить изъ своей среды опороченнаго члена-собрата.

Такія права присвоены дворянскимъ, мѣщанскимъ, ремесленнымъ и крестьянскимъ обществамъ на различныхъ основаніяхъ.

Подробная рѣчь, о сословныхъ учрежденіяхъ, ихъ организаціи, компетенціи и степени власти, у насъ еще впереди, въ ученіи о мѣстномъ управленіи.

§ 26. Пріобрѣтеніе и потеря русскаго подданства.

1. Р. законод. не излагаетъ полнаго систематич. отдѣла о пріобрѣтеніи и потерѣ р. подданства. Но оно въ этомъ ученіи слѣдуетъ обще-принятымъ началамъ.

Пріобрѣтеніе подданства въ Россіи основано на принципѣ личномъ.

2. Русск. подданство сообщается лицу само собою:

1. черезъ его происхожденіе изъ брака русскаго подданнаго, а, равнымъ обр., черезъ незаконное рожденіе отъ русской подданной. Мѣсто рожденія не измѣняетъ этого правила.

2. Русское подданство сообщается, само собою, также и иностранецѣ, вступившей въ бракъ съ русскимъ подданнымъ (IX. 1028).

3. Также на основаніи *принципа личного*, принято правило о возстановленіи русск. подданства (или *обратномъ приобрѣтеніи* р. подданства) тѣми бывшими р. подданными, которыя вышли замужъ за иностранца, этимъ же перестали быть русскими подданными (ib.), но потомъ, овдовѣвши или разведшись съ мужемъ, опять пожелаютъ возвратиться въ русск. подданство; онѣ обязательно принимаются безо всякихъ формальностей и условій, установленныхъ для натурализаціи иностранцевъ (IX. 1026).

4. Лица неизвѣстнаго происхожденія, родившіяся въ предѣлахъ территор. верховенства Россіи, почитаются, по необходимости и во всякомъ случаѣ, русскими подданными (по *территориальному принципу*).

3. Сообщаемое названными способами русск. подданство есть *природное* р. подданство. Ему противопоставляется *искусственное*—приобрѣтеніе русск. подданства иностранцами *черезъ натурализацію*.

4. Натурализація иностранцевъ въ Россіи сообщаетъ имъ всѣ права русск. подданства (IX. 1030).

Натурализація есть актъ, въ силу котораго правительство соглашается принять даннаго иностр. подданнаго, согласно его предложенію, въ русское подданство.

Дѣти иностранцевъ, рожденныя въ Россіи, сохраняютъ свое иностр. подданство; дѣти русскихъ подданныхъ, родившіяся за границей или въ открытомъ морѣ на корабляхъ, остаются русскими подданными.

Для порядка натурализаціи установлены подробныя правила. Дѣйствующія правила составлены въ 1864 г. (IX. 1010–1031). Они значительно осложнили натурализацію иностранцевъ въ Россіи: требованіемъ предварительнаго водворенія въ Р.; разрѣшеніемъ натурализаціи министромъ внутр. дѣлъ (вмѣсто губернатора, какъ было раньше); прекращеніемъ прежняго права натурализующагося оставить, заobr., по собств. усмотрѣнію, русское подданство во всякое время.

Б. Послѣдствія натурализаціи.

Натурализоваться могутъ лица обоого пола, кромѣ замужнихъ иностранокъ отдѣльно отъ мужа (IX. 1014).

Натурализація въ Россіи есть всегда только личное для натурализовавшагося; она не распространяется на дѣтей, родившихся до натурализаціи отца или матери (IX 1015).

Законод. умалчиваетъ о правѣ родителей натурализовать, вмѣстѣ съ собою, и своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Такое право, очевидно, и не существуетъ; с 26. 5, въ концѣ.

Натурализовавшійся подданный долженъ въ положенный срокъ избрать себѣ родъ жизни и приписаться къ обществу, или взять гильдію, если онъ не занимаетъ госуд. должности (1025).

Иностранные дворяне могутъ сохранятьъ двор. права въ Р. только по особому Выс. утвержденію (IX. 76).

Во всякомъ случаѣ, иностр. дворяне и послѣ натурализаціи въ Россіи сохраняютъ привилегію освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній (ib.)

Жена натурализовавшагося въ Россіи иностранца вмѣстѣ съ мужемъ приобретаетъ русское подданство, безъ особаго для себя акта или обряда принятія подданства.

„Иностранцы, принятые въ подданство Россіи, съ тѣмъ вмѣстѣ приобретаютъ всѣ права и подвергаются всѣмъ обязанностямъ того состоянія, къ которому они причислены, безъ всякаго различія отъ коренныхъ подданныхъ“ (IX. 1030).

Второстепенныя изъятія новѣйшаго времени изъ этого начала указаны въ Хр II 513.

Натурализованные подданные суть также вѣчные подданные; равн. обр., и жены натурализованныхъ мужей.

Этимъ также объясняется неразрѣшеніе натурализующимся иностранцамъ присоединить къ своей натурализаціи и своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей.

6. Натурализація завершается присягою на подданство (IX. 1021).

Условіе совершеннолѣтія для натурализующагося прямо не установлено; но по разнымъ указаніямъ его должно подразумѣвать (IX. 1023). Такого правила держится и практика.

„Объявленіе о водвореніи иностранца“ разрѣшается и несовершеннолѣтнимъ, такъ какъ малолѣтній черезъ это еще не принимаетъ на себя никакого личнаго обязательства, но обезпечиваетъ себѣ въ будущемъ пользованіе даннымъ правомъ.

Увольненіе натурализующагося изъ прежняго подданства не требуется; с IX. 1019 и Хр II 510. Онъ только долженъ исполнѣ удостовѣрить свою личность (IX. 1018).

7. Порядокъ натурализаціи иностранцевъ въ Россіи различаетъ:

1. общій и 2. особенный порядокъ.

Общій порядокъ, въ свою очередь, различаетъ опять:

а. обыкновенный и б. чрезвычайный способы.

8. Общій порядокъ натурализаціи состоитъ въ вѣдомствѣ мин. внутр. дѣлъ. Разрѣшеніе на натурализацію зависитъ отъ усмотрѣнія министра. Ему представляются всѣ требуемые документы и объясненія по дѣлу натурализаціи даннаго лица (IX. 1020. 1017).

Натурализація можетъ быть дана только такимъ лицамъ, которыя предварительно *водворились* въ Россіи (IX. 1010. 1018).

Водвореніе заключается въ поселеніи иностранца въ Россіи, съ заявленіемъ о своемъ желаніи водвориться въ Россіи губернатору той губерніи, гдѣ водворяющійся намѣренъ поселиться (IX. 1011).

Предполагается, разумѣется, что водворяющійся, достаточнымъ обр., поддерживает свое поселеніе въ Россіи, и что его отлучки за границу должны составлять лишь исключенія. Но подразумѣвается, очевидно, и то, что водворяющійся можетъ и переселяться въ другія губерніи, сохраняя свои права по начатому водворенію.

Срокъ водворенія или общій: пятилѣтній (со дня заявленія губернатору);

или чрезвычайный: болѣе краткій, по усмотрѣнію министра внутр. дѣлъ; минимальная норма этого срока не опредѣлена. Этотъ сокращенный срокъ предварит. водворенія министръ можетъ примѣнять къ иностранцамъ, „оказавшимъ Россіи особенныя заслуги, или извѣстнымъ замѣчательными талантами, особыми учеными познаніями и проч., или помѣстившимъ значит. капиталы въ общепольныя русскія предпріятія“ (IX. 1016).

За все время своего предварительнаго водворенія, для иностранца въ Россіи ни въ чемъ не измѣняется его положеніе, какъ иностранца (IX. 1011);

принятіе впослѣдствіи русс. подданства для него также не становится обязательнымъ.

На основаніи разрѣшенія министра внутр. дѣлъ иностранецъ, просившій о принятіи въ р. подданство, приводится къ присягѣ на подданство въ присутствіи губ. правленія (или, съ разрѣшенія губернатора, въ полиц. управленіи), по вѣрѣ и на отечеств. языкѣ присягающаго.

На этомъ основаніи губернаторъ „выдаетъ присягнувшему на р. подданство лицу свидѣтельство о принятіи его въ подданство Россіи“ (IX. 1022).

9. Особенный порядокъ натурализаціи заключается въ *правѣ* опредѣл. категорій лицъ иностр. происхожденія на допущеніе ихъ къ присягѣ на р. подданство.

Предварительное водвореніе ихъ въ Россіи даже не требуется во всѣхъ случаяхъ (IX. 1024. 1027); и, вообще, срокъ таковаго не опредѣленъ.

Водвореніе можетъ быть замѣнено службою лица для р. правительства за границею.

Правомъ на особенный порядокъ натурализаціи въ Россіи пользуются слѣдующія лица,

которые по опредѣл., въ законѣ указаннымъ (IX. 1023—25. 1027. 993) причинамъ уже близко сроднились съ жизнью страны: по своему семейному или служебному положенію, или по своему воспитанію. А именно:

1. Совершеннолѣтнимъ дѣтямъ натурализующихся въ Россіи

иностранцевъ (также, вѣроятно, и иностранокъ) разрѣшено поступать въ русс. подданство „или одновременно съ ихъ родителями, или въ теченіе года со времени принятія въ подданство сихъ послѣднихъ“ (IX. 1024) и безъ предварительнаго водворенія въ Россіи.

Разрѣшеніе на принятіе присяги на подданство даетъ имъ само губ. правленіе, безъ участія министра внутр. дѣлъ.

2. Дѣти русс. подданной, бывшей въ замужествѣ за иностранцемъ, потомъ овдовѣвшей или разведенной съ мужемъ, могутъ, по достиженіи ими совершеннолѣтія, въ теченіи года поступить въ русс. подданство,

также, очевидно, безъ предварительнаго ихъ водворенія въ Россіи (IX. 1027. 1024. 1026). О дѣтяхъ такихъ бывшихъ русс. евреевъ с IX. 993.

Приведеніе къ присягѣ на подданство разрѣшаетъ и имъ также само губ. правленіе (IX. 1027).

3. Далѣе, и вообще дѣти иностранцевъ, не принявшихъ русс. подданства, родившіяся и воспитанныя въ Россіи, или окончившія въ Россіи высшее или среднее учебное заведеніе, „приобрѣтаютъ черезъ то право быть допущенными къ принятію присяги на подданство Россіи, если того пожелаютъ, въ теченіи года со времени достиженія ими совершеннолѣтія“ (IX. 1023).

Для всѣхъ этихъ лицъ (n. 1-3) подлежащій льготный способъ натурализаціи въ Россіи прекращается съ пропускомъ положеннаго для каждой категоріи срока времени (ib).

4. Состоящіе въ русской службѣ иностранцы, допускаются, по ихъ желанію, къ присягѣ на подданство во всякое время, по усмотрѣнію непосредственнаго ихъ начальства (IX. 1025),

безъ каковаго либо разрѣшенія или участія министра внутр. дѣлъ или губ. правленія.

10. Запрещено принимать въ русс. подданство иностр. евреевъ и дервишей (IX. 992. 994). Исключеніе сдѣлано, вообще, для среднеазиатскихъ иностр. евреевъ (IX. 992, прим.) и, при нѣкот. особенныхъ условіяхъ, также для западныхъ иностр. евреевъ (XIV. уст. пасп. 530. с также IX. 993).

11. Потеря правъ русскаго подданства

можетъ имѣть мѣсто въ *общемъ* законномъ порядкѣ:

1. когда р. подданная выходитъ замужъ за иностранца. Черезъ это она дѣлается подданною иностр. отечества ея мужа (1028);

на выходъ замужъ православной р. подданной за иновѣрнаго иностранца нигдѣ уже не требуется никакого правит. разрѣшенія. X (1) 67.—с ib по изд. 57 г.

2. Законное увольнение изъ русс. подданства въ прочихъ случаяхъ зависитъ каждый разъ отъ особаго Монаршаго соизволенія.

Просить объ увольненіи запрещено лицамъ, имѣющимъ обязанности по отбыванію воинской повинности.

Адм. распоряженіями запрещено уволеннымъ изъ р. подданства лицамъ продолжать постоянное жительство въ Россіи и имѣть здѣсь недвижимость.

3. Принявшіе до 10. 2, 64 русс. подданство иностранцы сохраняютъ, по старому порядку, право оставить русс. подданство по собственному усмотрѣнію XIV, уст. пасп. 486, прим., прилож. (86), ст. 19.

Колонисты имѣли такое право для себя и дѣтей своихъ; въ 1871 г. оно было измѣнено. Имъ былъ предложенъ срокъ, въ который они или могли оставить Россію, или, въ противномъ случаѣ, должны были сдѣлаться *отчужденными* подданными. Срокъ этотъ уже окончился въ 1884 г. (с Хр II 524, п. 4).

12. Потеря лицомъ правъ русскаго подданства можетъ быть объявлена за наказаніе, по *ул.* 325-6.

„Кто, отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностр. службу, безъ дозволенія правительства, или вступить въ подданство иностр. державы, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается (заочнымъ рѣшеніемъ) лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ г-а изгнанію,

или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылке въ Сибирь на поселеніе“. Лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ г-а изгнанію подвергается также тотъ, „кто, отлучась изъ отечества, не явится въ оное обратно по вызову правительства“.

§ 27. Сообщение и приобрѣтеніе права состояній.

І. Общая часть.

1. Право состоянія (принадлежитъ) сообщается лицу, когда лицо получаетъ—производитъ—его отъ другаго лица, которому оно присвоено.

Право состоянія сообщается:

1. *черезъ рожденіе* въ законномъ бракѣ (IX. 38. 536. 541. 710) отъ отца, имѣющаго право даннаго состоянія. По общему правилу, дѣти причисляются къ праву состоянія ихъ отца (родителя). Исключеніе сдѣлано для дѣтей личныхъ дворянъ и личныхъ почетныхъ гражданъ. Но право состоянія также этихъ лицъ опредѣляется правомъ состоянія ихъ отца; имъ только сообщается меньшее право состоянія, чѣмъ то, которое принадлежитъ отцу. И дѣтямъ сообщаются всѣ права состоянія отца, которыя онъ при жизни приобрѣлъ.

безъ различія—родились ли тѣ дѣти до или послѣ возведенія отца въ высшее состояніе (IX. 41);—

2. *черезъ бракъ*. Мужъ сообщаетъ свое право состоянія своей женѣ, какого бы состоянія она ни была, если она не *мишена* правъ.

Черезъ бракъ можетъ возвыситься сословная принадлежность жены. На право состоянія мужа сословная принадлежность жены ни въ чемъ не вліяетъ.

„Но сама жена сохраняетъ... права высшаго состоянія, если они принадлежали ей до замужества по происхожденію, или приобрѣтены черезъ бракъ“ (IX. 5). Въ иныхъ случаяхъ, право состоянія можетъ сообщаться еще

3. *черезъ установленное усыновленіе*.

А именно. Въ сословіяхъ мѣщанъ, ремесленниковъ и сельскихъ обывателей. Законно усыновленные лица могутъ также вноситься въ купеч. свидѣтельство ихъ воспитателя (и числится въ купечествѣ до достиженія совершеннолѣтія). IX. 543. 711.

2. Приобрѣтеніе права состоянія есть вступленіе въ сословіе—причисленіе къ сословію, къ которому лицо по происхожденію не принадлежало.

Въ этомъ случаѣ должно различать *два порядка* приобрѣтенія права состояній: 1. приписку къ „обществамъ“ и 2. повышеніе лица въ правѣ состоянія.

1. *Приписка* бываетъ припиской

а. къ обществу мѣщанъ, или ремесленниковъ, или сельскихъ обывателей; или припиской

б. къ купечеству, черезъ взятіе гильдій свидѣтельствъ.

Въ первомъ случаѣ (подъ лит. а) *приписка* есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всегда вступленіе въ данное мѣстное общество того состоянія или сословія. Приобрѣтеніе права состоянія относится здѣсь, поэтому, не только къ переходу, напр., изъ состоянія мѣщанина въ сельскіе обыватели и т. п., но и къ перечисленію, напр., мѣщанина изъ одного города въ другой городъ, по его желанію и согласно приемному приговору.

Приписка къ купечеству (подъ лит. б.) есть только *временное* приобрѣтеніе права состоянія, хотя оно и сообщается семьѣ гильдіи купца.

2. *Повышеніе* лица въ правѣ состоянія госуд. властью, за отличія на службѣ, или въ области обществ. интересовъ—происходитъ или а. по особому дѣйствию Верховной власти, или б. безъ такового Монаршаго дѣйствія.

а. Отъ Верховной власти

повышеніе въ дворянство и почетное гражданство

либо α . жалуется непосредственно возведеніемъ въ данное сословное состояніе (IX. 21. 48. 515),

либо β . даруется вмѣстѣ съ опредѣл. чиномъ или орденомъ (IX. 22. 37. 49-51), пожалованіе которыхъ зависитъ отъ Высоч. соизволенія.

6. Безъ дѣйствія Верх. власти, сословное повышеніе состоянія допускается, по общему правилу, только при повышеніи въ личное дворянство и почетное гражданство, на основаніи положенныхъ законныхъ правилъ: или

α . черезъ выслугу чина, въ которомъ лицо можетъ утверждаться безъ особаго пожалованія (хотя и всегда требуется отзывъ начальства о безпорочности службы); или

β . черезъ исполненіе опредѣл. видовъ обществ. службы, хотя бы и не дающихъ права на чинъ; или

γ . черезъ окончаніе опредѣл. степени образовательнаго ценза.

Только главнокомандующіе арміею могутъ за блистательные подвиги сами назначать ордена св. Влад. 4 степ. и св. Георгія 4 степ., приносящіе право на потомств. дворянство. I (1) учр. орден. 178.

3. Кромѣ сообщенія и пріобрѣтенія права дворянства, русское законодательство еще знаетъ

„возстановленіе права дворянскаго состоянія“.

Общее право такое, что „никакая давность не преграждаетъ исканій“ о возстановленіи правъ состояній, принадлежавшихъ предкамъ и не отнятыхъ у нихъ по суду, но забытыхъ впоследствии, или по ошибкѣ или собств. нерадѣнію пропущенныхъ въ актахъ.

IX, 337-338 опредѣляютъ (такое) возстановленіе права дворянскаго состоянія, которое—лицо, желающее его пріобрѣсти для себя и своего потомства, на основаніи извѣстныхъ условій своего происхожденія, должно еще дополнительно выслужить (военною службою — офицерскимъ чиномъ).

Однодворцы при Петрѣ В. не вошли въ состояніе дворянъ; потому и многія лица бывшей польской шляхты были обращены въ состояніе односторцевъ. Потомкамъ этихъ лицъ [если никто изъ ихъ восходящихъ (съ тѣхъ поръ) не былъ лишенъ правъ состоянія], доказавшимъ свое происхожденіе и поступившимъ вольноопредѣляющимися на военную службу, „съ пріобрѣтеніемъ офицерскаго чина, возвращается потерянное дворянство“ (потомственно).

Ср. также о примѣненіи IX. 337 къ IX. 75.

II. Сообщение и приобретение права отдѣльных состояній.

4. Сообщение и приобретение права потомственного дворянства.

„Дворянское названіе“ есть „наричаніе благородное“ (IX. 15); „благородными разумѣются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены, или Монархами симъ достоинствомъ пожалованы“ (ib.). Потомственное дворянское названіе сообщается наследственно, или приобретается лицомъ первоначально.

По различнымъ способамъ приобретения дворянскаго званія, все дворянство раздѣлено, со временъ жалов. грамоты 1785 г., согласно различнымъ группамъ записей дворян. родовъ въ дворян. родослов. книгѣ, на „шесть разрядовъ“ (IX. 17), въ слѣд. порядкѣ: 1. дворянство *жалованное* или *дѣйствительное*, 2. дворянство военное, 3. двор. *по чинамъ и орденамъ*, 4. *иностранные* роды (т. е., дворянскіе), 5. титулами отличенные роды (т. е., князья, графы и бароны), 6. *древніе* благородные дворянскіе роды.

Постепенно, по мѣрѣ присоединенія къ Имперіи новыхъ областей, къ Россійскому дворянству были присоединены также знатные роды: польскіе, литовскіе, бессарабскіе, малороссійскіе, крымскіе, кавказскіе, и изъ литовскихъ татаръ и казанскихъ мурзь (IX. 18. 28. 29. 68. 71. 73, 75. Собр. узак. 1890. № 54, ст. 483).

Причисленіе такихъ благородныхъ родовъ къ русскому дворянству совершалось на очень льготныхъ началахъ.

На башкирскіе, киргизскіе, калмыкскіе и другіе сибирскіе инородческіе знатные роды привилегія причисленія таковыхъ родовъ къ русскому дворянству не была распространена. IX. 31.—с 503, н. 6. 506, н. 21.

Для разбора правъ различныхъ родовъ къ дворянству были установлены правила. Для составленія списковъ этихъ родовъ тогда же были учреждены особыя коммиссіи. Но на основаніи этихъ правилъ можно было и впоследствии отыскивать право дворянства.

5. Всѣ эти принятые одновременно въ рос. дворянство роды записаны въ соотвѣств. разрядахъ дворянской родослов. книги.

„Иностр. (дворянск.) родами“ называются пожалованные въ дворянство иностранными г-ми, не вошедшими въ составъ Россійской Имперіи;

древними двор. родами называются бывшіе въ дворянскомъ званіи съ 1682 г.

Всѣ „разряды“ пользуются совершенно *одинаковыми* дворянскими правами: лично, по праву на госуд. службу, въ дворянскомъ обществѣ и т. п. Нѣкоторые дворян. разряды пользуются нѣкот. преимуществами при приѣмѣ въ немногія привилегир. учебныя заведенія.

6. Потомств. дворянство сообщается 1. родомъ, 2. бракомъ съ потомств. дворяниномъ.—Изъ этого правила нѣтъ исключенія.

Потомственное дворянство приобрѣтается низшими, сравнительно съ нимъ, состояніями четырьмя способами, зависящими, одинаковымъ образомъ, отъ Высочайшаго усмотрѣнія:

1. черезъ пожалованіе дворянскаго званія потомственно, не по порядку чиновъ или орденовъ,

2. черезъ пожалованіе извѣстнаго высшаго чина,

3. черезъ пожалованіе высшихъ орденскихъ отличій,

4. черезъ происхожденіе отъ отца и дѣда, служившихъ каждый 20 лѣтъ въ чинахъ, приносящихъ личное дворянство, если и внукъ также поступить на службу (IX. 34).

7. Потомственно право росс. дворянства могутъ приобрѣсти только

1. *русс. подданные*. Иностр. уроженцы, выслужившіе чины и ордена, приносящіе дворянство, безъ принятія русс. подданства не могутъ сообщать своимъ дѣтямъ правъ росс. дворянства, даже и въ томъ случаѣ, если бы послѣднія приняли русс. подданство для себя (IX, 36);

2. по опредѣл. чинамъ могутъ выслужить право потомств. дворянства только лица, (а) состоящіа на дѣйствительной службѣ и (б) получившіа подлежащій требуемый чинъ на самой службѣ (IX. 22), но не при отставкѣ (IX. 23) или при переименованіи изъ военнаго званія въ гражданскій чинъ (IX. 24).

3. Орденами опредѣл. степеней и названій право потомств. дворянства приобрѣтается также только лицами, состоящими на госуд. (гражд., военной или духовной) службѣ [I (2) учр. орден. 191 и IX. 37].

Ордена, безъ ограниченія разрядовъ и степеней таковыхъ, могутъ быть пожалованы также „купцамъ и лицамъ другихъ званій“ (I (1) ib. 156, н. 5).

Купцамъ пожалованіе ордена (съ 1832 г.) даруетъ (только) потомств. почетное гражданство (ib. 196).

О лицахъ другихъ (податныхъ) званій въ этомъ отношеніи ничего не сказано. с ib. 197 (в. ул. 30, прилож. I, ст. 5, н. 27).

8. При объясненныхъ условіяхъ (27. 7), приобрѣтеніе состоянія потомствен. дворянства само собою соединено:

1. съ пожалованіемъ чина дѣйств. статскаго совѣтника, полковника и флота капитана 1-го ранга, а равно съ назначеніемъ (Высоч. повелѣніемъ) на должность, положенную въ 4-мъ классѣ (IX. 22).

О приобрѣтеніи права дворянства черезъ бывшіе особые чины въ различныхъ казачьихъ войскахъ, сравненные потомъ съ чинами арміи, подробно изложено въ IX. 26 и 27.

О многочисленныхъ малороссійскихъ, польскихъ и литовскихъ чинахъ, по которымъ ихъ потомство утверждается въ правахъ рос. дворянства, подробно указано въ IX. 28-9;

2. съ пожалованіемъ рос. орденовъ первыхъ степеней, а орденовъ св. Владиміра и св. Георгія всѣхъ четырехъ степеней. IX. 37.

9. Сообщение и приобрѣтеніе права состоянія личнаго дворянства. Личное дворянство приобрѣтается *также*, или

1. черезъ *особое* пожалованіе по Высоч. соизволенію, или
2. черезъ соотвѣтственный чинъ, или
3. черезъ орденъ.

Приобрѣтеніе права личнаго дворянства иностранцами особо не запрещено. Объ этомъ вопросѣ, вообще, ничего не сказано въ законахъ (с IX. 999).

Лица купеческаго сословія, черезъ пожалованіе имъ чина 9-го класса не по порядку службы, также, наравнѣ съ служащими, приобрѣтаютъ личное дворянство (IX. 49, п. 3).

10. Вообще приобрѣтеніе личнаго дворянства связано:

1. съ производствомъ, на дѣйствит. службѣ, въ чинъ оберъ-офицерскій, хорунжаго или гражд. чинъ девятаго класса (IX. 49, п. 1-2);

но офицеры изъ вольноопредѣляющихся *второго* разряда, не имѣющіе права дворянства, а также не подходящіе подъ IX. 337, вступаютъ „въ сопряженные съ офицерск. чиномъ права состоянія и гражданск. службы“, только „прослуживши въ офицерск. званіи три года, въ рядахъ войска“ (уст. воин. пов. 181);

2. съ пожалованіемъ низшихъ степеней рос. орденовъ лицамъ состоящимъ на гражданской, духовной и военной службѣ. [IX. 50. I (2) учр. орден. 192. 191].

11. Поступленіе въ званіе духовенства.

Какъ особое состояніе, р. зак. рассматриваетъ званіе духовенства четырехъ христ. вѣроисповѣданій: правосл., рим.-католич., евангелическаго и армяно-грегоріанскаго (IX. 339—492).

Это званіе не есть наследственное. Состояніе духовенства соединено съ церковною службою, или съ монашескимъ обѣтомъ.

Законъ, вообще, распространяетъ на это званіе всѣ личныя *изытїя*, присвоенныя дворянамъ; но съ выходомъ лица изъ духов. званія, оно и лишается этихъ личныхъ преимуществъ, если оно до поступленія въ дух. званіе само не имѣло дворянскихъ правъ. IX. 348. 370, п. 3. 464. 490.

Дѣти лицъ духов. званія, по службѣ отца, причисляются къ состоянію потомств. (или личныхъ) почетныхъ гражданъ. IX. 502, п. 3-6.

Съ другой стороны, лица духов. состоянія (въ особенности монашествующее духовенство) ограничены въ обще-гражданской право-и-дѣеспособности, ради охраненія достоинства ихъ особеннаго положенія, какъ радѣтелей о благахъ небесныхъ человѣка.

Причетники (церковнослужители) въ правосл. и армяно-грегор. церквахъ принадлежатъ также къ духов. состоянію; въ рим.-кат. и еванг. церквахъ служительскія при церквахъ должности не причисляются къ состоянію духовенства [IX. 413. (1). 447].

12. Духовенство правосл., рим.-катол. и армяно-грегор., каждое въ отдѣльности, раздѣляется на

духовенство монашествующее
и *духовенство бѣлое.*

Въ евангел. церкви нѣтъ духовенства монашествующаго.

Особо „*сословіями* духовенства православнаго“ именуются монастыри, архіер. дома и, вообще, церкви. (IX. 383—411). Они суть юридич. лица.

Духовныя власти какъ въ *правосл.* церкви (митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты, игумены), такъ и *армяно-грегор.* церкви (эчміадзинскій патріархъ, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены) принадлежатъ къ монашествующему духовенству.

Въ *римско-католич.* церкви духов. власти принадлежатъ къ бѣлому духовенству.

Въ *еванг.* церкви (лютеранской и реформатской) различаются: 1. проповѣдники и 2. высшіе духов. сановники. „Духовныя власти“ въ еванг. церкви устроены коллегіально и съ участіемъ лицъ недуховныхъ званій.

13. Вступленіе въ монашествующее духовенство обусловлено (1) собственнымъ свободнымъ желаніемъ принимающаго иноческій обѣтъ лица;

(2) достиженіемъ извѣстнаго возраста совершеннолѣтія:

въ *правосл.* церкви—мущинами 30 лѣтъ, женщинами 40 лѣтъ; въ *рим.-кат.* церкви—22 лѣтъ; въ *арм.-грегор.*—30 лѣтъ.

Вступленіе въ монашество (3) разрѣшается: въ *правосл. церкви* епархіальнымъ архіереемъ;

въ *арм.-грегор.* церкви—эчміадзинскимъ синодомъ, по представленію епарх. начальства; а въ *рим.-католич.* церкви—римско-католич. духовной коллегіей, по представленію губ. начальства и не иначе, какъ съ утвержденія министра внутр. дѣлъ.

Вступленіе въ монашество не должно служить предлогомъ для уклоненія лица отъ исполненія имъ своихъ обязанностей, а поэтому

(4) запрещено принимать въ монашество лицъ, состоящихъ въ бракѣ (исключеніе в IX. 347. 474. с 430), и лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, или обремененныхъ долгами (IX. 347. 430).

(5) Лица, принадлежація къ податнымъ состояніямъ (къ обществамъ) должны получить увольненіе отъ общества, согласіе казенной палаты и разрѣшеніе губернатора.

14. Въ званіе бѣлаго духовенства правосл., рим.-кат., арм.-грегор. и въ духов. званіе по евангелич. церкви лицо посвящается особымъ церковнымъ актомъ.

Разрѣшеніе въ посвященію лица въ духов. санъ зависитъ отъ духов. властей: въ *правосл. церкви* отъ епархіальнаго начальства (366); въ *арм.-грегор.*—отъ эчмиадз. арм.-грегор. синода (481); въ *рим.-кат.*—отъ епарх. начальства, при условіи извѣщенія мѣстнаго губернатора (418); въ *евангел. церкви*, на основаніи избранія причтомъ (во многихъ случаяхъ)—отъ консисторій (452).

Для лицъ неподатныхъ сословіи поступленіе въ духов. званіе вообще не обусловлено предварительн. адм. разрѣшеніемъ. Увольненіе лицъ податныхъ состояній съ согласія обществъ, для вступленія въ бѣлое духовенство, разрѣшается губернаторомъ. IX. 366. 416. 481.

Въ еванг.-лютер. духовенство принимаются только лица (не моложе 25 лѣтъ), окончившіе универс. курсъ богосл. наукъ; для нихъ, слѣд., уже не требуется увольненія изъ подат. состоянія (IX. 506, н. 1). Утвержденіе въ дух. званіи въ еванг. церкви зависитъ отъ министерства внутр. дѣлъ (449).

Для поступленія въ реформатское духовенство не требуется спеціальнаго богосл. образованія съ университетскою степеню, а установленъ особый экзаменъ въ „реформатскомъ засѣданіи“ (454).

Въ православной церкви, кромѣ того, „лица податныхъ состояній“ допускаются къ поступленію въ бѣлое духовенство не иначе, какъ *а.* въ недостаткѣ по его вѣдомству „лицъ духовнаго званія“ къ замѣщенію должностей и *б.* обладая отвѣтственнымъ духов. званію образованіемъ.

(IX. 366. Эта статья имѣетъ ввиду „дѣтей“ лицъ духов. званія, которыя послѣ 1869 г. уже не составляютъ духов. званія. Ссылки подъ ст. 366 доходятъ только до 1867 г.).

15. Сообщение и приобрѣтеніе права состоянія почетныхъ гражданъ.

Потомственное почетное гражданство.

Оно 1. сообщается бракомъ и по рожденію.

а. По общему правилу женѣ сообщается право состоянія ея мужа.

б. По праву рожденія потомств. почетн. гражданство принадлежит не только дѣтямъ потом. поч. гражданъ, но и дѣтямъ

а. личныхъ дворянъ (IX. 502, н. 1; сюда же относятся *н.* 2 и 8) и

б. лицъ духов. званія 4-хъ христіан. церквей (*ib.* н. 3 и 6).

Потом. поч. гражданство сообщается всѣмъ дѣтямъ, рожденнымъ до и послѣ приобрѣтенія отцомъ права состоянія личнаго дворянства (502, н. 8) или потом. почетн. гражданства.

Сообщеніе потом. почет. гражданства по праву рожденія получило, въ новѣйшее время, примѣненіе еще къ новымъ случаямъ: къ перво-стат. тифлискимъ гражданамъ „мокаламамъ“ и (по аналогіи съ дѣтми христ. духовенства) къ дѣтямъ закавказ. шейхъ-уль-ислама и муфтіевъ, безпорочно прослужившихъ 20 лѣтъ въ этихъ должностяхъ (502, п. 7 и 9).

2. Потом. почет. гражданство приобрѣтается вновь лицомъ или α . по праву, или β . по Высоч. пожалованію. Иновѣрцы не исключены отъ этого права [с IX. 505 (3 и 5); и ниже с. 180. п. 19].

(α). Право опредѣленныхъ лицъ просить о ихъ причисленіи къ потомственному почетному гражданству (IX. 503. 505) заключается въ томъ, что они,

или по образованію—

степени доктора и магистра всѣхъ специальностей (503, п. 1—3), а равно лекаря (п. 2; с о дѣтахъ врачей V, уст. под., 400, п. 6).

или по званію—

калмыцкіе зайсанги въ арханг. и ставроп. губерніяхъ, *владѣющіе наследств. аймаками* (п. 6), караймскіе гахамы, прослужившіе 12 лѣтъ (п. 5), коммерціи или мануфактуръ совѣтники (505, п. 1), лица, состоявшія 20 лѣтъ сразу 1-й гильдіи купцами (505, п. 4);

или по особой службѣ—

артисты перваго разряда Импер. театровъ, прослужившіе (состоя въ русс. подданствѣ) 15 лѣтъ (503, п. 4), мастеровые С.-Петербур. и Московской синодальной типографіи изъ дѣтей церковнослужителей (503, п. 8);

или по происхожденію—

дѣти купцовъ, жалуемыхъ въ службы гражданскими чинами (505, п. 5); дѣти мензелинской шляхты (503, п. 7);

или по пожалованію орденомъ—

купцы, получившіе орденъ (505, п. 3);

или по владѣнію—

гильдій купцы, приобрѣвшіе въ западныхъ губ. имѣнія на 30000 р., съ правит. ссудой и переводомъ долга, или на 15000 руб., безъ такового кредита (505, п. 6);

или даже по сочетанію частной службы и образованія—

(съ 1878 г.) ученые управители (*окончившіе полный курсъ въ земледѣльч. училищахъ*), исправно прослужившіе 7 лѣтъ на частныхъ мѣстахъ по управленію въ имѣніяхъ или сельско-хозяйств. промышленныхъ заведеніяхъ, или по введенію въ нихъ счетоводства [503 (86), п. 10]:

представившіе доказательства своего права на потомств. почет. гражданство, утверждаются въ ономъ непосредственно, безъ какого либо особаго усмотрѣнія или представленія со стороны начальства.

Производство по утвержденію въ почет. гражданствѣ на этомъ основаніи принадлежитъ (за опредѣл. исключеніями, IX. 512. 513. 517) Сенату (по департаменту герольдіи).

По общему правилу, раньше *утвержденія* въ правахъ потом. почет. гражданства, ни приобрѣвшіе ихъ, ни ихъ потомки ими не пользуются;

но по общему правилу о непримѣненіи давности къ правамъ состояній (IX. 14), должно допустить, что и послѣ неутвердившагося въ своемъ состояніи потом. почет. гражданина, на которое онъ имѣлъ право, потомки его могутъ просить объ утвержденіи ихъ въ потом. почет. гражданствѣ, на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ на это имѣлъ право ихъ предокъ, ибо самое сенатское утвержденіе въ правахъ почет. гражданства есть лишь формальная регистрація, для удостовѣренія дѣйствительнаго существованія права, о признаніи котораго просятъ. Здѣсь не создается никакое новое право (с IX. 514); с исключеніе изъ IX. 14 въ V, уст. под. 400, н. 6.

16. Лица, имѣющія право на потом. почет. гражданство по рожденію, „пользуются преимуществами почетнаго гражданства (и) безъ особеннаго въ этомъ состояніи утвержденія“, „когда положительно извѣстно состояніе ихъ родителей“ (ib. 516).

Свидѣтельства на почет. гражданство имъ выдается тѣмъ начальствомъ, гдѣ ихъ предокъ служилъ, или (въ опредѣл. случаяхъ) губ. правленіемъ (517).

17. (β) Высоч. пожалованіе лицъ званіемъ почет. гражданъ (потомств. и личнаго) есть, прежде всего, актъ Верх. милости. Но законод. предусматриваетъ, кромѣ того, и нѣкот. опредѣл. случаи, когда министрамъ того или другаго вѣдомства о собо предоставлено право ходатайствовать передъ Его Величествомъ о пожалованіи данному лицу почет. гражданства, потомственно или лично, на основаніи опредѣл. заслугъ лица.

Въ нашемъ законодательствѣ эти случаи точно опредѣлены (IX. 504. 507). Они относятся:

1. къ заслугамъ лица для обществ. пользы, но почти исключительно къ заслугамъ внѣ области непосредств. интересовъ правительства;
2. преимущественно къ предметамъ вѣдомства министерства госуд. имущества.

3. Они опредѣляются, въ большинствѣ случаевъ, по совокупности опредѣл. образоват. ценза, глав. обр., по технич. части, съ успѣшнымъ исполненіемъ затѣмъ, въ теченіи опредѣл. числа лѣтъ (около 10), хотя бы и частной службы по своей специальности.

Это „дополнительное условіе“ и обусловило особое удостовѣреніе его исполненія со стороны высшаго начальства. И, кромѣ того, было установлено Высочайшее утвержденіе такого удостовѣренія.

Есть и такіе случаи, что дополнительное условіе „службы по своей специальности“ требуется, сверхъ образоват. ценза, для полученія правъ почетнаго гражданства, но „дополнит. условіе“ удостовѣряется мѣстнымъ начальствомъ, и, на основаніи этихъ документовъ, лицо уже получаетъ право просить сенатъ объ утвержденіи въ правахъ личнаго почетнаго гражданства, безъ особаго Высоч. соизволенія. IX. 503 (86), н. 10.—506 (86), н. 36.—506 (87), н. 37.

На такихъ основан. (з.) могутъ приобрѣтать *потом.* почет. гражданство: художники академіи (по ходатайству мин. Импер. двора), инженеръ-

технологи и технологи С.-петерб. и Харьковск. практич. технологич. институтовъ (по представленію мин. народ. просвѣщенія), если будетъ удостовѣрено 10-ти-лѣтн. успѣшное занятіе этими лицами своей профессіей.

О Высочайше пожалован. почет. гражданствѣ сенатомъ выдаются грамоты (на потомственное) и свидѣтельства (на личное почет. гражданство). IX. 515.

18. Личное почетное гражданство сообщается:

1. бракомъ женѣ;

2. происхожденіемъ:

а. дѣтямъ церков. причетниковъ православнаго и арм.-грегор. исповѣданій, которые не окончили курса въ духов. академіи; а также б. дѣтямъ высшаго суннитскаго и шітскаго духовенства въ Закавказьѣ (IX, 506, *н.* 25) и

в. сыновьямъ нижнихъ и рабочихъ чиновъ вѣдомствъ: военнаго, путей сообщенія, горнаго, монетнаго и соленнаго и горн. заводовъ кабинета Е. И. Величества, удостоенные хотя бы и при отставкѣ 14-мъ чиномъ (506, *н.* 29; но с уже и *н.* 27).

Законъ теперь исчисляетъ 52 различныхъ отдѣльныхъ условія для пріобрѣтенія личнаго почетнаго гражданства

(IX. 506 и 507, и продолж. въ немъ 86—89 гг.);

въ 38 случаяхъ тѣ лица имѣютъ право просить сенатъ (или другое подлежащее начальство) объ утвержденіи въ званіи личнаго почетнаго гражданства, и, въ томъ числѣ, въ 25 случаяхъ по образовательному цензу; въ 14 случаяхъ министры вправѣ „особо представлять о соответственныхъ лицахъ Верх. власти“, и, въ томъ числѣ, въ 8 случаяхъ по образовательному цензу.

По положенію своей госуд. или духов. службы, могутъ просить объ утвержденіи въ личномъ почет. гражданствѣ:

удостоенные, хотя и при отставкѣ, чиномъ оберъ-офицера или 14-го класса (506, *н.* 26-8);

дагѣ, калмыцкіе зайсанги, не владѣющіе наслѣдств. аймаками (*н.* 21), и газаны и шамашы у караимовъ, прослужившіе въ сей дух. должности 20 лѣтъ (*н.* 30).

Общее правило такое, что окончаніе курса въ высшихъ учеб. заведеніяхъ гражд. и духов. вѣдомства (съ званіемъ кандидата, дѣйствит. студента, инженера, технолога) даетъ право просить объ утвержденіи въ личномъ почетномъ гражданствѣ.

Окончаніе курса въ обще-образоват. среднихъ учеб. заведеніяхъ теперь, послѣ гимназ. реформы 1864 и 1871 гг., никакихъ правъ на почетное гражданство не даетъ (IX. 506, *н.* 16).

Только молодые люди, удостоенные при выпускѣ изъ гимназій медали, могутъ пріобрѣсти право на личное почет. гражданство, поступивши на госуд. службу, куда они принимаются съ утвержденіемъ въ чинѣ 14-го класса (III, уст. служб. правит., ст. 86; IX. 506, *н.* 26; с *н.* 16).

За то, съ другой стороны,

профессиональныя училища, не пріуроченныя къ разряду выс-

шихъ учеб. заведеній, даютъ окончившимъ въ нихъ курсъ право просить объ утвержденіи или пожалованіи состояніемъ личнаго почетнаго гражданства: прежде, обыкновенно, при *дополнит.* условіи исправнаго занятія своей специальностью въ теченіи опредѣл. времени; нынѣ это условіе, при опредѣленіи новыхъ случаевъ допущенія лицъ къ правамъ личнаго почетнаго гражданства, по причинѣ подобнаго образоват. ценза, часто не ставится (27. 17. н. 3):

окончившіе курсъ въ коммерческихъ училищахъ въ С.-Петербур., Москвѣ и Одессѣ имѣютъ право просить объ утвержденіи въ лич. почет. гражданствѣ; равное право имѣютъ окончившіе курсъ: въ горной технич. школѣ при технолог. институтѣ (506, н. 10), въ земледѣльческихъ училищахъ [по аттестату 1-й степ., 506 (86), н. 33. (с 27. 19)], въ промышленныхъ училищахъ [509 (89), н. 38].

Въ нѣкот. случаяхъ, права на личное почет. гражданство, по образоват. цензу (окончанію *опредѣл.* учебнаго заведенія), предоставлены только какому либо одному сословию (506, н. 15 и 19).

Вообще, во многомъ, вопросъ объ удостоеніи лицъ личнымъ почетнымъ гражданствомъ, сложившійся постепенно при различныхъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ и имѣющій, поэтому, столь казуистическій характеръ, не удовлетворяетъ условію справедливой уравнительности этой привилегіи, по степени заслугъ людей, награждаемыхъ этимъ сословнымъ повышеніемъ и исключенныхъ отъ этого права.

Напр., аптекарскій и ветеринарный помощники; лица, окончившія курсъ въ петровск. училищѣ С.-Пб. купеч. общества [506 (86) н. 35] и въ главномъ училищѣ садоводства въ Умані (н. 11): имѣютъ право просить объ утвержденіи ихъ въ состояніи личн. почетнаго гражданства. Окончившимъ курсъ гимназій съ медалью это право *непосредственно* не предоставлено (н. 16.—с выше 27. 18).

Значеніе „права просить“ сенатъ (или другое подлежащее начальство) объ утвержденіи въ состояніи *личнаго* поч. гражданства есть такое же самое, какъ и, въ подлежащихъ случаяхъ (с 176), значеніе права просить объ утвержденіи въ состояніи потомств. поч. гражданства.

Жены личн. почетн. гражданъ сохраняютъ свои права по состоянію мужа и послѣ его смерти, согласно IX. 5.

Дѣти личн. почет. гражданъ должны избрать родъ жизни. Они вправѣ приписаться къ мѣщанству того города, гдѣ они жили (IX. 537).

На личное поч. гражданство сенатъ выдаетъ свидѣтельства (514).

19. По особымъ представленіямъ начальства (гл. обр., министра госуд. имущ.), причисленія въ почетное гражданство лично удостоиваются, съ Высоч. соизволенія (507), м. проч.: лица, имѣющія званіе ученаго управителя (н. 2), ученаго садовника (н. 3); частные землемѣры и таксаторы (н. 6); штейгеры изъ горн. училища Полякова [507 (86) н. 7]; лица, окончив. курсъ въ земледѣльч. училищахъ съ аттестатомъ втораго разряда (ib. 12): *если* они опредѣл. число (обыкновенно 10) лѣтъ исполняли, хотя бы и частную, службу по своей специальности.

Для евреевъ установлены нѣкот. особые случаи для приобретенія личн. почетн. гражданства (с выше с. 176. н. 2).

Евреи, бывшіе 15 лѣтъ „почетными бюстителами“ въ правит. еврейскихъ школахъ, или содержавшіе 15 лѣтъ частныя еврейскія училища 2-го разряда, а также чиновники изъ евреевъ при ген.-губернаторахъ и губернаторахъ, въ полость еврейской осѣдности, по дѣламъ еврейскихъ обрядовъ и правилъ, за 15 лѣтъ такой службы могутъ быть особо представляемы къ Высоч. удостоенію правомъ состоянія въ личномъ почетномъ гражданствѣ (507, н. 8—10).

20. Приобрѣтеніе „наименованія купца“ и сообщеніе состоянія купечества.

Основаніемъ купеческаго сословія служитъ занятіе торговлею. Но новѣйшимъ русс. законод-омъ занятіе торговлею предоставлено всѣмъ сословіямъ (пол. пошлин. торг. 20). При этомъ различаются: а. торговля, производимая безъ платежа пошлинъ, и б. торговля, производимая съ платежемъ таковыхъ (ib. 3). Въ отношеніи платежа пошлинъ за опредѣл. торговныя дѣйствія, къ понятію торговли приурочены и различныя промыслы и обязательства, въ которыхъ значительная роль принадлежитъ затратѣ въ дѣло большаго денежнаго капитала (ib. 16. 24).

Обложеніе торговыхъ дѣйствій пошлинами бываетъ различныхъ размѣровъ, смотря по категоріи торговыхъ оборотовъ (12-14). Для производства болѣе значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣйствій лицо должно взять (и ежегодно возобновлять) *ильдейскія* (или *купеческія*) *свидѣтельства*. Эти свидѣтельства двухъ разрядовъ: 1-й и 2-й *ильдй*. (12. 13).

Кромѣ того, торговныя и промышленныя дѣйствія, обложенныя商税, производятся по *свидѣтельствамъ на мелочной, развозной и разносной торговлѣ*; а лица, состоящія въ услуженіи по торговымъ и промышленнымъ заведеніямъ, уплачиваютъ сборы въ видѣ *„свидѣтельства приказчицъ“*.

21. Наименованіемъ *купца* (ib. 84) пользуется только лицо,

1. „получившее на свое имя купеческое свидѣтельство первой или второй гильдй“, и

2. „не остающееся. при этомъ, въ прежнемъ званіи“ (84. 21).

„Лица, не принадлежащія къ купеческому сословію, могутъ брать купеч. свидѣтельства съ сохраненіемъ настоящаго ихъ званія (состоянія, сословія), или съ перечисленіемъ въ купечество“.

„Получившій на свое имя купеческое свидѣтельство первой или второй гильдй и при взятіи онаго предъавившій квитанцію, свидѣтельствующую о полной уплатѣ имъ всѣхъ слѣдующихъ съ него, по первоначальному его званію повинностей, принимаетъ, если онъ не остается въ прежнемъ званіи, *наименованіе купца* и, вмѣстѣ съ членами семейства его въ свидѣтельство внесенными, вступаетъ въ составъ купечества того мѣста, гдѣ онъ записанъ“ (84). в IX. 500 и 554; и с IX. 725 да 27. 27.

22. Съ полученіемъ гильдейскаго свидѣтельства, могутъ перечисляться въ „купеческое сословіе“:

1. „состоянія *низшія*“ (какъ ихъ квалифицируетъ законодательство): крестьяне, мѣщане (и ремесленники) и „рабочіе люди“.

Для нихъ приобрѣтеніе правъ купеч. состоянія, въ главахъ законодателя, продолжаетъ составлять повышеніе сословнаго положенія.

Лица этихъ сословій, лишеныя по суду „вѣют. особенныхъ“ правъ, могутъ также поступать въ купеческое состояніе; для нихъ въ этомъ отношеніи не положено никакого ограниченія (у. 50).

Права купеческаго состоянія могутъ приобрѣсти лица обоаго пола, не исключая даже замужнихъ женщинъ, которыя вправѣ вступить въ купеческое сословіе безъ мужа и причислить, въ то же время, къ купеч. сословію также и несовершеннолѣтнихъ дѣтей своихъ и другихъ родственниковъ.

Это постановленіе выражено вполне опредѣленно (пол. помин. торг. 67).

Но при этомъ не нарушаются права находящагося въ живыхъ супруга и отца дать свое разрѣшеніе на такое сословное перечисленіе въ купечество жены и дѣтей, или отказать въ такомомъ согласіи.

Законодательство не постановляетъ по этому вопросу особой статьи, но, по смыслу нашего законодательства о брачномъ и семейномъ союзѣ, *имео* разрѣшеніе этого вопроса было бы невозможно и для самого законодателя.

Въ купеческое состояніе могутъ перечисляться и несовершеннолѣтнія лица безъ своихъ родителей, находящихся въ живыхъ (72), но также, конечно, не иначе, какъ съ согласія родителей, или опекуновъ и попечителей.

23. Въ состояніе купеческое могутъ, со взятіемъ гильд. свидѣтельства, перечисляться

2. изъ *состояній высшихъ* почетные граждане (IX. 518. 547);

но такое перечисленіе не лишаетъ ихъ права (высшаго состоянія) почетнаго гражданства,

оно имѣетъ значеніе, какъ присоединеніе лица къ сословному обществу купцовъ. По выходѣ изъ этого общества почет. гражданинъ не обязанъ избрать рода жизни, но остается почетнымъ гражданиномъ.

Сословныя преимущества купеч. состоянія и состоянія почетныхъ гражданъ (были раньше и суть теперь), вообще, равныя.

3. О правѣ дворянъ перечисляться въ состояніе купеческое, съ сохраненіемъ корпоративныхъ правъ по дворянству, законодат. ничего не упоминаетъ. И быть можетъ, самый вопросъ даже не представляетъ никакого практич. значенія; а между тѣмъ, юристу приходится отвѣчать и на этотъ вопросъ, и отвѣтъ долженъ быть утвердительный, по аналогіи съ тѣмъ же вопросомъ, въ отношеніи къ почетнымъ гражданамъ.

24. *Государств. служба*, гражданская и военная, и состояніе въ нижнихъ чинахъ войска не лишаютъ лицо права вступить въ

„купеч. сословіе“ (пол. пошл. торг. 22), независимо отъ его словесной принадлежности.

2-я половина 2-го прим. къ ст. 22 пол. пошл. торг. не ограничиваетъ этого права для какой либо категоріи военнослужащихъ.

25. Согласно буквѣ закона, въ „сословіе“ купеческое также могутъ поступать и *иностранцы*, сохраняя свое иностранное подданство;

они „пользуются всѣми соединенными со взятіемъ такихъ (т. е. купеч.) свидѣтельствъ правами, наравнѣ съ природными подданными Имперіи“ (IX. 1001).

26. Самыя гильд. свидѣтельства не выдаются:

1. лицамъ, лишеннымъ, за наказаніе по суду, „всѣхъ“ правъ состоянія, или „всѣхъ особенныхъ“ правъ и т. д. (ул. 43).

Исключенія изъ сего установлены для смыльныхъ, съ особаго разрѣшенія начальства, по пол. пошл. торг. [20 (3)];

2. монашествующимъ и священнослужителямъ (4. христ. исповѣданій) и церковнымъ причетникамъ,

т. е., дьяконамъ, пономарямъ и псаломщикамъ правосл. и армяно-грегор. церквей [пол. пошл. торг. 20 (1)].

27. Для *поступленія въ купеч. сословіе* не требуется никакого „согласія отъ общества на приѣмъ въ оное просящихся“ [IX. 521 (1); да таковое и никогда не требовалось (н. с. з. 24 441; но с недоразумѣніе по этому вопросу въ IX. 665, пунктъ 7, который ошибочно составленъ).

Если берущій гильд. свидѣтельство желаетъ вступить въ купеч. сословіе, онъ заявляетъ объ этомъ, при соблюденіи извѣст. условій (27. 21), и обозначаетъ членовъ семейства, которыхъ онъ вноситъ въ свидѣтельство, для пользованія личными правами, купеч. сословію присвоенными (пол. пошл. торг. 84).

При этомъ, лица *городскихъ* податныхъ сословій должны, при взятіи гильд. свидѣтельства, предъявить, „квитанцію, свидѣтельствующую о полной уплатѣ ими всѣхъ слѣдующихъ съ нихъ по первоначальному ихъ званію повинностей“ (пол. пошл. торг. 84); т. е., отъ мѣщанъ, при этомъ, не требуется увольнительнаго отъ общества свидѣтельства (IX. 554).

Для сельскихъ обывателей, поступающихъ въ купечество, условія отчисленія изъ сельск. общества ни въ чемъ не измѣнены; с IX. 724. v выше 27. 21.

28. Сообщение права купеч. состоянія есть также условное и временное, какъ и самое приобрѣтеніе оныхъ правъ и обладаніе ими.

Лицо, взявшее куп. свѣдѣт. и перечислившееся въ купеч. сословіе, называется, въ отношеніи лицъ, внесенныхъ въ его „купеч. свѣдѣт.“, „начальникомъ (купеч.) семейства“.

Законъ дозволяетъ начальнику купеч. семейства причислить къ его состоянію, съ пользованіемъ личныхъ правъ купеч. сословія, опредѣленныхъ родственниковъ (и лицъ усыновленныхъ); но послѣдніе остаются въ купеч. (гильд.) состояніи только до тѣхъ поръ, пока

1. начальникъ семейства самъ остается въ этомъ состояніи (т. е., пока онъ самъ возобновляетъ купеч. свидѣтельство), и

2. пока начальникъ семейства не пожелаетъ кого либо изъ записанныхъ родственниковъ опять выписать изъ своего купеч. свидѣтельства, но послѣднее не можетъ относиться къ несовершеннолѣтнимъ членамъ семьи и къ женѣ, если они не высшаго (неподатнаго) сословія.

29. Кругъ лицъ, которыя мог. б. внесены въ купеч. свидѣтельство начальника семейства, опредѣляется различно, по характеру семейнаго положенія этого начальника, какъ отца матери или брата:

1. *Мужъ*, ipso jure, приобщаетъ къ купеч. состоянію жену свою, если она не высшаго званія (IX 539);

но „въ выданное на имя жены гильд. свидѣтельство мужъ внесенъ быть не можетъ“ (пол. пошлин. торг. 67.—с IX. 5).

2. *Родители*, какъ отецъ, такъ и мать, могутъ внести въ выданное на ихъ имя купеч. свидѣтельство:

а всѣхъ своихъ законныхъ дѣтей:

сыновей безъ предѣла возраста, пока таковые не возьмутъ самостоятельнаго купеч. свидѣтельства (пол. пошлин. торг. 74);

дочерей до замужества

(которыя, разумѣется, не сохраняютъ высшаго купеч. званія, если выйдутъ замужъ за мужа низшаго сословія);

а также, быть можетъ, и дочерей, находящихся во вдовствѣ или разводѣ;

ср. въ пол. пошлин. торг., ст. 67: выраженіе „незамужнія дочери“;

б. усыновленныхъ въ зак. порядкѣ лицъ, наравнѣ съ законными дѣтьми (ib. 67; и з. г. 154)

в. не усыновленныхъ зак. порядкомъ приемышей обоюбого пола, до достиженія ими совершеннолѣтія (пол. пошлин. торг. 67. 76).

3. *Вотчимъ* и *мачиха* могутъ внести въ выданное на имя кого либо изъ нихъ купеч. свидѣтельство:

а. *вотчимъ* — собственныхъ законныхъ дѣтей своей жены изъ прежнихъ браковъ: сыновей до совершеннолѣтія, а дочерей „до замужества“ [ib. 67 (2)];

б. *мачиха* — собственныхъ законныхъ дѣтей ея прежнихъ умершихъ мужей (ib.).

Но на законныхъ дѣтей ея, находящагося въ живыхъ, мужа отъ прежняго его брака это право мачихи не распространено; требуется, чтобы этотъ послѣдній мужъ сначала умеръ, только тогда мачиха мож. его дѣтей внести въ свое гильд. свидѣт.

4. *Дяды* могутъ внести въ выданное на ихъ имя купеч. свидѣтельство (обоого пола) внуковъ и правнуковъ, и т. д., мужскаго поколѣнія (ib.), при чемъ:

лицъ мужскаго пола безъ предѣла возраста,

лицъ женскаго пола до замужества.

Равн. обр., очевидно, и усыновленныя закон. порядкомъ лица обоого пола, принятые сыновьями, внуками и т. д., начальника купеч. семейства, могутъ быть внесены въ то же гильд. свидѣтельство, согласно 27. 29 (б); а *пріемыши* сыновей, внуковъ и т. д. купца, законнымъ порядкомъ не усыновленныя, лишь до достиженія совершеннолѣтія (27. 29. в).

Но зачисленіе въ гильд. свидѣтельство дѣда допускается для его внуковъ, правнуковъ, и т. д., и для ихъ усыновл. дѣтей и пріемышей только до тѣхъ поръ, пока ихъ родители или усыновители еще сами не взяли самостоятельнаго гильд. свидѣтельства на собств. имя (ib. 77).

5. *Дети*, сыновья и дочери, взявшія гильдію и перечислившіяся въ купеч. сословіе, не сообщаютъ своего состоянія родителямъ.

Законъ опредѣляетъ только одно исключеніе изъ этого общаго правила:

„при передачѣ имѣнія дѣтямъ или родственникамъ, удалившійся отъ дѣла *отецъ семейства* можетъ остаться записаннымъ въ свидѣтельствѣ того изъ нихъ, кому онъ передалъ свое имѣніе“ [ib. 75 (1)]. с обѣ „отцѣ (куп.) семейства“ 27. 28.

Такое же право сообщается, разумѣется, и каждой законной женѣ такого „отца купеч. семейства“ и принадлежитъ, конечно, также и важной особѣ женскаго пола, состоящей собств. именовъ въ купеч. гильдіи, если она передастъ свое имѣніе законнымъ дѣтямъ или другимъ родственникамъ (внукамъ въ мужскомъ поколѣніи, или усыновленнымъ лицамъ).

6. *Братья и сестры* другъ друга и племянниковъ и племянницъ не могутъ вносить въ свое гильд. свидѣтельство (ib. 67). Только въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти *отца*, главы купеч. семейства, мѣсто его по торговому дѣлу заступитъ кто либо изъ сыновей или незамужнихъ дочерей, то гильд. свидѣтельство должно быть переписано на ихъ имя; и, въ этомъ случаѣ, они также могутъ въ него внести своихъ несовершеннолѣтнихъ братьевъ и племянниковъ, незамужнихъ сестеръ и племянницъ. Племянники и племянницы должны быть „родные“ (77).

30. Приобрѣтеніе и сообщеніе права состоянія мѣщанъ.

Приобрѣтеніе права состоянія мѣщанъ названо въ IX 519 „запиской и перечисленіемъ въ городское состояніе, на общихъ для всѣхъ разрядовъ оного правилахъ“, изложенныхъ въ ст. 520—35 (гдѣ исключительно рѣчь о припискѣ къ мѣщанскому обществу).

Приобрѣтеніе права состоянія мѣщанства пріурочено всегда къ мѣщанскому обществу опредѣленнаго даннаго город. поселенія: города, посада или мѣстечка.

1. *Перечисляться* въ мѣщанское общество даннаго города могутъ

- а. мѣщане (и „рабочіе люди“) другаго города (IX. 550),
- б. лица крестьянскаго состоянія (518),
- в. лица, записанныя въ цеховое или ремеслен. общество.

Во всѣхъ 3 случаяхъ, перечисляющіяся въ мѣщанство даннаго города лица уже принадлежать къ какому либо податному обществу.

2. *Записаться* въ мѣщанское общество даннаго города могутъ „всѣ вообще лица“, не состоящія въ податномъ состояніи, но „имѣющія обязанность избрать родъ жизни“ (IX 518, п. 2); сюда принадлежать: а. лица, которыя, не пользуясь правомъ дворянства или поч. гражданства, оставляютъ занимаемыя ими должности на госуд. или духовной службѣ, по которой они были временно освобождены изъ податнаго оклада [V, уст. под. 306. 340 (86). 342. 355. 356. (86). 399. 400; п. 1, 4 и 5. 404, п. 2.—III. 751];

б. совершеннолѣтнія дѣти такихъ лицъ, которыя не имѣютъ права состоянія дворянскаго или потомств. почетнаго гражданства, но освобождены отъ состоянія въ податномъ окладѣ, по причинѣ госуд. (напр. IX. 522, п. 7 и 8), или церков. службы (ib. п. 6), или по опредѣл. занятіямъ, и образоват. цензу (V, уст. под. 314. 316. 318. 324);

в. питомцы воспитательныхъ и сиротскихъ домовъ; незаконно-рожденныя дѣти, не приписанныя ни къ какому податному состоянію (с IX 522, п 1-3); подкидыши (с IX. 543 и по прод. 86 г.);

г. лица купеч. званія, вышедшія изъ него, не имѣющія правъ высшаго состоянія;

д. дѣти личныхъ почетныхъ гражданъ (ib. 537).

Всѣмъ этимъ лицамъ не возбраняется избрать и другой родъ жизни, т. е. крестьянское, ремесленное или купеческое сословія, удовлетворивши требуемымъ уставами и учрежденіями этихъ сословій условіямъ. Но законодат. обезпечиваетъ имъ, во всякомъ случаѣ, избраніе рода жизни въ мѣщанствѣ, въ крайнемъ случаѣ въ окладѣ рабочихъ людей (IX 522).

8. IX. 548 упоминаетъ также о вступленіи почет. гражданъ въ мѣщанство, но! съ сохраненіемъ освобожденія отъ платежа податей и тѣлеснаго наказанія, а раньше также и отъ рекрутской повинности.

31. Существуютъ два различныя порядка для перечисленія и для записки въ мѣщанское состояніе даннаго города:

1. основной—нормальный (исторически-первоначальный) порядокъ перечисленія состоитъ въ принятіи перечисляющагося или записывающагося въ составъ мѣщанскаго общества даннаго города съ согласія мѣщанскаго общества (а гдѣ не введено гор..

полож. 1870 г.—съ согласія городского общества. IX. 521). Только исключительно этотъ порядокъ допускается въ столицахъ и въ нѣкот. городахъ около Петербурга (521. 523).

Перечисленіе совершается, однако, не иначе, какъ по полученіи „увольнительнаго приговора“ отъ прежняго общества. (Исключеніе по IX 552).

Который изъ обѣихъ приговоровъ: приемный (новаго) или увольнительный (прежняго общества) долженъ быть ранній—это закономъ не опредѣлено; но эта очередь не имѣетъ значенія по существу дѣла, потому что требуются оба приговора: увольнительный для предъявленія въ казенной палатѣ, по принадлежности, уволившаго общества, приемный для предъявленія въ казенной палатѣ принявшаго общества, а самое исключеніе изъ оклада прежняго мѣста совершается уже только по окончательномъ перечисленіи въ новое общество.

2. Другой порядокъ: *записки* есть—порядокъ принудительный. Въ IX. 522 названы 12 разныхъ разрядовъ, б. ч., незаписанныхъ въ податныхъ сословіяхъ лицъ, которыя, будучи обязаны избрать родъ жизни, могутъ приписаться въ мѣщане и безъ согласія общества. Впрочемъ, надо полагать, что къ этой статьѣ, кр. т., также должны быть отнесены и вообще всѣ прочія лица, обязанныя избрать родъ жизни,

(хотя они въ IX. 522 и не названы), такъ какъ эта ихъ обязанность не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ согласія мѣщанскаго общества, къ которому только и допускается такая принудительная приписка (с IX. 704); слѣдов., ст. 522 неполная. Въ свою очередь, въ ней встрѣчаются и устарѣвшія пункты (9, 10).

Лица, записываемыя въ мѣщ. общество безъ согласія общества, для записки не нуждаются ни въ какомъ „одобреніи благонадежныхъ гражданъ-домохозяевъ“ и т. д.; они также не были обязаны взносомъ годовой подати, какъ предписано въ IX. 524. Это—ошибки въ редакціи свода зак., ибо такія условія были раньше, но относились только къ *казеннымъ* крестьянамъ, при перечисленіи въ городъ прямо въ мѣщанское общество, а не въ разрядъ рабочихъ людей (2 н. с. з. 5842, ст. 5); но казен. крестьяне также могли поступать въ окладъ рабочихъ людей на общемъ основаніи, т. е. безъ этихъ условій (2 н. с. з. 6723, ст. 2). Теперь такого особаго сословія казенныхъ крестьянъ уже вовсе нѣтъ.

Ст. 524 не сходится съ источниками, на которые подъ ней сдѣланы ссылки; она и даже вовсе уже не можетъ имѣть никакой дѣйствующей силы.

До 1863 г. (времени прекращенія подушной подати съ мѣщанъ), лица, которыя, будучи обязаны избрать родъ жизни, имѣли право приписаться къ мѣщанству безъ согласія общества въ разрядъ — окладъ „рабочихъ людей“ и пользовались двухлѣтнею отъ платежа податей льготою, начиная съ слѣдующей послѣ записки половины года, по истеченіи каковой льготы городъ (мѣщанское общество) не отвѣчалъ за сихъ людей въ податяхъ въ продолженіи еще 3 лѣтъ“ [св. зак. V. (57), уст. подат. 485, и прод. 1886].

3. „Обыватели всѣхъ частей Имперіи, всѣхъ состояній и вѣро-

исповѣданій“, могутъ „приписываться, для водворенія“, въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго, причѣмъ отъ нихъ „не требуется приѣмнаго свидѣтельства о принятіи на новомъ мѣстѣ жительства“ [IX. 312 (1). прил. 1 и 3].

32. Лица, приписываемыя къ мѣщанству въ окладъ рабочихъ людей, всетаки предназначаются къ поступленію, со временемъ, въ самое мѣщанское общество, какъ полноправные члены его съ „правомъ голоса“ (IX. 529). Въ этихъ видахъ законодатель опредѣлилъ ихъ положеніе слѣд. образомъ:

если приписываемыя безъ согласія общества къ мѣщанству, въ окладъ рабочихъ людей, лица *а.* въ теченіи 5 лѣтъ исправно платили [подати, т. е. подушную и связанныя съ нею (которыя отмѣнены), и другіе] сборы на (земскія повинности, гдѣ таковыя мог. случиться и) общественныя потребности мѣщанскаго сословія, и *б.* „судомъ не были опорочены“ ни раньше, ни за это время, а также не повинны въ какихъ либо „порокахъ, хотябы за ихъ и судимы не были“: они получаютъ черезъ это право требовать и безъ приѣмнаго приговора зачисленія въ составъ полноправныхъ членовъ мѣщанскаго общества города, съ правомъ голоса въ ономъ,

(гл. обр., и съ правомъ участія въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и заботахъ сословнаго управленія). 2 н. с. з. 5842, ст. 7 и 9. Никакого одобренія б. домохозяевъ города и въ данномъ случаѣ не требуется; с IX. 524. 527.

Если которое либо изъ этихъ условій не выполнено, тогда лицо, не получившее также особаго „приѣмнаго приговора“ (разрѣшеніе котораго, во всякомъ случаѣ, можетъ быть дано обществомъ и независимо отъ такихъ отрицательныхъ условій), окончательно (т. е. безъ продолженія испытательнаго срока) приписывается въ окладъ „рабочихъ людей“ (2. н. с. з. 5842, ст. 9).

До 1863 г. это имѣло, въ особенности, то значеніе, что и дальше мѣщанское общество не отвѣчало за правильныиъ взносъ причисленнымъ въ окладъ рабочихъ людей мѣщаниномъ казенныхъ податей [св. зак. V (57) уст. подат. 657 и прод. 86 г.].

Приѣмные приговоры мѣщанск. общества постановляются всѣмъ сходомъ мѣщанскаго общества;

минимумъ quorum'a для мѣщанскаго схода закономъ вообще не опредѣленъ; приговоръ на сходѣ постановляется простымъ большинствомъ голосовъ наличныхъ на сходѣ членовъ общества.

Жалобы на противозаконныя дѣйствія и отказы мѣщанскаго схода и органовъ мѣщанск. сословнаго управленія приносятся губернатору (гор. полож. 2, прилож. 19); жалобы по дѣламъ о припискѣ и перечисленіи къ мѣщанскому обществу „окончательно разрѣшаются“ министрами внутр. дѣлъ и финансовъ (IX. 520).

33. Несовершеннолѣтній возрастъ лица нынѣ не служитъ препятствіемъ для пріобрѣтенія правъ мѣщанскаго сословія даннаго города;

т. е., для поступленія въ данное мѣщанск. общество. Это высказано ясно въ IX. 550. п. 3.

Но, разумѣется, несовершеннолѣтнее лицо можетъ перечислиться и зачислиться въ мѣщ. общество лишь съ согласія „родителей“, а безъ такового согласія лишь въ томъ случаѣ, если „родителей“ нѣтъ больше въ живыхъ“ (ib.). Власть опекуна и попечителя въ этомъ отношеніи не опредѣлена.

Для пріема въ данное мѣщанское общество лицъ женскаго пола, которымъ также предоставлено перечисляться изъ одного общества въ другое, не сдѣлано никакихъ изъятій, сравнительно съ мѣщанами, относительно пріема въ мѣщанское общество,

т. е., такія женщины, если онѣ не имѣютъ права записаться въ мѣщанство даннаго города, по ст. 522, безъ согласія общества, то онѣ могутъ перечисляться въ другое общество только согласно пріемному приговору послѣднаго.

Принадлежность лица къ ересямъ, признаннымъ особенно вредными, съ 1883 г., уже не составляетъ препятствія къ повсемѣтной въ Имперіи припискѣ къ мѣщанскому обществу. Ст. 528, 530 и 531 IX-го т. св. зак. отмѣнены (v по прод. 86 г.).

34. Сообщение права состоянія мѣщанъ.

1 Отецъ - „мѣщанинъ“, а также отецъ изъ „рабочихъ людей“ сообщаютъ, каждый, свое сословное состояніе,

а. своей женѣ, если она происхожденія низшаго;

г. обр., напр., и мужъ - членъ мѣщ. общества, женившись на дѣвушкѣ изъ сословія рабочихъ людей, сообщаетъ ей черезъ бракъ высшее состояніе мѣщанки;

б. своимъ законнымъ дѣтямъ;

2. лица обоого пола изъ мѣщанъ и рабочихъ людей сообщаютъ право своего состоянія

γ. подкидышамъ, сиротамъ, непомятымъ родства, и сиротамъ всѣхъ податныхъ званій, которыхъ они приняли въ „малолѣтствѣ“ и закон. порядкомъ усыновили (з. г. 193).

Они причисляются къ семействамъ ихъ воспитателей и воспитательницъ и записываются съ ними въ одинъ и тотъ же окладъ по тому же обществу.

Незаконныя дѣти мѣщанки или лица изъ сословія рабочихъ людей не могутъ быть усыновляемы своею матерью (приписаны къ ея семейству); они и не причисляются къ сословію своей матери, а должны избрать родъ жизни (приписаться къ обществу) ко времени исполненія имъ совершеннолѣтія, если они не пріобрѣтутъ высшихъ правъ (образованіемъ, госуд. и церк. службою, гильд. свидѣтельствомъ).

3. Лица, которыя обязаны избрать родъ жизни и записываются въ мѣщанство, безъ согласія ли общества, или съ согласіемъ его,

сообщаютъ право своего состоянія своему „семейству“ (IX. 525), т. е. своей женѣ и своимъ законнымъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ,

если послѣднія уже сами раньше не присялись къ обществу. Совершеннолѣтнія сами должны были своевременно избрать родъ жизни—присясть къ какому либо обществу, если не приобрѣли высшаго состоянія.

„Раздробленіе семейства“, въ этихъ случаяхъ, закономъ запрещается,

„кромѣ того случая, когда лица одного семейства, по роду ремесль и промысловъ своихъ, живутъ отдѣльно, т. е., имѣютъ постоянное пребываніе въ разныхъ другъ съ другомъ губерніяхъ“ (IX. 525).

4. При перечисленіи изъ одного общества въ другое, мужъ *ipso iure* сообщаетъ право принадлежности къ данному мѣщанск. обществу женѣ своей и тѣмъ несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ, которыя поименно названы въ приемномъ приговорѣ.

Общество, въ своемъ согласіи на принятіе, въ этомъ отношеніи не стѣснено закономъ; у общества нельзя отнять права поставить условіемъ для пріема перечисленіе только части несовершеннолѣтнихъ дѣтей. И такое частичное перечисленіе несовершеннолѣтнихъ дѣтей въ новое общество, вмѣстѣ съ отцомъ, законъ разрѣшаетъ (IX 550, п. 4), ставя только одно ограничительное условіе:

перечисляющемуся въ другое общество мѣщанину общество можетъ дать увольнительное свидѣтельство только при томъ условіи, чтобы, если одна часть семейства остается въ обществѣ, въ такой семьѣ не было „малолѣтнихъ и такихъ, которые остались бы безъ средствъ пропитанія“. Эти „такіе“ (лица), въ частности, не суть закономъ точно опредѣленный кругъ лицъ; практика обществъ, б. м., опредѣляетъ его различно. На общемъ основаніи дѣйствующихъ законовъ, въ него должно влючить, α. (что само собой разумѣется), всѣхъ законныхъ и законно усыновленныхъ дѣтей до полнаго совершеннолѣтія, а равн. обр., β. и дольше, если эти особы, неспособны къ труду, не обезпечены иными средствами содержанія, γ. родителей, не обезпеченныхъ силами и средствами къ пропитанію.

35. Поступленіе въ состояніе ремесленниковъ.

„Никому не запрещено дневное пропитаніе работою или промыслами на основаніи правилъ, изложенныхъ въ полож. о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ“. Но

„всякій, желающій производить ремесло или *рукодѣліе* въ томъ мѣстѣ“ [городѣ, посадѣ и мѣстечкѣ (уст. промыш. 284)], гдѣ существуетъ „цеховое учрежденіе“ или „упрощенное ремесленное управленіе“, долженъ быть записанъ въ цехъ, или же въ ремесленное общество“ (ib. 285).

Содержаніе ремесленныхъ заведеній причисляется къ торговымъ и промышленнымъ дѣйствіямъ, дозволеннымъ всѣмъ сословіямъ“ (ib. пол. пошлин. торг. 4. 20);

Подъ именемъ *ремесль* разумѣются занятія, имѣющія предметомъ обработаніе вещей, посредствомъ *ручной работы*“ (ib. 279).

КІЕВЪ.

Ъ Д И Ц А

ЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

KIEW.

ROLOGISCHE

UNGS-TABELLE.

Ворія Университета Св. Владиміра.

ium der Universität St. Wladimir.

0' = 2^h 2' 0''.

Р К. Жукъ и Г. Флоринскій

(т К. Schuck und G. Florinsky

шБ: } 1890.

ул (новый ст.) Мартъ.

чи (neuer. St.) März.

ле (i) 83, m 1.

Г.

ТА

МЕТЕОРОЛОГИЧ

Е

МЕТЕО

ВЕОВАСНТ

Мѣсто: Кіевъ. Метеорологическая Обсерваци
Ort: Kiew. Meteorologisches Observatori

Широта:—Сѣв. } 50° 27'.
Breite: —Nord. }

Долгота:—Восточная отъ Гринвича. } 30° 3'
Länge: —Ostliche von Greenwich. }

Наблюдатели:
Veobachter:

Год:
Jah

Мѣсяць:
Monat:

Высота барометра надъ уровнемъ моря: 1

КІЕВЪ.

Л И Ц А

ЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

IEW.

ROLOGISCHE

UNGS-TABELLE.

ія Университета Св. Владимира.
n der Universität St. Wladimir.

= 2^h 2' 0".

И. Жукъ и Г. Флоринскій
K. Schuck und G. Florinsky

1890.

(новый ст.) **Апрѣль.**
(neuer. St.) **April.**

(83, ^m1.

ОБЪ ИЗДАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1890 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студентскій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются въ слѣдующемъ порядкѣ: Часть I—официальная (протоколы, отчеты и т. п.); Часть II—неофициальная: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*критико-библиографическій*—посвящается критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной); отдѣлъ VI—*научная хроника* заключаетъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы и переводы сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1890 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки *шесть руб. пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкою *семь рублей*. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета *Н. Я. Оглоблину* въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уманниковъ.

